

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Файзуллин Руслан Вагизович

**КАТЕГОРИЯ ДОЛЖНИКА ПО ПРАВУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
(БАНКРОТСТВА) РОССИИ И ГЕРМАНИИ**

Специальность: 12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское
право, семейное право, международное частное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель –
кандидат юридических наук,
доцент Шишмарева Т.П.

Красноярск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЫ О ДОЛЖНИКЕ ПО ПРАВУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) РОССИИ И ГЕРМАНИИ.....	21
§1. Теоретические и исторические основы исследования понятия должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	21
§2. Современные подходы к исследованию понятия должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	49
2.1. Современные представления о должнике в праве несостоятельности (банкротства) России.....	49
2.2. Современные представления о должнике в праве несостоятельности (Insolvenzrecht) Германии.....	87
§3. Особенности теоретических исследований категории должника с использованием понятий конкурсоспособности и несостоятельноспособности (Insolvenzfähigkeit) по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	109
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКАМИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СУБЪЕКТОВ ПО ПРАВУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) РОССИИ И ГЕРМАНИИ.....	145
§1. Теоретические и практические проблемы признания юридических лиц должниками по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	145
§2. Теоретические и практические проблемы признания отдельных категорий физических лиц должниками и лицами, выступающими на стороне должника, по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	180
2.1. Признание недееспособных, не полностью дееспособных и умерших физических лиц должниками по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	180
2.2. Признание участников общей собственности должниками и лицами, выступающими на стороне должника, по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии.....	210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	266
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	279

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования проявляется в следующих аспектах.

Социально-экономический аспект. Действие рыночных законов, в том числе не связанных с общеэкономическими или отраслевыми кризисами, неизбежно приводит к появлению среди участников имущественного оборота субъектов, не способных в полном объеме исполнить обязанности перед кредиторами, претендующими на удовлетворение своих требований за счет имущества, принадлежащего указанным субъектам.

В ситуации нахождения лица в трудном экономическом положении механизм несостоятельности (банкротства), направленный в итоге на прекращение долговых правоотношений между должником и его кредиторами, то есть на урегулирование именно материальных взаимосвязей между названными субъектами, предоставляет в рамках особой процедуры функциональные юридические рамки для восстановления способности субъекта к осуществлению расчетов со своими кредиторами либо для наиболее полного удовлетворения требований кредиторов, сопровождающегося исключением лица из сферы правовых отношений или временным ограничением возможности вступления лица в новые юридические отношения. Наряду с изложенным, правовые средства, предусмотренные законодательством о несостоятельности (банкротстве), выполняют социально-реабилитирующую функцию в отношении субъектов, оказавшихся по разным причинам в сложной ситуации, не позволяющей им продолжить надлежащее погашение своих обязательств, позволяя освободиться от непосильного долгового бремени.

В результате обеспечивается справедливая завершенность имущественных правоотношений, снижается социальная напряженность и обеспечивается общая экономическая стабильность и устойчивость отношений в государстве. Применительно к последнему аспекту в современной юридической литературе имеет место тенденция к расширению

сферы применения режима несостоятельности (банкротства): все больше сторонников обретает идея допустимости процедуры несостоятельности самого государства.

В рамках правовых отношений несостоятельности (банкротства) категория должника имеет определяющее значение для решения вопросов о допустимости возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве), о лицах, участвующих в правоотношениях несостоятельности на стороне должника, и предоставляемых им для этого юридических возможностях, об имуществе, включаемом в состав конкурсной массы и реализуемом в интересах кредиторов, о юридических действиях, которые могут быть предметом оспаривания, о кредиторах, уполномоченных на реализацию своих экономических и юридических интересов в процедурах несостоятельности, о применении в деле о банкротстве процедур, направленных на преодоление неплатежеспособности лица, и (или) на реализацию его имущества и распределение вырученных средств, о правомерности освобождения от непогашенных долгов и др.

Таким образом, именно через категорию должника закрепленные в законодательстве модели введения и проведения процедур, применяемых в деле о несостоятельности, наполняются конкретным содержанием, обретают определенную структуру и задачи реализации.

Доктринальный аспект. Категория должника как лица, участвующего в деле о несостоятельности, является одной из наиболее значимых в науке права несостоятельности (банкротстве)¹. Изучение этого правового явления имеет концептуальное значение для построения непротиворечивой системы законодательного регулирования отношений несостоятельности (банкротства).

---

¹ Применительно к правовой системе Германии термин «право несостоятельности» (Insolvenzrecht) является общепризнанным и обозначает совокупность всех правовых предписаний, действующих в официальном, урегулированном государством производстве, проводимом для прекращения имущественных отношений и отношений по привлечению к ответственности в случае экономического краха должника.

Вопрос о месте правил, регулирующих отношения несостоятельности (банкротства) в системе права и в системе законодательства России, относится к числу дискуссионных. Не вдаваясь в дискуссии по данному вопросу, отметим, что, по нашему мнению, термин «право несостоятельности» равным образом допустим для обозначения соответствующего элемента в системе права и (или) в системе законодательства.

К примеру, если должник – это определенное лицо, вступившее ранее в имущественные долговые обязательства и либо приведшее свои дела в упадок, а потому не способное теперь произвести расчеты со своими кредиторами, либо оставившее своим правопреемникам имущество, недостаточное для удовлетворения требований всех кредиторов указанного лица, то именно с фигурой данного субъекта, даже несмотря на то что к моменту возбуждения дела он возможно уже утратил правосубъектность, должны быть связаны последствия возбуждения дела о банкротстве, в том числе определяться состав конкурсной массы и круг оспоримых сделок. При этом возникает необходимость в определении правового статуса лиц, обладающих субъективными правами на реализуемое в деле о банкротстве имущество, но неплатежеспособными или несостоятельными не являющимися и (или) не признанными таковыми. Если же должник в производстве по делу о несостоятельности – это не первоначальный должник в материальных долговых правоотношениях, а тот, кто признается носителем имущественной массы, которая с точки зрения материального права служит источником удовлетворения требований определенной группы кредиторов, то должниками в правоотношениях несостоятельности должны быть признаны, к примеру, наследники умершего должника, его супруг, также должны быть допущены конструкции замены должника и множественности лиц на стороне должника.

За последние несколько лет вопросы, связанные с изучением понятия должника в производстве по делу о несостоятельности по законодательству России, привлекли к себе повышенное внимание со стороны доктрины. В частности, оживленные обсуждения вызвали вопрос о правовой природе способности лица быть признанным банкротом, проблемы процедуры несостоятельности (банкротства), возникающие в случае смерти должника - гражданина либо признания банкротом одного из супругов или их обоих.

Вместе с тем целостные теоретические представления о должнике в российской доктрине до настоящего момента не сложились.

Неразработанность категории должника не позволяет разрешить проблемы, существующие в законодательстве и правоприменительной практике.

Правоприменительный аспект. Проведенный в рамках настоящего диссертационного исследования анализ судебной практики демонстрирует существенный рост общего числа споров по делам о банкротстве. По ряду вопросов арбитражные суды занимают противоположные позиции, к примеру, о возможности возбуждения дела о банкротстве в отношении не полностью дееспособного лица.

Недостаточность законодательной регламентации отношений с участием должника и лиц, участвующих в деле о банкротстве на стороне должника, не способствует формированию единообразных правовых позиций в судебной практике по конкретным делам о банкротстве, что препятствует реализации принципа правовой определенности и обеспечению стабильности имущественного оборота.

Повышение эффективности правоприменительной деятельности при разрешении споров с участием неплатежеспособного или несостоятельного должника находится в непосредственной связи с уровнем теоретической разработанности проблемных вопросов категории должника. Результаты исследования, проведенного в настоящей работе, могут быть учтены в рамках судебного толкования, осуществляемого арбитражными судами в делах о несостоятельности (банкротстве).

Правотворческий аспект. На настоящий момент на рассмотрении Государственной Думы Российской Федерации находится проект Федерального закона № 1263425-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Принятие данного законопроекта ознаменует начало существенного реформирования российского законодательства о несостоятельности (банкротстве). Вместе с тем многие вопросы, тесно связанные с категорией должника, отражения в указанном проекте не нашли: к примеру, в контексте характера задолженности должника по-прежнему

предполагается использовать неудачное понятие «требование об оплате труда», отсутствует специальная регламентация прав и обязанностей супруга гражданина - должника, без внимания оставлен вопрос соотношения правил об удовлетворении требований кредиторов умершего должника, закрепленных в гражданском законодательстве и законодательстве о несостоятельности (банкротстве).

В свете обсуждаемой реформы российского законодательства изучение содержания иностранного регулирования в области несостоятельности также приобретает важное значение.

Кроме того, в российской юридической литературе с целью дальнейшего развития и совершенствования российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) предложено обратиться к опыту и достижениям в сфере правовой регламентации отношений несостоятельности зарубежных стран. Основываясь, в частности, на исторически сложившейся тесной связи между правом России и Германии и наличии в правовых системах этих государств общих признаков, обусловленных принадлежностью их правовых систем к системам романо-германского типа, в науке конкурсного права Российской Федерации сделан вывод о потенциальной успешности имплементации немецких юридических конструкций в правовом порядке России и применения в российском праве выработанных доктриной и судебной практикой Германии механизмов разрешения спорных вопросов участия должника в правоотношениях несостоятельности.

Многие из возникших в современном российском праве проблем, связанных с должником в деле о банкротстве, решены в германском правовом порядке. По этой причине обращение к достижениям права несостоятельности Германии теоретически может способствовать урегулированию проблемных вопросов, свойственных праву несостоятельности России. Однако до настоящего времени в российских исследованиях не проводился анализ сложившихся в доктрине о несостоятельности России и Германии представлений о должнике в деле о

банкротстве, не выявлены исторически сложившиеся признаки данного понятия. Кроме того, несмотря на то что в германском праве действительно успешно применяется иная, отличная от российской, модель правового регулирования вопросов, касающихся должника, участвующего в правоотношениях несостоятельности, в российских научных работах ранее не производилось подробное критическое осмысление обоснованности и продуктивности реализации предложений о заимствовании положений права несостоятельности Германии в праве несостоятельности России.

Степень научной разработанности темы исследования. На сегодняшний день опубликовано несколько диссертационных исследований, авторы которых обращались к понятию должника в деле о банкротстве по законодательству России. А.А. Каримов (Правовое регулирование несостоятельности индивидуального предпринимателя, 1997), Е.В. Чиркунова (Особенности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) граждан в арбитражных судах, 2001), Е.С. Юлова (Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, 2004) в своих диссертационных исследованиях рассматривали особенности правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), возникающих в делах о банкротстве отдельных категорий должников: индивидуальных предпринимателей, граждан, кредитных организаций соответственно. При этом собственно категория должника предметом изучения в названных диссертационных работах не являлась. В работе С.С. Галкина (Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве, 2016) исследовано правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве, а в диссертации Л.М. Алфёровой (Конкурсная правосубъектность должников - физических лиц: особенности реализации отдельными категориями граждан, 2017) предметом исследования являлось понятие и особенности реализации конкурсной правосубъектности отдельными категориями граждан.

Авторы указанных диссертационных работ рассматривали в первую очередь не саму категорию должника, а особенности правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) с участием должника, некоторые нюансы правового статуса должника в деле о банкротстве. Кроме того, предметом изучения в приведенных исследованиях являлись лишь отдельные категории должников.

Применительно к диссертационным и монографическим публикациям, посвященным проблемам несостоятельности в праве Германии, следует отметить, что опубликованные российскими учеными работы либо посвящены специальным вопросам германского права несостоятельности, затрагивающим категорию должника лишь косвенным образом (Трушников С.С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в России и Германии, 2006), либо носят общий характер, не позволяющий представить понятие должника, его существенные признаки и особенности в полном объеме (Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии, 2015).

Таким образом, системное диссертационное исследование, раскрывающее существующие в праве России подходы к категории должника, излагающее общие признаки данной категории, а также представляющее проблемы несостоятельности отдельных категорий должников, выполнено впервые. Кроме того, настоящая работа отражает результаты комплексного, систематического изучения понятия должника, проведенного на основе законодательства, теории и судебной практики Германии.

Избранный сравнительно-правовой характер анализа обусловлен прежде всего незавершенностью разработки фундаментальных категорий российского права несостоятельности, к числу которых может быть отнесено и понятие должника в деле о банкротстве.

Развитие учения о должнике в отношениях несостоятельности по законодательству России вплотную подошло к оценке адекватности

традиционной модели конструирования понятия должника через призму концепции должника как конкретного субъекта, чьи действия способствовали ухудшению его имущественного положения и возникновению ситуации несостоятельности, и перехода к иной модели законодательного регулирования, опирающейся не на определенного субъекта - должника, а на наличие имущества, пригодного к тому, чтобы быть использованным для удовлетворения требований кредиторов. Последнее обстоятельство обусловлено появлением в российском праве норм о банкротстве наследственной массы, а также во многом потребностями в разрешении практических трудностей, связанных с несостоятельностью одного или обоих супругов.

Целью диссертационной работы является формирование целостного научного представления о категории должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии, разработка и обоснование концепции лица, участвующего в деле о банкротстве на стороне должника, для ситуаций, когда объектом взыскания со стороны кредиторов выступает имущество, находящееся в общей собственности должника и других лиц.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

– выявить теоретические и исторические основы исследования правовой природы категории должника как лица, участвующего в процедуре несостоятельности, в российском и немецком праве;

– раскрыть современные подходы к исследованию категории должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии, выявить конститутивные признаки категории должника в рамках данных подходов;

– раскрыть юридическую конструкцию конкурсоспособности в российской доктрине и несостоятельноспособности (*Insolvenzfähigkeit*) в немецкой науке;

– выявить проблемы, связанные с признанием юридических лиц должниками по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии, обосновать их решение;

– раскрыть спорные вопросы признания недееспособных, не полностью дееспособных и умерших физических лиц должниками по российскому и немецкому праву;

– доказать особый статус супруга в деле о банкротстве второго супруга, наследников в деле о банкротстве в случае смерти должника, членов крестьянского (фермерского) хозяйства в деле о банкротстве главы хозяйства.

Научная новизна исследования. Настоящая работа является первым диссертационным сравнительно-правовым исследованием, посвященным анализу законодательства и доктрины о должнике по праву несостоятельности России и Германии, а также теоретическим и практическим проблемам признания должниками отдельных видов субъектов по праву обоих государств, в том числе с учетом проведенных реформ законодательства о несостоятельности России и Германии.

Автором впервые сформирована научная концепция участия отдельных видов субъектов на стороне должника в правоотношениях несостоятельности в праве России и Германии, в том числе особенностей участия в качестве должника физических и юридических лиц.

Автором впервые проведено исследование категории должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии, выявлены подходы к изучению категории должника и особенностей участия в качестве должника юридических лиц и физических лиц, в том числе обладающих имуществом, на которое обращается взыскание, на праве общей собственности с другими лицами. В рамках проведенного исследования:

– установлены конститутивные признаки должника как участника отношений несостоятельности на всех этапах исторического развития;

– предложено определение понятия должника в отношениях несостоятельности в праве России;

– сформулировано определение понятия должника в производстве о несостоятельности в праве Германии;

– сформулированы субъектная и имущественная концепции должника в правоотношениях несостоятельности;

– обосновано отсутствие необходимости в российском праве в выделении специальной категории для обозначения способности лица быть признанным несостоятельным (банкротом);

– доказано, что правопорядок Германии не допускает наделения статусом должника отдельных лиц или их коллективов, не обладающих материальной правоспособностью, а наделенных лишь процессуальной правоспособностью;

– разработана конструкция «лица, участвующего на стороне должника» в деле о банкротстве для ситуаций, когда должник умер или объявлен умершим либо является участником отношений общей собственности (супруг, член крестьянского (фермерского) хозяйства) на имущество, подлежащее включению в состав конкурсной массы.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Положения, изложенные в настоящей работе, дополняют и развивают теоретические представления о должнике как участнике отношений, регулируемых законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Материал, изложенный в диссертации, и выводы, сделанные на основе проведенного сравнительно-правового исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения проблем правовой регламентации отношений несостоятельности и категории должника в российском и немецком праве. Обозначенные в диссертационной работе выводы и конструкции позволяют обосновать новые направления в изучении понятия должника в правоотношениях несостоятельности (банкротства).

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в возможности применения ее результатов в ходе дальнейшего совершенствования законодательства в сфере несостоятельности (банкротства) России, в том числе с учетом представленных в работе положений о допустимости заимствования правовых средств, разработанных в правовом порядке Германии, а также использования положений диссертации в образовательной деятельности.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общих и частнонаучных методов исследования, в том числе использованы диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

В частности, использование диалектического метода позволило разработать понятие лица, участвующего в деле о банкротстве на стороне должника. С помощью формально-логического метода получены сведения о субъектах, участвующих в качестве должника в производстве о несостоятельности, проводимой по законодательству Германии. Обращение к сравнительно-правовому методу позволило достоверно установить различия в правовом регулировании ответственности наследников в российском и немецком гражданском праве. При помощи формально-юридического метода рассмотрены легальные признаки должника в праве России.

Положения, выносимые на защиту. Результаты диссертационного исследования отражены в основных положениях, выносимых на защиту:

1. Должником в процедурах несостоятельности признается физическое или юридическое лицо, участник особой судебной или внесудебной процедуры несостоятельности (банкротства), находящееся в особом имущественном состоянии, в силу которого оно не способно в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по частноправовым денежным обязательствам, в том числе семейным, а также по обязательствам о выплате сумм, причитающихся работнику (бывшему работнику), и (или) неспособно

исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного Законом о несостоятельности (банкротстве).

Доказано, что неправосубъектные объединения лиц должниками в деле о банкротстве быть не могут.

2. Аргументировано, что в российском праве возможность участия должника - физического лица в деле о банкротстве не зависит от его материальной и процессуальной дееспособности, поскольку обращение взыскания на имущество по неисполненным обязательствам и обязанностям производится без учета дееспособности субъекта.

3. Доказано, что для приобретения лицом статуса должника в деле о банкротстве достаточно наличия у него материальной и процессуальной правоспособности, вследствие чего не требуется введения в российский научный оборот специальной категории, обозначающей способность быть признанным несостоятельным (банкротом), в том числе заимствования немецкого понятия несостоятельностопособности (*Insolvenzfähigkeit*).

4. Выявлены особенности категории должника в процедуре несостоятельности в праве Германии, в соответствии с которыми должником является лицо или частично правосубъектное объединение лиц, участвующее во введенной процедуре несостоятельности, обладающее в силу закона способностью быть участником сводного исполнительного производства и имеющее субъективные права на объекты, входящие в состав обособленной имущественной массы, не достаточной для полного удовлетворения оцениваемых в деньгах требований кредиторов, на которую согласно закону может быть обращено взыскание и которая в указанном производстве отвечает только перед определенными кредиторами.

5. Обосновано, что по праву несостоятельности Германии введение процедуры несостоятельности допускается только с обязательным участием должника, в качестве которого может выступать исключительно лицо или объединение лиц, наделенное по крайней мере частичной правосубъектностью. Процедура несостоятельности над имущественными

массами в отсутствие хотя бы частично правосубъектного должника неизвестна ни современному немецкому законодательству, ни доктрине.

Установлено, что по российскому законодательству о несостоятельности также невозможно введение процедуры банкротства над имущественными массами в отсутствие лица, обладающего статусом должника в деле о банкротстве, либо лица, участвующего в деле о банкротстве на стороне должника.

6. Впервые предложено ввести в научный оборот понятие «лицо, участвующее в деле о банкротстве на стороне должника», под которым следует понимать лицо, не обладающее статусом должника в деле о банкротстве, реализующее в процедуре несостоятельности собственную правосубъектность, действующее от своего имени, защищающее свои имущественные права и обладающее правом собственности на имущество, включенное в конкурсную массу. К числу данных лиц следует относить: 1) принявших наследство наследников несостоятельного должника, независимо от оснований наследования, в том числе публично-правовые образования в случае выморочности наследства; 2) супруга должника, если в деле о банкротстве последнего обращается взыскание на общее имущество супругов; 3) членов крестьянского (фермерского) хозяйства в деле о банкротстве его главы как индивидуального предпринимателя.

Определено, что единым критерием, позволяющим наделить субъекта статусом «лица, участвующего в деле о банкротстве на стороне должника», является нахождение имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, в общей совместной собственности должника и указанных лиц (супруги, члены крестьянского (фермерского) хозяйства) либо в общей долевой собственности наследников должника (физические лица, юридические лица при наследовании по завещанию, публично-правовые образования в случае выморочности наследства).

7. Установлено несоответствие между конструкциями ответственности наследников по долгам наследодателя в Гражданском кодексе РФ и Законе о

несостоятельности (банкротстве), поскольку оба акта исходят из ограниченного характера ответственности наследников по обязательствам наследодателя, но при этом по-разному определяют пределы размера удовлетворения требований кредиторов должника. В силу положений Гражданского кодекса РФ «предел» ответственности наследника определяется стоимостью перешедшего к нему имущества, а не самим этим имуществом в натуре, а в Законе о несостоятельности (банкротстве) – наоборот, в случае смерти лица в конкурсную массу включается имущество, составляющее наследство гражданина, а не его стоимость.

Для разрешения обнаруженных коллизий в правовом регулировании института ответственности наследников по долгам наследодателя обоснована необходимость заимствования германского опыта и предложено закрепить в российском гражданском законодательстве институт неограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя с одновременным предоставлением наследникам права на ее ограничение посредством процедуры несостоятельности (банкротства).

8. Выявлено, что предусмотренная п. 5.2 ст. 64 Гражданского кодекса РФ процедура удовлетворения требований кредиторов ликвидированного юридического лица за счет имущества, обнаруженного после его ликвидации, представляет собой особый технико-юридический прием, позволяющий распределить выявленное имущество между заинтересованными субъектами, сохранив обязательства перед ними, несмотря на прекращение должника. При этом не требуется восстановление должника - юридического лица или возбуждение производства по делу о банкротстве над обнаруженным имуществом.

9. Обосновано, что в Закон о несостоятельности (банкротстве) следует ввести процедуру совместного банкротства супругов, используя в качестве образца опыт немецкого законодательства о несостоятельности, где совместное банкротство имеет место не во всех случаях, а только если в имущественных отношениях супругов установлен режим имущественной

общности, и оба супруга совместно управляют образованным общим имуществом.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования.

Выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, имеют высокую степень достоверности, что подтверждается следующим:

– применен широкий комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, которые составляют методологическую базу диссертационного исследования;

– осуществлен сравнительный правовой анализ нормативно-правовых актов России и Германии, определяющих статус должника в отношениях несостоятельности, включающий не только нормы гражданского законодательства, законодательства о несостоятельности, но и арбитражно-процессуального, бюджетного, трудового и семейного законодательства;

– в связи с тем, что диссертационное исследование категории должника в отношениях несостоятельности носит сравнительно-правовой характер, в работе использованы данные, полученные такими российскими учеными, как: В.А. Белов, В.С. Белых, В.В. Витрянский, А.Х. Гольмстен, А.А. Дубинчин, Е.Е. Енькова, И.В. Ершова, С.А. Карелина, К.Б. Кораев, Р.Т. Мифтахутдинов, Е.В. Мохова, Е.А. Нефедьев, А.А. Пахаруков, В.Ф. Попондопуло, М.Л. Скуратовский, Е.Д. Суворов, М.В. Телюкина, В.Н. Ткачѳв, И.В. Фролов, Г.Ф. Шершеневич, Т.П. Шишмарева.

При анализе вопросов несостоятельности по праву Германии были использованы работы немецких авторов: R. Bork, U. Ehricke, M. Gehrlein, E. Jaeger, L. Häsemeyer, W. Henckel, H. Hess, J. Kohler, H. Prütting, K. Schmidt, L. Seuffert, W. Uhlenbruck, всего 108 источников. Кроме того, при написании диссертации анализировались фундаментальные источники права несостоятельности Германии: комментарии к законодательству о несостоятельности ведущих научных центров Германии: Франкфуртский, Гамбургский, Кёльнский, Мюнхенский, Хайдельбергский, а также

комментарии, известные по именам основателей соответствующих изданий: комментарии Е. Braun; Р. Gottwald; Е. Jaeger; В.М. Kübler, Н. Prütting, R. Bork; W. Uhlenbruck и др. Все работы изучались на языке оригинала, часть работ немецких исследователей до настоящего времени не была переведена на русский язык, ранее не была использована в работах российских авторов;

– произведен анализ обширной судебной практики российских судов, сложившейся по вопросам рассмотрения дел о несостоятельности в отношении отдельных категорий должников. Так, эмпирическую базу исследования составляют акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, опубликованная судебная практика арбитражных судов, судов общей юрисдикции, Верховного Суда РФ. Используются пояснительные записки к проектам федеральных законов о внесении изменений в действующий Закон о несостоятельности (банкротстве). Особое внимание уделено сложившейся практике Федерального Верховного Суда Германии по теме диссертации.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Сформулированные в диссертационной работе положения и выводы обсуждены и одобрены на заседании кафедры гражданского права Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Личное участие соискателя в получении результатов, изложенных в диссертационном исследовании, состоит в самостоятельном углубленном анализе исследуемых нормативных правовых актов, правоприменительной практики и доктринальных источников России и Германии, апробации полученных результатов исследования на научных конференциях и в ходе учебно-образовательного процесса. Полученные в работе научные результаты были представлены диссертантом в ходе выступлений на различных научных мероприятиях: Ежегодная международная научная конференция «Проблемы и перспективы реформирования правовой системы современной России» (Красноярск, сентябрь 2012); Круглый стол «Проблемы частного права в период

реформирования законодательства» (телемост Красноярск – Самара, апрель 2013); Круглый стол «Проблемы несостоятельности (банкротства)» (Красноярск, сентябрь 2013); X Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем» (Москва, апрель 2016); XII Всероссийская научно-практическая конференция «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, сентября 2019); Научно-практическая конференция «Диалоги о частном праве в Сибири» (Томск, декабрь 2019).

Результаты диссертационного исследования применяются диссертантом в учебно-образовательном процессе в Юридическом институте Сибирского федерального университета при подготовке и проведении лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Гражданское право», «Несостоятельность (банкротство)», «Несостоятельность (банкротство): актуальные вопросы теории и практики», «Проблемы несостоятельности (банкротства) корпоративных организаций».

Отдельные из сделанных в диссертации выводов и научных положений были опубликованы автором в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, и иных журналах, сборниках материалов конференций и других изданиях. По теме диссертации опубликована монография объемом 31,5 п.л.

Научная ценность произведенных автором публикаций состоит в теоретическом осмыслении категории должника по праву несостоятельности России и Германии, сопоставлении российской и немецкой концепций должника, разработке и обосновании теории участия субъектов права в правоотношениях несостоятельности на стороне должника.

Структура работы обусловлена целями и задачами проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЫ О ДОЛЖНИКЕ ПО ПРАВУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) РОССИИ И ГЕРМАНИИ

§1. Теоретические и исторические основы исследования понятия должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии

Понятие должника в праве несостоятельности (банкротства) имеет важное теоретико-прикладное значение. С одной стороны, должник относится к числу обязательных участников правоотношений несостоятельности, с другой – не всякий неисправный субъект (коллектив субъектов) может быть объявлен несостоятельным, а лишь тот, кто соответствует определенным нормативно закрепленным признакам должника, а также соблюдает установленные в законодательстве условия для обращения к специальному механизму прекращения лежащих на нем обязательств и удовлетворения требований своих кредиторов – производству по делу о несостоятельности (банкротстве).

Правовое регулирование конкурсных отношений имеет длительную историю. При изучении вопроса о зарождении конкурсного права многие российские и зарубежные ученые сходятся во мнении о том, что это произошло в праве Древнего Рима², поэтому уместным будет обращение к научным трудам специалистов в области именно римского права.

При анализе соответствующих источников обращает на себя внимание

---

² Известный немецкий специалист в области *Insolvenzrecht* («несостоятельного права» или права несостоятельности) Харальд Хесс (Harald Hess) полагает, что производство о несостоятельности уходит своими корнями гораздо глубже эпохи римского права – в древневосточное и ветхозаветное право (2450–1600 гг. до н.э.). См.: *Hess H. Kölner Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1., §§1-55 InsO. Köln, 2016. Vor §1. S. 6–7. Rn. 11–14.*

Исследователи национального конкурсного права считают, что впервые в памятниках российского законодательства зачатки конкурса обнаруживают себя в положениях Русской правды (XI в.).

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о критериях, при наличии которых определенная система общеобязательных правил, регламентирующих отношения между лицом, не исполнившим свои обязательства, и его кредиторами, может быть квалифицирована как зарождающийся конкурсный процесс. Господствующий подход требует для констатации появления конкурса как минимум отхода от системы личного обеспечения долга и движения в направлении системы имущественного взыскания. См.: *Гольмстен А.Х.* Исторический очерк русского конкурсного процесса. С.-Пб., 1888. С. 1–2; *Сперанская Ю.С.* Институт несостоятельности (банкротства) в России XI – начала XXI века : историко-правовое исследование : Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 9–10, 17–18, 20, 31; *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М., 2004. С. 3; *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. Казань, 1898. С. 1–5. Другой взгляд – см., напр.: *Фольгерова Ю.Н.* Преемственность и рецепция в конкурсном процессе стран Западной Европы и России: историко-сравнительный анализ : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 11.

тот факт, что в большинстве из них отсутствует специальный анализ понятия конкурса или конкурсного производства, а также категории (несостоятельного) должника. Обычно данные правовые явления лишь упоминаются авторами при освещении отдельных сторон правовой жизни римлян и, прежде всего, – при описании особых процедур, применявшихся в римском праве при неспособности лица к погашению лежавшего на нем долга³.

С определенной долей условности, сквозь призму современных представлений о системе права могут быть выделены следующие направления в изучении конкурсных процедур в праве Рима: 1) материально-правовое, 2) процессуально-правовое и близкое к нему 3) исполнительно-правовое.

К числу представителей первого может быть отнесен Д.Д. Гримм, по мнению которого конкурс представлял собой специальной порядок прекращения обязательств должника, применявшийся по различным основаниям (неисполнение должником судебного решения, бегство должника, смерть должника, не имеющего наследников, и др.) в ситуации неудовлетворения требований кредиторов, выразившийся в продаже последними имущества должника на торгах. В результате конкурсные отношения рассматривались автором в контексте материально-правовых последствий конкурсного производства, наступающих для требований кредиторов к неисправному должнику⁴.

Ю. Барон, напротив, подошел к раскрытию понятия конкурса с

---

³ Следует упомянуть такие известные правовые конструкции, как *pecum* (договор о личном зкладе), *legis actio per manus iniectioem* (иск по закону в форме наложения руки), *addictio* (присуждение магистратом должника во власть кредитору, «выдача головою»), *ductio iussu praetoris* (увод должника в дом кредитора по приказу претора); *beneficium separationis* (отделение судебным органом наследственной массы от личного имущества наследника), *legis actio per pignoris capionem* (иск по закону посредством захвата вещей неисправного должника в залог с последующим уничтожением при неплатеже), *actio iudicati* (иск об исполнении судебного решения), *missio in possessionem* (*in bona* или *in rem specialem*) (ввод кредитора во владение имуществом должника), *bonorum venditio* (продажа всего имущества лица на торгах), *cessio bonorum* (уступка должником своего имущества кредиторам), *bonorum distractio* (реализация на аукционе отдельных имущественных предметов должника в пределах суммы долга), *pignus in causa iudicati captum* (завладение *apparitores* претора отдельными частями имущества проигравшего ответчика с последующей, при невыкупе должником залога, продажей с публичных торгов).

⁴ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М., 2003. С. 365–367.

процессуально-правовых позиций, охарактеризовав его как особую судебную процедуру пропорционального распределения недостаточного имущества должника между его кредиторами, т.е. как специальный порядок осуществления кредитором права на получение исполнения и прекращения его требования⁵.

Третье направление необходимо признать наиболее представительным из всех вышеназванных. Его сторонники анализировали вопросы несостоятельности в связи с римским гражданским процессом, а точнее с той его частью, которая обозначается ими как римское исполнительное производство⁶. Поэтому термины «несостоятельность» и «несостоятельный должник» встречаются в трудах по праву римского государства при рассмотрении некоторых средств защиты, исков, а также исполнительных мер и процедур, применявшихся на разных этапах развития римского права по отношению к личности или имуществу должника, в целях последующего обращения на них взыскания с целью удовлетворения притязаний кредиторов⁷.

---

⁵ *Baron J. Pandekten. Leipzig, 1893. S. 409–410.*

⁶ Как будет показано ниже, через отнесение понятия несостоятельного должника к области исполнительного права обнаруживает себя связь между античным и современным германским *Insolvenzrecht* (правом несостоятельности). Симптоматично в этой связи, что для немецких специалистов в области принудительного исполнения права (*Zwangsvollstreckungsrecht*) история конкурса в древнеримский период – это одна из ступеней в развитии национального германского исполнительного права. См.: *Blomeyer K. Zwangsvollstreckung. Berlin, 1956. S. 4–5; Bruns A. Zwangsvollstreckungsrecht / begr. von A. Schönke; fortgef. von F. Baur und R. Stürner. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Berlin, 2006. S. 19–21. Rn. 3.2–3.8.*

⁷ См.: *Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) : Пер. с чешск. М., 1989. С. 21, 224; Дождев Д.В. Римское частное право : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2011. С. 59, 197, 204–207, 220–221, 234–235, 250–253, 257–258, 261; Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. С.-Пб., 1871. С. 20–42; Новицкий И.Б. Римское право : учебник. М., 2014. С. 150, 156–157; Паделлетти Г. Учебник истории римского права. Перевод с итальянского, с изменениями и дополнениями / Пер.: Д.И. Азаревича. Одесса, 1883. С. 67–70, 136–137, 163; Покровский И.А. История римского права / Вступ.ст., пер., науч. ред.: Рудоквас А.Д. С.-Пб., 1998. С. 64–71, 120, 138–139, 161–162, 166–167, 222; Римское частное право : учебник / под ред. Р.А. Курбанова. М., 2015. С. 48–49, 79–80; Римское частное право : учебник для бакалавров и магистров / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 2019. С. 84, 92, 603–605; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник / [пер. с итал. И. И. Маханькова] ; под общ. ред. Д. В. Дождева. М., 2019. С. 79–80, 147, 151–152, 280–281, 350, 358; Яровая М.В. Римское право : учебное пособие для академического бакалавриата. М., 2017. С. 41–42, 53, 59, 166–167; *Bethmann-Hollweg, A. Handbuch des Civilprozesses: Geschichte – Justinianisch, Römisches Recht. Paderborn, 2012. S. 302 ff.; Manthe U. Geschichte des römischen Rechts. München, 2007. S. 27–28, 60–74; Schwind F. Römisches Recht : I. Geschichte, Rechtsgang, System des Privatrechtes. Berlin, Heidelberg, 1950. S. 123–129.**

Стоит обратить внимание на высказывания отдельных авторов, не получивших, к сожалению, обоснования и раскрытия. Так, по мысли некоторых исследователей, при установлении деловых отношений между господином и рабом в рамках пекулия была возможна «несостоятельность раба». – См.: Римское частное право : учебник / под ред. Р.А. Курбанова. М., 2015. С. 71.

Таким образом, фокус внимания исследователей сосредоточен не на понятии должника, а на процедурах, которые применялись в отношении лица, оказавшегося неспособным удовлетворить требования своих кредиторов.

И хотя понятие несостоятельного должника лишь обозначается учеными при изучении римского процесса и исполнительного права или же в рамках обращения к вопросу об основаниях прекращения обязательственных правоотношений, ряд признаков общего понятия должника может быть выявлен уже в ходе анализе римского права. В древнейшем праве должник – это не только лицо, не исполняющее свои обязанности, но и одновременно с этим объект взыскания со стороны кредиторов, источник удовлетворения их требований. Именно в личности должника обнаруживает себя обеспечение его обязательств: в случае неплатежа должник (вместе с членами его семьи) подлежал продаже в рабство или же выдавался кредитору для отработки долга – поступал к нему в рабство долговое. И лишь с развитием торговли и хозяйственных отношений, усилением борьбы плебеев с патрициями за свои права это значение категории должника постепенно исчезает.

Несмотря на то что переход к имущественным формам взыскания еще долгое время сопровождается для неоплатного должника в юридическом быту Рима всевозможными последствиями личного характера (личным задержанием должника, помещением его в тюрьму, поступлением субъекта кредитору для отработки оставшегося после продажи имущества долга, пытками, бесчестием и др.), именно в римском праве мы отчетливо наблюдаем установление в качестве предмета кредиторской расправы имущества должника, но не его личности⁸. Тем самым изменяется и сам мотив выдачи должнику кредита: кредитор рассчитывает обратить взыскание не на самого должника или его свободу, а на принадлежащие ему имущественные ценности.

---

⁸ Uhlenbruck W. Zur Geschichte des Konkurses // Deutsche Zeitschrift für Wirtschafts- und Insolvenzrecht. 2007. Heft 1. S. 2.

Изучение доктринальных источников, посвященных эпохе римского права, позволило выделить следующие существенные характеристики категории должника.

Во-первых, в качестве должника могли выступать как лица физические, в том числе малолетние, сумасшедшие, а также расточители и другие лица, состоявшие под попечительством, так и юридические лица. Кроме того, конструкция *venditio bonorum* применялась в ситуации признания выморочным имущества умершего должника⁹.

Во-вторых, исходя из того, что в римский период исполнительные правовые средства представляли собой способы принудительного осуществления обязательственных по природе и денежных по характеру (*condemnatio pecuniaria*) прав (требований) кредитора, должник – это, как правило, субъект, к которому имеются непогашенные требования кредиторов об уплате определенных денежных сумм.

В-третьих, общим основанием применения к субъекту юридических средств, направленных на понуждение к предоставлению причитающегося, служило прекращение исполнения им своих обязанностей перед кредиторами (изначально – неудовлетворение требования, указанного в судебном решении). Неоплатность должника, то есть превышение размера обязательств над стоимостью имущества, не являлась необходимой предпосылкой для обращения кредиторов к суду. Цена имущества, принадлежавшего лицу, могла превышать общий размер задолженности перед его кредиторами, поскольку в связи с неразвитостью торгового оборота потенциальная выручка от продажи имущественных объектов была заранее не всегда ясна.

В-четвертых, для применения исполнительных мер, направленных на изъятие имущества у неисправного должника и его распродажу, далеко не во всех случаях требовалось подтверждение существования перед кредитором

---

⁹ Речь в данном случае не идет о том, что должником в римской правовой системе признавалось умершее лицо. Приобретатель наследственного имущества расценивался как правопреемник должника и обязывался удовлетворить требования его кредиторов. См.: *Мальшев К.И.* Указ. соч. С. 13–16.

долга в судебном порядке. Притязание контрагента могло обосновываться не только неисполнением вынесенного в его пользу судебного решения, но и иными обстоятельствами: признание долга, бегство (укрывательство) должника от кредиторов с желанием уклониться от участия в судебном разбирательстве и от покрытия своих долгов, смерть должника с последующим невступлением наследников в наследство.

В-пятых, стечение кредиторов первоначально не представляло собой необходимого условия для применения к лицу принудительных исполнительных процедур. И лишь в юстиниановскую эпоху с появлением возможности назначения специального попечителя над имущественной массой должника (*curator bonorum*) и допущением его продажи по частям (*distractio bonorum*), в том числе как меры исполнительного производства по требованию отдельного кредитора, коллизия (столкновение) прав кредиторов приобретает важное значение как условие для ввода кредиторов во владение имуществом должника и его последующей продажи.

Наконец, в-шестых, древним процедурам не была присуща реабилитационная направленность: в состав реализуемого имущества входили даже самые жизненно необходимые должнику вещи, что приводило к ликвидации его хозяйства; более того, по мнению ряда авторов, долгое время кредиторы, не получившие полного удовлетворения, сохраняли свои требования к должнику до окончательного платежа, что означало возможность вторичной продажи вновь приобретенных должником активов.

Обратимся далее к положениям российского дореволюционного законодательства о несостоятельности (банкротстве), прежде всего, к Уставу о банкротах от 19.12.1800¹⁰ (далее – Устав 1800 г.). Известно, что многочисленные проекты подобных уставов, разрабатывавшиеся в 18 в., либо вовсе не были приняты, либо не стали достоянием широкой общественности и в итоге не были воплощены в правоприменительной

---

¹⁰ Томсинов В.А. Законодательство императора Павла I. М., 2008 // СПС «Гарант».

практике¹¹.

Помимо Устава 1800 г., источниками правовой регуляции являлись Устав о торговой несостоятельности от 25.06.1832 (третий раздел «О производстве дел о торговой несостоятельности», включенный в Устав судопроизводства торговой части II тома XI Свода законов Российской империи, в ред. 1903 г. и по прод. 1912 г.¹²; далее – УСТ), а также Правила о порядке производства дел о несостоятельности как торговой, так и неторговой в новых судебных установлениях 1868 г. (в виде Приложения III к ст.1400 Устава гражданского судопроизводства от 20.11.1864 части I тома XVI Свода законов Российской империи, изд. 1892 г. и по прод. 1912¹³; далее – Приложение III).

Изучение нормативных актов дореволюционного периода позволяет обозначить особенности правового положения лица, не способного покрыть лежавшую на нем задолженность.

Во-первых, типичным для нормативных актов являлось отсутствие предписаний общего характера, направленных на легальное закрепление существенных черт должника в конкурсном производстве. Законодатель лишь ограничивался указанием на лиц, к которым допустимо применение конкурсных мер, а также на некоторые предпосылки, позволяющие инициировать открытие несостоятельности.

Несмотря на то что термины «должник», «несостоятельный», «несостоятельный должник», «банкрот», «лицо, впадшее в несостоятельность» в текстах Устава 1800 г., УСТ и Приложения III

---

¹¹ Как писал известный дореволюционный исследователь А.Х. Гольмстен, утвержденный Кабинетом министров в качестве закона проект Устава о банкротах 1740 г. никогда не был ни отпечатан, ни обнародован; ни одно правительственное учреждение, включая Сенат, не знало о его утверждении. Не знакомо с уставом было и общество. Другие разработанные в 18 в. проекты банкротных уставов (1753, 1763, 1768 гг.) так и не стали законами. Кроме того, Устав 1800 г. выступает своего рода квинтэссенцией законотворческой деятельности, которая велась в России в 18-м столетии, поэтому для целей настоящего параграфа видится достаточным обращение именно к указанному законодательному акту. Наконец, здесь мы учитываем еще одно суждение А.Х. Гольмстена, согласно которому Устав о банкротах 1800 г. являлся «ничем иным, как несколько переработанным уставом 1768 года», который, в свою очередь, базировался на предшествовавших ему проектах. См.: *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 24–26, 70, 185, 213, 216.

¹² Свод Законов Российской Империи. Том XI, Часть II. С. 1140–1162 // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/1148.html>.

¹³ Свод Законов Российской Империи. Том XVI. С. 309–314 // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/309.html#img310>.

упоминаются неоднократно, лишь в Уставе 1800 г. законодателем дано легальное определение одному из обозначаемых понятий – категории банкрота.

Так, согласно п. 1 части первой Устава 1800 г. банкротом являлся тот, кто «не может сполна заплатить своих долгов». С этой точки зрения банкроты – это купцы и другого звания торговые люди, не способные рассчитаться со своими кредиторами, что открывается каким-либо образом судебным порядком. При этом авторы специальным образом подчеркивают: «Банкрота не должно разуметь бесчестным человеком» (п. 129).

Кроме того, изучение п. 130–132, 135, 138 части первой названного Устава позволяет говорить о необходимости выделения, наряду с общим (широким) понятием банкрота, понятия банкрота в узком смысле. В последнем случае категорию банкрота следовало строго разграничивать с понятием упавшего. В сущности, критерием для такого разграничения служила форма вины по отношению к неспособности рассчитаться с кредиторами.

В первом случае речь шла о лице, приведшем свои дела в «несостояние платежа» виновно, то есть злостно (умышленно) или по неосторожности. В отличие от виновного банкрота, упавшим признавался «тот, кто в несостояние платежа вовлечен такими случаями, которых никакой осторожностью отвратить ему было невозможно» (невиновно, беспорочно), кто заблаговременно сообщил кредиторам об упадке дел, надлежащим образом вел купеческие книги и тетради и действовал в конкурсе добросовестно. Упавший признавался несчастным, а не бесчестным, человеком, в подтверждение чего выдавался «аттестат в его невинности» (п. 132)¹⁴.

Отнесение должника к числу беспорочных, неосторожных и злостных

---

¹⁴ Примечательно, что Уставу 1800 г. термин «несостоятельность» и производные от него обозначения известны не были. Российский законодатель в начале 19 в. оперировал в первую очередь категориями «должник» и «банкрот». В дальнейшем термин «банкрот» утрачивает свое общее значение и вытесняется термином «несостоятельный (должник)». Банкротом же именовались должники в случае неосторожной несостоятельности – простое банкротство или подложной несостоятельности – злостное банкротство.

банкротов имело важное практическое значение и влияло как на ход конкурсного производства, так и на последствия окончания процесса, поскольку важным элементом правового положения неисправного должника в соответствии с Уставом являлись связанные с учреждением конкурса правовые средства, применение которых к лицу было обусловлено поступками, которые привели его к разорению, а также добросовестностью поведения субъекта после открытия банкротства¹⁵.

Таким образом, в Уставе 1800 г. мы обнаруживаем отсутствие единого понятия должника-банкрота, что обусловлено дифференцированным подходом дореволюционного законодателя к правовым последствиям, наступавшим для лица в зависимости от формы его вины в непогашении лежащей на нем задолженности, а также благонадежности его поведения при проведении мероприятий конкурса.

Во-вторых, категория должника, изначально имея строго очерченный сословный характер, постепенно расширила свои границы, вобрав в себя, в сущности, любых физических и юридических лиц, которые могут выступать на обязанной стороне обязательственных правоотношений.

Так, для дореволюционного российского права характерно выделение нескольких критериев отнесения лиц к составу потенциальных должников - банкротов: сословная принадлежность субъекта; наличие права заниматься торговой деятельностью; свойства сделок, из совершения которых проистекает несостоятельность (торговая или неторговая деятельность).

В-третьих, должник как участник дела о несостоятельности становился субъектом сложной системы материальных и процессуальных правоотношений. Дореволюционному законодательству не была известна процедура внесудебного приобретения статуса несостоятельного должника.

В-четвертых, поскольку на объявлении несостоятельным и

---

¹⁵ Равным образом среди неоплатных дворян, чиновников и разночинцев выделились категории несчастливого, неосторожного и злостного должника (ст. 99–107 части 2 Устава 1800 г.). Интерес, в частности, вызывает следующая льгота, касавшая лица, впадшего в банкротство по неосторожности: неосвобождение такого субъекта от долгов было ограничено периодом его жизни, после смерти требования неудовлетворенных кредиторов прекращались (ст. 100–104 части 2 Устава).

определении свойства несостоятельности основывались разнообразные личные и имущественные последствия, категория должника тесным образом связывалась с субъектом, чья хозяйственная деятельность в конечном итоге и привела к судебному разбирательству по делу о несостоятельности. При этом законодательно и судебной практикой признавалось в некотором смысле ретроспективное наделение статусом должника субъекта либо уже не существующего (умершего), либо не способного именно в настоящее время к осуществлению экономической деятельности (не полностью дееспособного). С этой точки зрения должник не обязательно должен был быть дее- и(или) правоспособным к моменту учреждения конкурса и в ходе конкурсного процесса. Достаточно, чтобы он был способен к принятию на себя имущественных обязанностей к моменту предоставления ему кредита другими участниками оборота¹⁶.

В-пятых, анализ дореволюционных правовых актов убеждает в том, что к числу признаков должника в конкурсе могли быть отнесены денежный характер требований кредиторов и их конкуренция между собой.

Вывод о денежном характере требований кредиторов позволяет сделать толкование отдельных законоположений в их системном единстве: 1) все требования кредиторов подлежали предъявлению конкурсу, члены которого вносили их в специальную книгу с обязательным указанием суммы долга (п.63 Устава 1800 г., ст.491 УСТ); 2) законы о несостоятельности предполагали удовлетворение кредиторских притязаний за счет имеющихся у должника наличных денег либо вырученных от продажи его имущества или

---

¹⁶ УСТ (п. 3 ст. 405) содержал предписания, посвященные объявлению несостоятельным умершего. Правительствующий Сенат в своей практике также отмечал, что несостоятельным может быть признано не только неполноправное лицо, над которым учреждена опека, но и умершее лицо. Обосновывался данный подход тем, что одна из целей производства дел о несостоятельности заключается в каре за несостоятельность (последствиях личного и имущественного характера), которая может наступить в зависимости от свойства несостоятельности. Определение такого свойства не зависит от смерти должника. Подробнее см.: *Добровольский А.А., Завадский С.В., Свидерский В.Н.* Свод общеимперских законоположений о торговой и неторговой несостоятельности и об администрациях (т. X ч. 1, т. XI ч. 2, т. XII ч. 1, т. XV и т. XVI ч. 1 и 2 по последним изданиям и продолжениям свода Законов и по новейшим узаконениям) : с разъяснениями Правительствующего Сената по общим собраниям второму и кассационных департаментов, по департаментам бывшему четвертому, судебному и кассационным (гражданскому и уголовному) и по отделениям Гражданского кассационного департамента. С.-Пб., 1914. С. 69. Ст. 405. § 12, 13; С. 83–84. Ст. 408. § 2–8; С. 286–287. Ст. 525. § 5; С. 291. Ст. 527. § 7; С. 330. Ст. 544. § 21; С. 416–417. Ст. 22. § 1 Приложения III.

полученных посредством взыскания долгов с дебиторов несостоятельного (п.82, 99 Устава 1800 г., ст.524, 526 УСТ)¹⁷.

Стечение (столкновение, конкуренция, конкурс) кредиторов как необходимая предпосылка учреждения конкурсного управления в положениях Устава 1800 г. и УСТ непосредственно не закреплено. Тем не менее содержание предписаний этих уставов не оставляет сомнений в том, что проведение конкурсных мероприятий предполагало предъявление к должнику требований со стороны нескольких кредиторов. Об этом, в частности, свидетельствуют: 1) круг потенциальных банкротов (едва ли можно предположить, что у лица, ставшего неисправным по торговле, будет всего лишь один веритель); 2) наличие в уставах специальных правил о порядке проведения конкурсной процедуры, если число заимодавцев составляет менее девяти (п. 27 Устава 1800 г.) и менее трех (ст. 443 УСТ), что означает исключительность ситуации наличия у несостоятельного небольшого числа кредиторов; 3) закрепление в УСТ довольно сложной системы разрядов долгов, что говорит о необходимости урегулирования отношений со множеством взыскателей.

В-шестых, в Уставе 1800 г. были предусмотрены самостоятельные критерии несостоятельности для каждой из его частей: для торговых людей – неплатежеспособность¹⁸; для правоотношений с участием дворян, чиновников и разночинцев – неоплатность¹⁹. Иная концепция была

---

¹⁷ Обозначение кредиторов в УСТ термином «заимодавцы» само по себе ничего не дает для рассуждений о денежном предмете обязанностей должника в конкурсном процессе, поскольку Сенатом по одному из дел было разъяснено, что под заимодавцами законы о несостоятельности подразумевают не только кредиторов по займам, но вообще любых лиц, которым принадлежат какие-либо долговые требования к несостоятельному.

¹⁸ Иной взгляд был высказан Г.Ф. Шершеневичем, который полагал, что по Уставу 1800 г. «в основание понятия о несостоятельности легла неоплатность, недостаточность имущества на покрытие всех долгов». См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 77.

Представляется, что данный вывод с однозначностью не следует из текста названного закона, напротив, изучение требований Устава склоняет к выводу, скорее, о неплатежеспособности как критерии несостоятельности торговцев: а) правила Устава не исключали того обстоятельства, что в конкурсе имущества банкрота будет достаточно для покрытия всей лежавшей на нем задолженности, и должник рассчитается по всем своим долгам (п. 113, 114); б) из п. 132 Устава следует, что для лица, занимавшегося торговой деятельностью, являлось обыденным, ординарным делом ее продолжение при условии покрытия имуществом всего лишь 30 и более процентов пассивов, то есть в ситуации явной недостаточности имущества.

¹⁹ См. применительно к указанным категориям лиц: п. 87, 98 части второй Устава 1800 г.

реализована в УСТ и Приложении III, составители которых отказались от раздвоенности критерия несостоятельности (банкротства), определив в качестве общего основания торговой и неторговой несостоятельности – неоплатность.

Признаки несостоятельности субъекта устанавливались («открывались») собственным *признанием* должника либо несостоятельность объявлялась по состоянию его *имущества*, либо несостоятельность признавалась по состоянию *личности* банкрота²⁰.

Переходя далее к рассмотрению российской дореволюционной юридической литературы, следует указать, что понятие несостоятельного должника как абстрактной юридической конструкции в доктрине этого периода не было предметом глубокой и обширной разработки. Вопросы, связанные с категорией должника, затрагивались учеными при обращении к понятию несостоятельности, правовой природе конкурсного производства и последствиям объявления лица несостоятельным. Определяя, выступает ли несостоятельность свойством субъекта или его имущества, и, выявляя, к какому виду производства следует отнести конкурсную процедуру, цивилисты разрешали, в частности, проблему круга лиц, которые могут быть признаны несостоятельными.

Одна из наиболее значимых концепций того времени была разработана Г.Ф. Шершеневичем, который под несостоятельностью предлагал понимать известное состояние имущества (а не лица, которое признается его субъектом), внушающее предположение о его недостаточности для покрытия всех долгов, лежащих на нем, выражающееся в неспособности должника удовлетворить предъявленные к нему требования (неспособности к платежу)

---

²⁰ Пункты 3–7 Устава 1800 г.; ст. 384, 404–407 УСТ; ст. 1, 20 Приложения III; ст. 1222 Устава гражданского судопроизводства.

Несмотря на трехзвенное разделение признаков несостоятельности, в действительности в каждом случае речь шла о выяснении способности конкретного участника имущественного оборота надлежащим образом исполнять свои обязанности, а в случае выявления отсутствия таковой – прекращении соответствующих нереализованных правоотношений в специальном процедурно-процессуальном порядке.

и официально удостоверенное в судебном порядке²¹.

В свою очередь, последствие признания несостоятельным – конкурсное производство – определялось автором как разновидность исполнительного производства, что предопределило общий тезис Г.Ф. Шершеневича относительно круга потенциальных несостоятельных лиц: «как вид исполнительного процесса, конкурсное производство возможно относительно всех тех лиц, против которых допускается взыскание в общем исполнительном порядке»²².

Изложенное, а также иные суждения, в том числе о том, кого следует признавать несостоятельным в случае смерти лица²³, позволяют с достаточной уверенностью сделать следующие выводы о воззрениях Г.Ф. Шершеневича относительно фигуры несостоятельного должника: 1) несостоятельным может быть объявлен только субъект материального права, над имуществом которого предполагается открыть конкурс с целью ликвидации этого имущества; 2) допустимо, чтобы данный субъект был не полностью дееспособным; 3) но он должен обладать определенным обособленным имуществом; 4) состояние указанного имущества такого, что не позволяет в полном объеме покрыть лежащую на лице задолженность перед кредиторами; 5) описанное состояние удостоверено в судебном порядке.

В свою очередь, Е.В. Васьковский, также признавая несостоятельность, под которой ученый понимал недостаточность имущества должника для покрытия всех его долгов, состоянием имущества, а не личности должника, тем не менее полагал, что несостоятельным может быть объявлено каждое

---

²¹ Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань, 1898. С. 77–81, 130; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Том IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 1912. С. 148–152; 211–212; Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 88–91, 143, 151.

Схожую позицию занимал В.Л. Исаченко, который писал: «Несостоятельностью называется такое имущественное положение [здесь курсив наш – Р.Ф.] данного лица (физического или юридического), при котором последнее не в состоянии удовлетворить законные требования своих кредиторов». См.: Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Том 2, выпуск 1. Судопроизводство охранительное. С.-Пб., 1901. С. 327, 330–343.

²² Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань, 1898. С. 129; Он же. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 142, 151.

²³ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 149–150.

лицо, даже *неправоспособное*. В результате ученым сформулирована правовая позиция, допускающая возможность объявления несостоятельности лиц, состоящих под опекой, юридических лиц, а также *умершего лица*²⁴.

Другой известный исследователь Е.А. Нефедьев подчеркивал, что несостоятельность является собой такое *фактическое* положение дел должника, при котором ведение его торгового предприятия становится невозможным или невыгодным (состояние расстройства дел)²⁵, а следовательно, оно должно быть прекращено.

Констатирование судом такого положения через указанные в законе признаки влечет конкурсное производство, представляющее собой особое судебное производство²⁶ по ликвидации дел (предприятия) несостоятельного должника посредством равномерного распределения стоимости его имущества между всеми кредиторами и вызывающее для должника установленные законом личные и имущественные последствия. Важными признаками такого производства выступают заявление требований к должнику со стороны нескольких кредиторов и вызов для предъявления претензий всех кредиторов, хотя бы срок платежа по ним не наступил²⁷.

Хотя специальные выводы, касающиеся фигуры несостоятельного должника, ученым сделаны не были, нельзя не заметить, что для него должник в момент наступления фактической несостоятельности являлся

---

²⁴ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1914. С. 538–539.

Нельзя при этом не указать на некоторую противоречивость взглядов Е.В. Васильковского. В других частях своей работы процессуалист указывал: 1) процессуальная правоспособность *не может выходить за пределы гражданской правоспособности*, а потому наследодатель не может являться ответчиком в процессе; 2) возбуждение конкурсного производства есть мера, направленная *против личности должника*. Там же. С. 227–229, 279, 479.

²⁵ При этом автор подчеркивал, что несостоятельность нужно строго отличать от неспособности должника платить долги и от недостаточности имущества.

²⁶ С точки зрения Е.А. Нефедьева, конкурсное производство не может быть отнесено ни к производству по исполнению судебных решений, ни тем более к исковому производству; оно вбирает в себя несколько производств и преследует особые цели.

²⁷ Нефедьев Е.А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М., 1909. С. 58–65, 71.

Аналогичная позиция высказана А.И. Гуляевым. См.: Гуляев А.И. I. Торговое судопроизводство; II. Передача торговли и ликвидация; III. О несостоятельности. М., 1914. С. 65.

Схожий взгляд встречаем и в других научных работах российских и иностранных авторов того исторического периода: Карле Дж. Несостоятельность по частному международному праву / перевод с французского М.И. Сперанского // Юридический вестник. 1876 [кн. 1/2]. С. 69; Котлецов А.А. Принципы законопроекта о несостоятельности и конкурсном производстве // Вестник права и нотариата : еженедельный журнал. Г. 5. 1912. № 3. С. 71–72.

субъектом права, вступившим в правоотношения с несколькими лицами и оказавшимся в итоге не способным к удовлетворению их требований в связи с расстройством своего предприятия.

Другие дореволюционные специалисты в области несостоятельности (банкротства) выделения признаков категории несостоятельного должника в своих работах не производили, сосредоточившись в основном на соотнесении понятий торговой и неторговой несостоятельности, разграничении признаков несостоятельности (банкротства), выявлении предпосылок признания несостоятельным, рассмотрении видов несостоятельности и других вопросов, в том числе статистического свойства²⁸.

Для послереволюционного этапа развития российского конкурсного права характерны следующие ключевые аспекты.

1. Как и в дореволюционном праве, целостное, системное учение о должнике как субъекте отношений несостоятельности советскими учеными разработано не было.

2. Основным предметом обсуждений в юридической литературе являлось приспособление нормативных предписаний о несостоятельности (банкротстве) к особенностям советского экономического строя и принципам нового советского гражданского и гражданского процессуального права.

3. Категория несостоятельного должника если и встречается в научных трудах 20-х гг., то в основном увязывается с появившимся в советском праве понятием несостоятельного предприятия. Вместе с тем подробной теоретической обработки указанного понятия в советской доктрине не произведено. Категория несостоятельного предприятия лишь обсуждается применительно к некоторым узловым моментам построения будущего

---

²⁸ Андреев Т.Д. Судебная практика по делам о несостоятельности (торговой и неторговой). Выпуск 1. С.-Пб., 1879. С. 38–108; Матвеев С. Торговые несостоятельности. Статистический очерк // Юридический вестник : издание Московского юридического общества. Г. 10. 1878. № 6. С. 823–842; Трайнин А. Несостоятельность и банкротство. С.-Пб., 1913.

советского законодательства о несостоятельности²⁹.

Так, в указанный период времени одними из первых источников являлись Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1922 г.³⁰ (далее – ГК РСФСР) и Гражданский Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1923 г.³¹ (далее – ГПК РСФСР). В тексте ГК РСФСР термин «несостоятельность» встречался неоднократно, но его содержание и сама процедура несостоятельности раскрыты не были.

В 1927 году содержание ГПК РСФСР было дополнено главой 37³², предусматривающей правила о порядке возбуждения и проведения ликвидационного производства в связи с несостоятельностью предприятий частных (физических и юридических) лиц, внесенных или подлежащих внесению в торговый реестр (ст. 317).

Анализ ст. 318 и примечаний к ней позволяет утверждать, что законодательством был закреплен дифференцированный подход к основаниям несостоятельности в зависимости от того, кто выступал должником. Так, основанием для признания частных лиц несостоятельными являлся сложный юридический состав, включавший в себя следующие обстоятельства: 1) наступившее и долженствующее наступить по состоянию дел прекращение платежей по долгам на сумму свыше трех тысяч рублей; 2) установление неспособности субъекта к полной оплате денежных требований кредиторам; 3) наличие у должника, по крайней мере, двух кредиторов. Государственные же предприятия и иные указанные в законе организации,

---

²⁹ Например, Н. Бончковский писал: «Нет спора, что кредиторы заинтересованы в судьбе имущества и не могут быть лишены права участвовать в разрешении судьбы несостоятельного предприятия и его имущества, но роль их может быть только вспомогательной, а не главной. Итак, в нашем праве в силу общей его структуры на первый план должно быть выдвинуто исследование общественной ценности несостоятельного предприятия и стремление сохранять его, если оно эту ценность имеет; в конкурсном же процессе обычного типа на первый план выдвигается удовлетворение кредиторов, общественная же ценность предприятия не принимается в расчет». См.: *Бончковский Н.* Способы разрешения несостоятельности и наше право // *Еженедельник советской юстиции.* 1924. № 43. С. 1028.

³⁰ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // *СУ РСФСР.* 1922. № 71. Ст. 904.

³¹ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // *СУ РСФСР.* 1923. № 46–47. Ст. 478.

³² Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. главой 37» // *СУ РСФСР.* 1927. № 123. Ст. 830.

находившиеся под контролем государства, в случае признания их несостоятельными подлежали изначально «ликвидации по неоплатности на основании особых законов» (прим. к ст. 317).

Процедура, применявшаяся к должнику - частному лицу, не способному к полной уплате своих долгов, носила черты административно-судебного процесса, направленного по общему правилу только на ликвидацию его предприятия, не сопровождавшуюся освобождением от непогашенных претензий кредиторов.

При этом общее понятие (несостоятельного) должника по-прежнему не было урегулировано на законодательном уровне, несмотря на использование в нормах ГПК РСФСР разнообразных терминов, обозначающих субъекта, признанного несостоятельным («должник», «несостоятельный должник», «предприятие-должник», «организация-должник»), предписания, закрепляющие перечень конститутивных признаков несостоятельного должника, мы не встречаем.

Вместе с тем в законе категории несостоятельности и должника тесно связывались с понятием предприятия. Последнее, в свою очередь, характеризовалось многогранностью употребления. В контексте правоотношений несостоятельности (банкротства) понятие предприятия использовалось в двух значениях: в отношении частных субъектов термин «несостоятельность предприятия» обозначал принадлежащий физическому или юридическому лицу имущественный комплекс – предприятие; применительно к субъектам, относившимся к ведению публичной власти, термин «несостоятельное предприятие» имеет в виду уже предприятие - должника, т.е. субъекта правовых отношений. Тем самым в зависимости от формы собственности под предприятием следовало понимать либо объект права – имущественную массу, либо субъекта права. Соответственно, исходя из буквального понимания текста ГПК РСФСР, вопрос о признании несостоятельным мог быть поставлен либо над имуществом субъекта, либо над самим лицом.

Процедура несостоятельности по общему правилу имела ликвидационную направленность и в ситуации, когда с заявлением о ее открытии обращались кредиторы, являлась следствием того, что сам заявитель или другие кредиторы уже предприняли безуспешную попытку обращения взыскания на имущество должника в порядке принудительного исполнения. Отмеченная выше дихотомия понятия предприятия отразилась и на предмете ликвидации в порядке проведения дела о несостоятельности: в отношении частных субъектов ГПК РСФСР говорил о ликвидации предприятия должника, а применительно к лицам, относившимся к государственному ведению, – о ликвидации предприятия - должника. Среди последствий несостоятельности мы не встречаем личные для должника следствия объявления его несостоятельным, что также можно объяснить связанностью категорий должника и предприятия.

Анализ литературы рассматриваемого исторического периода позволяет выделить отчетливо проявившуюся тенденцию, выразившуюся в резкой критике, с которой правоведы обрушились на принципы конкурсного производства «обычного типа», а также на достигнутый российский дореволюционный опыт в этой сфере. Традиционные постулаты конкурсного процесса, его классические конструкции были объявлены противоречащими принципам, идеям и самому духу нового гражданского права, а также целям и путям дальнейшего хозяйственного развития советского государства³³.

Одновременно с этим во взглядах правоведов на развитие советского законодательства о несостоятельности наблюдается усиление публично-правовых начал, что обусловлено обоснованием в науке гражданского права принципа подчиненности частноправовых отношений интересам социалистического хозяйства. Отсюда во главу предлагавшихся построений были положены идеи, во-первых, отказа от обеспечения баланса частных и публичных интересов при несостоятельности лица и придания приоритета

---

³³ Кусиков А. Право возбуждения дела о несостоятельности и порядок производства дела // Вестник советской юстиции. 1928. № 18 (124). С. 535; Розенберг А. Несколько слов о несостоятельности // Ежегодник советской юстиции. 1926. № 7. С. 197.

интересам единой системы государственного хозяйства (общественно-экономическим интересам), а во-вторых, закрепления в законе принципа исключительности ликвидации как последствия несостоятельности государственно и социально значимых (ценных) предприятий и установления первичности применения в отношении них предупредительных и оздоровительных мер.

Нельзя далее не отметить, что, несмотря на отсутствие разработок в сфере общего учения о должнике, советские исследователи не могли уклониться от изучения категории предприятия, которая прочно вошла в материальное и процессуальное советское право. Так, в некоторых публикациях можно встретить обсуждение отдельных особенностей участия в правоотношениях несостоятельности «нового субъекта гражданского права» – государственного торгового или промышленного предприятия³⁴. В отличие от дореволюционного торгового права, которому была известна конструкция торгового предприятия³⁵, в советском праве понятие предприятия использовалось в двух смыслах: для обозначения субъекта правоотношений (обычно речь идет именно о госпредприятии), а также для указания на имущественный комплекс – объект права.

Может ли указанный субъект в контексте предмета настоящего диссертационного исследования рассматриваться как некий «суррогат несостоятельного должника» в процедуре несостоятельности? Ознакомление с публикациями соответствующего периода приводит к выводу о том, что исследователи исходили именно из этого понимания государственного (промышленного) предприятия. Одновременно с этим следует, однако, констатировать, что понятие государственного предприятия как субъекта,

---

³⁴ Подробнее о приведенных взглядах советских авторов см.: *Альтшуллер Я.* О мерах, предупреждающих ликвидацию государственных и кооперативных предприятий по несостоятельности // Вестник советской юстиции. 1926. № 4. С. 148–150; *Ге Ю.* Плановое регулирование и Гражданский кодекс // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 27. С. 634; *Жудро К.* Порядок ликвидации госпредприятий // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 37. С. 1085–1088; *Лебедев П.* О ликвидации государственных предприятий вследствие их неплатежеспособности // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 49. С. 1179–1180; *Прушицкий С.* Проект Торгового свода и гражданский процесс // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 1. С. 4–5; *Ривкин М.* О злостных должниках // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 36. С. 850.

³⁵ *Цитович П.П.* Очерк основных понятий торгового права. М., 2001. С. 91–92. П. 85.

который может быть признан несостоятельным, также не получило широкого освещения в научных работах того времени.

Формулируя предложения о реформировании законодательства о несостоятельности, Г. Рындзюнским были выделены следующие характерные черты несостоятельного государственного предприятия: 1) предъявление предприятию со стороны кредиторов на определенную сумму денежных требований, подтвержденных судебным решением; 2) установление в отношении него судом неспособности к оплате денежных требований или наличности действий, свидетельствующих об уклонении госпредприятия от исполнения лежащих на нем спорных обязательств (прекращение платежей, переукрепление имущества, сокрытие наличности и т.п.)³⁶.

Впрочем, в сущности, можно сделать вывод о том, что указанным автором были предложены лишь признаки несостоятельности предприятия. Соответственно, допустимо говорить лишь об обсуждении в его исследовании вопросов о возможности признания несостоятельными конкретных видов субъектов имущественного оборота, но не о представлении отличительных признаков данного понятия как объективной юридической конструкции.

В дальнейшем, в связи с принятием нового законодательства, правила которого признали утратившими силу ранее действовавшие нормативно-правовые акты, регламентировавшие порядок открытия и проведения процедуры несостоятельности (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.12.1964³⁷) и не закрепили каких-либо механизмов, замещающих отмененные (Гражданский кодекс РСФСР 1964, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964³⁸), была исключена возможность

---

³⁶ *Рындзюнский Г.* Несостоятельность и конкурсное производство. К проекту Торгового свода // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 17. С. 394–395.

³⁷ «Об изменении и признании утратившими силу законодательных актов РСФСР в связи с введением в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 51. Ст. 892.

³⁸ Утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

признания несостоятельными участников хозяйственных правоотношений. Поэтому в указанный период времени существенно сократилось количество теоретических разработок, предметом исследования в которых являлись бы правоотношения несостоятельности вообще и субъекты - должники в частности.

Такое положение сохранялось вплоть до новейшего этапа истории становления российского законодательства о несостоятельности, когда в 1992 году был принят первый в истории современной России закон о несостоятельности.

Несмотря на отсутствие работ по институту несостоятельности, посвященных советскому праву, тем не менее проводились исследования зарубежных правопорядков. Так, сделанный М.И. Кулагиным анализ зарубежного законодательства о несостоятельности (банкротстве) позволяет выделить несостоятельного субъекта и должника - банкрота. Несостоятельным является тот, чья неспособность погасить свои долговые обязательства подтверждена судом. По общему правилу подтверждение несостоятельности влечет за собой «открытие конкурсного процесса, т.е. особо тщательно регламентированного порядка распределения имущества несостоятельного должника между его кредиторами». В отличие от него, банкротом считается тот должник, который, уже будучи не в состоянии погасить свои долговые обязательства, действует во вред своим кредиторам, то есть совершает уголовно наказуемое деяние³⁹.

В отличие от российского права, где на протяжении всей истории генезиса и развития конкурсного права не только отсутствовало единое направление в исследовании понятия должника, но и вообще данная категория не была предметом обширных научных разработок, иная ситуация сложилась в праве несостоятельности Германии⁴⁰.

---

³⁹ Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997. С. 172–182.

⁴⁰ На сегодняшний день в германском *Insolvenzrecht* (праве несостоятельности) термин «банкротство» имеет строго уголовно-правовую сферу употребления (§§ 283-283d Уголовного кодекса Германии), поэтому с учетом избранного в настоящей работе предмета исследования терминологически верным будет использование по отношению к правопорядку Германии лишь выражения «несостоятельность». См.:

Отличительной особенностью теоретических построений, относящихся к понятию несостоятельного должника, в немецком праве несостоятельности является то обстоятельство, что основой для таких построений выступают рассуждения о правовой природе производства о несостоятельности и о предпосылках для его открытия.

В целях уяснения содержания понятия должника в учении о несостоятельности Германии обратимся к вопросу о правовой природе производства о несостоятельности (ранее – конкурсного производства или конкурса).

В качестве отправной точки мы принимаем законодательство середины 19 в. как базис, на котором основано дальнейшее развитие доктрины германского права несостоятельности. Уже на этом этапе наметились предпосылки к формированию господствующей в современном праве Германии концепции процедуры несостоятельности как сводного исполнительного производства.

Воплощенные в правопорядках немецких государств, вошедших в 1871 году в состав объединенной Германской империи, модели регулирования конкурсного производства могут быть кратко охарактеризованы следующим образом:

1) конкурсный процесс представляет собой *обычный общий⁴¹ процесс*, который применяется к неплатежеспособному должнику и воплощает в себе комплекс административных и процессуальных действий (Пруссия до 19 в.)⁴²;

Strafgesetzbuch vom 15.05.1871 in der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 22.03.2019 (BGBl. I S. 350) geändert worden ist // <https://www.gesetze-im-internet.de>.

Термин «конкурс» и однокоренные с ним выражения в современном учении о несостоятельности Германии также не применяются. Составители действующего закона о несостоятельности принципиально исходили из необходимости отказа от ранее применявшейся в законодательстве терминологии. Подробнее об этом будет сказано в работе позднее.

⁴¹ Термин «общий» имеет в данном контексте специальное значение, отсылающее к понятию Общего права (Gemeines Recht), которое не следует смешивать с понятием обычного права. Общее право коренится в Средних веках и представляет собой результат смешения рецепированного римского права с внесенными в него императорами Священной Римской империи изменениями, местного германского и канонического права, а также судебной практики.

⁴² Die Preußische Concurs-Ordnung herausg. mit Kommentar / Hrsg.: C.F. Koch. Berlin, 1855. S. 7. Fn. 1.

2) конкурс выражается во всеобщем *исполнительском аресте*, налагаемом на все имущество должника, лишаящем правомочия на распоряжение им, преследующем цель управления и реализации этого имущества для удовлетворения требований кредиторов (Пруссия с сер. 19 в.)⁴³;

3) универсальный конкурсный процесс – это *судебная процедура*, совпадающая с понятием *процесса принудительной публичной продажи имущества с торгов* (Gantprozess, Vergantung⁴⁴) (Бавария; аналогичным образом в Общем праве Германии)⁴⁵;

4) это *самостоятельный вид процесса*, отличный от ординарного процесса и от процесса принудительных публичных торгов (Бавария)⁴⁶;

5) *судебное производство* в конкурсе имеет *смешанную природу* (упрощенное и ординарное производства) и направлено на определение приоритета требований кредиторов (Герцогство Шлезвиг)⁴⁷.

Таким образом, в середине 19 в. в германских государствах сложилось представление о конкурсе (конкурсном процессе) как формальной (процессуальной, судебной) процедуре, близкой к исполнительному производству. Среди конститутивных черт этой процедуры необходимо назвать: 1) обязательность коллизии (конкуренции) прав кредиторов; 2) лишение должника права распоряжения его имуществом и наложение на последнее ареста (Beschlagnahme); 3) управление и реализация массы под контролем и руководством суда; 4) необходимость судебного подтверждения

---

⁴³ Die Preußische Konkurs-Ordnung : Ergänzt und erläutert durch die neuere Gesetzgebung, insbesondere das Allgemeine Deutsche Handels-Gesetzbuch und durch Reskripte und Entscheidungen des Königlichen Ober-Tribunals // hrsg. von C. Hahn. Breslau, 1862. S. 20. Fn. 16; Die Preußische Prozeß-Ordnung in ihrer jetzigen Gestalt mit Einschaltung der Konkurs-Ordnung vom 8. Mai 1855, des Einführungsgesetzes ... des Gesetzes über die Anfechtung der Rechtsverhandlungen zahlungsunfähiger Schuldner v. 9. Mai 1855 u. der Verordnung über die Gerichtskosten v. 4 Juni 1855 / Hrsg. von L. Liebgott. Schönebeck, 1855. S. 284.

⁴⁴ Wörterbuch der deutschen Kaufmannssprache auf geschichtlichen Grundlagen mit einer systematischen Einleitung / von A. Schirmer. Strassburg, 1911. S. 68, 201.

⁴⁵ Kommentar über die bayerische Gerichtsordnung (codex iuris bavarici iudicarii de anno 1753) // von J.A. Seuffert, J.J. von Lauk. Vierter Band. Erlangen, 1858. Kapitel XIX. Einleitung. S. 387–389; Theorie des Concurs-Processes nach gemeinem Rechte / hrsg. H. von Bayer. München, 1868. S. 3–8. Таким образом, конкурсный процесс очень близко подходит к понятию исполнительного производства.

⁴⁶ Welsch J.B. Handbuch des baierischen Universal-Konkurs-Processes. Erlangen, 1819. S. 2–3, 6, 11, 12–13.

⁴⁷ Ueber Concursrecht und Concurs-Verfahren im Herzogthum Schleswig / von L.H. Scholtz. Schleswig, 1822. S. 1–3, 9, 13, 115.

ликвидности (Liquidität⁴⁸) требований кредиторов, определения преимущества (приоритета) (Priorität) их прав и формирования очередности погашения притязаний.

Вместе с тем законодательство рассматриваемого исторического этапа не содержало легального определения понятия «общий должник» (Gemeinschuldner), часто использовавшегося в то время для обозначения субъекта, в отношении которого введен конкурс⁴⁹.

Составители общегерманского Положения о конкурсе (Konkursordnung) 1877 года⁵⁰ – первого законодательного акта, регулировавшего конкурсное производство на территории созданного Германского рейха, – не могли проигнорировать взгляды, сложившиеся на природу конкурса в территориальных частях недавно образованного государства. Поэтому существо урегулированного в нем конкурсного производства определялось в науке однозначно. В начале XX в. проф. Эрнст Егер (Ernst Jaeger) прямо писал, что по своей природе конкурс является исполнительным производством⁵¹. Данный вывод подтверждается в работах и других авторов⁵².

В отличие от российского права, для которого характерно ситуативное обращение к понятию должника, в частности при обсуждении

---

⁴⁸ Требование является ликвидным, если отсутствуют юридические и фактические неопределенности относительно его существования и размера – Reichsgericht, Urteil vom 20.10.1914 – Rep. II. 219/14 // RGZ 85. S. 351–354.

⁴⁹ См., напр.: Preußischer Gesetz-Codex: e. authent. Abdr. d. in d. Gesetzsammlung für d. Königl. Preuß. Staaten von 1806 bis auf d. neueste Zeit enthaltenen Gesetze, Verordnungen, Kabinettsordres, Erlasse etc. : in chronolog. Ordnung mit Rücks. auf ihre noch jetzige Gültigkeit u. prakt. Bedeutung zsgest, Band 3. 1849–1856 / von P. Stöpel. Frankfurt a.O., 1862. S. 507–559.

⁵⁰ Konkursordnung vom 10.02.1877 in der Fassung der Bekanntmachung vom 20.05.1898 (RGBl S 612; BGBl. III/FNA 311–4), die zuletzt durch Artikel 5 des Gesetzes zur Änderung der Haftungsbeschränkung in der Binnenschifffahrt vom 25.08.1998 (BGBl. I S. 2489) geändert worden ist // <https://beck-online.beck.de>. Konkursordnung вместе с вводным законом был опубликован 10 февраля 1877 года и вступил в силу 01 октября 1879 года. См.: Kommentar zur Konkursordnung und Einführungsgesetzen mit einem Anhang, enthaltend das Anfechtungsgesetz, Auszüge aus den Kostengesetzen, Ausführungsgesetze und Geschäftsordnungen. Erster Band / von E. Jaeger. Berlin, 1916. S. 24. Подробнее о дальнейших новеллах этого Положения, включая изменение нумерации параграфов см: Там же. С. 24–27, 35–36.

⁵¹ Kommentar zur Konkursordnung und Einführungsgesetzen mit einem Anhang, enthaltend das Anfechtungsgesetz, Auszüge aus den Kostengesetzen, Ausführungsgesetze und Geschäftsordnungen. Erster Band / von E. Jaeger. Berlin, 1916. §1. S. 49. Anm. 18; Kommentar zur Konkursordnung und den Einführungsgesetzen mit einem Anhang, enthaltend das Anfechtungsgesetz. Zweiter Band / E. Jaeger. Berlin, 1914. §71. S. 1–2. Anm. 1.

⁵² Так, Йозеф Колер (Josef Kohler) полагал, что в конкурсном производстве как в принудительном сводном исполнительном производстве возникает исполнительское правоотношение. См.: Grundriss des Zivilprozesses, mit Einschluss des Konkursrechts / von J. Kohler. Stuttgart, 1907. S. 151–153, 168.

законодательного регулирования круга субъектов, которые могут быть признаны несостоятельными, исследования немецких ученых последней трети 19 в. - начала 20 в. имеют иную направленность: предпринята попытка изучения общего понятия должника; предметом научной разработки являлся не только вопрос о должнике как субъекте права; особым образом разбиралась возможность открытия конкурса над имущественными массами, включая сепаратный конкурс над отдельными имущественными массами, принадлежащему одному лицу

Можно выделить несколько направлений в изучении категории должника в конкурсном производстве (Konkursschuldner): 1) материальное; 2) процессуальное; 3) смешанное.

Так, Лотар Зойфферт (Lothar Seuffert) писал: «Общим должником (должником в процедуре принудительной продажи имущества (Gantschuldner); кридар (Kridar⁵³)) является тот, над чьим имуществом проводится конкурсное производство». При этом автором были названы следующие признаки общего должника в конкурсном производстве: 1) это должник в принудительном исполнительном производстве (природа конкурсной процедуры); 2) который наделен способностью к обладанию имуществом (vermögensfähig) и несению им ответственности по своим долгам; 3) имеет материальную и процессуальную правоспособность; 4) по своему правовому статусу является физическим или юридическим лицом. Одновременно с этим исследователем сделан вывод о том, что конкурс может быть введен и над имуществом любой общности совместной руки (Gemeinschaft zur gesamten Hand), однако свойствами должника такая общность наделена быть не может, поскольку имущество, над которым открывается конкурс, принадлежит не ей самой, а ее участникам⁵⁴.

---

⁵³ От староитальянского «crida» – «публичный выкрик», «публичная продажа с торгов». См.: Wörterbuch der deutschen Kaufmannssprache auf geschichtlichen Grundlagen mit einer systematischen Einleitung / von Alfred Schirmer. Strassburg, 1911. S. 113.

⁵⁴ Seuffert L. Deutsches Konkursprozessrecht : Mit e. Reg. Leipzig, 1899. S. 67–75. Последняя мысль, касающаяся конкурса над имуществом общностей совместной руки, изложена в работе противоречиво. Так, Л. Зойфферт прямо указывает на то, что, с его точки зрения, все общности совместной руки являются

Таким образом, по мнению Л. Зойфферта, понятие общего должника очень близко подходит к должнику в материально-правовом отношении, применительно к которому проводится процедура принудительного исполнения.

Другого взгляда на понятие должника в конкурсе придерживался Эрнст Егер (Ernst Jaeger): способность быть носителем роли общего должника (конкурсоспособность) в целом соответствует пассивной способности быть стороной гражданского процесса (Parteifähigkeit). Конкурсоспособен тем самым тот, к кому может быть предъявлен иск. Соответствующим образом, в противовес обозначенной ранее позиции Л. Зойфферта, Э. Егер приходит к выводу, что должниками в конкурсной процедуре принципиально могут быть и общности совместной руки, но только те из них, за которыми законодатель прямо признает наличие процессуальной правоспособности⁵⁵.

Из изложенного следует, что для Э. Егера и его конструкции общего должника принципиальное значение имеет наделение нормами права субъекта или общности лиц процессуальной правоспособностью. При этом теоретические представления ученого не обнаруживают тесной связи между статусом должника в конкурсном производстве и материальной правосубъектностью лица.

В свою очередь, Йозеф Колер (Josef Kohler), использовавший для обозначения понятия должника в конкурсе термин «должник в процедуре принудительных торгов» (Gantschuldner, Kridar), указывал, что конкурс как исполнительное производство может быть введен против всех, в отношении кого допускается самостоятельное принудительное имущественное исполнение, т.е. тех, кто наделен способностью к обладанию имуществом. Конкурс может быть открыт в отношении объединений лиц и союзов, которые хотя и не имеют самостоятельной юридической личности, но: а)

правоспособными и обладают имуществом, которым они отвечает по собственным долгам преимущественно перед личными кредиторами участников. *Ib.* S. 70.

⁵⁵ Jaeger E. Konkursrecht. Berlin, 1924. S. 8–11; Jaeger E. Lehrbuch des deutschen Konkursrechts. Berlin ; Leipzig, 1932. S. 20–21.

могут выступать ответчиком в гражданском процессе или в отношении них может проводиться исполнительное производство; б) в своей целостности обнаруживают не сумму отдельных функций, а единую постоянную функцию (*Gesamtfunktion*); в) сообщество должно обладать общим имуществом; г) допустимые правовые формы таких объединений определяются на основе норм гражданского права⁵⁶.

В результате Й. Колер может быть отнесен к представителям третьего направления, поскольку его точка зрения построена на двух составляющих: субъект для приобретения статуса должника в конкурсе должен быть наделен способностью выступать на стороне должника в исполнительном производстве (процессуально-правовой аспект), одновременно с этим такая способность должна базироваться на признании за ним возможности обладать обособленным имуществом (материально-правовой аспект).

Особое внимание в германской доктрине занимал вопрос о возможности и (или) допустимости введения и осуществления конкурсной процедуры над так называемой «особой», а точнее обособленной, массой (*Sondermasse*) – частью имущества определенного лица.

Э. Егер писал: «Однако иногда он [конкурс – прим. наше – Р.Ф.] ограничивается с объективной и субъективной точек зрения таким образом, что только отдельная масса имущества должника служит совместному удовлетворению особого класса личных кредиторов. Такое производство мы называем обособленным конкурсом (партикулярным конкурсом)»⁵⁷.

Допущение существования подобного конкурса основывается на следующих теоретических представлениях. По общему правилу, поскольку ответственность распространяется на все имущество должника (универсальный, всеобщий характер ответственности), а цель конкурса как принудительного исполнения состоит в реализации его персональной ответственности, то конкурсное производство простирается в

---

⁵⁶ *Kohler J. Lehrbuch des Konkursrechts. Stuttgart, 1891. S. 68–69.*

⁵⁷ См.: *Jaeger E. Lehrbuch des deutschen Konkursrechts. Berlin ; Leipzig, 1932. S. 23.* Иногда такого рода конкурс обозначается термином «сепарационный конкурс».

имущественной сфере в той же степени, что и ответственность: каждый из кредиторов имеет право употребить все имущество должника для собственного удовлетворения; указанное право естественным образом ограничено лишь аналогичным правом любого другого кредитора. Отсюда следует, что абстрактной предпосылкой правомерности обособленного или партикулярного конкурса как исключения из приведенного выше общего правила является неоднородность отношений ответственности, урегулированных нормами материального права и складывающихся по поводу имущества известного субъекта, а именно: если по долгам перед определенными кредиторами отвечает только известная часть имущества лица, а остальное его имущество от этого освобождается либо если перед этими кредиторами отвечает как обособленная часть, так и прочее имущество субъекта, но на удовлетворение своих требований за счет указанной части имущества они имеют преимущественное право перед остальными кредиторами⁵⁸.

Следовательно, немецкое право в исключительных случаях признавало возможным отклонение от общего принципа «одно лицо – одна имущественная масса – один конкурс», допуская открытие нескольких конкурсных производств над отдельными имущественными массами, принадлежащими одному и тому же субъекту.

Традиционно в контексте вопроса об обособленном конкурсе учеными обсуждается наследственный конкурс, конкурсное производство над супружеской имущественной общностью, конкурс над имуществом союзов и обществ, не имеющих самостоятельной юридической личности, отличной от личности образующих их членов. Во всех остальных случаях, как полагал Й. Колер, обособленный конкурс возможен только при одновременном наличии двух предпосылок: 1) положениями гражданского, но не процессуального, права об ответственности установлены ограничения

---

⁵⁸Важно при этом подчеркнуть, что для оправдания сепаратного конкурса недостаточно, чтобы преимущественные права существовали на отдельные имущественные предметы (залоговое право, право удержания).

ответственности лица по долгам лишь определенной частью имущества или же закреплены преимущественные права некоторых кредиторов на эту имущественную часть; 2) конкурсное регулирование учитывает указанные цивилистические построения и допускает, чтобы названное обособленное имущество было предметом самостоятельного принудительного исполнения.

Э. Егера подчеркивал, что общим должником в обособленном конкурсе является всегда носитель обособленного имущества или множество таковых и только в этом их качестве. К примеру, наследственный конкурс не является конкурсом массы, а представляет собой конкурс в отношении наследника с его унаследованным имуществом; и только как его носитель, а не во всей своей имущественно-правовой личности, наследник участвует в конкурсе. Масса же не является самостоятельным субъектом права. Все попытки признать за ней юридическую личность разбиваются о тот факт, что охваченное конкурсом имущество остается принадлежать общему должнику, т.е. оно обнаруживает в нем своего стабильно определенного, реально существующего правового носителя⁵⁹.

Таким образом, следует констатировать, что применительно к Положению о конкурсе 1877 года в немецкой доктрине сложились три подхода к понятию должника. Тем не менее, отбросив все крайние элементы соответствующих теоретических воззрений, можно прийти к выводу о том, что в рамках каждой из упомянутых концепций их сторонники в конечном счете признавали свойства должника в конкурсе лишь за субъектами права, наделенными в силу материально-правовых предписаний обособленным имуществом и отвечающими этим имуществом по своим обязательствам.

§2 Современные подходы к исследованию понятия должника в праве несостоятельности (банкротства) России и Германии

2.1 Современные представления о должнике в праве

---

⁵⁹ *Jaeger E. Konkursrecht. Berlin, Heidelberg, 1924. S. 12; Jaeger E. Lehrbuch des deutschen Konkursrechts. Berlin ; Leipzig, 1932. S. 24; S. 24. Fn. 3; S. 25–26; S. 26. Fn. 2.*

несостоятельности (банкротства) России

В отличие от дореволюционного и советского права, на современном историческом этапе можно констатировать возросшее внимание ученых к проблемам общего понятия должника в деле о несостоятельности, что обусловлено различными обстоятельствами: а) расширением сферы применения правил института несостоятельности (банкротства); б) повышением интереса к несостоятельности (банкротству) как способу удовлетворения требований кредиторов, в том числе посредством правовых инструментов, не доступных за пределами правоотношений несостоятельности; в) возрастанием роли законодательства о несостоятельности в деле восстановления платежеспособности или социальной реабилитации должников и др.

Анализ теоретических источников позволяет выделить следующие основные направления в изучении категории несостоятельного должника:

- 1) формирование представлений о должнике посредством выявления и рассмотрения легальных и доктринальных признаков несостоятельного лица;
- 2) исследование вопроса о правовом статусе должника как лица, участвующего в деле о банкротстве, в контексте момента приобретения статуса и его дальнейшей динамики.

Наиболее популярным является первое направление, акцентирующее внимание на признаках категории должника. При этом основное внимание авторами уделяется легальным признакам рассматриваемого понятия.

Так, в силу абз. 3 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁶⁰ (далее – Закон о банкротстве, Закон, ЗоБ) под должником понимается гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому

---

⁶⁰ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного указанным законом.

Из приведенного определения могут быть выведены следующие нормативно закрепленные признаки должника как участника дела о банкротстве.

1. Субъектный состав должников. В силу прямого указания Закона должником в отношениях несостоятельности могут являться гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, и юридическое лицо.

Нельзя не отметить, что содержание правовой нормы о должнике в части, касающейся установления конкретного перечня потенциально несостоятельных субъектов, не может быть определено лишь на основании абз. 3 ст. 2 Закона. Нормативные предписания о правовой личности должника указанным абзацем не исчерпываются. Так, положения, посвященные установлению круга возможных должников - участников конкурсных отношений, содержатся в тексте части первой Гражданского кодекса РФ⁶¹ (далее – ГК РФ) и иных федеральных законов, а также в других статьях самого Закона о банкротстве (напр., ст. 217, ст. 223.1).

Анализ соответствующих правовых норм вызывает вопросы относительно перечня физических и юридических лиц, которые могут являться должниками в деле о банкротстве, а также о наличии такой возможности у публично-правовых образований.

В частности, п. 1 ст. 25 ГК РФ, как и Закон, определяет, что несостоятельным (банкротом) может быть признан гражданин. При этом в действующем законодательстве остаются нерешенными вопросы о возрасте и степени дееспособности гражданина - должника, о порядке возбуждения и проведения производства по делу о несостоятельности над имуществом супругов⁶², о несостоятельных должниках - иностранных граждан, местом

---

⁶¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶² Проект Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»), предусматривающий реформирование Зоб в части

сосредоточения основных интересов которых выступает территория России.

Кроме того, действующая редакция Закона о банкротстве не учитывает изменения, произошедшие в правовой регламентации предпринимательской деятельности граждан. Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Следовательно, ГК РФ в настоящее время предусмотрена возможность занятия гражданами предпринимательской деятельностью без необходимости приобретения статуса индивидуального предпринимателя. В юридической литературе в качестве примера реализации данной нормы ГК РФ называют деятельность физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»⁶³, – т.н. самозанятых граждан⁶⁴.

По-прежнему отсутствуют в Законе и правила о том, какие нормы права, например, о последствиях признания гражданина банкротом (ст. 213.30 и ст. 216 Закона), распространяются на граждан, в нарушение законодательных предписаний осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (п. 4 ст. 23 ГК РФ) (так называемые «предприниматели де-

---

регулирования процедуры совместного банкротства супругов, принят Государственной Думой РФ лишь в первом чтении (15.07.2020).

⁶³ Подробнее см.: ч. 6 ст. 2 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

⁶⁴ О характерных особенностях данной категории лиц см., напр.: *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 113–129.

Как отмечает Е.Г. Афанасьева, помимо квалификации в качестве предпринимательской деятельности самозанятых, правоприменительная практика в ближайшее время столкнется и с деятельностью людей, занятых в сфере «экономики совместного потребления». См.: *Афанасьева Е.Г.* Предпринимательская деятельность: трудности и правовые последствия квалификации // Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лажно, И.С. Шиткина. М., 2019 // СПС «КонсультантПлюс». Гл. 1.6; подробнее о понятии «экономика совместного потребления» (sharing economy) см.: *Бычков А.И.* Правовое регулирование экономики совместного потребления. М., 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

факто»)»⁶⁵.

Необходимо также отметить, что Закон о банкротстве регулирует банкротство крестьянского (фермерского) хозяйства⁶⁶, не обладающего статусом юридического лица (ст. 217, п. 1 ст. 221), и производство по делу о «банкротстве гражданина в случае его смерти» (ст. 223.1). При этом Закон в этих случаях либо закрепляет противоречивые положения в части регламентации фигуры должника, либо вообще не содержит на этот счет никаких указаний.

Разрешение указанных вопросов имеет важное практическое значение, поскольку влияет не только на саму возможность возбуждения производства по делу о несостоятельности в отношении названных лиц, но и на предпосылки открытия процедуры несостоятельности, последствия признания субъекта несостоятельным (банкротом).

Переходя далее к несостоятельным должникам - юридическим лицам, следует упомянуть, что в действующем законодательстве закреплён целый ряд исключений из общего правила абз. 3 ст. 2 Закона о банкротстве. Правовой основой для допущения таких отклонений выступает п. 2 ст. 1 Закона, признающий приоритет ГК РФ в вопросе об установлении границ действия Закона о банкротстве по кругу юридических лиц.

В соответствии с абз. 1 п. 6 ст. 61 и абз. 1 п. 1 ст. 65 ГК РФ все юридические лица, сквозь призму вопроса об их потенциальном участии в правоотношениях несостоятельности, могут быть разделены на три группы: 1) юридические лица, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) – по общему правилу все организации, зарегистрированные в качестве юридических лиц; 2) юридические лица, чье участие в деле о

---

⁶⁵ Известны исключительные случаи, когда к «непредпринимателям» применяются правила об индивидуальных предпринимателях: при завершении процедуры внесудебного банкротства гражданина, исключенного из единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей менее чем за один год до подачи заявления (п. 3 ст. 223.6 ЗоБ); правила о банкротстве застройщика могут применяться к должникам - гражданам, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя (Определения Судебной коллегии по экономическим спорам (далее – СКЭС) Верховного Суда РФ от 20.08.2018 по делу № 305-ЭС18-5428, А40-180791/2016; от 20.08.2018 по делу № 305-ЭС18-5428(2), А40-180791/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶⁶ Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249. Далее – Закон о КФХ.

банкротстве зависит от содержания федерального закона, на основании которого они созданы – не могут быть признаны несостоятельными (банкротами) государственная корпорация и государственная компания, если только иное не указано в федеральных законах, предусматривающих их создание, а также фонд при условии, что запрет на объявление его несостоятельным прямо установлен законом, предусматривающим создание и деятельность такого образования. Здесь требуется отметить, что федеральные законы, предусматривающие создание некоторых юридических лиц в указанных организационно-правовых формах, запрещают применение правил законодательства о несостоятельности (банкротстве) лишь к процедуре ликвидации этих субъектов⁶⁷, но напрямую не исключают распространение на них законодательства о несостоятельности в контексте порядка возбуждения дела о банкротстве и введения конкурсных реабилитационных процедур (государственные корпорации «ВЭБ.РФ» и Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства⁶⁸); 3) юридические лица, которые ни при каких условиях не могут выступать в качестве должников в производстве по делу о банкротстве – казенное предприятие, учреждение, политическая партия, религиозная организация, публично-правовая компания.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в силу абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ в регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. По поводу допустимости участия публично-правовых образований на стороне должника в деле о банкротстве (например, при наследовании выморочного имущества) и о правовых формах такого участия ни Закон о банкротстве, ни ГК РФ каких-либо положений не

---

⁶⁷ В этой части решение законодателя выглядит обоснованным, поскольку исключение действия норм Закона о банкротстве при ликвидации соответствующих юридических лиц сопровождается в федеральных законах, предусматривающих их создание, предписанием о том, что процедура ликвидации таких организаций должна выступать предметом регулирования самостоятельного федерального закона.

⁶⁸ Статья 19 Федерального закона от 17.05.2007 № 82-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2562; ст. 25 Федерального закона от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3799.

содержат.

Правовая природа специального порядка введения в субъекте Российской Федерации или в муниципальном образовании с целью восстановления их платежеспособности временной финансовой администрации, предусмотренного главой 19.1 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ)⁶⁹ и другими федеральными законами⁷⁰, является в юридической литературе дискуссионной⁷¹.

Проблема юридической квалификации временной финансовой администрации и ее соотношения с процедурами, применяемыми в деле о банкротстве, связана и с решением важного практического вопроса: подлежат ли правила Закона о банкротстве субсидиарному применению к отношениям по введению временной финансовой администрации и

---

⁶⁹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁷⁰ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. 3 ст. 26.9) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ч. 4 ст. 75) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁷¹ См., напр.: *Галкин С.С.* Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М., 2016. С. 43–44; *Шушмарева Т.П.* Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 28, 57–61.

Специалисты по финансовому, конституционному, муниципальному праву полагают, что временная финансовая администрация: а) это *специальный режим*, определяющий особенности обеспечения финансовой устойчивости (*Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография / под ред. И.И. Кучерова. М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс». §1.3); б) имеет *двойственную правовую природу*: это институт федерального вмешательства и механизм финансового оздоровления (*Едалов Г.В.* Полномочия Президента Российской Федерации в сфере федерального вмешательства в дела субъектов Российской Федерации : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 2009. С. 24) либо это мера федерального вмешательства и элемент института несостоятельности (банкротства) (*Шашкова Е.М.* Конституционно-правовые проблемы взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 27); в) это *санкция конституционно-правовой ответственности* по отношению к органам власти и их должностным лицам (*Полюбин Д.В.* Конституционно-правовые основы государственного контроля законности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. С. 24); г) институт временного осуществления органами публичной власти вышестоящего уровня отдельных, прежде всего бюджетных, полномочий органов публичной власти нижестоящего уровня (вторжение в исполнение полномочий); институт публичной ответственности органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и их должностных лиц (при этом автор признает, что по-прежнему требуется установить в законодательстве соответствующие меры ответственности); институт конституционного, муниципального и бюджетного права, *принципиально отличающийся от института несостоятельности (банкротства)* (*Дементьева О.А.* Временная финансовая администрация как институт ответственности публичной власти // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 32–33, 35, 41–42).

В экономической науке была высказана позиция, согласно которой введение временной финансовой администрации представляет собой *процедуру банкротства* региональных (местных) органов власти (*Тарасов В.А.* Оценка кризисного потенциала территориальных бюджетов Российской Федерации : Дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 26–34).

осуществлению мероприятий по финансовой реабилитации публично-правовых образований.

Наконец, законодателем в сфере несостоятельности (банкротства) без внимания оставлены вопрос о правомерности участия нескольких лиц на стороне должника и проблема несостоятельности взаимосвязанных в широком смысле слова лиц⁷².

Подробнее об отдельных субъектах как лицах, участвующих на стороне должника в правоотношениях несостоятельности (банкротства), речь пойдет во второй главе настоящей работы. Здесь же мы лишь констатируем, что включенный в определение понятия должника в Законе, по сути, закрытый перечень возможных несостоятельных субъектов (физические и юридические лица) не позволяет сам по себе в полной мере ответить на вопрос о персональном составе потенциальных должников в деле о банкротстве.

2. Неспособность удовлетворить требования кредиторов.

Законодатель по отношению к субъектам - должникам использует словосочетание «оказавшиеся неспособными». При этом экономическое или юридическое содержание обозначаемого указанным термином понятия, юридико-фактические предпосылки и порядок появления у лица такого свойства в законодательстве однозначным образом не раскрываются.

Из текста закона также неясно, возможно ли в данном случае посредством систематического толкования предписаний, посвященных определению понятия должника (абз. 3 ст. 2) и понятия несостоятельности

---

⁷² Как отмечает Е.В. Мохова – один из ведущих российских исследователей в области банкротства, осложненного иностранным элементом, – в сфере трансграничного банкротства широко обсуждается вопрос о признании несостоятельными групп должников, в частности трансграничных групп компаний (ТГК; термин, заменивший выражение «транснациональная корпорация»). Под ТГК понимается экономически единый субстрат, юридически действующий как множество аффилированных лиц с различной государственной принадлежностью. Банкротство таких образований урегулировано на уровне Европейского союза в Регламенте ЕС 2015/848. См. подробнее: *Мохова Е.В.* Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // Закон. 2014. № 6. С. 64.

Д.О. Османова предлагает в целях защиты прав кредиторов закрепить в гражданском законодательстве правила о правосубъектности группы лиц как единого лица, *представленного множеством участников*, а в законодательстве о банкротстве – нормы о соответствующей категории должника. *Османова Д.О.* Банкротоспособность как элемент правосубъектности группы лиц // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М., 2017. С. 335, 337, 339, 340.

(банкротства) (абз. 2 ст. 2), сделать вывод о совпадении признаков «оказавшийся неспособным» и «признанная арбитражным судом неспособность». Полагаем, оснований для утвердительного ответа на данный вопрос нет, поскольку понятия «должник - участник дела о банкротстве» и «несостоятельный должник» по своим признакам являются несовпадающими.

Так, по мнению В.Ф. Попондопуло, следует выделять внешние и сущностные признаки банкротства. Внешние (приостановление платежей на определенный срок и в предусмотренном размере) – свидетельствуют лишь о неплатежеспособности должника и являются материально-правовым основанием для принятия заявления о признании должника банкротом и возбуждения судопроизводства по делу о банкротстве. В отличие от них, сущностные (признаки неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов) – должны быть установлены в ходе судебного разбирательства по делу о банкротстве для признания должника банкротом⁷³.

3. Наличие перед кредиторами задолженности, вытекающей из правоотношений определенного вида.

Приобретение лицом статуса должника как участника дела о банкротстве имеет в качестве своей предпосылки наличие у субъекта долга, основанного лишь на правоотношениях, характер и основания возникновения которых названы в Законе о банкротстве.

Прежде всего, это могут быть основания, предусмотренные ГК РФ и бюджетным законодательством и порождающие обязанность субъекта уплатить кредитору определенную денежную сумму, – денежные обязательства.

Следует отметить, что в ГК РФ не содержится определение понятия денежного обязательства. В п. 1 ст. 307 ГК РФ говорится лишь о том, что на

---

⁷³ Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. М., 2016. С. 10–11.

должнике в гражданско-правовом обязательстве может лежать обязанность уплатить деньги⁷⁴.

Вопрос о понятии, юридической и экономической сущности, а также видах денег представляет собой самостоятельную дискуссионную проблему, требующую теоретического осмысления⁷⁵, выходящего за пределы настоящей работы. К категории денег здесь мы обращаемся лишь в той степени, в которой того требует изучение понятия денежного обязательства. Относительно отличительных признаков последнего⁷⁶ и его отграничения от иных обязательств, связанных с деньгами, в научной литературе и судебной практике были высказаны различные точки зрения.

Из разъяснений, данных в разное время высшими судебными инстанциями, может быть выведен критерий функционального назначения денег: к денежным обязательствам должны быть отнесены лишь такие правоотношения сторон, которые связаны с использованием денег в качестве средства платежа (средства погашения денежного долга)⁷⁷.

Однако одно лишь указание на «погашение долга» мало что дает для раскрытия сущности понятия обязательства по уплате денег, поскольку долгом именуется всякая юридическая обязанность, лежащая на должнике как стороне обязательственного правоотношения. С этой точки зрения передача коллекционной монеты в собственность покупателя во исполнение обязанности продавца, возникшей из договора купли-продажи, тоже «погашает долг» последнего перед первым. В свою очередь, категория

---

⁷⁴ На этой основе денежное обязательство именуется в доктрине также обязательством по уплате или уплате денег.

⁷⁵ См.: *Лапач В.А.* Деньги в системе объектов гражданских прав // Законодательство. 2004. № 9. С. 7–17.

⁷⁶ В.А. Белов полагает, что словосочетание «денежное обязательство», означающее буквально «денежное правоотношение», может обозначать либо денежный долг (обязанность уплаты), либо денежное требование (требование уплаты), но не все правоотношение в целом, поскольку понятие денежного правоотношения «лишено смысла». См.: *Белов В.А.* Гражданское право в 4 т. Том IV в 2 кн. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Книга 1. Обязательства + допматериал в ЭБС : учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2020. С. 30, 198.

⁷⁷ Постановление Пленума ВС РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» (Вестник ВАС РФ. № 11. 1998); Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» (Вестник ВАС РФ. 2009. № 9); Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5).

средства платежа, несмотря на ее довольно частое употребление в законодательных текстах⁷⁸, нуждается в отдельном изучении и представлении. Обратим лишь внимание на то, что во многих случаях термин «средство платежа» не обозначает деньги, как объект права, а становится в один ряд с документами, банковскими картами, техническими устройствами (кольцами, браслетами) или технологиями, позволяющими сформировать и направить распоряжение о переводе денежных средств⁷⁹.

Рассматриваемая проблема имеет не только теоретический, но и прикладной характер, в частности, в судебной практике имеются затруднения с квалификацией требования кредитора в качестве денежного⁸⁰.

В литературе по рассматриваемому вопросу сформировалось два подхода: а) денежным является обязательство, в силу которого должник обязан передать в собственность кредитору деньги в определенной или определенной сумме⁸¹; б) обязательство следует признать денежным, если его предметом выступают деньги как всеобщее орудие обмена (циркуляторная функция) и законное платежное средство (платежная функция), при этом размер долга выражается в определенной сумме счетных (денежных) единиц

---

⁷⁸ См., например: ст. 31 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790); ст. 34 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251).

⁷⁹ См.: п. 19 ст. 3, ст. 9 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О национальной платежной системе» (СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872); ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954).

⁸⁰ По одному из дел суд пришел к выводу о том, что требование о возврате паевого взноса связано исключительно с участием в потребительском кооперативе, в связи с чем не может служить основанием для возбуждения дела о банкротстве последнего (постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.02.2015 по делу № А40-33319/14 // СПС «КонсультантПлюс»). В другом деле коллегия ВС РФ обязательство по возмещению судебных расходов признала денежным обязательством о возмещении убытков, составляющих реальный ущерб, предоставляющим право на инициирование процедуры несостоятельности (п. 12 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс»).

Руководствуясь приведенными разъяснениями ВС РФ, возможно допустить возбуждение дела о банкротстве по требованию гражданина-потребителя, в пользу которого решением суда были взысканы расходы по устранению недостатков выполненной должником работы и (или) вызванные указанным нарушением прав потребителя убытки в виде реального ущерба (Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁸¹ Денежные обязательства: комментарии, судебная практика и образцы документов / Под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2011. С. 3. На аналогичный критерий было указано еще в работе известного немецкого ученого-пандектиста Б. Виндшейда: предметом обязательства, связанного с денежным долгом, выступает предоставление другому лицу права собственности на какую-либо сумму денег. См.: *Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Zweiter Band. Frankfurt a. M., 1887. § 251. S. 6; S. 6. Fn. 2.*

(номинальная платежная сила)⁸².

Обращает внимание, что в приведенных подходах при характеристике денежного обязательства в качестве определяющего используется категория «деньги» в узком смысле этого понятия, однако средством платежа могут выступать не только деньги. С развитием информационных технологий в обороте наметилась тенденция к появлению новых финансовых инструментов, понятием денег как объектов прав не охватываемых, но способных при определенных условиях к выполнению их функций. Речь идет о таких явлениях, как частная валюта⁸³, цифровые права и цифровая валюта (ст. 128, 141.1 ГК РФ)⁸⁴, криптовалюта⁸⁵ и пр. Поэтому все более отчетливо проявляется необходимость в разработке новой правовой конструкции, которая позволила бы включить указанное «имущество» в сферу конкурсных отношений⁸⁶.

---

⁸² Луц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., 2004. С. 26–27, 30–34, 36, 50, 52–53, 57–58, 99–100, 104–105, 108–111, 131.

Близкую к обозначенной позицию занимает В.А. Белов, для которого денежное обязательство есть «гражданское правоотношение, содержанием которого является право требования кредитора и корреспондирующая ему юридическая обязанность должника совершить уплату или платеж, т.е. действие (или действия) по передаче определенной (определимой) суммы денег (валюты)», выраженной в денежных единицах, признанных на установленной территории обязательным и универсальным средством погашения задолженности. Белов В.А. Денежные обязательства. М., 2007. С. 152–156. В настоящее время ученый полагает, что обязательство следует квалифицировать как денежное, если его целью является передача денег в качестве денег, то есть как вещей (банкнот или монет), определенных одним лишь таким признаком, как заключенное в них количество денежных знаков. Белов В.А. Гражданское право в 4 т. Том IV в 2 кн. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Книга 1. Обязательства + допматериал в ЭБС : учебник для вузов. М., 2020. С. 198.

⁸³ Коростелёв М.А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

⁸⁴ Вступившим в силу с 01.01.2021 Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018) предусмотрена еще одна разновидность цифровых прав – цифровые финансовые активы, которые сами по себе не признаются средством погашения денежных обязательств, а лишь удостоверяют права, в том числе денежные требования. Иной подход избран законодателем в отношении цифровой валюты, которая признается совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей России, иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций.

⁸⁵ Белых В.С., Егорова М.А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Журнал «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». 2019. № 2. С. 139–146.

⁸⁶ Вопрос о криптовалюте как объекте отношений несостоятельности уже поднимался в доктрине конкурсного права. См.: Карелина С.А., Фролов И.В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая [и др.] ; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2019. С. 117–128; Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 37–

Более того, арбитражные суды при рассмотрении дел о банкротстве уже столкнулись с необходимостью применения положений действующего законодательства к указанным объектам⁸⁷, что свидетельствует о высокой степени актуальности анализируемого вопроса и необходимости его отдельного доктринального осмысления.

Следует обратить внимание на неполноту законодательного определения понятия денежного обязательства (абз. 4 ст. 2 ЗоБ), в котором не получили закрепления денежные обязательства, возникающие из оснований, предусмотренных нормами Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)⁸⁸. Вопрос о юридической природе оснований возникновения имущественных прав и обязанностей участников семейных отношений в доктрине дискусионен и тесным образом связан с проблемой самостоятельности отрасли семейного права⁸⁹. Не вдаваясь в научную полемику, отметим, что в производстве по делу о банкротстве к должнику-гражданину могут быть предъявлены требования об уплате алиментов, о перечислении денежных средств в размере, предусмотренном брачным договором, о выплате компенсации, установленной соглашением о разделе совместно нажитого имущества и т.д. Представляется, что правовая квалификация данных денежных требований близко подходит к гражданско-правовой, но с формальной точки зрения таковой не является. Поэтому сложно согласиться с решением законодателя в этой части.

Далее отметим, что из абз. 4 ст. 2 Закона № 127-ФЗ явствует, что основания возникновения денежных обязательств могут быть предусмотрены не только гражданско-правовыми нормами, но и предписаниями бюджетного

---

43. Помимо цифрового имущества, в доктрине выделяют также так называемое виртуальное имущество. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня.

⁸⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁸⁹ О высказанных в науке точках зрения см., напр.: Крашенинников П.В. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова; под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 8–10; Нечаева А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. М., 2019. С. 16–24.

законодательства⁹⁰.

Под денежным обязательством в силу абз. 24 ст. 6 БК РФ понимается обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения. Как следует из приведенного определения, своеобразие денежного обязательства в БК РФ проявляется в двух отличительных признаках: 1) на его обязанной стороне выступает получатель бюджетных средств; 2) обязанность исполняется за счет средств бюджета.

В результате анализа абз. 24 ст. 6 БК РФ В.С. Белых сделан вывод о том, что в Законе о банкротстве понятие «денежное обязательство» носит не только гражданско-правовой, но и публичный характер⁹¹.

С указанным мнением можно согласиться, однако оно требует некоторого уточнения. В абз. 38 ст. 6 БК РФ указано, что получатель бюджетных средств (получатель средств соответствующего бюджета) – это орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение *бюджетных обязательств от имени публично-правового образования* [здесь и далее курсив наш. – Р.Ф.] за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено БК РФ.

В результате БК РФ оперирует двумя терминами: «денежное

---

⁹⁰ Некоторыми авторами критически оценивается допустимость использования термина «обязательство» в отношении как минимум расходных денежных обязанностей, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ, а как максимум – применительно ко всем публично-правовым денежным обязанностям. См.: *Омелёхина Н.В.* Отличие денежных обязанностей от денежных обязательств: финансово-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 121–130.

⁹¹ Банкротство граждан (Критерии. Статус. Процедуры) : учебно-практическое пособие / под общ. ред. В.С. Белых. М., 2017. С. 7–8.

обязательство» и «бюджетное обязательство». Бюджетные обязательства – это расходные обязательства, подлежащие исполнению в соответствующем финансовом году. В свою очередь, расходные обязательства есть обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением *обязанности публично-правового образования* (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) или действующего *от его имени казенного учреждения предоставить* физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права *средства из соответствующего бюджета* (абз. 20, 21 ст. 6 БК РФ).

Как следует из абз. 2 п. 3 ст. 219 БК РФ получатель бюджетных средств принимает бюджетные обязательства путем заключения государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров с физическими и юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или в соответствии с законом, иным правовым актом, соглашением.

Соответственно, вполне обоснованно говорить о том, что одно и то же денежное обязательство, которое возникло, к примеру, на основании государственного контракта и сторонами которого выступают государственный орган и юридическое лицо, будет квалифицировано различным образом в зависимости от того, сквозь призму предписаний какой отраслевой принадлежности мы его оцениваем, и отношения между какими субъектами имеем при этом в виду. Для юридического лица - поставщика долг заказчика по оплате поставленного в рамках контракта товара – это гражданско-правовое (частное) обязательство. С точки зрения БК РФ этот же долг – денежное обязательство (публичная обязанность) заказчика в смысле абз. 24 ст. 6 БК РФ. В границах «внутреннего» отношения между публично-правовым образованием и названным органом рассматриваемое обязательство есть уже обязательство бюджетное.

Отсюда применительно к понятию денежного обязательства как признаку должника в конкурсных отношениях может быть сформулирован

следующий принципиальный вывод. Содержащаяся в абз. 4 ст. 2 Закона о банкротстве отсылка к правилам бюджетного законодательства при ближайшем рассмотрении лишена практического значения. Причина этого заключается в том, что бюджетным законодательством урегулированы отношения, в том числе денежного характера, субъекты которых не могут выступать должниками в правоотношениях несостоятельности. Соответствующие бюджетные связи – это, по существу, внутренние отношения между публично-правовым образованием и действующими от его или от собственного имени органами и иными получателями бюджетных средств, характеризующиеся вертикальным, субординационным положением участвующих в них субъектов. Предметом бюджетного права обычно не выступают внешние отношения получателей бюджетных средств с другими участниками имущественного оборота, регулируемые налоговым, гражданским и другими отраслями права. Однако некоторые из названных субъектов бюджетных правоотношений, специально на то уполномоченные, могут от имени территориальных публичных образований выступать в деле о несостоятельности, но на стороне кредиторов – в роли уполномоченных органов⁹².

В результате следует прийти к выводу о том, что признаки понятия денежного обязательства в том смысле, который ему придан правилами БК РФ, позволяют критически оценить норму абз. 4 ст. 2 Закона в части указания на бюджетное законодательство как на основание возникновения денежного требования кредитора к должнику. Данное предписание не может быть востребовано по причине противоречия предусмотренному Законом

---

⁹² Кроме того, в соответствии с нормами бюджетного права в истолковании, предложенном ВС РФ, должником в денежном обязательстве, предметом которого является уплата денежных средств за счет средств бюджета (по государственным (муниципальным) контрактам, из неосновательного обогащения, в связи с излишней уплатой другой стороной правоотношения денежных средств по сделкам или в силу закона и пр.), может выступать казенное учреждение. Однако данный субъект также не может быть признан несостоятельным (банкротом), к тому же исполнение судебных актов о взыскании с казенного учреждения денежных средств осуществляется в специальном порядке, установленном статьями 242.3–242.6 БК РФ. См.: п. 19–20 Постановления Пленума ВС РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

порядку установления правоотношений несостоятельности.

Помимо изложенного неспособность должника к удовлетворению требований кредиторов может быть основана на неисполнении обязанности по уплате обязательных платежей. Понятие «обязательные платежи» включает в себя налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджеты бюджетной системы России и (или) государственные внебюджетные фонды, в том числе штрафы, пени и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате указанных взносов, а также административные штрафы и установленные уголовным законодательством штрафы (абз. 5 ст. 2 Закона о банкротстве). Заметим, что установленный законодателем перечень видов обязательных платежей не является исчерпывающим⁹³.

Задолженность должника в правоотношениях несостоятельности (банкротства), упрямочивающая его кредитора как на подачу заявления о признании лица несостоятельным (банкротом), так и на включение в реестр требований кредиторов, может проистекать также из трудовых правоотношений. Так, правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом обладает также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда (ст. 7, 39, п. 1, 2 ст. 183.19, п. 1 ст. 184.4, пп. 5 п. 1, п. 2 ст. 189.61; п. 2 ст. 213.1, ст. 217 ЗоБ).

Буквальное толкование законодательных положений приводит к выводу об ограниченности круга требований, вытекающих из трудовых правоотношений, упрямочивающих (бывшего) работника на подачу заявления о признании работодателя несостоятельным (банкротом) и удовлетворяемых во вторую очередь реестра требований. Юридически значимыми являются только требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда.

Избранный законодателем термин «оплата труда» следует признать

---

⁹³ В судебной практике к обязательным платежам относится, в частности, исполнительский сбор.

неудачным, что обусловлено, во-первых, использованием в Законе о банкротстве и других терминов, обозначающих выплаты работникам, а во-вторых, неоднозначностью понятия оплаты труда в науке трудового права и в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ)⁹⁴. В этой связи неразрешенной остается проблема установления видов выплат работнику, которые в действительности имели в виду разработчики Закона о банкротстве.

Так, согласно абз. 7 п. 1 ст. 9 Закона руководитель должника обязан обратиться с заявлением должника в арбитражный суд в случае, если имеется не погашенная в течение более чем трех месяцев по причине недостаточности денежных средств задолженность по выплате выходных пособий, оплате труда *и другим причитающимся работнику, бывшему работнику выплатам* в размере и в порядке, которые устанавливаются в соответствии с трудовым законодательством. В результате Закон разграничивает понятия «оплата труда, выходное пособие» и «другие причитающиеся (бывшему) работнику выплаты». Помимо названных терминов, в п. 2.1 ст. 134, п. 3 ст. 189.6 Зоб речь идет о требованиях работников о *компенсационных и иных выплатах*.

В результате можно прийти к интересным выводам. По смыслу п. 1 ст. 136 Закона о банкротстве к требованиям работника, подлежащим удовлетворению во вторую очередь реестра требований кредиторов, относятся только требования о выплате выходных пособий и об оплате труда, а также об уплате *процентов* за нарушение установленного срока выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и *других причитающихся работнику выплат* (ст. 236 ТК РФ). Соответственно, требования, не относящиеся к выходному пособию, оплате труда и процентам по ст. 236 ТК РФ, могут быть включены в реестр требований кредиторов, но во вторую очередь удовлетворяться не должны (п. 1 ст. 136 Закона).

---

⁹⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Буквальное прочтение норм Закона о банкротстве (ст. 16) означает, что требования работников, которые не охватываются понятиями оплаты труда и выходного пособия, не могут быть включены арбитражным управляющим в реестр по своей инициативе, а должны быть предметом самостоятельного судебного процесса об установлении их размера (ст. 71, 100 ЗоБ) и подлежат включению в реестр требований кредиторов должника - работодателя лишь на основании определения арбитражного суда, даже если они подтверждены вступившим в законную силу судебным актом, принятым по другому делу.

На наш взгляд, такое грамматическое толкование текста Закона не соответствует социальной направленности конкурсного права в контексте отнесения (бывших) работников должника, осуществлявших трудовую функцию на основании трудового договора, к числу привилегированных кредиторов.

Следует учитывать, что в силу ч. 1 ст. 129 ТК РФ понятия «оплата труда» и «заработная плата» являются синонимами. Однако анализ иных статей ТК РФ позволяет согласиться с теми специалистами в сфере регламентации трудовых отношений, которые расценивают первое понятие как вбирающее в себя второе⁹⁵.

Так, как следует из ч. 1 ст. 129 ТК РФ, в составе заработной платы (оплаты труда) необходимо различать три структурных элемента: а) вознаграждение за труд (основная часть); б) компенсационные выплаты; в) стимулирующие выплаты. Вместе с тем не всякие компенсации (ст. 164 ТК РФ), выплачиваемые работнику, относятся к категории компенсационных выплат, являющихся составной частью заработной платы⁹⁶. Также ТК РФ

---

⁹⁵ Понятие оплаты труда предстает в нормах ТК РФ как институт трудового права, охватывающий не только непосредственно плату работнику за осуществляемую им трудовую функцию (заработную плату), но и гарантии и компенсации (разд. VII ТК РФ), систему, формы и размер иных выплат в пользу работника. См.: *Петров А.Я.* Трудовое право. В 2 т. Том 2. Особенная часть. Международно-правовое регулирование труда : учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Ю.П. Орловский; ред.-сост. Е.С. Герасимова. М., 2019. С. 179, 182–184, 203.

Также в ТК РФ законодателем использован еще один самостоятельный термин – «суммы, причитающиеся работнику» (напр., ст.142 ТК РФ).

⁹⁶ В первую очередь, речь идет о компенсациях, не связанных с условиями труда в виде некоторых неблагоприятных факторов (компенсация лицам затрат, связанных с участием в коллективных переговорах (ч. 2 ст. 39 ТК РФ), возмещение расходов, связанных со служебной командировкой (ст. 168 ТК РФ),

известны и другие денежные обязанности работодателя, именуемые компенсациями: компенсации - элементы института охраны труда (компенсационная выплата взамен выдачи пищевых продуктов (ч. 1 ст. 222 ТК РФ)); компенсации - меры ответственности (компенсация морального вреда⁹⁷).

Кроме того, легальное определение понятия заработной платы (оплаты труда) (ч. 1 ст.129 ТК РФ) не охватывает понятие социальных выплат работнику. При этом на основании коллективного договора лицом, обязанным по таким выплатам, может выступать именно работодатель - должник (напр., выплаты за длительный добросовестный труд, обязательства по осуществлению которых добровольно приняты на себя работодателем).

Указанные выше компенсации и выплаты находятся за пределами понятия заработной платы (оплаты труда) в том его виде, в котором оно закреплено в ч. 1 ст.129 ТК РФ, а потому субъективные права работника на их получение согласно действующему Закону о банкротстве не могут быть защищены путем обращения в арбитражный суд с заявлением о признании работодателя несостоятельным (банкротом).

Таким образом, следует прийти к выводу о необходимости унификации норм Закона о банкротстве и правил ТК РФ. Представляется необходимым отказаться от использования в конкурсном праве неоднозначно раскрытого в трудовом законодательстве словосочетания «оплата труда». В зависимости от действительной цели, которую преследовал законодатель, используя в

возмещение расходов при использовании личного имущества работника (ст. 188 ТК РФ). Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) также подчеркнул, что выплаты, производимые работнику при выполнении им работ в условиях, отклоняющихся от нормальных (при сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни и др.), в отличие от компенсационных выплат иного характера (за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, в местностях с особыми климатическими условиями), *не могут включаться в состав регулярно получаемой месячной заработной платы*, которая исчисляется с учетом постоянно действующих факторов организации труда, производственной среды или неблагоприятных климатических условий. См.: Постановление КС РФ от 11.04.2019 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений ст.129, ч.1 и 3 ст.133, а также ч.1-4 и 11 ст. 133.1 Трудового кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.Ф. Жарова» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁷ По мнению ВС РФ, учитывая, что ТК РФ не содержит на этот счет каких-либо ограничений, суд вправе удовлетворить требование работника о компенсации морального вреда, причиненного ему любыми неправомерными действиями или бездействием работодателя, в том числе и при нарушении его имущественных прав (например, при задержке выплаты заработной платы). См.: абз.2 п.63 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2004. № 6.

предписаниях Закона указанное понятие (ограничить требования работника только вознаграждением за труд или же предоставить ему возможность заявить любые денежные требования к работодателю), следует либо заменить категорией «заработная плата» или термином «суммы, причитающиеся работнику», либо внести в текст Закона о банкротстве положение о том, что в деле о банкротстве под оплатой труда понимается весь объем денежных средств, выплачиваемых работнику и обусловленных характером и содержанием его трудовой деятельности, а также условиями ее осуществления.

По общему правилу должник или кредитор вправе обратиться с заявлением о возбуждении дела о банкротстве, положив в основу такого заявления любые денежные обязанности должника⁹⁸. Однако функциональное назначение различных денежных требований и вызываемые ими юридические следствия не тождественны. Только непосредственно названные в Законе притязания юридически способны «запустить» конкурсный механизм. Так, для целей проверки обоснованности принятого арбитражным судом заявления о признании должника банкротом юридическим эффектом обладают лишь те денежные обязательства, которые не подпадают под ограничения абз. 2 и 4 п. 2 ст. 4 Закона⁹⁹. То есть

---

⁹⁸ Данное правило является общим для любых категорий должников. Поэтому, как верно указал ВС РФ, в рамках дела о банкротстве должника - застройщика участник строительства вправе предъявить не только денежные требования, установленные перечнем, содержащимся в пп. 4 п. 1 ст. 201.1 Закона, но и иные притязания о передаче денег, в частности требование об уплате неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства (определение ВС РФ от 31.07.2015 по делу № 305-ЭС15-3229, А40-33319/14 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁹⁹ Как отметил ВС РФ, по смыслу абз. 4 ст. 2 и п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве финансовые санкции, подлежащие применению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств (в частности, неустойка), хотя и не учитываются при определении признаков банкротства, но все же охватываются понятием денежного обязательства – см.: ответ на вопрос 8 в Обзоре судебной практики ВС РФ № 1 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 04.03.2015) // БВС РФ. 2015. № 5. Полагаем, что эта же логика применима к обязательным платежам и вызываемым их просрочкой финансовым санкциям. Также следует еще раз отметить, что закрепленный в п. 2 ст. 4 Закона перечень исключений носит исчерпывающий характер (Определение ВС РФ от 22.12.2017 № 307-ЭС17-14888 // СПС «КонсультантПлюс»).

По вопросу о том, какие требования подлежат учету при установлении признаков несостоятельности должника, а какие нет, имеется обширная правоприменительная практика.

С формально-юридической точки зрения долг, лежащий в основании заявления кредитора или должника, может быть выражен даже в обязанности компенсировать моральный вред или возместить реальный ущерб, вызванный повреждением имущества, – вывод, который вытекает из буквального толкования абз. 4, 8 ст. 2, абз. 2, 4 п. 2 ст. 4, абз. 7 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве. В судебной практике требование о компенсации морального вреда относят как к учитываемым при определении признаков несостоятельности (банкротства), так и к притязаниям, не имеющим для этого юридического значения. См.: определение ВС РФ от 22.02.2019

юридически значимым обстоятельством здесь является состав денежного требования к должнику. Вместе с тем Верховный Суд РФ придерживается позиции о нераспространении данных ограничений на случаи, когда должник - юридическое лицо обращается с заявлением о собственном банкротстве – для таких заявлений юридически несущественен не только характер требований, подтверждающих наличие признаков несостоятельности (основной долг или финансовые санкции), но и размер, период неисполнения обязательства, а также наличие вступившего в законную силу судебного акта о взыскании задолженности (установленность требования)¹⁰⁰.

Кроме того, в непосредственно дозволенных в Законе случаях требования кредиторов могут иметь и неденежный характер¹⁰¹. В остальных ситуациях неденежные требования, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, с целью их учета в деле о банкротстве должны быть трансформированы в денежные¹⁰², в том числе посредством заявления, оценки и включения в реестр требований кредиторов соответствующих имущественных претензий после открытия процедуры конкурсного производства.

Наконец, Закону о банкротстве известны случаи, когда субъект, обращающийся в арбитражный суд с заявлением о признании лица несостоятельным (банкротом), не имеет к последнему никаких притязаний, т.е. не является его кредитором: речь идет о Банке России, инициирующем возбуждение производства по делу о несостоятельности кредитной

№ 305-ЭС18-25827 по делу № А41-5242/2018; определение ВС РФ от 05.09.2018 № 307-ЭС18-12621 по делу № А56-77452/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Более обоснованной видится первая позиция.

¹⁰⁰ Определение ВС РФ от 05.04.2018 № 307-ЭС17-20207 по делу № А56-5164/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰¹ В процедуре банкротства застройщика могут быть предъявлены имущественные требования участника долевого строительства о передаче ему жилого помещения, машино-места или нежилого помещения.

¹⁰² *Енькова Е.Е.* Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 59; *Шишмарева Т.* К вопросу о преобразовании неденежных требований в денежные в процедурах несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 5. С. 34–37; № 6. С. 33–36.

В науке конкурсного права предложено законодательно наделить рассматриваемую категорию кредиторов преобразовательным правомочием: правом на обращение в арбитражный суд с требованием об изменении (трансформации) состава обязательства (из неденежного в денежное). Преобразовательное требование представляет собой самостоятельный способ защиты прав и интересов кредиторов по неденежным требованиям. См.: *Бруско Б.С.* Категория защиты в российском конкурсном праве. М., 2006. С. 126–130, 177.

организации¹⁰³, а также о Фонде защиты прав граждан - участников долевого строительства¹⁰⁴ и указанном в ст. 4 Закона РФ от 15.04.1993 № 4802-1 (ред. от 01.07.2021) «О статусе столицы Российской Федерации»¹⁰⁵ органе государственной власти (п. 2.6 ст. 201.1 ЗоБ).

Таким образом, можно констатировать, что в Законе о банкротстве не существует единого понятия денежного обязательства (денежной обязанности). Законодательно закреплён лишь принцип «денежности требований кредиторов с исключениями».

4. Неспособность к погашению требований кредиторов в течение законодательно установленного срока.

Срок, по истечении которого должник считается неспособным удовлетворить требования кредиторов, составляет, как правило, три месяца, начиная с того дня, когда обязательства должны были быть им исполнены (п. 2 ст. 3, абз. 7 п. 1 ст. 9, п. 2 ст. 33, п. 6 ст. 177, абз. 5 п. 2 ст. 183.19, п. 2 ст. 213.3 ЗоБ). Иное может быть прямо предусмотрено Законом (ст. 8, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 183.16, п. 1 ст. 189.64, п. 3 ст. 190, п. 2 ст. 197).

Думается, что использование законодателем при описании признаков несостоятельности (банкротства) формулировки «считается неспособным» явно свидетельствует о закреплении в Законе презумпции, которая может быть опровергнута в ходе производства по делу о банкротстве. Должником в производстве по делу о несостоятельности может быть только то лицо, которое в действительности не способно погасить образовавшуюся задолженность перед кредиторами. Неисполнение обязанностей в течение некоторого срока лишь порождает опасения в наличии у лица возможности удовлетворить своих кредиторов.

Следует согласиться с высказанным в литературе утверждением о том,

---

¹⁰³ Вывод о наличии у Центрального Банка РФ такого правомочия проистекает из содержания пп. 4 п. 1, п. 4, 5 ст. 189.61, п. 6 ст. 189.62, п. 3 ст. 189.63, ст. 189.65, п. 2, 3 ст. 189.66 ЗоБ. В данной ситуации Банк России реализует функции органа банковского регулирования и банковского надзора (пп. 2 п. 1 ст. 189.59 ЗоБ).

¹⁰⁴ Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767).

¹⁰⁵ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683.

что неудовлетворение требований кредиторов в течение определенного времени не является универсальной чертой должника ни на момент возбуждения дела о банкротстве, ни в процедурах несостоятельности (банкротства)¹⁰⁶. Однако само по себе это обстоятельство едва ли может обосновать необходимость исключения неспособности к удовлетворению требований кредиторов на протяжении установленного срока из легального определения понятия должника. Обратный взгляд приводит к мысли о том, что аналогичная судьба должна постичь и указание на денежный характер требований кредиторов к должнику, поскольку, как было показано выше, Закону известны случаи предъявления в рамках дела о банкротстве имущественных неденежных притязаний.

Строго говоря, неспособность должника к исполнению лежащих на нем обязанностей перед кредиторами в течение нормативно установленного временного отрезка вбирает в себя еще одну характерную черту должника в конкурсных отношениях – существование неисполненных в срок обязательств (нахождение должника в состоянии просрочки). Данный признак несостоятельного должника признается в доктрине большинством авторов¹⁰⁷.

Таковы признаки должника в правоотношениях несостоятельности (банкротство), непосредственно вытекающие из легального определения

---

¹⁰⁶ *Галкин С.С.* Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 52.

¹⁰⁷ *Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л.* Правовые основы несостоятельности (банкротства): Учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В.С. Якушева. М., 2001. С. 50; *Галкин С.С.* Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М., 2016. С. 41; *Кореев К.Б.* Правовое положение неплатежеспособного должника : монография. М., 2016. С. 39–40; Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М., 2004. С. 63; *Попондопуло В.Ф.* Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс»; *Рыбасова Е.А.* Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. Е.А. Рыбасовой. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс»; *Синякина А.М.* Процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве) : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 97.

Вместе с тем действующему законодательству известна возможность подачи должником заявления о признании себя банкротом в предвидении своего банкротства. Как указывает М.В. Телюкина, предвидение банкротства – ситуация, когда в силу определенных обстоятельств для должника очевидна невозможность исполнения обязательств и обязанностей по мере срока наступления их исполнения в будущем. Таким образом, заявление в предвидении банкротства представляет собой обращение в суд при отсутствии признаков банкротства (*Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М., 2004. С. 126–127).

указанного понятия.

Не относится к числу нормативных признаков должника, но выделяется учеными при рассмотрении признаков несостоятельности должника, а также условий возникновения права на обращение в суд с заявлением о признании лица банкротом, *наличие у субъекта неисполненных обязательств в определенном размере.*

По общему правилу приобретение должником статуса должника в производстве по делу о банкротстве или в процедуре внесудебного банкротства предопределяется принятием на себя субъектом ранее долга в установленном законом размере: 300 тыс. руб. – для юридических лиц, 500 тыс. руб. – для физических лиц в «общей» процедуре банкротства (§ 1.1 гл. X), от 50 тыс. до 500 тыс. руб. – для физических лиц в процедуре внесудебного банкротства (п. 2 ст. 6, п. 2 ст. 33, п. 2 ст. 213.3, п. 1 ст. 223.2). Несмотря на высказанное в литературе критическое отношение к решению российского законодателя об установлении минимальных размеров задолженности должника, в целом, их закрепление в Законе обеспечивает правовую определенность для участников имущественного оборота, а их размер таков, что неисполнение денежных обязанностей на соответствующую сумму чаще всего действительно свидетельствует о финансовых затруднениях субъекта.

В работах по праву несостоятельности ученые стали уделять специальное внимание понятию должника сравнительно недавно, в дополнение к законодательным признакам ими был предложен дополнительный перечень специфических свойств исследуемой категории.

Так, к числу признаков банкротства должника¹⁰⁸ относят *установленность требования кредитора к нему*, т.е. необходимость предварительного получения судебного акта, подтверждающего наличие, размер и состав притязаний к просрочившему исполнению своих

---

¹⁰⁸ В данном случае указание на признак «банкротства» должника, а не самого должника, обусловлено соответствующим подходом автора исследования.

обязанностей должнику¹⁰⁹.

Оставляя за рамками предусмотренные действующим законодательством отклонения от данного правила (предписания о подтверждении наличия долга судебным актом не затрагивают самого должника; в некоторых случаях не применяются они и к кредиторам)¹¹⁰, необходимо оценить высказанное предложение и определиться с тем, можно ли данную предпосылку для возбуждения производства по делу о банкротстве отнести к признакам должника или же она является особенностью установленного системой норм механизма удовлетворения требований кредиторов.

Нам видится, что более обоснованным является второй вариант ответа на обозначенный вопрос. Наличие проигранного судебного спора о взыскании с лица известной денежной суммы не становится отличительной чертой самого этого лица, не приносит ничего нового в его материальные правоотношения с кредиторами. Поэтому применительно к производству по делу о несостоятельности речь следует вести сугубо о дополнительной процессуальной предпосылке реализации кредитором права на обращение в арбитражный суд за защитой¹¹¹.

---

¹⁰⁹ См., напр.: *Телюкина М.В.* Указ. соч. С. 160.

В литературе подтвержденное судебным актом требование кредитора получило обозначение «просуженного требования». В то же время предоставление в нормах Закона о банкротстве права на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом по общему правилу только кредиторам, субъективные права требования которых установлены предшествующим судебным актом (абз. 1 п. 2 ст. 7 ЗоБ), подвергается в науке небезосновательной критике. Отмечается, что это тормозит возбуждение производства о несостоятельности и позволяет должнику совершать действия, направленные на причинение вреда кредиторам (*Мифтахутдинов Р.Т.* Судебный акт как условие возбуждения дела о банкротстве и гегелевская диалектика. Комментарий к определению СКЭС ВС РФ от 12.10.2016 № 306-ЭС16-3611 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 2. С. 9–12). Кроме того, при сохранении необходимости предварительного установления размера требования заявителя в судебном порядке, теряет смысл такой внешний признак банкротства, как трехмесячная просрочка платежа (*Попондопуло В.Ф.* Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. М., 2016. С. 12).

¹¹⁰ Проектом Федерального закона № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции, подготовленной ко второму чтению (СПС «КонсультантПлюс»), предполагается возложить функции по рассмотрению обоснованности требований кредиторов и поступивших на них возражений, а также внесению их в реестр требований кредиторов должника на арбитражного управляющего. Представляется, что данное нововведение следует оценить с положительной стороны. Это позволит исключить передачу на разрешение арбитражного суда, по сути, бесспорных заявлений.

¹¹¹ Схожая точка зрения высказана Г.А. Плиевым, который указывает, что применительно к установленности требований кредиторов речь идет не о признаке несостоятельности, а об условии возбуждения производства по делу. *Плиев Г.А.* Гражданско-правовой механизм предупреждения несостоятельности (банкротства) юридического лица : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 80.

С.С. Галкиным применительно к должнику – юридическому лицу предложено выделять две группы признаков, к числу которых отнесены, во-первых, наличие у него общего статуса должника как персонально и имущественно обособленного носителя обязанности частноправового и (или) публично-правового характера и, во-вторых, обладание им совокупностью специальных признаков, предусмотренных, с точки зрения автора, законодательством о банкротстве: 1) наличие у юридического лица конкурентоспособности; 2) нахождение в особом состоянии (предвидения (угрожающей) неплатежеспособности, либо неплатежеспособности, либо неоплатности), что как юридический факт проявляется в наличии у организации признаков банкротства; 3) возбуждение в отношении юридического лица производства по делу о банкротстве; 4) наличие у организации юридической возможности иметь обособленное имущество, которое может участвовать в конкурсе для последующего соразмерного и пропорционального распределения между кредиторами¹¹².

По нашему мнению, некоторые из приведенных черт характеризуют юридическое лицо как субъекта права вообще (напр., способность к обладанию имуществом) безотносительно к его участию в правоотношениях несостоятельности. Заслуживают внимания такие предложенные ученым свойства должника, как его конкурентоспособность и наличие возбужденного в отношении него производства по делу о банкротстве, о чем подробнее речь пойдет далее.

Второе направление в теоретических исследованиях категории должника в доктрине осуществляется через *статус должника как лица, участвующего в деле о банкротстве, его приобретение и изменение*.

В литературе и судебной практике отмечено, что категория должника

При этом на кредитора до подачи заявления о признании должника несостоятельным не возлагается обязанность по предварительному обращению за принудительным исполнением или по доказыванию невозможности взыскания с лица задолженности в исполнительном производстве. Выбор способа защиты своих прав принадлежит кредитору (постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19.05.2016 по делу № А82-15597/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹² Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10–11, 88, 102.

представляет собой особый статус, предоставляемый неисправному участнику экономических отношений с целью произведения расчетов со своими кредиторами и выражающийся в приобретении специального комплекса субъективных прав и обязанностей¹¹³.

Традиционно приобретение субъектом статуса должника связывается с возбуждением производства по делу о банкротстве (возникновением правоотношения несостоятельности)¹¹⁴, что имеет место: а) еще до стадии принятия заявления о признании лица банкротом¹¹⁵; б) с даты принятия первого заявления о признании должника банкротом¹¹⁶; в) с моменты вынесения определения о признании обоснованными требований заявителя и введении наблюдения¹¹⁷.

Однако нерешенным является вопрос о том, может ли «фигура» должника возникнуть еще до стадии подачи заявления о признании субъекта несостоятельным (банкротом). Традиционный взгляд на данный вопрос говорит о том, что институт несостоятельности (банкротства) на практике может быть реализован только при помощи норм процессуального права¹¹⁸.

---

¹¹³ См., напр.: *Алфёрова Л.М.* Конкурсная правосубъектность должников - физических лиц: особенности реализации отдельными категориями граждан. М., 2017. С. 174; *Скуратовский М.Л.* Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2012. С. 449–450. С точки зрения арбитражных судов, «с момента возбуждения в отношении должника процедуры банкротства, последний приобретает специальный статус должника-банкрота и в отношении его имущества устанавливается режим конкурсной массы, подлежащей реализации только в рамках дела о банкротстве» (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.09.2016 № Ф01-3571/2016 по делу № А11-11114/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹⁴ *Скуратовский М.Л.* Указ. соч. С. 441; *Галкин С.С.* Указ. соч. С. 52.

¹¹⁵ Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко. С.-Пб., 2004. С. 74.

Р.Г. Смирнов в качестве правопорождающего факта называет и подачу заявления о признании должника банкротом, и принятие арбитражным судом к своему производству такого заявления. *Смирнов Р.Г.* Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) : Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2004. С. 49–50, 53.

¹¹⁶ См.: п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

¹¹⁷ *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / вступ.сл. Е.А. Губина. М., 2008. С. 202–204, 477; *Скуратовский М.Л.* Указ. соч. С. 442–443, 446.

¹¹⁸ Напр.: *Свириденко О.М.* Концепция несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: методология и реализация: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 17; *Синякина А.М.* Указ. соч. С. 4, 28; *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. Казань, 1898. С. 88–89.

Особенно рельефно данный момент проявляется у сторонников концепции единого правоотношения несостоятельности – профессора В.Ф. Попондопуло и его учеников: с момента возбуждения судопроизводства по делу о банкротстве возникает *материальное конкурсное правоотношение*, под которым следует понимать единое охранительное обязательство с активной множественностью лиц, складывающееся между неплатежеспособным должником и всеми его кредиторами. *Одновременно с правоотношением несостоятельности возникает его процессуальная форма – процессуальное правоотношение (конкурсный процесс).* Конкурсное правоотношение *реализуется исключительно в своей процессуальной форме и без нее существовать не может.* Подробнее см: *Кораев К.Б.* Правовой статус

Так, К.Б. Кораевым¹¹⁹ высказано предложение в зависимости от срока просрочки платежа признавать за неплатежеспособным должником статусы: 1) относительно неплатежеспособного (с момента нарушения им регулятивного субъективного денежного требования кредитора в таком правовом отношении, в результате чего последнее преобразуется в охранительное правоотношение, а кредитор наделяется новым специальным средством – притязанием); 2) абсолютно неплатежеспособного (когда размер и период просрочки исполнения обязанности достигают параметров, указанных в Законе, и возникает возможность использования внесудебных общих и специальных мер, направленных на восстановление его платежеспособности, или возбуждения дела о его банкротстве); 3) несостоятельного (такой статус приобретает должник, чья абсолютная неплатежеспособность удостоверена судом, что имеет место с введением процедуры наблюдения).

В результате понятие неплатежеспособного должника в трактовке К.Б. Кораева по своему объему существенно превышает понятие должника в правоотношениях несостоятельности (банкротства), должника - субъекта конкурсных отношений, несостоятельного должника. В сущности, неплатежеспособный должник на этапе относительной неплатежеспособности – субъект, не исполнивший хотя бы в течение одного дня лежащую на нем денежную обязанность, соответствующую требованиям п.2 ст.4 Закона о банкротстве, данное обстоятельство признает и сам автор¹²⁰.

В настоящее время приобрел актуальность вопрос о статусе должника

конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. М., 2010. С. 5–7; *Он же*. Правовое положение неплатежеспособного должника : монография. М., 2016. С. 37–45, 80–87; *Попондопуло В.Ф.* Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. М., 2016. С. 45–58; *Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В.* Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 11; *Смирнов Р.Г.* Указ. соч. С. 6–7, 49–53, 56, 58–67, 76, 81–83, 103–104, 154–155, 163–164.

¹¹⁹ *Кораев К.Б.* Правовое положение неплатежеспособного должника : монография. М., 2016. С. 3–4, 22, 33. Позиция К.Б. Кораева основывается на авторском понимании неплатежеспособности как юридической неспособности к платежу, возникающей только в связи с осуществлением деятельности, основанной на авансировании капитала (предпринимательская деятельность), с экономической точки зрения характеризующейся невозможностью извлечения указанного капитала (источник платежа) из сферы обращения и проявляющейся вовне в форме неисполнения обязательства или обязанности (прекращение платежей) в течение установленного законом или договором срока (период просрочки), размер неудовлетворенного требования правового значения при этом не имеет. *Там же*. С. 3, 12–21.

¹²⁰ *Там же*. С. 47.

во внесудебной процедуре банкротства. Она не предполагает осуществления судопроизводства по делу, не предусматривает назначение арбитражного управляющего, одна из основных ролей возложена на субъекта, который не является государственным органом – многофункциональный центр. Тем не менее по завершении процедуры внесудебного банкротства гражданина последний в силу прямого указания закона признается несостоятельным (банкротом) (абз. 3 ст. 2 ЗоБ)¹²¹.

Таким образом, внесудебное банкротство гражданина – это специальный механизм прекращения обязательств физического лица. В отличие от процедур, применяемых в деле о банкротстве, данная процедура иных целей не имеет.

С появлением в Законе рассматриваемой процедуры произошло разделение понятий «несостоятельный должник» и «должник в производстве по делу о банкротстве», первая категория с точки зрения оснований приобретения статуса является более широкой. По нашему мнению, при сохранении общего правила о судебном производстве по делу о банкротстве одной из тенденций нового этапа развития российского института несостоятельности станет дозволение в исключительных и прямо названных в законе случаях внесудебного порядка подтверждения неспособности должника рассчитаться со своими кредиторами. По всей видимости, одним из важных элементов таких процедур станут правила о юридическом подтверждении экономической неспособности к платежу, а также нормы об опровержении такого состояния.

Далее обратим внимание на еще одну особенность категории должника - ее динамический характер.

Законодатель называет субъекта, финансовое положение которого

---

¹²¹ По сути, в появлении процедуры внесудебного банкротства проявляется дальнейшее развитие идеи об особой роли законодательства о потребительском банкротстве. Так, Е.В. Чиркунова писала, что правила о потребительском банкротстве требуются для поддержания высокого уровня потребления, обеспечения поддержки потребительского кредита, возвращения потребителя к активной экономической жизни. Институт несостоятельности граждан – эффективный способ защиты добросовестных лиц, попавших в тяжелое материальное положение по объективным обстоятельствам. См.: *Чиркунова Е.В.* Особенности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) граждан в арбитражных судах: Дис. ... канд. юрид. наук. С-Пб., 2001. С. 3–4, 8, 15–16, 43.

пришло в неудовлетворительное состояние, должником уже на стадии предупреждения банкротства. На этой стадии, по понятным причинам, еще нет должника как лица, участвующего в деле о банкротстве, должник здесь – обязанное лицо в материальных правоотношениях. Основным его признаком на данном этапе выступает неплатежеспособность, при этом размер задолженности и период допущенной просрочки юридического значения не имеют.

Неоднородными также являются понятия должника на стадии развития правоотношений несостоятельности до конкурсного производства (реализации имущества) и после открытия этой процедуры.

В первом случае должник либо уже является неплатежеспособным и (или) неоплатным, либо существуют обстоятельства, свидетельствующие о том, что он будет не в состоянии исполнить свои обязанности. При неплатежеспособности он в течение нормативно закрепленного срока прекратил исполнение (части) своих денежных обязанностей в законодательно определенном размере, вместе с тем вопрос о его платежеспособности не предрешен – она потенциально может быть восстановлена. С момента введения конкурсного производства (реализации имущества) должник официально признается арбитражным судом несостоятельным (банкротом), т.е. субъектом, неспособным в полном объеме удовлетворить требования своих кредиторов¹²².

Таким образом, должник как юридическая категория не существует в правоотношениях несостоятельности (банкротства) с момента возбуждения дела в неизменном виде. Напротив, в силу динамичности движения правоотношений, возникающих в связи с несостоятельностью

---

¹²² В том или ином виде поддержка идеи о должнике как динамической категории обнаруживает себя в работах многих ученых: *Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л.* Указ. соч. С. 50–51; *Бруско Б.С.* Указ. соч. С. 14–15, 17, 22; *Синякина А.М.* Указ. соч. С. 98; *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М., 2004. С. XIII, 67, 71, 74, 98, 101–105, 125, 261–262; *Телюкина М.В.* Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 26; *Ткачëв В.Н.* Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М., 2007. С. 61; *Химичев В.А.* Осуществление и защита гражданских прав при несостоятельности (банкротстве). М., 2006. С. 36; *Шишмарева Т.П.* Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М., 2016. С. 25–26.

(банкротством) субъекта, изменяются и присущие ему характерные признаки. Поэтому следует признать, что в Законе о банкротстве отсутствует единая категория должника.

В контексте рассматриваемого вопроса может быть предложено еще одно направление в исследовании категории должника в отношении несостоятельности (банкротства). Так, заслуживает внимания подход, высказанный в начале 20 в., но не получивший заметного развития в доктрине конкурсного права, в соответствии с которым конкурс являет собой специальный способ прекращения обязательств должника¹²³. Рассмотрение категории должника через призму приведенной идеи может быть обозначено в качестве нового вектора в изучении указанной категории.

Очевидно, что для имущественного оборота наиболее предпочтительным является прекращение регулятивного обязательственного правоотношения посредством его надлежащего исполнения. Однако в ситуации, когда правоотношение трансформируется в нежелательную и аномальную стадию его развития, обусловленную неисполнением или ненадлежащим исполнением субъектом лежащих на нем юридических обязанностей, вступает в действие система особых нормативных предписаний, направленных на урегулирование нарушенных и новых

---

¹²³ Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 365–367.

В науке уже было высказано предположение о возможности рассмотрения обращения взыскания на имущество должника по неисполненным им обязательствам как *основания прекращения его права собственности*. См.: Спиркина А.Н. Обращение взыскания на имущество по обязательствам как основание прекращения права собственности : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 11–12. С учетом того, что в подавляющем большинстве случаев производство о несостоятельности завершается конкурсным производством или реализацией имущества должника, в рамках которых происходит принудительное отчуждение активов несостоятельного субъекта, указанная позиция может быть перенесена и на почву конкурсных отношений. Нельзя, однако, считать достаточно обоснованной идею автора о дуализме правовой природы обращения взыскания, зависящей от основания его осуществления: если обращение взыскания производится на основании судебного решения – речь идет о мере принуждения; если в его основе лежит договор – перед нами мера гражданско-правовой ответственности. См.: Там же. С. 13–14. О правовой квалификации обращения взыскания см. также: Перова М.С. Организационно-правовые основы исполнительного производства в сфере обращения взыскания на заложенное имущество должников: российский и зарубежный опыт // Практика исполнительного производства. 2015. № 6. С. 43–44.

Заслуживает упоминания в контексте обозначенного вопроса и диссертационное исследование, выполненное В.Н. Адаевой (Прекращение обязательств при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц по гражданскому праву России : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009). Вместе с тем в указанной работе в центре внимания диссертанта находилась главным образом специфика применения отдельных гражданско-правовых способов прекращения обязательств в правоотношениях несостоятельности (зачет, отступное, прощение долга, отказ от исполнения обязательства и др.) как самих по себе, так и в их системном единстве.

правовых связей сторон, с тем, чтобы тем или иным способом разрушить юридическую связанность участников таких правоотношений и ликвидировать взаимные права и обязанности, составляющие их содержание.

В доктрине справедливо отмечено, что «состав и содержание правовых связей между субъектами правоотношения могут предопределять специфику оснований и механизмов последующего прекращения существования этих связей»¹²⁴. В этой связи допустима квалификация механизма, предусмотренного законодательством о несостоятельности, как особого основания (способа) прекращения правовых имущественных обязанностей должника и субъективных прав (требований) его кредиторов, допустимость применения которого предопределена неплатежеспособностью, а при известных условиях – несостоятельностью, неисправного обязанного участника правовых отношений.

Развивая данную идею, следует обратить внимание на то, что ни в гражданском, ни в трудовом законодательстве проведение производства по делу о банкротстве не названо в качестве основания (способа) прекращения лежащих на должнике обязанностей. Признание гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, несостоятельным (банкротом), а также возвращение судом заявления о признании должника банкротом или прекращение им производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, известны налоговому праву¹²⁵ как основания для признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию и ее списания в части, не погашенной в процедурах несостоятельности. Однако, как разъяснил Верховный Суд РФ, данные обстоятельства не препятствуют привлечению контролирующих несостоятельного должника лиц к субсидиарной ответственности по

---

¹²⁴ Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института: Монография. М., 2014. С. 15.

¹²⁵ См.: п. 2, 2.1, 4.3 ч. 1 ст. 59 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. № 31. 1998. Ст. 3824.

списанным обязательствам¹²⁶.

Соответственно, необходимым представляется изучение вопроса о том, обладает ли конкурсный механизм отличительными признаками основания прекращения обязательств.

Изложенные в цивилистической литературе представления о понятии основания прекращения обязательства позволяют выделить следующие его специфические черты: 1) оно выступает средством динамики правового отношения; 2) представляет собой юридический факт (фактический состав); 3) требует соблюдения закрепленного в позитивном праве и в условиях соглашения порядка прекращения обязательства; 4) по своей направленности влечет строго определенные юридические последствия – прекращение правоотношения; 5) выражается в отпадении правовой связи между субъектами правоотношения, утрачивающими по этой причине принадлежавшие им юридические права и обязанности¹²⁷.

Принципиальное значение следует признать за третьей и четвертой характеристиками. Именно эти черты придают юридическому факту (составу) свойства основания прекращения обязательства. Думается, что нет необходимости специально доказывать, что проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в конечном итоге приводит к ликвидации относительных правоотношений, существовавших между должником и его кредиторами, для чего требуется строгое соблюдение предписаний законодательства о несостоятельности.

Более того, анализ процедур банкротства, предусмотренных

---

¹²⁶ Отдельные вопросы, связанные с применением Закона о банкротстве (утв. Президиумом ВС РФ от 06.03.2019); вопрос № 2 в разъяснениях по вопросам, возникающим в судебной практике, Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 24.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Данная позиция может быть понята двояким образом. ВС РФ либо полагает, что само по себе списание налоговой недоимки и начисленных на нее санкций не прекращает соответствующую обязанность для других лиц, в связи с действиями которых долг по налогам и сборам не был покрыт, либо исходит из того, что налоговые обязательства все же прекратились, но в связи с совершенными противоправными действиями «преобразовались» в обязанность контролирующего должника лица возместить причиненные публично-правовому образованию убытки.

¹²⁷ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 129; Павлов А.А. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 754.

действующим Законом о несостоятельности, свидетельствует о том, что прекращение правоотношений должника со своими кредиторами является атрибутивной чертой, объединяющей судебный и внесудебный порядки объявления должника несостоятельным (банкротом). Данное обстоятельство отчетливо видно на примере внесудебной процедуры банкротства гражданина: в ней не возникают арбитражно-процессуальные правоотношения по делу о банкротстве, не назначается специальный уполномоченный субъект, обеспечивающий контроль и надлежащее проведение мероприятий процедуры, не формируется конкурсная масса должника и не удовлетворяются требования кредиторов. Однако, как и в «обычном» производстве по делу о банкротстве, здесь происходит ликвидация обязательств должника перед его кредиторами¹²⁸.

Как специальный способ прекращения обязанностей должника конкурсное производство (в широком смысле) обладает рядом специфических черт.

1. Принудительность применения данного способа.

Производство по делу о несостоятельности направлено на приведение в действие специального, регламентированного законом механизма принудительного удовлетворения требований кредиторов неисправного лица. Причем особенностью принудительного упразднения правовых взаимосвязей здесь будет являться его двусторонний характер. Так, при наличии нормативно установленных предпосылок сам должник или указанные в Законе о банкротстве лица, действующие от имени должника, обязаны обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании субъекта несостоятельным (банкротом). Нарушение данной обязанности способно повлечь за собой наступление различных отрицательных последствий,

---

¹²⁸ Справедливо мнение, высказанное в начале 20 в. Е.А. Нефедьевым: «[несостоятельность] возникла первоначально в торговом праве как следствие единства, цельности торгового предприятия, но впоследствии это понятие было распространено на дела неторговые, хотя в делах последнего рода нельзя подметить цельности, единства. Законодательства ввели неторговую несостоятельность ввиду тех выгод, которые представляет конкурсное производство, доставляющее возможность ликвидировать дела несостоятельного [курсив наш. – Р.Ф.]». Нефедьев Е.А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М., 1908. С. 65.

главным из которых следует обозначить возможность привлечения к субсидиарной ответственности.

В отличие от должника, одним из определяющих поведение кредиторов принципов является принцип диспозитивности. При наличии признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества должника кредитор не обязан обращаться в суд с заявлением о признании должника несостоятельным, а если дело о банкротстве уже возбуждено – вправе не подавать заявление об установлении своего требования в деле о банкротстве и включении его в реестр требований кредиторов. Вместе с тем кредиторы должника с денежными требованиями, не являющиеся инициаторами возбуждения дела о банкротстве, по общему правилу не вправе добиваться удовлетворения своих требований в индивидуальном порядке и могут защитить свое нарушенное материальное право, только вступив в указанное дело¹²⁹.

Необращение в арбитражный суд с соответствующим заявлением способно потенциально привести к его погашению¹³⁰, данная характерная

---

¹²⁹ С точки зрения Б.С. Бруско, характерным для Закона о банкротстве является активное государственное вмешательство в конкурсные правоотношения, что проявляется в различных принудительных правовых мерах: а) широком применении механизма судебного контроля; б) реализации принципа судейского усмотрения; в) непосредственном участии в управлении делами должника: осуществлении процедур банкротства специально уполномоченными субъектами - арбитражными управляющими, уравнивании в правах, предоставленных конкурсным законодательством частному и публичному лицу. *Бруско Б.С.* Указ. соч. С. 41–43.

¹³⁰ Как писал Г.Ф. Шершеневич, со времени объявления несостоятельности кредиторы лишаются возможности отдельно осуществлять свои права посредством взыскания каждым из них в общем исполнительном порядке. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. Казань, 1898. С. 190–191.

М.В. Телюкина полагает, что с момента введения процедуры наблюдения в отношении должника вводится особый (конкурсный) режим предъявления к нему требований. *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М., 2004. С. 282–285.

Дореволюционный автор Е.А. Нефедьев также подчеркивал, что, признавая должника несостоятельным, суд, тем самым, признает, что права кредиторов должны быть осуществлены только через конкурсное управление. Данное положение не нарушает гражданские права и интересы кредиторов, поскольку речь идет лишь о специальном порядке осуществления субъективных прав, установленном законом. Конкурсный порядок производства есть такой же порядок производства, учрежденный законом, как, например, обращение взыскания на движимое или недвижимое имущество. Он учреждается законом в публичных интересах, а пользование им, для осуществления гражданских прав, предоставляется усмотрению частных лиц. См.: *Нефедьев Е.А.* Указ. соч. С. 67–69.

В немецком праве несостоятельности выделяется следующий принцип: кто не участвует в производстве, тот не принимает участие и в распределении массы, но подпадает тем не менее под правовые последствия введения такого производства. Отказ лица от предъявления своего требования к должнику, а также отказ от участия в производстве не могут повлечь за собой нераспространение на него статуса конкурсного кредитора. См.: *Bundesgerichtshof* (далее – BGH), Urteil vom 24.10.1978 – VI ZR 67/77 // NJW. 1979. S. 162; *Sinz R.* Insolvenzordnung : Kommentar. Band 1 / hrsg. von H. Hirte, H. Vallender; Uhlenbruck; bearbeitet von Ch. Borries, H. Hirte, H. Vallendar, [und 14 weitere]. München, 2019. §38. Rn. 1 // <https://beck-online.beck.de>.

черта процесса несостоятельности основывается на комплексном (всеобъемлющем) характере дела о несостоятельности, к участию в котором привлекаются все кредиторы должника¹³¹.

Коллизия требований кредиторов, то есть ситуация невозможности полного удовлетворения одного или нескольких кредиторов без нанесения вреда другим, обязывает каждого из кредиторов лица «ожидать» удовлетворения наравне с прочими заимодавцами.

2. Направленность механизма прекращения обязательств по правилам о несостоятельности имеет особый характер.

Реализация мероприятий процедур, применяемых в деле о банкротстве, не преследует в качестве своей единственной цели прекращение имущественных обязанностей должника¹³². Одной из основных задач системы конкурсного регулирования выступает обеспечение судебной охраны и предоставление судебной защиты правам и интересам самого должника, его кредиторов, а также общества в целом. С этим связано то обстоятельство, что нормы законодательства о банкротстве, как правило, реализуются в рамках судебного процесса.

Применительно к должнику защита его интересов дифференцируется в зависимости от его статуса. Если дело возбуждено над имуществом юридического лица, то применение мер, предусмотренных законодательством о несостоятельности, позволяет: прекратить единоличные устремления кредиторов по обращению взыскания на имущество лица

---

¹³¹ Снякина А.М. Указ. соч. С. 66.

Х. Айденмюллер полагает, что как производство о несостоятельности (Insolvenzverfahren) может быть квалифицировано только «полноколлективное» производство, т.е. такое производство, которое направлено на решение проблемы общего пула кредиторов, для чего оно вовлекает всех кредиторов должника и при этом ограничивает последних в осуществлении принадлежащих им субъективных прав в одной из двух форм: а) процедурно-правовой: посредством универсального и вступающего в действие с момента введения производства запрета на правовое преследование должника («исполнительский стоп»); или б) материально-правовой: все кредиторы, в том числе и против своей воли, претерпевают правовые лишения (отсрочка, уменьшение размера требования, преобразование требования в участие в капитале и др.). См.: Eidenmüller H. Was ist ein Insolvenzverfahren? // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2016. Heft 4. S. 145–146, 149–151.

¹³² Данное последствие является результатом погашения задолженности перед кредиторами либо путем восстановления платежеспособности ранее неплатежеспособного субъекта в рамках реабилитационных процедур несостоятельности или обращения взыскания на весь имущественный комплекс несостоятельного лица в ходе процедуры конкурсного производства и проведения расчетов с кредиторами, либо по причине неудовлетворения их требований в связи с недостаточностью имущества должника и завершения производства по делу о несостоятельности.

посредством «объединения» всех требований в одном деле; воспользоваться реабилитационными процедурами и восстановить свою платежеспособность; ограничить размер задолженности перед имеющимися контрагентами посредством его фиксации на определенную дату, а также частично освободиться от необходимости погашения финансовых санкций; лицам, подпадающим под категорию контролирующих должника лиц, при соблюдении ряда условий избежать возложения на них обязанности по несению субсидиарной ответственности по долгам организации. В свою очередь, гражданин-банкрот, поведение которого до возбуждения дела о его банкротстве, а также в ходе проведения процедур банкротства может быть признано добросовестным, приобретает возможность быть освобожденным от дальнейшего исполнения своих обязательств.

Обращаясь к формам обеспечения защиты прав кредиторов, следует сказать о том, что механизм, закрепленный в законодательстве о несостоятельности, с одной стороны, предупреждает других участников оборота о рисковом характере вступления с определенным субъектом в имущественные отношения (сигнализирующая функция), а с другой стороны, позволяет кредиторам получить справедливое удовлетворение их требований по общему правилу наравне с другими кредиторами (принцип равенства кредиторов).

Таким образом, с точки зрения предложенного подхода должник – это по общему правилу любой субъект, оказавшийся в особом юридическом состоянии¹³³, подтверждающем прекращение им исполнения денежных обязанностей или неспособность рассчитаться со своими кредиторами. Для прекращения соответствующих правовых связей законодателем предусмотрен специальный механизм несостоятельности (банкротства). Однако воспользоваться данным механизмом могут только те субъекты, которые волей законодателя, обусловленной различными причинами:

---

¹³³ Белов В.А. Синдром? Тога? Или отчаяние? К вопросу о корректности научной критики // Законодательство. 2004. № 1.

уровнем экономического развития, социальной структурой государства, политическими обстоятельствами, допущены к участию в правоотношениях несостоятельности (банкротства) на стороне должника и обладают набором признаков, установленных в законе и служащих предпосылкой для получения возможности обратиться к названному механизму.

Соответственно, выделяемые в законодательстве и в юридической доктрине признаки должника, в сущности, являются элементами самого механизма прекращения дел субъекта по специальным правилам о несостоятельности.

2.2. Современные представления о должнике в праве несостоятельности (Insolvenzrecht) Германии

В отличие от российского Закона о банкротстве, современное немецкое законодательство не закрепляет легального определения понятия должника в процедуре несостоятельности.

В германской доктрине отсутствуют подробные исследования, направленные на теоретическое изучение данной категории, выделение и систематизацию ее сущностных признаков, предложенные в литературе определения анализируемого понятия немногочисленны. В частности, Райнхард Борк (Reinhard Bork) пишет: «Должником в производстве о несостоятельности является тот, чье имущество подлежит реализации и чьи обязательства за счет средств, вырученных от продажи, подлежат соразмерному исполнению, и тем самым тот, против кого собственно направлено производство о несостоятельности»¹³⁴.

Отличительные особенности категории должника в новейшем праве несостоятельности Германии могут быть выявлены только путем обращения к исследованию природы правовых связей, в которые вступает должник, а также юридических предпосылок для возникновения последних.

---

¹³⁴ Bork R. Handbuch Insolvenzrecht / Herausgeber R. Bork, G. Hölzle ; bearb. von H. Achelis [und vielen weiteren]. Köln. 2019. Kapitel 2. Rn. 6.

Прежде чем приступить к представлению современного понимания существа производства о несостоятельности, следует обозначить следующие моменты.

Ранее действовавшему законодательству было известно три вида производства о несостоятельности: мировое соглашение, направленное на предотвращение конкурса, ликвидационное (конкурсное) производство, а также мировое соглашение, оканчивающее конкурс. Центральным законодательным актом, регулирующим отношения несостоятельности на территории современной Германии, выступает Положение о несостоятельности (*Insolvenzordnung*) 1994 года¹³⁵ (далее – ПоН, Положение), которое принципиально исходит из понимания производства о несостоятельности как единой (унифицированной) процедуры (*einheitliches Insolvenzverfahren*).

С момента вступления его в силу в законодательстве Германии существует лишь единое производство по делу о несостоятельности, так что кредитору или должнику нужно всего лишь подать заявление об открытии производства по делу о несостоятельности; решение о дальнейшем движении процесса к ликвидации, санации или санации посредством передачи активов принимается собранием кредиторов в уже открытом производстве по делу о несостоятельности¹³⁶. Важно при этом отметить, что законодательная модель

---

¹³⁵ Федеральный закон «Положение о несостоятельности» («*Insolvenzordnung*») был принят 05.10.1994 и вступил в силу 01.01.1999 (*Insolvenzordnung vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866)*, die zuletzt durch Artikel 6 des Gesetzes vom 22.12.2020 (*BGBl. I S. 3328*) geändert worden ist), заменив собой ранее действовавшие Положение о конкурсе (*Konkursordnung*) от 10.02.1877 (*RGBl. S. 351*), Положение о примирительном производстве (*Vergleichsordnung*) от 26.02.1935 (*RGBl. I S. 321, ber. S. 356; BGBl. III/FNA 311-1*), а также применявшиеся в так называемых новых федеральных землях – Положение о сводном исполнении (*Gesamtvollstreckungsordnung*) от 06.06.1990 (*GBI. I Nr. 32 S. 285; FNA III-11*) и Закон о приостановлении сводного исполнительного производства (*Gesetz über die Unterbrechung von Gesamtvollstreckungsverfahren (Gesamtvollstreckungs-Unterbrechungsgesetz – GUG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 23.05.1991 (BGBl. I S. 1191)*), обеспечив тем самым единство правового регулирования отношений несостоятельности на всей территории воссоединенной Германии.

¹³⁶ *Uhlenbruck W.* Neues Insolvenzrecht: Wege aus dem modernen Schuldturn; Informationen für Gläubiger, Schuldner und GmbH-Geschäftsführer über die am 1. Januar 1999 in Kraft tretende Insolvenzordnung. Bonn, 1998. S. 14.

Дуализм ранее действовавшего права несостоятельности (существование урегулированных в отдельных законах процедур конкурсного производства и мирового соглашения) считался его серьезным недостатком. К числу существенных элементов общей реформы права несостоятельности была отнесена необходимость соединения указанных процедур в единую процедуру несостоятельности. См.: Первый доклад Комиссии по реформированию права несостоятельности (*Erster Bericht der Kommission für Insolvenzrecht*) / hrsg. vom

исходит из ликвидационной направленности производства о несостоятельности, что прямо следует из легального перечня его целей (§ 1), и лишь разработка и утверждение плана урегулирования несостоятельности (Insolvenzplan) позволяет предотвратить ликвидацию предприятия несостоятельного должника¹³⁷.

Вопрос о правовой природе производства о несостоятельности в работах многих современных германских ученых не исследуется. Это объясняется тем, что, во-первых, как было показано выше, в Германии исторически сложилось учение о сущности процедуры несостоятельности либо выступающей разновидностью исполнительного производства, либо тесно с ним связанной. Во-вторых, данный подход считается в теории общепризнанным, а потому не требующим специального обсуждения в научных публикациях¹³⁸. В качестве господствующего следует обозначить взгляд на производство о несостоятельности как сводное принудительное исполнительное производство (Gesamtvollstreckungsverfahren)¹³⁹, поэтому

Bundesministerium der Justiz. – Köln, 1985. Vorwort von Bundesminister der Justiz Hans A. Engelhard. S. V; Обоснование к правительственному Проекту Положения о несостоятельности (Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung). 1992 // BT-Drucks. 12/2443. S. 73–74.

¹³⁷ *Stürner R.* Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1. §§1–102; Insolvenzrechtliche Vergütungsverordnung (InsVV) / hrsg. von H.-P. Kirchhof. München, 2007. S. 5–6. Rn. 6.

Insolvenzplan представляет собой главную форму реализации одной из центральных идей Положения о несостоятельности – дерегулирования порядка осуществления процедуры несостоятельности и усиления автономии кредиторов. Суд при таком подходе должен лишь выполнять функцию «стража законности», не вмешиваясь в ход производства по делу. Цель конкретного производства о несостоятельности (§157 ПоН), а также экономически оправданный и оптимальный концепт реализации имущественной ответственности должника должны определить сами кредиторы. Подробнее см: *Riedemann S.* Zur Entwicklung des Konkursrechts seit Inkrafttreten der Konkursordnung unter dem Aspekt der Gläubigerautonomie. Norderstedt, 2004; *Uhlenbruck W.* Op. cit. S. 16; *Uhlenbruck W.* Mit der Insolvenzordnung 1999 in das neue Jahrtausend - Kritisches und Unkritisches zu einem «Jahrhundertgesetz» // Neue Zeitschrift für Insolvenz- und Sanierungsrecht. 1998. Heft 1. S. 3.

¹³⁸ Справедливости ради отметим, что в настоящее время в германской юридической доктрине все же встречаются иные подходы к проблеме определения правовой природы производства по делу о несостоятельности: а) производство о несостоятельности относится к производству искомому; б) правом несостоятельности урегулированы отношения в рамках так называемого неискового производства (Verfahren der freiwilligen Gerichtsbarkeit); в) четко определить место рассматриваемого производства невозможно, поэтому следует исходить из того, что производство о несостоятельности представляет собой самостоятельный вид производства, подчиненный правилам об обыкновенной юрисдикции (ordentliche Gerichtsbarkeit). *Gogger M.* Insolvenzrecht. München, 2006. S. 1–2.

¹³⁹ *Foerste U.* Insolvenzrecht. München, 2008. S. 4. Rn. 5; *Musielak H.-J., Voit W.* Grundkurs ZPO. München, 2016. S. 396. Rn. 1105; *Stürner R.* Op. cit. S. 4. Rn. 1; *Hirte H.* Insolvenzordnung: Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck, bearb. von E.-D. Berscheid. München, 2010. § 11 Rn. 5; *Uhlenbruck W.* Op. cit. S. 4.

В. Уленбрук считает, что именно из природы производства по делу о несостоятельности как сводного исполнения проистекают следующие его характерные особенности: 1) оно служит осуществлению ответственности в интересах кредиторов; 2) кредиторы не вправе посредством отдельных принудительных исполнений создавать для себя преимущественное перед другими кредиторами положение; 3) производство

понятие права несостоятельности охватывается понятием гражданского не материального, а процессуального права.

Последнее обстоятельство находит объяснение в следующем. В науке процессуального права Германии превалирует подход, согласно которому термином «гражданский процесс» обозначаются все судебные производства по гражданским спорам, включая как судебное разбирательство по существу дела («познавательное производство» – *Erkenntnisverfahren*), так и принудительное исполнение (*Zwangsvollstreckung*) вынесенного по его результатам решения, поскольку к задачам процесса относится не только отправление правосудия (правоприменение; *Rechtsfindung*), но и осуществление субъективных прав¹⁴⁰.

В специальной литературе выделяются две основные формы принудительного исполнения: единичное и сводное. Первое является предметом регулирования Гражданского процессуального уложения Германии 1877 года¹⁴¹ (далее – ГПУ, ZPO). Механизм сводного принудительного исполнения урегулирован в ПоН, его отличительными чертами являются следующие: 1) кредиторы подлежат совместному удовлетворению (сводное исполнение «втягивает» всех кредиторов; абз. 1 § 89 ПоН); 2) предметом взыскания является совокупное имущество должника; 3) применяется принцип равного отношения ко всем кредиторам

вовлекает в себя всех кредиторов независимо от их желания: не заявившие свои требования отстраняются от распределения и не получают квоту удовлетворения, также они подпадают под действие других ограничений и эффектов производства; 4) в производство включается все имущество должника, на которое возможно наложить исполнительский арест; 5) равное отношение ко всем кредиторам, в том числе справедливое распределение. Производство охватывает все требования кредиторов, включая обеспеченные права. См.: *Uhlenbruck W. Neues Insolvenzrecht: Wege aus dem modernen Schuldturm; Informationen für Gläubiger, Schuldner und GmbH-Geschäftsführer über die am 1. Januar 1999 in Kraft tretende Insolvenzordnung.* Bonn, 1998. S. 15.

Одновременно с этим в юридической литературе Германии обращается внимание на неоднородность процедуры несостоятельности. В частности, производство об открытии процедуры несостоятельности (*Eröffnungsverfahren*) рассматривается как состязательный процесс между подателем заявления и его адресатом. *Kirchhof H.-P. Heidelberger Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. von G. Kreft. Heidelberg, 2008. § 11. S. 102. Rn. 1.*

¹⁴⁰ См.: *Prütting H. Zivilprozessordnung : Kommentar / hrsg. von H. Prütting, M. Gehrlein. Köln, 2016. Einleitung. S. 1. Rn. 1; Zivilprozeßrecht : Erkenntnisverfahren, Zwangsvollstreckung / von W. Lücke; begr. von P. Arens. München, 1999. S. 378. Rn. 503; Zwangsvollstreckungsrecht / begr. von H. Brox und W.-D. Walker. Seit der 7. Aufl. allein bearb. von W.-D. Walker. München, 2014. S. 1. Rn. 1; S. 3. Rn. 5; S. 4. Rn. 5.*

¹⁴¹ *Zivilprozessordnung vom 30.01.1877 (RGBl. S. 83) in der Fassung der Bekanntmachung vom 05.12.2005 (BGBl. I S. 3202; 2006 I S. 431; 2007 I S. 1781), die zuletzt durch Artikel 5 Absatz 26 des Gesetzes vom 21.06.2019 (BGBl. I S. 846) geändert worden ist.*

(*par condicio creditorum*), что выражается в соразмерном (пропорциональном) удовлетворении их требований (§ 1 ПоН). Все кредиторы образуют так называемое «сообщество терпящих убытки», в рамках которого каждый имеет право на по общему правилу равную квоту удовлетворения¹⁴².

Для приобретения статуса должника в немецком праве несостоятельности принципиальным является обладание субъектом или неправосубъектным объединением способностью к тому, чтобы быть участником процессуального по своей природе сводного исполнительного производства.

Момент приобретения статуса должника как стороны особого процессуального правоотношения связан с открытием процедуры несостоятельности¹⁴³. В научной литературе подчеркивается, что должник может очевидно для всех окружающих являться несостоятельным, но вне открытой над его имуществом судебной процедуры несостоятельности статусом несостоятельного он наделен не будет¹⁴⁴.

Одной из главных целей, достижение которой преследовалось в ходе реформирования законодательства о несостоятельности Германии, являлось устранение недостаточности массы¹⁴⁵. По задумке разработчиков Положения

---

¹⁴² См.: BGH, Beschluss vom 29.01.1964 – Ib ZR 197/62 // NJW. 1964. S. 1319; BGH, Urteil vom 13.07.1983 – VIII ZR 246/82 // ZIP. 1983. S. 961 ff.; *Bork R.* Einführung in das Insolvenzrecht. Tübingen, 2009. S. 1. Rn. 1; *Foerste U.* Op. cit. S. 4–5. Rn. 6; S. 6. Rn. 8–9; *Gogger M.* Op. cit. S. 2.; *Windel P.A.* nd seine Auswirkungen auf die Abwicklung schwebender Austauschverträge // JURA. 2002. S. 230–235; *Zivilprozeßrecht : Erkenntnisverfahren, Zwangsvollstreckung / von W. Lüke; begr. von P. Arens.* München, 1999. S. 386. Rn. 512.

¹⁴³ Принимая во внимание существенность влияния, оказываемого на должника и его юридически значимое поведение открытием такой процедуры, немецкий законодатель предписывает суду в определении об открытии указывать час, с которого введено производство о несостоятельности. Если определение таких сведений не содержит, то считается, что моментом открытия производства является полдень того дня, в котором издано указанное определение суда (ном.3 абз.2, номер 3 абз.2, абз.3 §27 ПоН).

¹⁴⁴ *Henckel W. Jaeger.* Insolvenzordnung, Großkommentar. Erster Band. §§ 1–55 / begr. zur Konkursordnung von E. Jaeger ; hrsg. von W. Henckel, W. Gerhardt. Berlin, 2004. Einleitung. S. 28. Rn. 93. Л. Хеземейер справедливо обращает внимание на половинчатость такого подхода, поскольку «должником» Положение о несостоятельности 1994 называет и тех субъектов, над имуществом которых еще только может быть открыто производство по делу о несостоятельности. См.: *Häsemeyer L.* Insolvenzrecht. Köln, München, 2007. S. 104. Rn. 6.16.

¹⁴⁵ В Обосновании к правительственному Проекту Положения о несостоятельности отмечалось, что конкурсное право в значительной степени утратило свою функциональность. В течение 1985–1990 гг. более 75% всех заявлений об открытии конкурса были отклонены по причине отсутствия достаточной массы. Квота удовлетворения непривилегированных кредиторов многие годы составляла в среднем около 5% от суммы требований. Это разрушало правовую и экономическую мораль: спасаются от последствий иллюзорного к своим кредиторам поведения те должники, чье имущество более не покрывает расходы на производство. См.: *Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung.* 1992 // BT-Drucks. 12/2443. S. 72–73.

о несостоятельности, для этого, помимо прочего, требовалось, чтобы производство о несостоятельности открывалось своевременно, при первых же признаках неблагоприятной финансовой ситуации у должника, ставящей под угрозу дальнейшее исполнение им своих обязательств. Способствовать тому должен был упрощенный порядок инициирования открытия производства¹⁴⁶.

Именно этим обусловлено то обстоятельство, что в Положении 1994 г. достаточно широко сформулированы нормы как об основаниях для обращения с заявлением об открытии процедуры несостоятельности (Insolvenzgründe), так и о перечне лиц, управомоченных на подачу такого заявления.

В силу предписаний § 16 ПоН открытие производства о несостоятельности имеет в качестве своей необходимой предпосылки наличие основания для открытия производства (Eröffnungsgrund)¹⁴⁷.

К числу таких оснований относятся:

- неплатежеспособность (Zahlungsunfähigkeit) – непосредственно объявлена законодателем универсальным основанием, применяемым в отношении любых носителей прав и имущественных масс, и безотносительно к тому, с чьей стороны подается заявление – должника или кредиторов (§ 17, предл. 1 § 320, § 332, абз. 2, 3 § 333 ПоН). Согласно предписаниям Положения должник является неплатежеспособным, если он не в состоянии исполнить платежные обязанности, уже подлежащие исполнению. Неплатежеспособность, как правило, предполагается, если должник прекратил платежи¹⁴⁸;

---

¹⁴⁶ Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung. 1992 // BT-Drucks. 12/2443. S. 81–82.

¹⁴⁷ BGH, Urteil vom 17.02.2004 – IX ZR 135/03 // ZIP. 2004. S. 766.

Терминами «основание несостоятельности» (Insolvenzgrund) и «основание для открытия производства» («Eröffnungsgrund») обозначается общее понятие, вбирающее в себя отдельные юридические составы несостоятельности, которые могут различаться в зависимости от правовой формы должника, принадлежащей ему имущественной массы и подателя заявления.

¹⁴⁸ В ПоН законодатель отказался от таких признаков неплатежеспособности, существовавших в ранее действовавшем праве, как длительность и существенность неисполнения платежных обязательств. См.: BGH, Urteil vom 04.30.1992 – IX ZR 176/91 // NJW. 1992. S. 1960; BGH, Urteil vom 17.05.2001 – IX ZR 188/98 // ZIP. 2001. S. 1155; Bork R. Grundfragen der Zahlungsunfähigkeit (§17 InsO) // KTS – Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2005. Heft 1. S. 1; Temme U. Die Eröffnungsgründe der Insolvenzordnung. Münster, 1997. S. 2–4.

- угрожающая неплатежеспособность (*drohende Zahlungsunfähigkeit*) – допустима как основание для подачи заявления только должником (§ 18, предл. 2 § 320, § 332, предл. 3 абз. 2 § 333 ПоН). Данное основание – новелла Положения о несостоятельности. Должнику угрожает неплатежеспособность, если он предположительно будет не в состоянии исполнить существующие платежные обязанности в момент наступления срока их исполнения. При таких условиях у должника возникает право на обращение в суд, но не обязанность. Надвигающаяся неплатежеспособность также позволяет должнику обратиться с заявлением о самоуправлении (абз. 2 § 270а, абз. 1 § 270б ПоН)¹⁴⁹;

- сверхзадолженность (*Überschuldung*) – основание, применение которого не зависит от фигуры заявителя¹⁵⁰, но является допустимым для открытия процедуры лишь в отношении юридических лиц (абз. 1, 2 § 19 ПоН), объединений без правосубъектности, если в составе их участников отсутствуют несущие личную ответственность физические лица¹⁵¹ (абз. 3

Однако это не означает, что размер долга и период просрочки в настоящее время не имеют юридического значения для решения вопроса о неплатежеспособности должника. Так, согласно правовым позициям, сформулированным в актах Федерального Верховного суда Германии, илликвидность лица следует квалифицировать как неплатежеспособность, если дефицит ликвидности (*Liquiditätslücke*) составляет 10 и более процентов от всех обязательств с наступившим сроком исполнения, и не может быть покрыт в течение трех недель. Факт неплатежеспособности может быть опровергнут при наличии обстоятельств, позволяющих с уверенностью ожидать вскоре получения должником ликвидных платежных средств, достаточных для обслуживания подлежащих исполнению обязательств, и при условии, что для кредиторов по обстоятельствам дела такое ожидание является разумным. См.: BGH, Urteil vom 09.01.2003 – IX ZR 175/02 // ZIP. 2003. S. 410; BGH, Urteil vom 24.05.2005 – IX ZR 123/04 // BGHZ. 163. S. 134; BGH, Beschluss vom 27.07.2006 – IX ZB 204/04 // BGHZ. 169. S. 17; BGH, Urteil vom 12.10.2006 – IX ZR 228/03 // ZIP. 2006. S. 2222; BGH, Beschluss vom 19.07.2007 – IX ZB 36/07 // BGHZ. 173. S. 286; BGH, Beschluss vom 23.10.2008 – IX ZB 7/08 // bundesgerichtshof.de.

Не опровергает неплатежеспособность должника то обстоятельство, что должник частично исполнил или исполняет требования кредиторов, в том числе заявителя. Если неплатежеспособность проявилась во вне, то она сохраняется до тех пор, пока должник не возобновит платежи всему сообществу кредиторов. См.: BGH, Urteil vom 20.11.2001 – IX ZR 48/01 // BGHZ. 149. S. 178; BGH, Beschluss vom 13.06.2006 – IX ZB 238/05 // ZIP. 2006. S. 1457; BGH, Beschluss 11.04.2013 – IX ZB 256/11 // ZIP. 2013. S. 1086. Схожим образом в отношении прекращения платежей: BGH, Urteil vom 25.10.2001 – IX ZR 17/01 // BGHZ. 149. S. 100.

¹⁴⁹ *Uhlenbruck W.* Mit der Insolvenzordnung 1999 in das neue Jahrtausend - Kritisches und Unkritisches zu einem «Jahrhundertgesetz» // Neue Zeitschrift für Insolvenz- und Sanierungsrecht. 1998. Heft 1. S. 8.

¹⁵⁰ Таким образом, кредиторам предоставляется право выбора основания для обращения в суд с заявлением об открытии процедуры несостоятельности: они могут ссылаться на неплатежеспособность и (или) сверхзадолженность должника.

Как верно отмечает П.О. Милов, в этом, в частности, проявляется «прокредиторская» направленность права несостоятельности Германии. См.: *Милов П.О.* Тенденции развития правовой регламентации статуса должника в конкурсном праве : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 94–95.

¹⁵¹ Решение законодателя здесь объясняется тем, что при отсутствии в составе должника - неправосубъектного объединения персонально ответственных по его долгам участников - физических лиц кредиторы объединения не имеют возможности обратит взыскание на неограниченное частное имущество,

§ 19 ПоН), а также наследственной массы (предл. 1 § 320 ПоН) и общего имущества продолженной имущественной общности супругов (предл. 1 § 320, абз. 1 § 332 ПоН). Сверхзадолженность наличествует, если имущество должника более не покрывает существующие обязательства, если только из обстоятельств не следует преобладающая вероятность продолжения деятельности предприятия¹⁵². Таким образом, в немецком законодательстве закреплено «двухступенчатое» понятие сверхзадолженности.

В силу абз. 1 § 14 ПоН заявление кредитора является допустимым, если: 1) у него имеется требующий защиты правовой интерес в открытии производства о несостоятельности, 2) он подтвердит (*glaubhaft macht*)¹⁵³ свое требование к должнику и 3) наличие основания для открытия производства¹⁵⁴.

Общим для обозначенных условий является то, что их выполнение не связано с представлением исполнительного документа (титула) и с предварительным обращением за единичным принудительным исполнением¹⁵⁵.

Далее отметим, что кредитор признается имеющим юридический интерес в проведении процедуры несостоятельности, если подачей заявления он преследует цель участия в производстве совместно с другими

а потому неправосубъектное объединение как форма деятельности в обороте и его имущественное положение очень близко подходят к юридическому лицу. Подробнее см.: Die neuen Insolvenzgesetze / zsgestellt und bearb. von M. Balz, H.-G. Landfermann. Düsseldorf, 1999. S. 226; *Ehricke U. Jaeger*. Insolvenzordnung, Großkommentar. Erster Band. §§1–55 / begr. zur Konkursordnung von E. Jaeger ; hrsg. von W. Henckel, W. Gerhardt. Berlin, 2004.S. 324. Rn. 61.

¹⁵² Следует отметить в этой части специальные предписания немецкого закона, посвященные учету для целей определения сверхзадолженности корпоративных займов. Так, требования о возврате займов, предоставленных обществу его участниками, или из правовых действий, экономически соответствующих таким займам, если кредитором и должником достигнуто соглашение о послеочередном удовлетворении таких требований в процедуре несостоятельности (абз.2 §39 ПоН), не принимаются во внимание при установлении наличия сверхзадолженности (предл. 2 абз.2 §19 ПоН).

¹⁵³ «Подтверждение» (*Glaubhaftmachung*) является особой разновидностью понятия «доказывание» (*Beweisführung*) и требует формирования пониженной степени убежденности судьи: факт является подтвержденным, если он существует с преобладающей вероятностью, т.е. достаточно, если можно заключить, что факт скорее имеется, чем нет. См.: BGH, Beschluss vom 11.09.2003 – IX ZB 37/03 // BGHZ. 156. S. 139; BGH, Beschluss vom 23.10.2008 –IX ZB 7/08 // bundesgerichtshof.de; *Laumen H.-W.* Zivilprozessordnung : Kommentar / hrsg. von H. Prütting, M. Gehrlein. Köln, 2016. §294. S. 913–915. Rn. 1–5.

¹⁵⁴ Допустимо, если предпосылки к открытию производства будут иметься на момент открытия, но кредитор приведет обоснование своего требования уже в суде апелляционной инстанции (BGH, Beschluss vom 23.02.2012 – IX ZB 48/10 // bundesgerichtshof.de).

¹⁵⁵ BGH, Beschluss vom 05.02.2004 – IX ZB 29/03 // NZI. 2004. S. 587.

кредиторами и пропорционального удовлетворения собственного требования¹⁵⁶. Вероятность получения им в рамках конкретной процедуры несостоятельности полного или частичного удовлетворения не влияет на интерес в правовой защите¹⁵⁷.

Норма закона о необходимости подтверждения требования к должнику была расширена в ходе ее практического применения: помимо подтверждения требуется «последовательное изложение» (*schlüssige Darlegung*) требования. Судебная практика выработала различные подходы к тому, каким образом заявитель должен изложить и подтвердить свое притязание¹⁵⁸. Также в определенных случаях возможен отход от стандарта доказывания – «подтверждение» (*Glaubhaftmachung*) требования. При этом речь может идти как о понижении, так и повышении требований к доказыванию¹⁵⁹.

Наконец, кредитором должно быть подтверждено существование основания несостоятельности на момент вынесения судом определения об

---

¹⁵⁶ BGH, Beschluss vom 29.06.2006 – IX ZB 245/05 // ZIP. 2006. S. 1452.

¹⁵⁷ BGH, Beschluss vom 23.09.2010 – IX ZB 282/09 // NZI. 2011. S. 58; BGH, Beschluss vom 09.06. 2011 – IX ZB 175/10 // ZIP. 2011. S. 1326.

Тем не менее подлежащий защите правовой интерес в открытии производства отсутствует, если требование кредитора в достаточной степени обеспечено одним из вещно-правовых способов обеспечения исполнения обязательства (BGH, Beschluss vom 29.11.2007 – IX ZB 12/07 // ZIP. 2008. S. 281; *Leithaus R. Insolvenzordnung : (InsO) : Kommentar / von D. Andres, R. Leithaus, M. Dahl. München, 2018. § 14. Rn. 1 // <https://beck-online.beck.de>*).

¹⁵⁸ При рассмотрении требований публично-правовых носителей власти предъявление к изложению ими своей позиции каких-либо формальных требований по общему правилу не допускается. Для подтверждения требования финансового (налогового) ведомства (*Finanzverwaltung*) (§§ 1, 2 des Finanzverwaltungsgesetzes in der Fassung der Bekanntmachung vom 04.04.2006 (BGBl. I S. 846, 1202), das zuletzt durch Artikel 21 des Gesetzes vom 21.12.2020 (BGBl. I S. 3096) geändert worden ist), как правило, достаточно представления налогового извещения (*Steuerbescheid*) и налоговой декларации (*Steueranmeldung*) должника (BGH, Beschluss vom 08.12.2005 – IX ZB 38/05 // ZIP. 2006. S. 141; BGH, Beschluss 13.06.2006 – IX ZB 214/05 // ZIP. 2006. S. 1456). Если налоговая служба точно опишет налоговую недоимку, а должник не оспорит данные требования, то налоговое извещение может и вовсе отсутствовать (BGH, Beschluss vom 22.03.2007 – IX ZB 164/06 // NJW-RR. 2007. S. 1062; BGH, Beschluss vom 09.07.2009 – IX ZB 86/09 // bundesgerichtshof.de).

¹⁵⁹ Так, если обратившийся в суд кредитор имеет исполнительный титул, то необходимость дальнейшего подтверждения им своего требования, как правило, отпадает (BGH, Beschluss vom 29.06.2006 – IX ZB 245/05 // ZIP. 2006. S. 1452). То же касается бесспорных требований (BGH, Beschluss vom 09.07.2009 – IX ZB 86/09 // bundesgerichtshof.de; BGH, Beschluss vom 12.07.2012 – IX ZB 264/11 // bundesgerichtshof.de; BGH, Beschluss vom 11.06.2015 – IX ZB 76/13 // ZIP. 2015. S. 1445.) Напротив, если наличие основания к введению процедуры несостоятельности поставлено в зависимость от реальности заявленного кредитором требования, и должник оспаривает это требование, то кредитор обязан не просто изложить и подтвердить свое требование, а доказать его существование (BGH, Beschluss vom 14.12.2005 – IX ZB 207/04 // WM. 2006. S. 492).

открытия производства¹⁶⁰. Какой-либо исчерпывающий перечень способов выявления оснований к открытию производства законодательно не установлен. Поэтому кредитор вправе ссылаться также на обстоятельства косвенного характера¹⁶¹.

Немецкое право принципиально исходит из того, что управомоченным на подачу заявления об открытии производства о несостоятельности является, как правило, любой кредитор должника¹⁶². Тем не менее, по задумке законодателя, кредитор должен относиться к числу личных кредиторов должника, а не тех, чье требование проистекает из вещных правоотношений с последним¹⁶³.

В отличие от должника в деле о банкротстве по законодательству России, в соответствии с §§ 38 и 45 ПоН к должнику в германской процедуре несостоятельности могут быть предъявлены как требования об уплате денежной суммы, так и притязания, которые могут быть пересчитаны в деньгах¹⁶⁴.

Как следует из содержания § 38 ПоН кредитор несостоятельного должника (*Insolvenzgläubiger* – «кредитор несостоятельности»)¹⁶⁵ должен обладать в совокупности тремя следующими признаками: 1) это должен быть

---

¹⁶⁰ Подробнее об этом см: BGH, Beschluss vom 27.07.2006 – IX ZB 204/04 // BGHZ. 169. S. 17; BGH, Beschluss vom 27.07.2006 – IX ZB 12/06 // bundesgerichtshof.de; BGH, Beschluss vom 07.10.2010 – IX ZB 1/10 // NZI. 2011. S. 20.

¹⁶¹ BGH, Beschluss 11.04.2013 – IX ZB 256/11 // ZIP. 2013. S. 1086.

Косвенными признаками неплатежеспособности лица в судебной практике признаны: 1) неосуществление отчислений на социальное страхование, поскольку из-за грозящей должнику уголовной ответственности такие долги, как правило, обслуживаются до последнего момента (BGH, Beschluss vom 13.06.2006 – IX ZB 238/05 // ZIP. 2006. S. 1457); 2) игнорирование платежных требований финансовой службы и предпринятой органом попытки принудительного исполнения обязанности, непредоставление налоговым должником доступа в жилище (BGH, Beschluss vom 12.07.2012 – IX ZB 264/11 // bundesgerichtshof.de); 3) неудовлетворение бесспорного требования (BGH, Beschluss vom 28.04.2008 – II ZR 51/07 // ZInsO. 2008. S. 1019. Rn. 5; *Schmerbach U.* Frankfurter Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. von K. Wimmer. Köln, 2011. §14. S. 240. Rn. 125).

¹⁶² К ним относятся и послеочередные кредиторы, и так называемые кредиторы массы. Также юридически безразличен состав предъявленного кредитором требования: в него могут быть включены финансовые санкции (напр., проценты за просрочку возврата долга).

¹⁶³ *Zimmermann W.* Insolvenzrecht. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Berlin, 2006. S. 6.

¹⁶⁴ Insolvenzordnung : InsO mit EuInsVO (Neufassung) : Kommentar / hrsg. von E. Braun und bearb. von R. Bauch, E. Braun [sowie 33 weiteren]. München, 2017. § 38. S. 311. Rn. 2–4.

¹⁶⁵ Одной из наиболее важных категорий кредиторов, которую следует отличать от названной, являются кредиторы не должника, а массы (*Massegläubiger*).

личный кредитор¹⁶⁶, перед которым должник отвечает всем принадлежащим ему имуществом или определенным обособленным имуществом, но не отдельными имущественными предметами; 2) предметом требования кредитора выступает имущественное притязание к должнику, т.е. такое, которое направлено на уплату денежной суммы или которое на основании § 45 ПоН может быть переведено в денежное притязание; 3) к моменту открытия производства требование такого кредитора должно быть основано¹⁶⁷.

Как явствует из приведенных признаков, понятие требования кредитора несостоятельного должника (Insolvenzforderung – «требование несостоятельности») не тождественно категории денежного требования. Тем не менее включению в реестр (Insolvenztabelle – «таблица несостоятельности») требований кредиторов подлежат только последние. Поэтому, если требование конкурсного кредитора изначально не имело денежного характера (напр., о передаче доли в капитале общества) или его денежная сумма не известна (напр., о компенсации за причиненные страдания, о выплате пожизненной ренты), то такое требование может быть заявлено в деле в размере, на который оно может быть оценено (Schätzung) к моменту открытия производства¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶ Как права членства, принадлежащие участникам общества, так и внесенные ими в капитал этого общества взносы и вклады, не предоставляют таким участникам при несостоятельности самого общества статус Insolvenzgläubiger (BGH, Beschluss vom 30.06.2009 – IX ZA 21/09 // NZG. 2009. S. 984). Исключение составляет требование участника негласного товарищества, который может заявить свое требование в деле о несостоятельности владельца предприятия, если размер его взноса превышает приходящуюся на его долю часть убытков (абз. 1 § 236 Торгового уложения Германии – Handelsgesetzbuch in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4100-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 8 Absatz 4 des Gesetzes vom 08.07.2019 (BGBl. I S. 1002) geändert worden ist (далее – ТУГ, НГБ)).

¹⁶⁷ «Основанным» притязание считается в тот момент, когда возникает правовое основание, из которого указанное притязание проистекает (Bundesfinanzhof (далее – BFH), Urteil vom 11.11.1993 – XI R 73/92 // EWiR. 1992. S. 1117).

¹⁶⁸ Сами по себе к числу конкурсных требований не относятся, а потому и не подлежат оценке и не допускаются к установлению в производстве о несостоятельности: строго личные обязательства; семейно- и наследственно-правовые притязания, относящиеся к неимущественному типу (право на общение с ребенком, притязание о признании отцовства или притязание о расторжении брака); притязания о воздержании от совершения действия; преобразовательные (секундарные) права; натуральные обязательства; требования из соглашения, предусматривающего возобновление (или возникновение нового) требования кредитора при улучшении состояния должника (Besserungsvereinbarung); притязания об оспаривании правовых действий и возврате полученного и пр. Данное положение не отменяет то обстоятельство, что реализация некоторых из этих требований может привести к возникновению Insolvenzforderung. Подробнее см.: Insolvenzzordnung : Kommentar. Band 1 / hrsg. von H. Hirte, H. Vallender;

Такая оценка осуществляется кредитором самостоятельно. Если речь идет о требовании, предметом которого не являются деньги, значение имеет общепринятая цена требования, но не так называемая цена предложения со стороны любителя. Определение общепринятой цены требования зависит от его вида и при наличии сомнений может быть осуществлено при помощи экспертного заключения¹⁶⁹. В основу оценки стоимости требования, размер которого изначально не известен (напр., о возмещении причиненного вреда), может быть положены прогнозируемый объем расходов на восстановление или предвидимые расходы на лечение¹⁷⁰.

После проведенной оценки требование как денежное, выраженное в евро, заявляется управляющему для включения в реестр (абз. 1 § 174 ПоН). Если на собрании кредиторов по проверке предъявленных требований (Prüfungstermin) указанное требование будет оспорено, то его обладатель должен подать жалобу об установлении принадлежащего ему требования (абз. 1 § 179, абз. 1 § 184 ПоН).

Следует также обозначить, что Положение, в отличие от российского Закона, не содержит специального перечня субъектов, которые могут быть признаны несостоятельными, используя смешанный – субъектно-

---

Uhlenbruck; bearbeitet von Ch. Borries, H. Hirte, H. Vallendar, [und 14 weitere]. München, 2019. §38. Rn. 4–25 (автор комментария – R. Sinz); § 45. Rn. 3–16 (автор комментария – B. Knof) // <https://beck-online.beck.de>.

¹⁶⁹ К примеру, в обязательствах, направленных на передачу чего-либо, в расчет принимается обычная цена подлежащего передаче предмета; в обязательствах по выполнению работ или оказанию услуг учитывается вознаграждение по таксе или типичное вознаграждение; в правоотношениях из двухсторонних договоров в качестве масштаба для оценки может быть использовано согласованное сторонами встречное предоставление; в обязательствах, объектом которых выступает действие, совершение которого может быть поручено другому лицу, вместо притязания о совершении такого действия в производстве может быть заявлена денежная сумма, соответствующая расходам, вызванным необходимостью обращения за совершением действия к третьему лицу.

¹⁷⁰ Если требование направлено на однократное исполнение, обязанность совершить которое связана с событием, которое неизвестно когда наступит во времени, или на периодическое исполнение, продолжительность которого также не определена, применяются различные способы и методики: для определения вероятности наступления смерти лица, с которой связано «созревание» обязательства, могут использоваться данные о средней ожидаемой продолжительности жизни (статистика вероятности смерти), в отношении обязательств с периодическим исполнением, но неопределенной продолжительностью, как правило, обращаются к актуарным методам. При этом полученные значения подлежат уменьшению на основании абз. 2 § 41 ПоН.

К числу дискуссионных относится вопрос, происходит ли с момента установления оцененного или пересчитанного в деньгах требования в реестре требований кредиторов его материально-правовое преобразование в денежное требование. Отрицательный ответ на вопрос см.: Schmidt K. Vertragliche Unterlassungsansprüche und Ansprüche auf unvertretbare Handlungen als Massegläubigerforderungen und als Insolvenzforderungen? // KTS – Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2004. S. 241. См. также: Knof B. Insolvenzordnung : Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck. München, 2019. § 45. Rn. 18–29.

имущественный – подход при решении вопроса о допустимости открытия процедуры несостоятельности (§§ 11, 12 ПоН)¹⁷¹.

Обращаясь далее к особенностям современной доктрины несостоятельности Германии, неизбежно отражающихся на понятии должника в процедуре несостоятельности, необходимо обратить внимание на следующие аспекты.

Сущность производства о несостоятельности определяется в Германии как инструмент реализации имущества несостоятельного должника, составляющего конкурсную массу, и осуществления его имущественной ответственности (*Verwirklichung der Vermögenshaftung*) в интересах кредиторов¹⁷². Именно совместная реализация имущественной ответственности, предметом которой в едином производстве о несостоятельности выступает все имущество должника, была названа в качестве общей и главной цели в Обосновании к Проекту ныне действующего Положения¹⁷³.

При этом указанная ответственность не связана с обладанием деликтоспособностью. Ключевым здесь является не субъект, а определенное имущество, которое «отвечает» перед кредиторами. Поэтому производство о несостоятельности направлено, прежде всего, на реализацию системы материально-правовых предписаний об ответственности (*Haftungsordnung*), а не на личность должника и ее негативную оценку¹⁷⁴.

Описанный подход соответствует особому, двойственному, пониманию ответственности в немецком праве.

Понятие ответственности тесно связано с понятием долга и раскрывается через соотношение с ним. Понятием долга обозначается возникающее из обязательственного отношения поведенческое обязательство должника по предоставлению исполнения. В случае, если должник не

---

¹⁷¹ Подробнее соответствующие положения закона будут рассмотрены в следующем параграфе.

¹⁷² *Uhlenbruck W.* Op. cit. S. 1.

¹⁷³ *Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung.* 1992 // BT-Drucks. 12/2443. S. 83.

¹⁷⁴ *Uhlenbruck W.* Vom «Makel des Konkurses» zur gesteuerten Insolvenz // *Festschrift für Walter Gerhardt zum 70. Geburtstag am 18. Oktober 2004 / hrsg. von E. Schilken, G. Kreft, G. Wagner, D. Eckardt.* Köln, 2004. S. 979 ff.

исполняет свой долг, то кредитор вправе добиваться осуществления своего требования посредством иска и принудительного исполнения. Осуществление требования в принудительном порядке и означает реализацию присоединяющейся к долгу ответственности¹⁷⁵. Таким образом, понятие ответственности предстает в немецком праве как обязанность должника отвечать за совершение исполнения обязательства по общему правилу всем принадлежащим ему имуществом, на которое посредством применения принудительных исполнительных мер может быть обращено взыскание (принцип неограниченной имущественной ответственности)¹⁷⁶. В литературе при этом подчеркивается, что ответственность есть форма государственного правового принуждения, которому подвергается имущество должника при обращении на него взыскания в исполнительном порядке, но не сам должник как неисправный субъект обязательства¹⁷⁷.

Тем самым, с этой точки зрения, понятие ответственности связывается с материальным правом, в первую очередь, в части оснований ее возникновения (статика), реализация ответственности предстает, скорее, как элемент права исполнительного (динамика). Кроме того, вопрос о реализации ответственности смещается с субъекта ответственности к понятию предмета обращения взыскания кредиторов: на первый план выходит не вопрос о том, кто отвечает перед кредиторами, а «что отвечает», за счет какого имущества возможно удовлетворение имущественных интересов лиц, приобретающих свои права требования в расчете на возможность их удовлетворения из стоимости определенной имущественной массы. Так, В. Люке пишет: «Перед кредиторами наследственной массы отвечает наследство, перед

---

¹⁷⁵ О соотношении понятий долг (Schuld) и ответственность (Haftung) в древнегерманском праве см.: Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев, 1893. С. 44–45.

¹⁷⁶ Schuldrecht, allgemeiner Teil / P. Schlechtriem, M. Schmidt-Kessel. Tübingen, 2005. S. 14. Rn. 21; Deutsches Rechts-Lexikon. In drei Bänden. Bd. 2., G – P // herausg. von Tilch H., Arloth F. München, 2001. S. 2141. Wort «Haftung».

¹⁷⁷ Grüneberg Ch. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Nebengesetzen insbesondere mit Einführungsgesetz (Auszug) / Palandt ; bearbeitet von Prof. Dr. Dr. h.c. Gerd Brudermüller [und 9 weiteren]. München, 2017. Einleitung vor §241. S. 261. Rn. 10; Looschelders D. Schuldrecht - Allgemeiner Teil. München, 2014. S. 13. Rn. 31.

собственными кредиторами – собственное имущество наследника»¹⁷⁸.

Будучи привлекаемым к ответственности, должник обязан лишь отвечать всем своим имуществом или отдельными входящими в его состав объектами за определенный экономический результат, но не обязуется способствовать достижению этого результата¹⁷⁹.

На принципиально иных началах строится понимание ответственности в смысле обязанности отвечать за вредные последствия неисполнения первичной правовой обязанности, например в форме возмещения убытков, в связи с виновным поведением или созданием опасности. Здесь предпосылкой, как правило, действительно является способность субъекта нести ответственность (*Verantwortungsfähigkeit*)¹⁸⁰. Однако кредиторы несостоятельного должника преследуют в производстве о несостоятельности цель получить удовлетворение ранее возникших к нему притязаний, в том числе тех, которые к моменту возбуждения дела являлись «несозревшими», поэтому способность к несению ответственности не относится к числу отличительных признаков должника в правоотношениях несостоятельности.

Соответствующим образом под должником в процедуре несостоятельности в доктрине предлагается понимать того, против кого направлены требования кредиторов как носителя имущества, подлежащего реализации в указанной процедуре¹⁸¹.

Изложенные основополагающие представления о природе и предпосылках открытия производства о несостоятельности, его направленности, влиянии на понимание категории должника позволяют дополнительно обозначить следующие отличительные особенности понятия должника в процедуре несостоятельности в современном немецком праве.

1. Естественным следствием описанных выше подходов является

---

¹⁷⁸ *Zivilprozeßrecht : Erkenntnisverfahren, Zwangsvollstreckung / von W. Lücke; begr. von P. Arens. München, 1999. S. 413–414. Rn. 559.*

¹⁷⁹ *Deutsches Rechts-Lexikon. In drei Bänden. Bd. 3., Q – Z // herausg. von Tilch H., Arloth F. München, 2001. S. 3750. Wort «Schuldverhältnis».*

¹⁸⁰ *Looschelders D. Op. cit. S. 13. Rn. 31; S. 178. Rn. 479.*

¹⁸¹ *Breuer W. Insolvenzrecht. Eine Einführung. München, 2011. S. 17. Rn. 57.*

решение разработчиков ПоН не связывать понятие должника с исчерпывающим перечнем субъектов, способных выступать в процедуре несостоятельности в этом качестве.

Релевантным здесь является прежде всего § 11 Положения, озаглавленный «Допустимость производства по делу о несостоятельности». Однако из анализа содержания данного параграфа в доктрине сделан вывод о том, что на поверку вопрос о допустимости открытия производства о несостоятельности он не регулирует, поскольку ее констатация требует наличия определенного юридического состава. Предметом регламентации § 11 ПоН выступает конкретизация видов носителей прав и имущественных масс, которые могут быть должниками в производстве или предметом производства о несостоятельности¹⁸². В ситуации, когда законодатель специальным образом не указывает субъекта, который признается несостоятельным должником (например, в случае смерти должника - физического лица), правила § 11 позволяют призвать в судебный процесс о несостоятельности на стороне должника обладателя имущества, в нем названного и искиваемого кредиторами для обращения на него взыскания.

Итак, § 11 Положения устанавливает, что производство по делу о несостоятельности может быть открыто над имуществом любого физического и юридического лица, а также неправопособного союза, который приравнивается к юридическому лицу¹⁸³ (абз.1).

Производство по делу о несостоятельности может быть также открыто:

1. над имуществом неправосубъектного объединения (*Gesellschaft ohne Rechtspersönlichkeit*) (открытого торгового товарищества, коммандитного товарищества, партнерского товарищества, товарищества гражданского

---

¹⁸² *Ehricke U. Op. cit.* § 11. S. 299. Rn. 1; *Schmerbach U. Op. cit.* § 11. S. 175. Rn. 1.

¹⁸³ Отметим, что с 30.09.2009 вступила в силу новая редакция абз. 2 § 50 Гражданского процессуального уложения Германии. С этого момента за неправоспособным союзом признана не только пассивная, но и активная процессуальная правоспособность («может предъявлять иск и быть ответчиком по иску»; «в правовом споре такой союз занимает положение правоспособного союза»). Из процессуальной правоспособности следует и способность данного объединения и к самостоятельному участию в исполнительных действиях (*Vollstreckungsfähigkeit*). Отсюда же проистекает еще одно законодательное решение: для целей проведения принудительного исполнения за счет имущества неправоспособного союза достаточным является наличие судебного решения, вынесенного против самого союза (§ 735 ГПУ).

права, судовладельческого товарищества, европейского экономического объединения интересов);

2. над наследством, над общим имуществом продолженной имущественной общности супругов или общим имуществом имущественной общности, которым супруги или однополые партнеры (дословно – «жизненные партнеры») управляют совместно (абз. 2).

Кроме того, открытие производства о несостоятельности допускается и после прекращения юридического лица или неправосубъектного объединения до момента, пока не будет произведен раздел его имущества (абз. 3).

Положение о несостоятельности принципиально допускает введение производства о несостоятельности над имуществом юридических лиц публичного права, относящихся к ведению федеральных земель, если только правом земли не предусмотрено обратное (§ 12). Исследование всех законов уровня земель Германии показало, что в абсолютном большинстве случаев земельными органами власти было принято решение о запрете применения в отношении юридических лиц публичного права положений законодательства о несостоятельности. Подробнее о юридических лицах публичного права будет сказано во второй главе настоящей диссертационной работы.

Новеллой законодательства о несостоятельности Германии является установление с 21.04.2018 года возможности открытия несостоятельности над группой предприятий (*Unternehmensgruppe*)¹⁸⁴. Несмотря на то что законодатель в названии закона, которым внесены соответствующие изменения, оперирует термином «несостоятельность концернов», в тексте законодательного акта данная категория не встречается.

Применительно к указанным нововведениям в юридической литературе также используют понятие концернов. Вместе с тем отмечается, что в немецком праве по-прежнему не существует единообразного понятия этого

---

¹⁸⁴ Gesetz zur Erleichterung der Bewältigung von Konzerninsolvenzen vom 13.04.2017 (BGBl I 2017, 866), das zuletzt durch Artikel 8 des Gesetzes vom 05.06.2017 (BGBl. I S. 1476) geändert worden ist. В Положении о несостоятельности см.: §§ 3a–3e, 13a, 56b, 269a–270d.

явления¹⁸⁵. Понятие же группы предприятий в ПоН представляет собой самостоятельную категорию, хотя и основанное на комбинировании существующих в немецком и международном праве понятий концерна и ограниченное по сфере применения отношениями несостоятельности¹⁸⁶.

В силу §3е ПоН по смыслу Закона группа предприятий состоит из юридически самостоятельных предприятий, место сосредоточения основных интересов которых находится внутри страны и которые непосредственно или опосредованно связаны между собой через 1. возможность осуществления господствующего влияния или 2. объединения под единым руководством (абз.1). В качестве группы предприятий в смысле абзаца 1 действуют также объединение и его лично ответственные участники, при условии, что к числу последних не относится физическое лицо или другое объединение, участником которого, несущим персональную ответственность, является физическое лицо, либо сохраняется подобного рода связь объединений.

Следует, однако, оговориться, что нормы Положения, посвященные группе предприятий, не имеют в виду производство о несостоятельности над имуществом неправосубъектного объединения – группы, также речь не идет о едином производстве со множественностью должников - членов группы.

Конструкция группы предприятий позволяет применять общую дополнительную подсудность для всех членов группы и сконцентрировать все производства о несостоятельности над имуществом носителей предприятий, относимых к одной группе, в одном суде по делам о несостоятельности (§§ 3а–3е); предоставляет возможность подать заявление о введении так называемого координационного производства, что

---

¹⁸⁵ Например, абз. 1 § 18 «Концерн и предприятия концерна» Закона об акциях устанавливает, что если одно господствующее предприятие и одно или несколько зависимых предприятий объединены под единым руководством господствующего предприятия, то они образуют концерн. Согласно абз. 2 этого же параграфа если предприятия являются юридически самостоятельными, и одно предприятие не является зависимым от другого, но предприятия объединены под единым руководством, то они также образуют концерн. См.: Aktiengesetz vom 06.09.1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 15 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist (далее – AktG; Закон об акциях).

Таким образом, в акционерном праве немецкий законодатель при определении понятия концерна отталкивается в первую очередь от признака «единое руководство».

¹⁸⁶ Pannen K. Hamburger Kommentar zum Insolvenzrecht / A. Schmidt. Köln, 2021. § 3e InsO, Rn. 1, 2 // walterskluwer-online.de.

обуславливает назначение координатора производства (управляющего несостоятельностью или куратора (Sachwalter) – §§ 269b, 56b, 274), право на разработку координационного плана и др. (§§ 269d–269i).

Кроме того, процедура несостоятельности может быть открыта над имуществом иностранных объединений лиц и иностранными имущественными массами. Данное положение действует, к примеру, в отношении Ltd. английского права, которые осуществляют свою торговую деятельность на территории Германии¹⁸⁷.

Напротив, согласно господствующей в доктрине и правоприменительной практике точке зрения, не могут быть признаны несостоятельными органы юридического лица как его представители¹⁸⁸.

2. Поскольку должник – в первую очередь обладатель субъективного права на имущество, за счет которого должны быть осуществлены расчеты с определенными кредиторами, немецкий законодатель отказался от использования в Положении о несостоятельности категории «несостоятельный должник» (Insolvenzschuldner, insolventer Schuldner), отдав предпочтение термину «должник»¹⁸⁹. Действительно, при описанном выше подходе должник совершенно не обязательно является несостоятельным в смысле лица, чье имущество не позволяет ему погасить задолженность перед кредиторами. Напротив, свойством несостоятельности может

---

¹⁸⁷ *Breuer W.* Op. cit. S. 73. Rn. 185; Landgericht Duisburg, Beschluss vom 20.02.2007 – 7 T 269/06 // ZIP. 2007. S. 926.

¹⁸⁸ По мнению Федерального Верховного Суда Германии, в действующем праве отсутствуют основания для признания за органами общей материальной и процессуальной правоспособности вне тех особых исключений, которые прямо допущены законодателем. Bundesgerichtshof, Urteil vom 17.05.1993 – II ZR 89/92 // BGHZ. 122. S. 342–363, 345.

¹⁸⁹ Положение о несостоятельности не использует в качестве самостоятельного термина и обозначение «несостоятельность» (искл.: § 331 «Одновременная несостоятельность наследников»), только в сочетании с другими категориями. Отсутствует в ПоН и легальное определение понятия несостоятельности.

В ранее действовавшем Положении о конкурсе 1877 года использовался термин «общий должник» (Gemeinschuldner), т.е. должник общности кредиторов, а до этого в южно-немецких законах «должник в публичных торгах» (Gantschuldner). В литературе предлагалось использование категории «конкурсный должник» (Konkursschuldner). Подробнее о терминологии в законодательстве о несостоятельности Германии – см.: *Hallgarten F.* Wie haftet der Gemeinschuldner (GS.) dem Massegläubiger (MG.) nach Beendigung des Konkurses? // *Konkurs- und Treuhandwesen.* 1932. S. 126; *Henckel W.* Sprache im Insolvenzrecht // *Festschrift für Bernhard Großfeld zum 65. Geburtstag / hrsg. von Ulrich Hübner und Werner F. Ebke.* Heidelberg, 1999. S. 343–354; *Kommentar zur Konkursordnung und Einführungsgesetzen mit einem Anhang, enthaltend das Anfechtungsgesetz, Auszüge aus den Kostengesetzen, Ausführungsgesetzen und Geschäftsordnungen.* Erster Band / von E. Jaeger. Berlin, 1916. S. 23. Fussnote 1; *Zimmermann W.* Op. cit. S. 9.

характеризоваться лишь обособленная часть имущества, обладателем которого он является и которое отвечает лишь перед персонально ограниченной группой кредиторов (напр., наследственное имущество).

3. Отсюда же проистекает еще одна особенность должника как лица, участвующего процедуре несостоятельности, а именно способность быть должником одновременно в нескольких производствах.

Как уже было показано выше, в конкурсе реализуется имущественная ответственность должника¹⁹⁰, поэтому производство по делу о несостоятельности по общему правилу направлено на все имущество должника, которым он способен нести ответственность¹⁹¹ и которое не освобождено от ареста и взыскания (*pfändbares Vermögen*). При этом юридически индифферентным является вопрос о том, получено ли это имущество в рамках занятия деловой деятельностью, составляет ли оно имущество предприятия, используемое при осуществлении торговой деятельности, или же исчерпывается лишь личным имуществом должника. В этом случае в научной литературе говорят об совокупной или универсальной несостоятельности («*Gesamt- oder Universalinsolvenz*»). Отсюда же проистекает и принцип «одно лицо – одно имущество – одно производство по делу о несостоятельности»¹⁹².

Напротив, в прямо названных случаях закон делает исключения из общего правила об ответственности должника всем принадлежащим ему имуществом (ном. 2 абз. 2 § 11 ПН). В этих ситуациях предметом производства по делу о несостоятельности является специальное, «отграниченное при помощи норм права об ответственности от иного имущества лица обособленное имущество» («*haftungsrechtliches Sondervermögen*») (например, наследство), – тогда говорят уже об

---

¹⁹⁰ У. Эрике пишет: «Посредством производства по делу о несостоятельности должна быть реализована (личная) ответственность (несостоятельного) должника, то есть должна наступить ответственность всем принадлежащим ему имуществом» (*mit dessen gesamten zugeordneten Vermögen*). См.: *Ehricke U. Op. cit.* § 11. S. 302. Rn. 10.

¹⁹¹ В. Уленбрук и У. Гундлах указывают: «... по долгам лица отвечает все его имущество, на которое может быть обращено взыскание» См.: *Uhlenbruck W., Gundlach U. Insolvenzrechts-Handbuch / Gottwald. Von J. Adolphsen ... Hrsg. von P. Gottwald. München, 2010. § 5. S. 120. Rn. 1.*

¹⁹² *Ib.* § 5. S. 120. Rn. 1.

обособленной или партикулярной несостоятельности («Sonder- oder Partikularinsolvenz»). Таким образом, в том случае, когда нормами ответственности происходит отделение (обособление, сепарация) части имущества должника и его предназначение удовлетворению требований лишь отдельных кредиторов, должно иметь место и самостоятельное производство по делу о несостоятельности над этой частью имущества¹⁹³. В результате один и тот же должник может участвовать одновременно в нескольких процедурах несостоятельности¹⁹⁴, предметом которых будут являться обособленные имущественные массы, юридически принадлежащие одному и тому же лицу¹⁹⁵.

4. Поскольку приобретение статуса должника в производстве о несостоятельности зависит от обладания имуществом, на которое могут обратить взыскание кредиторы, допустима замена одного субъекта права, выступающего на стороне должника, на другого, что наблюдается в ситуации наследственного правопреемства.

5. Большое внимание в науке права несостоятельности Германии уделено выявлению правовой природы способности субъекта быть участником правоотношений несостоятельности – несостоятельноспособности (Insolvenzfähigkeit). Указанная способность

---

¹⁹³ *Schmerbach U. Op. cit. § 11. S. 175. Rn. 2; Uhlenbruck W., Gundlach U. Op. cit. § 5. S. 120. Rn. 1; Wehr Th. Hamburger Kommentar zum Insolvenzrecht / hrsg. von A. Schmidt. Münster, 2009. § 11. S. 117–118. Rn. 2.* В основе этого подхода лежит мысль о том, что понятие несостоятельности не обнаруживает в себе целостности, единства имущества должника и не требует ликвидации всей имущественной массы лица.

¹⁹⁴ *Foerste U. Op. cit. S. 18. Rn. 25.*

¹⁹⁵ В качестве примера последнего можно привести предложение 1 абз. 2 § 35 ПоН, которое устанавливает, что если должник как физическое лицо осуществляет или намеревается вскоре начать осуществлять самостоятельную деятельность (деятельность самозанятых лиц, не работающих по найму), то управляющий в деле о несостоятельности должен объявить ему, относится ли имущество, получаемое от самостоятельной деятельности, к конкурсной массе, и могут ли требования, возникшие из этой деятельности, быть заявлены в производстве по делу о его несостоятельности. При поступлении должнику такого заявления управляющего происходит разрыв правовой связи между конкурсной массой и имуществом, относящимся к осуществлению самостоятельной деятельности, что сопровождается универсальным переходом всей совокупности имущества, участвующего в самостоятельной деятельности, включая связанные с ней длящиеся обязательственные правоотношения (BGH, Urteil vom 09.02.2012 – IX ZR 75/11 // BGHZ 192, 322), от массы к должнику (Begründung zum Regierungsentwurf eines Gesetzes zur Vereinfachung des Insolvenzverfahrens // BT-Drucks. 16/3227. S. 26). В дальнейшем по заявлению нового кредитора может быть возбуждено новое (второе) производство по делу о несостоятельности, ограниченное только имуществом, освобожденным от производства о несостоятельности, а также имуществом, вновь приобретенным в результате занятия самостоятельной деятельностью (BGH, Beschluss vom 09.06.2011 – IX ZB 175/10 // ZIP. 2011. S. 1326; *Kneser A. Die Verwertung von Neuerwerb des Gemeinschuldners // Konkurs-, Treuhand- und Schiedsgerichtswesen. 1958. Heft 9. S. 135).*

будет изучена в следующем параграфе нашей работы. Здесь же мы ограничимся лишь следующим принципиальным выводом: ни германское законодательство, ни судебная практика, ни господствующая доктрина не допускают наделения свойствами должника отдельных лиц или их коллективов, не обладающих хотя бы частичной материальной правосубъектностью, а наделенных лишь процессуальной правоспособностью. Необходимым условием для признания должником в процедуре несостоятельности является признание за лицом или объединением *материальной* правоспособности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить. В немецкой доктрине должник в процедуре несостоятельности, как и зачастую в российской науке конкурсного права, тесно связывается с категориями ответственности и ее реализации. Вместе с тем воззрения немецких авторов основаны на принципиально ином понимании ответственности. Для них принудительная реализация ответственности представляет собой судебную процедуру изъятия имущества у лица с целью обращения на него взыскания по его долгам. Поэтому «лицо, несущее ответственность» – это субъект, являющийся обладателем этого имущества, вопросы о деликтоспособности данного субъекта лишены юридического значения.

Отсюда понятия должника как участника дела о банкротстве в конкурсном праве России и должника в процедуре несостоятельности в праве Германии представляют собой не совпадающие по субъектному составу, природе, признакам, функциональной роли в механизме регулирования отношений несостоятельности правовые конструкции.

Должником в процедуре несостоятельности по законодательству Германии признается лицо или неправосубъектное объединение лиц, обладающие в силу закона способностью быть участниками принудительного исполнительного производства, а также имуществом, не способным к полному удовлетворению оцениваемых в деньгах требований кредиторов, и участвующие в открытом производстве о несостоятельности.

§3. Особенности теоретических исследований категории должника с использованием понятий конкурсной способности и несостоятельности (Insolvenzfähigkeit) по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии

Одним из распространенных направлений теоретических исследований категории должника в российской и немецкой доктрине является ее анализ с использованием понятий конкурсной способности и несостоятельности (Insolvenzfähigkeit).

Как было отмечено в предыдущих частях работы, в дореволюционный и советский периоды развития российского конкурсного права попытки выявления особых критериев (способностей), позволяющих признать субъектов права способными к объявлению несостоятельными, не предпринимались. В современной российской литературе указанный вопрос стал предметом пристального внимания.

Первоначально абстрактная способность должника быть признанным несостоятельным¹⁹⁶ специального терминологического обозначения в науке российского конкурсного права не получила. В 1992 Т.П. Шишмаревой было предложено заимствовать для этой цели из конкурсного права Германии термин «конкурсная способность» (Konkursfähigkeit)¹⁹⁷. В настоящее время предлагаются и другие выражения, призванные обозначить особую способность субъекта быть признанным несостоятельным (банкротом), в частности, «банкротоспособность»¹⁹⁸, «конкурсная правосубъектность»¹⁹⁹.

---

¹⁹⁶ В отличие от других авторов, Е.Д. Суворов последовательно говорит о «конкурсной способности требований», имея в виду возможность обладателя требования обратиться в арбитражный суд с заявлением о возбуждении дела о банкротстве и (или) об установлении своего требования в уже рассматриваемом деле. Суворов Е.Д. Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015): акты и комментарии. М., 2016. С. 10–16, 40; *Он же*. Банкротство в практике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2017 гг. М., 2018. С. 26; *Он же*. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М., 2020. С. 71; *Он же*. Судебное банкротное право : сборник. М., 2020. С. 7.

О конкурсной способности требований кредиторов пишет также Ю.Д. Подольский. См.: Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография. М., 2020. С. 28.

¹⁹⁷ Шишмарева Т.П. Правовые вопросы реорганизации и ликвидации юридических лиц вследствие несостоятельности : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 156.

¹⁹⁸ Мохова Е.В. Центр основных интересов должника при трансграничной несостоятельности: перспективы введения в России новых правовых конструкций // Закон. 2012. № 10. С. 111–128.

¹⁹⁹ Алфёрова Л.М. Указ. соч. С. 10, 92, 115, 174, 175.

Вместе с тем природа, предпосылки и сущность конкурсаноспособности (банкротоспособности) определяются исследователями по-разному. Часто в российских работах, посвященных несостоятельности, используется понятие конкурсаноспособности без анализа сущности и содержания названной юридической категории (И.А. Гордеев²⁰⁰, А.А. Кудрявцев²⁰¹).

Другими авторами прямо обосновывается необходимость введения в научный оборот понятия конкурсаноспособности, под которой следует понимать способность лица быть признанным или объявленным несостоятельным (банкротом)²⁰².

В результате в российских научных публикациях немецкий термин «конкурсаноспособность» в большинстве случаев использовался без исследования обозначаемого им понятия. С таким подходом сложно согласиться, поскольку заимствование юридической категории из немецкой доктрины предполагает ее раскрытие и анализ с целью последующего инкорпорирования в систему российской научной мысли.

Так, исследованию правовой природы указанной способности в германской литературе уделено значительное внимание. Выработанные доктриной положения нашли свое отражение как в законодательстве, так и в судебной практике.

---

²⁰⁰ Гордеев И.А. Правовые проблемы судебного рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) : Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 105.

²⁰¹ Кудрявцев А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, на современном этапе : Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 11, 120, 184.

²⁰² Бельх В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Указ. соч. С. 50–51; Говоруха М.А. Правовое положение органов управления несостоятельного должника : Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 35; Дубинчин А.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 104; Забуга И.А. Особенности осуществления внешнего управления в процедурах несостоятельности (банкротства) : Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 52.

Трактовка конкурсаноспособности как способности быть признанным несостоятельным (банкротом) получила в науке обозначение узкого понимания, оставляющего за пределами указанного понятия последствия такого признания. В отличие от нее, широкая трактовка содержания конкурсаноспособности включает не столько способность быть банкротом, сколько способность «подвергнуться применению законодательства о банкротстве и иметь специальные права и обязанности, которые необходимы для участия в деле о банкротстве», что приводит к фактическому отождествлению указанной категории с понятием «конкурсная (специальная) правоспособность должника в деле о банкротстве». См.: Пахаруков А.А. Конкурсаноспособность как правовая категория // Транспортная инфраструктура Сибирского региона : материалы Седьмой международной научно-практической конференции, посвященной 355-летию со дня основания города Иркутска, 29 марта – 01 апреля 2016 г. Иркутск : в 2 т., Т. 2. Иркутск, 2016. С. 734–735; Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 107.

Термин «конкурсоспособность» (*Konkursfähigkeit*) был разработан доктриной на основе отдельных норм Положения о конкурсе 1877 года и использовался для раскрытия возможности введения в отношении имущества участника оборота *ликвидационной процедуры* конкурсного производства²⁰³. Для участия в судебном производстве, направленном на предотвращение конкурса посредством достижения мирового соглашения (*Vergleichsverfahren*), требовалось обладание уже иной способностью – способностью к примирительному производству (*Vergleichsfähigkeit*). Последняя по своему объему являлась категорией, не совпадающей с понятием конкурсоспособности²⁰⁴.

Как отмечает В. Хенкель, в силу присущей ему неточности обоснованность использования термина *Konkursfähigkeit* уже в то время вызывала сомнения. Его буквальное понимание означает способность к конкурсу, т.е. способность совместно с другими кредиторами «стекаться» с требованиями к должнику и конкурировать между собой. Таким образом, «способность к конкурсу» или «конкурсоспособность» – это свойство не должника, а его кредиторов²⁰⁵.

Со вступлением в силу с 01.01.1999 действующего Положения о несостоятельности 1994 года выражение *Konkursfähigkeit* утратило свое значение, поскольку в ходе реформы законодательства о несостоятельности было принято решение отказаться от всех категорий, связанных с категорией «конкурс», и заменить их на понятия, образованные от категории «несостоятельность» (*Insolvenz*)²⁰⁶.

---

²⁰³ Правила о допустимости введения такой процедуры были «разбросаны» по отдельным параграфам нескольких законодательных актов: §§ 207, 209, 213, 214, предл. 1 § 236, абз. 1 § 236а Положения о конкурсе 1877, абз. 2 § 63 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, абз. 2 § 98 Закона о производственных и хозяйственных кооперативах.

²⁰⁴ *Jaeger E.* Lehrbuch des deutschen Konkursrechts. Berlin ; Leipzig, 1932. S. 23; Vergleichsordnung: Kommentar. Bd. 1., §§1–81 / begr. von E. Bley, 4., Neubearb. Aufl. von J. Mohrbutter, unter Mitarbeit von H. Mohrbutter. Berlin ; New York, 1979. §2. S. 45–51. Rn. 3–18.

²⁰⁵ *Henckel W.* Op. cit. S. 348.

²⁰⁶ Тем самым конкурсное производство (*Konkursverfahren*) преобразовалось в производство о несостоятельности (*Insolvenzverfahren*), конкурсный должник (*Konkursschuldner*) стал несостоятельным должником (*Insolvenzschuldner*), конкурсный кредитор (*Konkursgläubiger*) – «несостоятельным кредитором» (*Insolvenzgläubiger*), конкурсный управляющий (*Konkursverwalter*) – «несостоятельным управляющим» (*Insolvenzverwalter*), конкурсная масса (*Konkursmasse*) – «несостоятельной массой» (*Insolvenzmasse*),

Данное решение вызвано двумя причинами. Во-первых, все правовые конструкции, связанные с конкурсом, обозначали правовые средства, служившие тому, чтобы открыть и провести особое судебное производство (конкурсное производство), направленное на реализацию имущественной массы должника, недостаточной для полного удовлетворения всех требований его кредиторов, и распределение вырученных средств между последними соразмерно объему имеющихся у них притязаний. Таким образом, конкурсная процедура в Положении о конкурсе 1877 года – это всегда ликвидационная процедура. И лишь с принятием Положения о примирительном производстве (*Vergleichsordnung*) 1935 года появилась юридическая возможность сохранения должника и его предприятия.

Современное законодательство о несостоятельности ФРГ построено на иных началах. Согласно § 1 «Цели производства о несостоятельности» ПоН производство по делам о несостоятельности служит совместному удовлетворению требований кредиторов должника посредством реализации имущества должника и распределения полученной выручки или достижения соглашения об отступлении от этих положений в плане несостоятельности (*Insolvenzplan*), в частности для сохранения предприятия должника.

Таким образом, в силу непосредственного закрепления в законе первичной (примарной) целью процедуры несостоятельности выступает совместное удовлетворение требований кредиторов. Напротив, ликвидация или сохранение предприятия должника (санация) являются вторичными (секундарными) целями производства, которые лишь служат достижению вышестоящей цели²⁰⁷. Данная позиция законодателя разделяется

конкурсное оспаривание (*Konkursanfechtung*) – «несостоятельным оспариванием» (*Insolvenzanfechtung*) и т.д. Подробнее о терминологии современного германского законодательства о несостоятельности см.: *Henckel W.* Op. cit. S. 343–354.

²⁰⁷ Соответственно, заявитель по делу не обязан решать, будет ли он добиваться санации или ликвидации предприятия должника, а вправе лишь подать заявление об открытии единого производства о несостоятельности должника. Решение о цели его дальнейшего движения принимают кредиторы в уже открытом производстве (§ 157 ПоН).

представителями научного сообщества Германии²⁰⁸ и поддерживается в судебной практике²⁰⁹.

Во-вторых, терминологическая замена была необходима для обеспечения единообразия категориального аппарата на территориях бывшей Западной и Восточной Германии.

Таким образом, конкурс и конкурсное производство как категории, связанные со стечением кредиторов и ликвидационной направленностью законодательства, имеют в современной немецкой науке лишь историческое значение. С целью их замещения была введена единая процедура несостоятельности, построенная на другой модели и преследующая иные цели. Для того чтобы подчеркнуть данное обстоятельство, в ходе разработки Положения о несостоятельности 1994 года было принято решение об обновлении терминологии. Использование терминов, образованных от слова «конкурс», в контексте действующего правового регулирования не допускается.

В современной немецкой доктрине для обозначения способности быть должником в процедуре несостоятельности используется несколько терминов, заменивших собой устаревший термин «конкурсоспособность» (*Konkursfähigkeit*): «способность к производству по делу о несостоятельности» (*Insolvenzverfahrensfähigkeit*)²¹⁰, «способность быть субъектом права несостоятельности» («*Insolvenzrechtsfähigkeit*»)²¹¹ или «способность к участию в сводном исполнительном производстве» (*Gesamtvollstreckungsfähigkeit*)²¹². Однако наиболее часто встречающимся в научных работах и судебной практике является термин «несостоятельноспособность» или «способность быть признанным

---

²⁰⁸ *Bork R.* Einführung in das Insolvenzrecht. Tübingen, 2009. S. 1. Rn. 1; *Stürner R.* Op. cit. S. 4. Rn. 1–2; *Uhlenbruck W.* Mit der Insolvenzordnung 1999 in das neue Jahrtausend - Kritisches und Unkritisches zu einem «Jahrhundertgesetz» // Neue Zeitschrift für Insolvenz- und Sanierungsrecht. 1998. Heft 1. S. 2.

²⁰⁹ BGH, Urteil vom 05.07.2001 – IX ZR 327/99 // bundesgerichtshof.de; BGH, Beschluss vom 12.06.2008 – IX ZB 220/07 // bundesgerichtshof.de.

²¹⁰ Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung. 1992 // BT-Drucks. 12/2443. zu § 13. S. 112; *Wehr Th.* Op. cit. § 11. S. 117. Rn. 1.

²¹¹ *Schmerbach U.* Op. cit. § 11. S. 175. Rn. 1. Автор полагает, что указанная категория заменяет собой в производстве о несостоятельности процессуальную правоспособность.

²¹² *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5. S. 120. Rn. 1.

несостоятельным» (Insolvenzfähigkeit)²¹³.

Принимая во внимание неудобство использования выражения «способность быть участником правоотношений несостоятельности», соответствующего термину Insolvenzfähigkeit, далее в исследовании применительно к правопорядку Германии будут использоваться термины Insolvenzfähigkeit («несостоятельноспособность») и insolvenzfähig («несостоятельноспособный»).

В немецкой доктрине исследованию сущности и признаков понятия Insolvenzfähigkeit уделено внимание значительного числа авторов. Не вызывает каких-либо споров в литературе Германии положение о том, что Insolvenzfähigkeit является одной из необходимых формальных предпосылок допустимости открытия производства по делу о несостоятельности, а также предпосылкой для участия должника в производстве по такому делу (Verfahrensbeteiligung)²¹⁴.

Сущность понятия Insolvenzfähigkeit, его соотношение с понятиями материальной и процессуальной право- и дееспособности рассматриваются доктриной с двух различных точек зрения. При этом общей методологической основой исследования понятия Insolvenzfähigkeit служит определение юридической природы процедуры несостоятельности как процессуальной процедуры, а точнее как разновидности процедуры сводного исполнительного производства.

По мнению представителей первого подхода, вопрос о содержании понятия Insolvenzfähigkeit подлежит разрешению с точки зрения норм процессуального права, в рамках которого выделяется понятие общей процессуально-правовой способности быть участником процесса и его разновидность – понятие способности быть должником в производстве по делу. На этой основе понятие Insolvenzfähigkeit рассматривается как специальная способность быть участником процесса, которой обладает

---

²¹³ Напр.: Häsemeyer L. Op. cit. S. 105. Rn. 6.17.

²¹⁴ Ib. S. 104–105. Rn. 6.16; S. 105. Rn. 6.17; Kirchhof H.-P. Op. cit. § 11. S. 103. Rn. 4; Uhlenbruck W., Gundlach U. Op. cit. § 5. S. 120. Rn. 1.

должник в производстве по делу о несостоятельности²¹⁵.

Иными словами, *Insolvenzfähigkeit* – это формальная предпосылка к открытию производства о несостоятельности, которая означает правовую возможность быть должником в производстве по делу о несостоятельности и представляет собой разновидность общей процессуальной способности быть участником производства по делу.

На основании указанных положений решается вопрос о соотношении понятия *Insolvenzfähigkeit* и понятий материальной и процессуальной правоспособности.

Так, наличие материальной правоспособности означает наличие у субъекта процессуальной правоспособности и одновременно с этим *Insolvenzfähigkeit*²¹⁶. Отсюда следует, что несостоятельноспособность в принципе корреспондирует правоспособности материального права и правоспособности процессуального права: тот, кто обладает материальной правоспособностью или, хотя бы пассивной, процессуальной правоспособностью, обладает также и *Insolvenzfähigkeit*. Напротив, кто не обладает материальной правоспособностью, тот, как правило, не обладает и несостоятельноспособностью (например, долевая общность и общность наследников). Таким образом, для обладания *Insolvenzfähigkeit* не требуется наличия у субъекта материальной или процессуальной правоспособности²¹⁷. Процедура несостоятельности может быть введена над имуществом и недееспособного должника.

В результате в рамках первого из подходов правовая природа *Insolvenzfähigkeit* определяется следующим образом. Поскольку для того, чтобы быть участником судебного процесса, требуется обладание лицом хотя бы пассивной процессуальной правоспособностью, то *Insolvenzfähigkeit* как

---

²¹⁵ *Bork R.* Op. cit. S. 14. Rn. 28; *Bork R.* *Insolvenzfähigkeit der Bruchteilsgemeinschaft?* // *Zeitschrift für Wirtschaftsrecht.* 2001. Heft 13. S. 548; *Prütting H.* *Kommentar zur Insolvenzordnung.* Band 1 / hrsg. von B.M. Kübler, H. Prütting. Köln, 2012. § 11. S. 3–4. Rn. 6.

²¹⁶ *Prütting H.* *Ist die Gesellschaft bürgerlichen Rechts insolvenzfähig?* // *Zeitschrift für Wirtschaftsrecht.* 1997. Heft 40. S. 1725.

²¹⁷ *Bork R.* *Einführung in das Insolvenzrecht.* Tübingen, 2009. S. 14. Rn. 28.

способность быть должником в производстве по делу о несостоятельности, т.е. в производстве процессуальном, определяется сторонниками указанного подхода либо через установление полного соответствия понятия *Insolvenzfähigkeit* процессуальному понятию пассивной процессуальной правоспособности²¹⁸, либо посредством рассмотрения первого понятия как разновидности второго²¹⁹.

Конечным выводом из описанного подхода является положение о том, что должником в производстве по делу о несостоятельности может быть только носитель прав (имущества), т.е. субъект права, но не само обособленное имущество (*Sondervermögen*)²²⁰. При этом указанный субъект должен либо являться полностью правоспособным лицом, либо обладать, по крайней мере, частичной правоспособностью, дающей ему возможность иметь только определенные права и тем самым способность участвовать в производстве по делу о несостоятельности. Имущество, никогда не обладая способностью к участию в процессе, являются предметом, а не субъектом производства по делу о несостоятельности²²¹.

Таким образом, наличие (пассивной) процессуальной правоспособности означает обладание и *Insolvenzfähigkeit*. Последняя категория, в сущности, поглощается второй и немыслима вне ее. В этом утверждении, по существу, и заключен основной недостаток рассмотренной теории. Если, по мнению ее сторонников, правовой системе Германии не известны случаи, когда бы *Insolvenzfähigkeit* не основывалась на (пассивной)

---

²¹⁸ Интересно отметить, что в одном из словарей немецкой юридической терминологии данный подход рассматривается в качестве единственно возможного. См.: *Deutsches Rechts-Lexikon. In drei Bänden. Bd. 2., G – P // herausg. von Tilch H., Arloth F. München, 2001. S. 2323.*

Рассматриваемая точка зрения была сформулирована еще в первой половине прошлого века применительно к понятию *Konkursfähigkeit*. Э. Егер писал: «Конкурсное производство является разновидностью процесса. Отсюда способность быть носителем роли общего должника (конкурсоспособность) в общем соответствует пассивной процессуальной правоспособности гражданского процесса. То есть конкурсоспособен тот, кому может быть предъявлен иск». См.: *Lehrbuch des deutschen Konkursrechts / E. Jaeger. Berlin; Leipzig, 1932. S. 20.*

²¹⁹ Логичным следствием из этого положения является следующий тезис проф. Р. Борка: «Нельзя также согласиться с тем взглядом, что тот, кто обладает материальной правоспособностью и пассивной процессуальной правоспособностью, в отсутствие специальной нормы может быть лишен несостоятельностипособности» (*Bork R. Op. cit. S. 17. Rn. 33*).

²²⁰ *Prütting H. Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1 / hrsg. von B.M. Kübler, H. Prütting. Köln, 2012. § 11. S. 3-4. Rn. 6.*

²²¹ *Foerste U. Op. cit. S. 18. Rn. 25.*

процессуальной правоспособности, возникает закономерный вопрос о необходимости выделения *Insolvenzfähigkeit* как самостоятельной правовой категории.

В соответствии с другим подходом в немецкой научной литературе *Insolvenzfähigkeit* не обусловлена наличием пассивной процессуальной правоспособности. Данная точка зрения в доктрине Германии имеет большее число сторонников, в ее основу положено понятие «имущественной массы, наделенной самостоятельностью».

Как указывают К. Отт и М. Фуиа²²², а также некоторые другие авторы²²³, термином «*Insolvenzfähigkeit*» обозначается только лишь допустимость производства по делу о несостоятельности над каким-либо единым имуществом субъекта. Это лишь предпосылка, при наличии которой в рамках публичного производства по делу о несостоятельности может иметь место «ликвидация над единым имуществом»²²⁴.

Аналогичного подхода к определению понятия *Insolvenzfähigkeit* придерживается Л. Хэземейер, который пишет: «Строго говоря, «*Insolvenzfähigkeit*» обозначаются предпосылки, при наличии которых в публичном сводном производстве могут быть прекращены все имущественные отношения и отношения ответственности, установленные над единым и способным к обособлению имуществом»²²⁵.

С точки зрения В. Бройера, должник является *insolvenzfähig* в том случае, когда имеется носитель имущества, которому принадлежит имущественная масса, способная быть предметом производства по делу о несостоятельности. Какие это могут быть имущественные массы, урегулировано в § 11 Положения о несостоятельности. В соответствии с этим *Insolvenzfähigkeit* обладают не только физические и юридические лица, но и

---

²²² *Ott C., Vuia M.* Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1. §§1–102; Insolvenzrechtliche Vergütungsverordnung (InsVV) / hrsg. von H.-P. Kirchhof. München, 2007. § 11. S. 266–267. Rn. 9.

²²³ *Häsemeyer L.* Op. cit. S. 105. Rn. 6.17; *Henckel W.* Fehler bei der Eröffnung des Insolvenzverfahrens // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2000. S. 2045–2046; *Siebert R.* Insolvenzeröffnung bei der Kommanditgesellschaft auf Aktien (Teil I) // Zeitschrift für das gesamte Insolvenzrecht. 2004. S. 773.

²²⁴ *Ehrlicke U.* Op. cit. § 11. S. 301–302. Rn. 10.

²²⁵ *Häsemeyer L.* Op. cit. S. 105. Rn. 6.17.

определенные наделенные самостоятельностью имущественные массы такие, как наследство и общее имущество супругов²²⁶.

У. Гундлах и В. Уленбрук полагают, что законодатель занял четкую позицию, в соответствии с которой допустил возможность проведения производства по делу о несостоятельности над обособленными имущественными массами, которые согласно нормам права об ответственности предназначены для удовлетворения определенных субъектов, независимо от того, обладают ли они при этом правоспособностью²²⁷.

Отсюда следует вывод о том, что универсальной предпосылкой *Insolvenzfähigkeit* является наличие у должника имущества, отграниченного при помощи норм права, устанавливающих его ответственность, от иного имущества и предназначенного в соответствии с указанными нормами об ответственности для удовлетворения требований только определенных кредиторов, при этом удовлетворение требований всех иных кредиторов за счет такого имущества исключается. Только при наличии такой «отграниченности» имущества вообще возможно производство по делу о несостоятельности²²⁸.

Тем самым признак *Insolvenzfähigkeit* следует понимать как известный результат, достигнутый при проведении с помощью норм права об ответственности отграничения определенного имущества, над которым может быть открыто производство по делу о несостоятельности.

Несколько иной вывод сделан Л. Хэземейером. Ученый полагает, что *Insolvenzfähigkeit* является не следствием такого отграничения (обособления) имущества, а его средством²²⁹. Указанное свойство *Insolvenzfähigkeit* наглядно проявляется прежде всего в тех случаях, когда предметом производства по делу о несостоятельности является обособленное

---

²²⁶ *Breuer W.* Op. cit. S. 73. Rn. 185.

²²⁷ *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5. S. 121. Rn. 3.

²²⁸ *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 302. Rn. 11; *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5. S. 120. Rn. 1.

²²⁹ *Häsemeyer L.* Op. cit. S. 105. Rn. 6.17.

имущество, например наследство. В последнем случае *Insolvenzfähigkeit* позволяет разделить долги, обременяющие наследственное имущество, и собственные долги наследника. То есть при помощи *Insolvenzfähigkeit* разрешается вопрос о том, в отношении какого обособленного и предназначенного для несения ответственности имущества и с какими последствиями для носителя этого имущества как несостоятельного должника будет осуществлено сводное исполнение с учетом соблюдения требования равенства кредиторов²³⁰.

В основе указанного подхода лежит идея о том, что главной целью процедуры несостоятельности является совместная реализация имущественной ответственности должника, предметом которой по общему правилу является все принадлежащее ему имущество, на которое может быть обращено взыскание²³¹. Нормы о сводном исполнении касаются прежде всего вопроса об имуществе, вопрос о том, кто при этом является субъектом сводного исполнительного производства, является вторичным²³².

Такой подход влечет несколько важных юридических последствий. Во-первых, проведение производства по делу о несостоятельности возможно не только над имуществом юридически полностью самостоятельных субъектов (физические и юридические лица), но также и над имуществом юридически лишь частично самостоятельных носителей такого имущества – неправосубъектных объединений (например, простое товарищество) и даже над обособленными имущественными массами, которые при помощи норм об ответственности отграничены от остального имущества их носителя (например, наследство)²³³. Более того, сам носитель этого имущества может уже юридически или физически не существовать. Достаточным для открытия и проведения процедуры несостоятельности является наличие имущества,

---

²³⁰ *Häsemeyer L.* Op. cit. S. 105. Rn. 6.17; *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 302–303. Rn. 12.

²³¹ В период действия Положения о конкурсе 1877 года В. Хенкель также указывал на то, что в конкурсе реализуется имущественная ответственность должника (*Henckel W.* Konkursordnung : Großkommentar. §§ 1 - 42 / E. Jaeger (Sonstige), W. Henckel (Mitwirkender). Berlin/Boston, 1996. § 1 Anm. 150).

²³² *Gundlach U., Frenzel V., Schmidt N.* Die Insolvenzunfähigkeit nach der InsO // NZI - Neue Zeitschrift für Insolvenz- und Sanierungsrecht. 2000. Heft 12. S. 563.

²³³ *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 302. Rn. 11.

которое ограничено при помощи норм права об ответственности от иного имущества и которое может быть использовано для удовлетворения требований кредиторов²³⁴.

Во-вторых, понятие *Insolvenzfähigkeit* связано не с личностью должника, а затрагивает его только с процессуально-правовой точки зрения как участника производства по делу и только как носителя определенного имущества. При этом по общему правилу производство по делу о несостоятельности затрагивает все имущество должника, которым он отвечает по своим долгам²³⁵. Иначе говоря, производство по делу о несостоятельности проводится над имуществом должника, но не над его личностью²³⁶.

Таким образом, как полагают представители рассматриваемого подхода, закрепляя в ПоН правила §§ 11 и 12, законодатель отказался от классического субъектно-ориентированного подхода к конструированию понятия *Insolvenzfähigkeit* в пользу имущественно-ориентированного. Указанный шаг расценивается как оправданный с учетом содержания процедуры несостоятельности и ее направленности. Поскольку первичной целью производства о несостоятельности, как было показано выше, выступает соразмерное удовлетворение требований кредиторов, т.е. производство стоит на службе кредиторов, а не должника, то содержание процедуры несостоятельности должно быть определено через категорию реализации имущественной ответственности (*Haftungsverwirklichung* или *Haftungsrealisierung*). А в силу того, что последняя понимается как принудительное обращение взыскания на все имеющееся и не освобожденное от описи и ареста имущество, фигура должника как конкретного лица, которому принадлежат указанные имущественные ценности, не обладает релевантностью для решения вопроса об открытии и

---

²³⁴ *Ott C., Vuia M.* Op. cit. § 11. S. 266–267. Rn. 9; в этом значении в литературе также используется термин «имущество, которым лицо несет ответственность» («*Haftungsvermögen*») – см.: *Häsemeyer L.* Op. cit. S. 105. Rn. 6.17.

²³⁵ *Wehr Th.* Op. cit. § 11. S. 117–118. Rn. 2.

²³⁶ *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 301–302. Rn. 10.

проведении процедуры несостоятельности.

С учетом изложенного решающее значение для обеспечения возможности проведения производства по делу о несостоятельности имеет исключительно наличие «определенного, предназначенного при помощи норм права об ответственности для удовлетворения конкретных лиц имущества». И только во вторую очередь вопрос о понятии *Insolvenzfähigkeit* обнаруживает связь с личностью должника в таком производстве и возникает только тогда, когда с открытием производства о несостоятельности необходимо определить носителя имущества, являющегося предметом производства. Из этого следует еще одно важное положение. Если в системе законодательных предписаний об ответственности часть имущества, принадлежащего лицу, будет обособлена с целью направления ее на погашение задолженности лишь перед нормативно определенными кредиторами, то должен быть допустим и конкурс над такой обособленной имущественной массой (*Sondervermögensmasse*) (к примеру, имущество простого товарищества предназначается строго определенным кредиторам – кредиторам товарищества, но не его участников)²³⁷.

Кроме того, сторонники рассматриваемой концепции полагают, что указание в абз. 1 § 11 и абз. 1 § 12 ПоН на конкретные правовые формы субъектов, в отношении имущества которых может быть возбуждена процедура несостоятельности, не противоречит основам отстаиваемой ими позиции. В соответствии с тем, что в рамках обычного производства о несостоятельности (*Regelinsolvenzverfahren*) его предметом выступает все принадлежащее лицу имущество, в ситуациях, названных в приведенных выше нормах, происходит в некотором смысле отождествление имущества, которое отвечает по долгам лица (*Haftungsvermögen*), и носителя этого имущества. В полной мере имущественно-ориентированное понимание *Insolvenzfähigkeit* проявляет себя в правилах абз. 2 § 11 ПоН²³⁸.

---

²³⁷ *Henckel W.* Buchbesprechungen // *Zeitschrift für Zivilprozeß.* 84. Band. 1971. Heft 4. S. 457–458; *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5. S. 120. Rn. 1; S. 123. Rn. 13.

²³⁸ *Gundlach U., Frenzel V., Schmidt N.* Op. cit. S. 563.

Интересно отметить, что в Обосновании к подготовленному Правительством ФРГ в 1992 году Проекту Положения о несостоятельности указывается на то, что предписания § 11 ПоН устанавливают, какие носители прав (*Rechtsträger*) и какие имущественные массы (*Vermögensmassen*) могут быть *предметом* производства по делу о несостоятельности. «Должником» при этом могут быть не только физические и юридические лица, но также и неправоеспособный союз и обозначенные в абзаце 2 объединения (*Gesellschaften*) и обособленное имущество (*Sondervermögen*), при этом *вопрос об их правовой природе тем самым не предрешается*²³⁹.

У. Эрике, проанализировав содержание § 11 Положения, пришел к выводу о том, что нормы этого параграфа фактически определяют только то, над какими имущественными массами может быть открыто производство по делу о несостоятельности; а в отношении носителей прав, которым принадлежат эти имущественные массы, законодателем лишь были заимствованы положения материального права²⁴⁰.

В-третьих, соответствующим образом представителями рассматриваемой точки зрения решается и вопрос о соотношении понятия *Insolvenzfähigkeit* с понятиями материальной и (пассивной) процессуальной правоспособности.

Отмечается, что понятие *Insolvenzfähigkeit* хотя и находится во взаимосвязи с понятиями материальной и процессуальной правоспособности, включая способность к участию в отдельном принудительном исполнительном производстве, но при этом подчеркивается, что по общему правилу эти понятия не являются идентичными и, более того, взаимно никак не обуславливаются²⁴¹.

Хотя материальная правоспособность носителя имущества и включает

В качестве аргумента в пользу отстаиваемого взгляда на значение *Insolvenzfähigkeit* авторы ссылаются и на другие нормы действующего законодательства. Так, в некоторых законоположениях прямо говорится об открытии производства о несостоятельности *над имуществом* лица (напр., § 240 ГПУ).

²³⁹ Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung, 1992 // BT-Drucks. 12/2443. zu § 13. S. 112-113.

²⁴⁰ Ehricke U. Op. cit. § 11. S. 299. Rn. 1; § 11. S. 301. Rn. 10.

²⁴¹ *Ib.* § 11. S. 302. Rn. 10; Häsemeyer L. Op. cit. S. 105. Rn. 6.17.

в себя *Insolvenzfähigkeit*, а, следовательно, каждый правоспособный носитель имущества является также и *insolvenzfähig*, но все же понятие *Insolvenzfähigkeit* полностью не охватывается понятием материальной правоспособности, а последняя не является предпосылкой первой, поскольку юридическое разделение имущественных масс и проводимое при помощи норм об ответственности отграничение притязаний кредиторов определенной имущественной сферой возможно и без наличия у носителя имущества полной юридической самостоятельности²⁴². Иначе говоря, *insolvenzfähig* имущественная масса не обязательно должна быть также материально правоспособной²⁴³.

Таким же образом рассматривается вопрос о соотношении понятий *Insolvenzfähigkeit* и (пассивной) процессуальной правоспособности. С одной стороны, *Insolvenzfähigkeit*, как правило, соответствует (пассивной) правоспособности гражданского процесса. Однако указанные понятия все-таки не находятся в непосредственной взаимосвязи: возможность провести производство над имущественной массой, предназначенной для удовлетворения определенных лиц, не обязательно связана с (пассивной) процессуальной правоспособностью, как и наоборот (пассивная) процессуальная правоспособность не является предпосылкой для открытия производства по делу о несостоятельности.

Данный вывод обусловлен тем, что способность быть участником гражданского процесса имеет иные предпосылки, нежели возможность провести отдельное сводное исполнительное производство над имуществом. Несмотря на то что производство по делу о несостоятельности можно рассматривать как судебный процесс (*Gerichtsverfahren*), оно относится не к личности должника, а к имуществу²⁴⁴. Способность к участию в процессе не

---

²⁴² *Ott C., Vuia M.* Op. cit. § 11. S. 267. Rn. 10.

²⁴³ *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 302–303. Rn. 12.

²⁴⁴ *Beschlußempfehlung und Bericht des Rechtsausschusses (6. Ausschuß) zu dem Gesetzentwurf der Bundesregierung – Drucksache 12/2443 – Entwurf einer Insolvenzordnung (InsO). Bericht der Abgeordneten Hermann Bachmaier, Joachim Gres, Detlef Kleinert (Hannover), Dr. Eckhart Pick und Dr. Wolfgang Frhr. von Steffen // BT-Drucks. 12/7302. S. 156. Zu § 13 Abs. 2; Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 302–303. Rn. 12–13; *Ott C., Vuia M.* Op. cit. § 11. S. 267. Rn. 10.

связана с возможностью провести производство по делу о несостоятельности над имущественными массами, выделенными при помощи норм права об ответственности²⁴⁵.

Следовательно, § 11 Положения о несостоятельности, на основе которого решается вопрос о наличии *Insolvenzfähigkeit*, представляет собой *lex specialis* по отношению к § 50 ZPO²⁴⁶, регулиющему понятие процессуальной правоспособности. Ни материальная, ни процессуальная дееспособность (§51 ГПУ), с точки зрения представителей рассматриваемого подхода, предпосылкой *Insolvenzfähigkeit* не являются.

Таким образом, в рамках обозначенного подхода *Insolvenzfähigkeit* не является субъективным качеством лица, признающегося должником, а представляет собой одну из объективных предпосылок для открытия производства о несостоятельности²⁴⁷.

Вместе с тем возникает вопрос о том, допустимо говорить о том, что *Insolvenzfähigkeit* является свойством не должника - субъекта права, а определенного обособленного имущества?

Полагаем, что оснований для этого вывода нет. В силу природы германского производства о несостоятельности должником должен быть тот, кто обладает способностью быть стороной в процессе. В тех случаях, когда

---

²⁴⁵ *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5. S. 121. Rn. 3.

²⁴⁶ *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 299. Rn. 1; *Kirchhof H.-P.* Op. cit. § 11. S. 103. Rn. 4; *Schmerbach U.* Op. cit. § 11. S. 175. Rn. 1; *Wehr Th.* Op. cit. § 11. S. 118. Rn. 3.

²⁴⁷ Как пишет Каролин Роскотен (Carolin Roßkothen), *Insolvenzfähigkeit* означает, что производство о несостоятельности допустимо над каким-либо единым имуществом. Она является необходимой предпосылкой для открытия производства. Посредством установления несостоятельносности определяется не личность должника в процессе несостоятельности, а напротив, фиксируется имущество, несущее ответственность и предоставляемое для удовлетворения интересов кредиторов. Производство о несостоятельности в первую очередь связано с имуществом, релевантным с точки зрения норм о несении ответственности. И только после установления должника происходит привязка к личности. См.: *Roßkothen C.* Die Haftung des GmbH-Geschäftsführers im Spannungsfeld zwischen Sanierungspflicht und Insolvenzantragspflicht: Diss. Münster, 2015. S. 12–15.

Определенным проявлением данного подхода является правовая позиция Федерального Верховного Суда Германии, в силу которой реализуемая в период производства о несостоятельности ответственность ограничена предметами, входящими в состав конкурсной массы (букв. – «несостоятельной массой»). Важным для такого ограничения является то обстоятельство, что управляющий не управомочен устанавливать для должника обязательства, ответственность по которым наступает его личным, свободным от процедуры несостоятельности имуществом. Это объясняется тем, что перешедшее к управляющему с открытием производства правомочие по управлению и распоряжению имуществом должника (абз.1 §80 ПоН) ограничивается только имуществом, относящимся к конкурсной массе. См.: BGH, Teilurteil vom 24.09.2009 – IX ZR 234/07 // bundesgerichtshof.de.

такое лицо либо временно нельзя определить, либо оно отсутствует, практика вынуждена, в сущности, «искусственно создавать» должника, чтобы сделать возможным открытие и проведение производства о несостоятельности.

Прусский ученый К. Хан еще в середине XIX в. по этому поводу писал: «Общий должник и масса не образуют особую юридическую личность, представителем которой выступает сообщество кредиторов или конкурсный управляющий; напротив, изначальный должник во время и после конкурса остается тем же субъектом права и непрерывно носителем обязательств и прав»²⁴⁸.

Рассматривая две представленные выше теории в комплексе, нельзя не отметить, что, на первый взгляд, имущественно-ориентированная теория *Insolvenzfähigkeit* представляет собой противоположность субъектно-ориентированного подхода. При ближайшем же их рассмотрении оказывается, что противоположность эта лишь кажущаяся. Сторонники обеих концепций с понимаем относятся к воззрениям друг друга и в действительности не так уж взаимно далеки в конечных ответах на вопрос о существовании категории *Insolvenzfähigkeit*, как это может показаться.

Представители обеих точек зрения сходятся во мнении о том, что названное понятие является разновидностью либо тесно связано с понятием пассивной процессуальной правоспособности (хотя и не всегда охватывается последней) и что под ней следует понимать способность (юридическую возможность) быть в качестве должника участником производства по делу о несостоятельности²⁴⁹.

Более того, в конечном итоге допустимость открытия и проведения производства по делу о несостоятельности указанные выше авторы признают в одних и тех же случаях. В тех ситуациях, когда речь идет об образованиях, которые нормы материального права не наделяют статусом носителя прав и

---

²⁴⁸ Die Preußische Konkurs-Ordnung und das Anfechtungsgesetz vom 9. Mai 1855: ergänzt und erläutert durch die neuere Gesetzgebung, insbesondere durch das Gesetz vom 12. März 1869 und das Allgemeine Deutsche Handelsgesetzbuch sowie durch Reskripte und Entscheidungen des königl. Ober-Tribunals / hrsg. von C. Hahn. Breslau, 1869. S. 31. Fn. 18.

²⁴⁹ Ehrlicke U. Op. cit. § 11. S. 299. Rn. 1, S. 301. Rn. 10; Prütting H. Op. cit. § 11. S. 3. Rn. 6.

обязанностей (простое товарищество), а также об имущественных массах (наследство и общее имущество супругов), представители первого подхода вынуждены признать, что здесь речь идет об исключениях из общего правила о том, что должником в производстве по делу о несостоятельности является материально-правовой должник, чье имущество и подлежит реализации. По их словам, в данном случае законодатель, во-первых, допускает производство по делу о несостоятельности над обособленным имуществом, связанным совместной рукой, а во-вторых, для целей производства по делу о несостоятельности объявляет само товарищество способным быть участником судебного процесса, так что именно товарищество является в качестве должника участником производства²⁵⁰.

Сторонники второй из названных в работе точек зрения соглашаются с тем, что производство по делу о несостоятельности все же не может обходиться без несостоятельного должника – то есть «место», «роль» должника как участника производства по делу о несостоятельности должны быть кем-то «заняты»²⁵¹. В производстве над имуществом неправоспособных объединений его «занимают» *сами объединения*²⁵², за которыми признано наличие хотя бы частичной правосубъектности, а над имущественными массами – наследники или супруги.

Кроме того, объединяет две рассмотренные теории и общность проблем, главная из которых заключается в том, что остается без ответа вопрос о том, возможно ли открытие производства о несостоятельности в той ситуации, когда ни один субъект, обладающий процессуальной правоспособностью, не может быть привлечен в качестве должника в производство по делу о несостоятельности. Кроме того, в рамках данных теорий не раскрывается проблема критерия определения тех имущественных масс, над которыми вообще возможно возбуждение производства о

---

²⁵⁰ Bork R. Op. cit. S. 14. Rn. 28; S. 16, Rn. 32; S. 18, Rn. 35. В отношении неправоспособного союза применение такого исключения не требуется, поскольку в абз. 2 § 50 ZPO были внесены изменения, признавшие у такой организации наличие процессуальной правоспособности.

²⁵¹ Gundlach U., Frenzel V., Schmidt N. Op. cit. S. 563.

²⁵² Uhlenbruck W., Gundlach U. Op. cit. § 5. S. 120–121. Rn. 2–3.

несостоятельности. Приходится признать, что определяющим здесь является специальное указание законодателя, что не отменяет необходимости ответа на следующий отсюда же вопрос: чем обусловлено решение законодателя одни образования наделять *Insolvenzfähigkeit*, а другие – нет²⁵³.

В завершение следует отметить, что с утилитарной точки зрения имущественно-ориентированная концепция *Insolvenzfähigkeit* продемонстрировала свою большую продуктивность. Причиной тому служит ее фокусирование на имуществе (предмете), а не субъекте потенциальной процедуры несостоятельности. В результате при появлении в обороте некоего объединения, участвующего в имущественных отношениях на основании обособленного имущественного комплекса, именно сторонники данной теории первыми ставят вопрос о возможности открытия над таким имуществом производства о несостоятельности. Дискуссии по данной проблеме способствуют развитию судебной практики и в некоторых случаях влекут внесение изменений в действующее законодательство в части признания (или отказа в признании) за такими объединениями частичной правосубъектности, позволяющей им выступать в деле о несостоятельности на стороне должника.

Таким предстает современное состояние германского учения об *Insolvenzfähigkeit*. В числе его отличительных черт могут быть названы следующие: 1) должник, участвующий в процедуре несостоятельности, является стороной процессуального по своей юридической природе правоотношения – принудительного сводного исполнительного производства; 2) основной целью указанной процедуры является совместное удовлетворение требований кредиторов должника; 3) несмотря на процессуальную природу процедуры несостоятельности *Insolvenzfähigkeit* обнаруживает тесную связь с материальным правом: обязательным условием для постановки вопроса об обладании *Insolvenzfähigkeit* является наличие в

---

²⁵³ Schmidt K. Institutionen eines künftigen Insolvenzrechts der Unternehmen // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 1985. Heft 12. S. 716–718.

законе специальной материальной нормы (системы норм), в силу которой (которых) известная имущественная масса (ее часть) отвечает перед определенными кредиторами, исключая тем самым возможность обращения на нее взыскания со стороны других кредиторов; 4) в зависимости от субъектно- или имущественно-ориентированной теории к понятию *Insolvenzfähigkeit*, последняя понимается либо как разновидность пассивной процессуальной правоспособности субъекта права, либо как терминологическое обозначение допустимости открытия процедуры несостоятельности над некоторой отграниченной имущественной массой соответственно; 5) безотносительно к тому, обнаруживает ли *Insolvenzfähigkeit* связь с процессуальной правоспособностью субъекта или представляет собой юридический инструмент, предназначенный для обособления определенного имущества с целью дальнейшего возбуждения над ним процедуры несостоятельности, названная природа правоотношения несостоятельности требует привлечения на стороне должника субъекта или объединения, наделенного, по крайней мере, частичной правосубъектностью.

Выявив особенности *Insolvenzfähigkeit* в немецкой доктрине, рассмотрим соответствующие подходы в российской литературе. Высказанные точки зрения могут быть представлены представлены в виде трех групп: материальные, процессуальные и смешанные.

Представители первой группы полагают, что способность быть признанным несостоятельным кроется в характеристиках должника как субъекта материального права.

Так, по мнению М.Л. Скуратовского, наличие лица, обладающего конкурентоспособностью (субъекта банкротства), т.е. способного в соответствии с законодательством быть объявленным банкротом, выступает одним из материально-правовых условий для возбуждения дела о банкротстве²⁵⁴. При этом юридические лица могут обладать абсолютной

---

²⁵⁴ Скуратовский М.Л. Указ. соч. С. 439. При этом из содержания работы ясно следует, что конкурентоспособность связывается автором с лицом, субъектом права. Там же. С. 441.

конкурсоспособностью, быть относительно конкурсоспособными (государственные корпорации и фонды) и вообще не обладать такой способностью²⁵⁵.

Иное понимание конкурсоспособности предложено А.А. Пахаруковым, считающим, что непосредственное содержание конкурсоспособности составляют социально и экономически обеспеченные возможности лица нести возложенные на него имущественно организационные ограничения, объем которых измеряется всей совокупностью мер воздействия, предусмотренных конкурсным законодательством²⁵⁶. Конкурсоспособность можно рассматривать в качестве самостоятельного элемента правосубъектности участников имущественного оборота²⁵⁷. Описанная концепция получила достаточно широкую поддержку у других исследователей проблем несостоятельности (банкротства)²⁵⁸.

Разделяется некоторыми авторами и еще одно положение, разработанное А.А. Пахаруковым, а именно: круг потенциальных банкротов ограничивается только деликтоспособными участниками гражданского оборота, поэтому из него принципиально исключаются недееспособные граждане и объединения лиц, не наделенные самостоятельной правосубъектностью²⁵⁹.

См. также: *Скуратовский М.Л.* Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. М., 2020. С. 99.

²⁵⁵ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгалов и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс»; Юридические лица и их государственная регистрация. Постатейный комментарий к статьям 48 - 65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» / под ред. Б.М. Гонгалов и П.В. Крашенинникова. М., 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁶ М.А. Говоруха полагает, что необходимым дополнением содержания конкурсоспособности является то, что возможности лица нести указанные ограничения должны быть обеспечены не только социально и экономически, но и политически. Именно политическими причинами объясняется исключение политических партий и религиозных организаций из числа конкурсоспособных субъектов. *Говоруха М.А.* Указ. соч. С. 35.

²⁵⁷ *Пахаруков А.А.* Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 107–108.

²⁵⁸ *Говоруха М.А.* Указ. соч. С. 35; *Карелина С.А.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 83; *Мохова Е.В.* Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 51, 201.

²⁵⁹ Таким образом, для того чтобы иметь возможность быть потенциально признанным несостоятельным, по общему правилу недостаточно обладать лишь свойством правосубъектности, требуется дополнительное наделение субъекта ее особым элементом – конкурсоспособностью. Из этого принципа возможны

Последний вывод является закономерным, поскольку предложенная указанным исследователем трактовка сущности и содержания категории конкурсоспособности основываются на определении понятия деликтоспособности, сформулированном в советское время Т.И. Илларионовой. Так, Т.И. Илларионова писала: «Сущность деликтоспособности можно усмотреть в следующем: государство, наделяя лиц различного рода правовыми способностями, оставляет за собой (либо делегирует иным субъектам) возможность пресекать случаи противоправного поведения и воздействовать на правонарушителя. Подобная возможность в гражданском праве не безгранична. Она обусловлена степенью волеиспособности той или иной категории лиц, уровнем их имущественной самостоятельности, общим объемом их право- и дееспособности. Учет перечисленных условий служит наиболее общей предпосылкой эффективности воздействия на правонарушителя. Именно эта граница возможного эффективного воздействия на субъекта за нарушение мер дозволенного и должного, определенных общим объемом право- и дееспособности, закрепляется в деликтоспособности. Непосредственное содержание деликтоспособности составляют социально и экономически обеспеченные возможности лица нести возложенные на него меры ответственности. Объем ее измеряется всей совокупностью мер воздействия, возложение которых предусмотрено законом»²⁶⁰.

В результате конкурсоспособность рассматривается А.А. Парахаруковым как специальная деликтоспособность, обладание которой необходимо именно в рамках конкурсных правоотношений²⁶¹.

исключения: допустимо банкротство неправосубъектных образований в силу законодательного признания за ними самостоятельной имущественной ответственности. См.: *Пахаруков А.А.* Указ. соч. С. 58–59; *Мохова Е.В.* Указ. соч. С. 49–51.

²⁶⁰Илларионова Т.И. Структура гражданской правосубъектности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.62 / Редкол.: Ажимов Р.С., Илларионова Т.И., Кириллова М.Я., Красавчиков О.А. (Отв. ред.), Мезрин Б.Н., Стеблов А.А.Свердловск, 1978. С. 63.

²⁶¹ Позднее ученый уточнил свою позицию. Им было предложено разделять понятия «конкурсоспособность» (элемент правосубъектности) – «конкурсная правоспособность» и соотносить их между собой как причину (естественно-социальную предпосылку, фактическое обстоятельство) и следствие (юридический результат, юридическую возможность) соответственно. Отсюда конкурсоспособность – это качество лица быть субъектом конкурсного права, а конкурсная правоспособность – правовая форма конкурсоспособности. См.:

Также следует обратить внимание на позицию Д.О. Османовой, по мнению которой категория «банкротоспособность» является универсальной *наряду с правоспособностью и дееспособностью*. Любой участник правоотношений персонифицируется во внешней среде через правосубъектность, раскрывающуюся в его правоспособности, дееспособности, сделкоспособности, деликтоспособности и банкротоспособности. Последняя определяет возможность лица быть признанным должником. Закрепленное в действующем законодательстве понятие «должник» подразумевает конкретного субъекта, носителя прав и обязанностей: физического или юридического лица²⁶².

Таким образом, для представителей рассматриваемого подхода к юридической природе конкурсоспособности характерным является включение данного понятия в содержание дееспособности либо же выделение *наряду с «общегражданской» правоспособностью*, т.е. рассматриваемая категория связана с личностью должника как участника дела о банкротстве. Однако неразрешенной остается проблема разграничения понятий конкурсоспособности с одной стороны и право- и дееспособности – с другой. Как результат, отсутствует ответ на вопрос о том, почему для приобретения статуса должника является недостаточным обладание гражданско-правовой правоспособностью (дееспособностью).

Представители второго подхода, раскрывая сущность понятия конкурсоспособности, делают акцент на процессуальной стороне вопроса.

Так, И.А. Гордеев считает, что конкурсоспособностью именуется процессуальная правоспособность должника в деле о банкротстве²⁶³. Вместе с тем какие-либо аргументы в защиту данной позиции автором далее не приводятся. Учитывая данное обстоятельство, по-видимому, речь идет о

Пахаруков А.А. Конкурсоспособность как правовая категория / А. А. Пахаруков // Транспортная инфраструктура Сибирского региона : материалы Седьмой международной научно-практической конференции, посвященной 355-летию со дня основания города Иркутска, 29 марта – 01 апреля 2016 г. Иркутск : в 2 т., Т. 2. Иркутск, 2016. С. 735–736.

²⁶² *Османова Д.О.* Указ. соч. С. 334–335, 340.

²⁶³ *Гордеев И.А.* Указ. соч. С. 72.

введении в оборот специального термина, обозначающего процессуальную правоспособность лица в судебном процессе по делу о несостоятельности (банкротстве), но при этом содержательного наполнения предложенное понятие не получило.

В диссертационных исследованиях последнего времени, посвященных изучению особенностей участия в конкурсных правоотношениях таких видов должников, как юридические и физические лица, отчетливо проявилась новая концепция, объясняющая сущность конкурсной правоспособности через категорию комплексной конкурсной правосубъектности.

С.С. Галкин применительно к должнику - юридическому лицу пишет: «конкурсоспособность как специальный признак должника и элемент его правового положения как субъекта конкурсных отношений *обусловлена наличием у юридического лица материальной и процессуальной правоспособности и носит комплексный – материально-процессуальный, частнопубличный характер* [здесь и далее выделено нами – Р.Ф.]. Конкурсоспособность выступает в качестве *составной части комплексной правосубъектности* юридического лица и *разновидности его специальной правоспособности* и состоит в нормативно обеспеченной возможности при наличии установленного юридического состава стать субъектом конкурсных отношений (конкурсных процедур как материально-правовых процедур и конкурсного процесса) и в качестве должника нести права, претерпевать ограничения, исполнять обязанности, которые соответствуют целям правового регулирования конкурсных отношений»²⁶⁴.

В отношении всех потенциальных несостоятельных субъектов – как физических, так и юридических лиц – С.С. Галкиным отстаивается уже несколько иная позиция. Исследователь полагает, что «конкурсоспособность субъектов predetermined в большинстве случаев *объединением их изначальной комплексной правоспособности в материальном праве* [здесь и далее курсив наш – Р.Ф.] (способности быть носителем денежной

---

²⁶⁴ Галкин С.С. Указ. соч. С. 11. Более подробно данные идеи раскрываются: Там же. С. 62–65.

обязанности имущественного частноправового или публично-правового характера) и *процессуальной правоспособности* (способности иметь процессуальные права и обязанности должника в ходе судебного рассмотрения дела о банкротстве). Собственно конкурсообразность определяется ученым как «способность субъекта правоотношения, который может быть признан должником в деле о банкротстве, иметь права и нести обязанности, которые необходимы для целей конкурсного процесса»²⁶⁵.

Согласимся с С.С. Галкиным в той части, в которой возможность быть должником в деле о несостоятельности, в трактовке ученого, включает в себя не только способность быть признанным несостоятельным (банкротом), но и вызываемые этим следствия, в остальном концепция ученого нами не поддерживается.

Высказанные С.С. Галкиным суждения о понятии конкурсообразности логически проистекают из его другого утверждения, которое может быть проиллюстрировано в виде последовательности следующих друг за другом тезисов: комплексность института несостоятельности – комплексность конкурсных отношений – комплексность правосубъектности участвующих в них субъектов. Как полагает автор, институт несостоятельности является комплексным²⁶⁶, содержащим в себе материальные и процессуальные, а также частные и публичные нормы, что выражается во вне в комплексном характере конкурсных отношений. Причем смешение и взаимосвязанность указанных составляющих настолько значительны, что не позволяют их разделить на отдельные компоненты. Отсюда делается и вывод о комплексном характере конкурсообразности участвующего в этих отношениях должника²⁶⁷.

Мысль о существовании в нашей системе права так называемых

---

²⁶⁵ Галкин С.С. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М., 2016. С. 42.

²⁶⁶ Данная мысль выдержана в диссертации не до конца. В другой ее части сделан вывод о том, что конкурсное право как комплексное правовое образование является *подотраслью* предпринимательского права. Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 64. Сноска 1.

²⁶⁷ Там же. С. 63.

комплексных отраслей права была высказана в середине прошлого века В.К. Райхером²⁶⁸. С того времени советские и российские ученые неоднократно обращались к исследованию проблемы выделения комплексных (вторичных) отраслей права.

В результате длительных дискуссий сформировалось несколько точек зрения по обозначенному вопросу. Так, система права состоит из: а) только основных отраслей права; б) только из комплексных отраслей права; в) как из основных, так и из комплексных. Даже весьма беглое ознакомление с современной литературой наводит на мысль о том, что многими учеными была воспринята именно третья из обозначенных точек зрения. При этом вопрос о комплексности ставится не только в отношении правовых отраслей, но и юридических институтов. В ситуации непризнанности и неразработанности самого юридического конструкта комплексности, несогласованности списка и содержания критериев, необходимых для констатации становления и конечного формирования комплексного системно-целостного образования (отрасли, института), перечень отраслей и институтов, относимых в научных работах к числу комплексных, стал практически безмерным и не поддающимся какой-либо систематизации²⁶⁹.

---

²⁶⁸ Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М., Л., 1947. С. 190.

²⁶⁹ Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права // Государство и право. 2009 № 1. С. 30; Дякина И.А. Служебное право как комплексная отрасль права : Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 9; Литовка П.И., Литовка А.Б. Медицинское право – комплексная отрасль национального права России: становление, перспективы развития // Правоведение. 2000. № 1. С. 81; Ярков В.В. Нотариальное право: Учебник / Под ред. проф. В.В. Яркова. М., 2017. С. 42–44; Рассолов И.М. Информационное право как отрасль права, область научных исследований и учебная дисциплина // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 4 (39). С. 90–91; Рохлин В.И. Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / В.И. Рохлин, С.И. Захарцев, М.А. Миронов, А.П.Стуканов. С.-Пб., 2007. С. 94–96; Хабриева Т.Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 16; и др.

В литературе обосновывается актуальность изучения, правда, еще пока как правовой дисциплины – «модного права». Шебанова Н.А. «Модное» право: монография. М., 2018.

В.А. Белов занимает по данной проблеме достаточно резкую позицию: «Нет и не может быть, с нашей точки зрения, более пагубного для ученого шага, чем волюнтаристское вычленение более или менее широкой сферы общественных отношений по тому или другому (столь же произвольно избранному) критерию под наименованием «предмета» очередной «комплексной отрасли» или, на худой конец, «подотрасли права» – совокупности правовых норм, регулирующих заботливо обособленные им отношения. Подобный – чисто арифметический – подход к исследованию права представляет известный практический интерес, но не имеет никакого отношения к юридической науке». Белов В.А. Очерк 1. Понятие корпоративного права / Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов [и др.]; под редакцией В. А. Белова. М., 2020. С. 35.

Указанные обстоятельства затеяют существо вопроса и не позволяют разобраться с содержанием категории комплексной отрасли (комплексного института) права.

Общеправовые категории комплексности, комплексной отрасли права и комплексной правосубъектности еще ждут обстоятельной теоретической разработки. В рамках данного диссертационного исследования мы поддерживаем точку зрения тех авторов, которые полагают, что комплексные отрасли права и смешанные (сложные) правовые институты не обладают самостоятельностью в рамках системы права. Соответствующие образования – не элементы системы права, а результат систематики (систематизации) права, которая может производиться в различных (научных, практических) целях²⁷⁰.

Как указывает М.Н. Малеина, было бы неверным называть комплексные образования отраслями права, поскольку в них выражена не дифференциация однородных норм, а интеграция норм различных отраслей в единой по содержанию и социальным целям сфере деятельности²⁷¹.

Несмотря на тесное переплетение правоотношений различной отраслевой принадлежности в ситуации несостоятельности какого-либо субъекта, эти правоотношения не «отрываются» и не утрачивают связь с отраслью права, юридические факты которой вызвали эти правовые связи к жизни. В частности, уполномоченный орган не может заключить мировое соглашение без оглядки на требования налогового законодательства в части предоставления отсрочки и рассрочки по уплате соответствующих сумм налогов, пеней и штрафов.

При этом нельзя исключать, что на определенном этапе эволюции теории комплексных правовых образований и развития законодательства о несостоятельности будут сформированы предпосылки к признанию

---

²⁷⁰ Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 374; Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–55.

²⁷¹ Малеина М.Н. Законодательство о здравоохранении в России: современное состояние и перспективы развития // Современное медицинское право. Сборник научных трудов. М., 2003. С. 30.

появления в сфере регулирования конкурсных отношений новой (а не комплексной) отрасли права²⁷².

Применительно к должникам - физическим лицам Л.М. Алфёрова предлагает не использовать термин «конкурсоспособность» и ввести в научный оборот категорию «конкурсная правосубъектность», под которой понимаются определенные законодательством РФ права и обязанности физического лица - должника, возникающие и реализуемые после возбуждения производства по делу о банкротстве и до прекращения (завершения) производства, вне зависимости от смерти должника²⁷³.

Предлагаемое понятие характеризуется автором как особая межотраслевая правосубъектность²⁷⁴ гражданина-должника, обладающая следующими признаками: она не совпадает с гражданской правосубъектностью, а существует наряду с ней; в ее состав входит особый комплекс прав и обязанностей гражданина-должника, возникающий у лица в момент вступления в конкурсные отношения и прекращающийся завершением этих отношений; она реализуется субъектом исключительно в рамках комплексного (межотраслевого) института несостоятельности (банкротства) (отрасли конкурсного права)²⁷⁵.

Также обращает на себя внимание предложенное в диссертации разделение понятий «участник конкурсных отношений» и «сторона конкурсных отношений». Под участником Л.М. Алферовой понимается должник, самостоятельно осуществляющий свою конкурсную правосубъектность в деле о банкротстве, под стороной – должник и иное лицо, участвующее на стороне должника и реализующее его конкурсную

---

²⁷² Так, С.В. Поленина допускала выделение комплексных межотраслевых институтов и их трансформацию в самостоятельные отрасли права, для чего необходимо, чтобы некоторый комплекс взаимосвязанных «пограничных» институтов, обладающих однородными свойствами, приобрел «критическую массу», по достижении которой у него появится необходимая сумма новых свойств, касающихся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования. *Поленина С.В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 74–77.

²⁷³ *Алфёрова Л.М.* Указ. соч. С. 10, 92, 115, 174, 175.

²⁷⁴ Конкурсная правосубъектность выделяется автором наравне с такими существующими в рамках отраслей российского права самостоятельными видами правосубъектности граждан, как, например, семейная правосубъектность, трудовая правосубъектность, завещательная правосубъектность, арбитражная процессуальная правосубъектность. См.: *Там же*. С. 103–104.

²⁷⁵ *Там же*. С. 10, 92, 94, 104, 110, 115, 174, 175.

правосубъектность²⁷⁶. К числу последних автор относит родителей, усыновителей, опекуна, попечителя, орган опеки и попечительства, нотариуса, исполнителя завещания, наследников (в том числе публично-правовые образования в случае наследования выморочного имущества), управляющего имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим. В результате фигура носителя конкурсной правосубъектности и субъекта, ее реализующего, могут как совпадать в лице должника, так и различаться. В первом случае должник реализует свою конкурсную правосубъектность в деле о банкротстве самостоятельно, во втором – через иных участников²⁷⁷.

Представленная теория вызывает ряд возражений концептуального характера. В основу категории конкурсной правосубъектности Л.М. Алфёровой так же, как и С.С. Галкиным, положено понимание конкурсного права как комплексного (межотраслевого) правового института (иногда в работе – отрасли права)²⁷⁸. Поскольку же институт (отрасль), нормы которого регламентируют соответствующие отношения является комплексным, естественным образом способность лиц быть субъектами таких отношений (правосубъектность), по мнению автора, также должна носить комплексный характер. В этой части теории, предложенной ученым, могут быть противопоставлены все те же возражения, что были озвучены ранее.

Наибольшую практическую значимость имеет предложение о необходимости разделения понятий «участник конкурсных отношений» и «сторона конкурсных отношений»²⁷⁹. Думается, что возможность другого лица, прежде всего законного представителя, действовать в процедурах несостоятельности от имени и в интересах должника, по тем или иным причинам не способного к самостоятельному участию в производстве по

---

²⁷⁶ Алфёрова Л.М. Указ. соч. С. 119–120, 123, 124, 175–176.

²⁷⁷ Там же. С. 117, 119, 123, 128, 134, 139, 142, 144, 154, 155, 157, 163, 164, 176, 178.

²⁷⁸ Там же. С. 19. Сноска 1; С. 52, 94, 115, 174.

²⁷⁹ Отметим, что Т.П. Шишмаревой также предложено применительно к недееспособному и ограниченному в дееспособности субъекту, участвующему в качестве должника в процедуре несостоятельности, использовать категорию двусубъектного должника, волю которого выражает его представитель, а объектом взыскания выступает имущество недееспособного лица. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 31.

делу, сомнений вызывать не может.

Однако в целом описанную ранее конструкцию, в рамках которой на стороне несостоятельного должника может участвовать сам должник и иное лицо, реализующее чужую конкурсную правосубъектность, – правосубъектность должника, нельзя признать бесспорной. Наиболее существенный ее недостаток выражается в недостаточно определенном статусе субъекта, который реализует конкурсную правосубъектность должника. Если таковым является представитель, то каким образом он становится вместе с должником *стороной* конкурсных отношений? Подобный взгляд не согласуется с классическими представлениями о структуре связи сторон в правоотношении и о сущности отношений представительства. В науке общепризнанно, что представитель не становится (со)стороной правоотношения совместно с представляемым, поскольку действует от его имени и в его интересах.

Кроме того, неизвестны доктрине такие участники правоотношения, выступающие на одной из его сторон, которые не приобретают никаких прав и обязанностей по отношению к другой стороне юридической связи, что неизбежно происходит с субъектом, реализующим конкурсную правосубъектность, принадлежащую другому лицу. Если же такие права и обязанности у него возникают, то рассмотрение его как представителя оборачивается неразрешимым противоречием. Роль лиц, реализующих конкурсную правосубъектность должника, неоднозначно определена и в самой работе²⁸⁰. Более того, если, как это и делает автор в рассматриваемом

---

²⁸⁰ С одной стороны, утверждается, что в качестве участника конкурсных отношений должника выступает сам гражданин, иные же лица в силу того, что *не отвечают своим имуществом по долгам гражданина, являются его представителями, в том числе законными*, оказывая ему помощь и содействие в реализации его конкурсной правосубъектности [здесь и далее курсив наш – Р.Ф.]. Причем *представителями* должника в работе названы все субъекты, реализующие его конкурсную правосубъектность, в том числе *наследники, исполнитель завещания, нотариус* и пр. Далее на страницах исследования квалификация статуса некоторых из указанных субъектов несколько изменяется: подчеркивается, что участие органов опеки и попечительства, нотариуса, наследников в деле о банкротстве является *косвенным* в силу того, что они не являются самостоятельными участниками в деле о банкротстве. Но тогда возникает все тот же вопрос о том, каким образом названные лица могут быть совместно с должником «стороной конкурсных отношений». Кроме того, разработанное исследователем деление понятий «участник» и «сторона» в некоторых случаях проводится автором не до конца последовательно. Так, не стороной, а уже *участником* конкурсных отношений, выступающим на стороне должника, именуется в отдельных случаях реализующие конкурсную

труде, придерживаться традиционного взгляда на структуру правосубъектности, состоящую из право- и дееспособности, становится неоднозначной идея обладания должниками полной, если можно так выразиться, конкурсной правосубъектностью, но не способных к ее самостоятельной реализации и прибегающих с этой целью к содействию представителей.

Наконец, трудноразрешимой является задача определения момента начала и окончания конкурсной правосубъектности. Видится, что авторский взгляд на данный вопрос не проходит проверку всеми случаями банкротства, связанными с несостоятельностью гражданина, – а именно ситуациями проведения производства над имуществом умершего или признанного умершим лица.

Если конкурсная правосубъектность как комплекс прав и обязанностей «ввиду процессуального механизма ее реализации» возникает у должника с момента возбуждения дела о банкротстве в пассивной форме и приобретает активный характер лишь с даты объявления резолютивной части решения арбитражного суда о введении процедуры банкротства в отношении должника²⁸¹, то логичным следствием из этой посылки является вывод о недопустимости возбуждения дела о банкротстве над имуществом умершего или признанного умершим до этого должника (в терминологии Л.М. Алфёровой, наряду с безвестно отсутствующим, «банкрот - абсентис»), поскольку конкурсная правосубъектность у него никогда не возникала. Каким образом «образуется» конкурсная правосубъектность в данной ситуации? Кто выступает ее носителем и становится как должник участником конкурсных отношений? Кому будет принадлежать возникший

правосубъектность должника наследник и законные представители подопечного. См.: Алфёрова Л.М. Указ. соч. С. 115, 117–119, 144–145, 157, 174–175.

Более того, конструкция становится еще более запутанной если обратиться к идее исследователя о том, что выделение категорий «участник» и «сторона» конкурсных отношений позволяет установить множественность лиц на стороне должника и *определить степень ответственности субъектов, реализующих конкурсную правосубъектность должника*, – долевую, солидарную и субсидиарную. Так, обязательства наследников в конкурсных отношениях предлагается рассматривать как солидарные и долевые, а ответственность законных представителей (родителей, попечителей, усыновителей и т.д.) – как субсидиарную. См.: Там же. С. 123, 124, 164, 176.

²⁸¹ Там же. С. 92, 114, 115, 174.

комплекс прав и обязанностей?

То же самое относится к суждениям о том, что конкурсная правосубъектность не зависит от общегражданской право- и дееспособности и может быть реализована иными лицами в отсутствие должника как субъекта права²⁸², то есть смерть, по мнению указанного ученого, не является в этом отношении правопрекращающим юридическим фактом. Однако если конкурсная правосубъектность имеет комплексный характер, то каким образом она может «переживать» право- и дееспособность, которыми должник обладал по правилам отраслей права, регулирующих конкурсные отношения, и которые прекратились у него в связи со смертью?

Полагаем возможным согласиться с Л.М. Алфёровой в том, что возможность выступать в деле о банкротстве в качестве гражданина - должника, с одной стороны, связана со способностью нести ответственность и наличием имущества способного быть направленным на удовлетворение требований кредиторов, а с другой стороны не зависит от обладания лицом полной дееспособностью, поскольку в последнем случае воля лица может быть выражена иным дееспособным лицом. Также в целом не вызывает возражений понимание конкурсной правосубъектности как системы признаваемых законодателем за субъектом прав и обязанностей, однако лишь в том понимании, что указанным комплексом прав и обязанностей субъект наделяется в силу самого факта распространения на него действия норм института несостоятельности (банкротства) безотносительно к участию в конкретном правоотношении. Иное приводит к затруднительности разграничения понятий «содержание правосубъектности» и «содержание конкретного правоотношения».

К третьей группе может быть отнесен подход, в рамках которого конкурсная правосубъектность должника понимается как единство двух аспектов: 1) юридического, для которого требуется наличие у должника материальной и (или) процессуальной правоспособности; 2) экономического: такой должник

---

²⁸² Алфёрова Л.М. Указ. соч. С. 115, 117, 130, 131, 133, 134, 136, 139, 142, 144, 154, 155, 174–175, 176.

должен обладать определенным имуществом, обособленным от имущества других субъектов, в размере, достаточном для хотя бы частичного удовлетворения требований его кредиторов.

Наиболее известным и последовательным сторонником данной позиции является Т.П. Шишмарева, по мнению которой, «процедуры несостоятельности по своей сути – судебные процедуры». Однако возможность участия в них обусловлена не процессуальной правоспособностью, а конкурсной способностью, которая определяется автором как «специальная правоспособность субъекта, позволяющая ему участвовать в процедурах несостоятельности в качестве должника». В качестве конкурсного субъекта вправе выступать, как правило, правоспособный неплатежеспособный или несостоятельный субъект, обладающий имуществом, которым он несет ответственность перед кредиторами²⁸³.

Согласимся с тем, что связь между способностью быть должником как участником дела о банкротстве и процессуальной правоспособностью действительно усматривается, поскольку согласно действующему Закону о банкротстве конкурсный механизм по общему правилу не может быть реализован без участия судебной власти и вне процессуальной формы.

На наш взгляд, анализ сложившихся в российской науке конкурсного права взглядов может быть также осуществлен с помощью заимствования теорий представителей науки германского права несостоятельности, сформулированных нами выше и обозначенных как субъектно- и объектно-ориентированный подходы. С определенной долей условности можно говорить о том, что для современного этапа развития российского конкурсного права также характерно обращение к исследованию вопроса о «субъектном» и «объектном» характере несостоятельности.

---

²⁸³ *Шишмарева Т.П.* Указ. соч. С. 29–30. В другой работе автором было отмечено, что «конкурсная способность как специальная процессуальная правоспособность корреспондирует понятию процессуальной правоспособности». См.: *Шишмарева Т.П.* Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2013. № 3. С. 88.

Так, в литературе в качестве преобладающей следует обозначить субъектную трактовку этого понятия²⁸⁴, сторонниками которой утверждается, что несостоятельность как «неспособность платить», «отказ платить» является характеристикой состояния субъекта, а не имущества, носителем которого он является, поскольку²⁸⁵: 1) возбуждение производства по делу о банкротстве допустимо только в отношении правосубъектного лица или группы лиц, признанной субъектом права; 2) неустойчивое, кризисное финансовое положение есть отражение поведения определенного лица; 3) только субъектная теория несостоятельности соответствует цели конкурса и тому, что несостоятельность объективно выражается не только лишь через признаки, описывающие имущественное состояние лица.

Представители противоположного взгляда²⁸⁶ исходят из других доводов, по их мнению, конкурс учреждается не над лицом, в конкурсе решается судьба имущества несостоятельного должника²⁸⁷, по этой причине сама по себе личность должника особого значения в отношениях несостоятельности не имеет, главное, чтобы он обладал имуществом, которым он способен нести ответственность по своим долгам²⁸⁸. На этой основе «возможно признание несостоятельными субъектов, хотя и не обладающих материальной правоспособностью, однако осуществляющих самостоятельную хозяйственную деятельность, например простого товарищества, крестьянского (фермерского) хозяйства, не имеющего статуса юридического лица»²⁸⁹, а также организации учредителей юридического лица, чья регистрация признана недействительной, с правами простого

---

²⁸⁴ Напр.: *Мохова Е.В.* Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 49–51; *Пахаруков А.А.* Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 57–58 и др.

²⁸⁵ Из числа сторонников отмеченной точки зрения, изложивших наиболее обстоятельную и аргументированную критику объектно-ориентированного подхода, следует выделить А.А. Пахарукова. См.: *Пахаруков А.А.* Указ. соч. С. 57–58.

²⁸⁶ Последовательным сторонником рассматриваемого подхода является Т.П. Шишмарева, другие ученые поддерживают определенные аспекты системы взглядов указанного автора.

²⁸⁷ *Шишмарева Т.П.* Правовые вопросы реорганизации и ликвидации юридических лиц вследствие несостоятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 63, 150–151.

²⁸⁸ *Шишмарева Т.П.* Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес».* 2016. № 3. С. 50–54.

²⁸⁹ *Шишмарева Т.П.* Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 29.

товарищества²⁹⁰. Утверждается, что «возможность участия в качестве должника предопределена наличием у него особого качества – конкурсоспособности, не тождественного процессуальной правоспособности»²⁹¹.

Каждая из представленных концепций обладает достоинствами и недостатками. Субъектно-ориентированный подход позволяет аргументировать применение к должнику ограничительного механизма, предусмотренного законодательством о несостоятельности, в том числе мер защиты, но не может непротиворечиво объяснить ситуации, в которых должник отсутствует в материальном обязательстве (смерть или ликвидация субъекта), в деле о банкротстве обращается взыскание на имущество, имеющее, помимо должника, других собственников, волю на вступление в правоотношения с кредиторами не выразивших. Имущественно-ориентированный взгляд, в свою очередь, приводит к расширению числа случаев, когда возможно возбуждение производства по делу о банкротстве, обеспечивая тем самым соразмерное удовлетворение требований различных групп кредиторов, однако излишне сосредотачивается на процессуальной составляющей правоотношений несостоятельности, упуская, что механизм несостоятельности призван урегулировать ситуацию неисполнения *материальных* обязанностей перед кредиторами, а значит предполагает участие на стороне должника именно материально правоспособных субъектов.

По нашему мнению, в российском праве является перспективным и может быть поддержан субъектно-ориентированный подход к изучению категории должника в отношениях несостоятельности. Сохранение такого подхода не потребует внесения существенных изменений в действующее законодательство, а также не приведет к необходимости пересмотра понятия

---

²⁹⁰ Шишмарева Т.П. Юридические лица в стадии создания и прекращения деятельности как субъекты несостоятельности в законодательстве Германии и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 110–123.

²⁹¹ Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 29.

«субъект имущественных отношений» и его дополнения общностями, не обладающими собственной материальной правоспособностью.

Обобщая все вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы. Используемое в российской доктрине понятие конкурсоспособности, будучи исторически заимствованным из конкурсного права Германии 19 в., тем не менее по своей природе и отличительным признакам не совпадает с современным понятием *Insolvenzfähigkeit* (несостоятельность), разработанным в немецком праве несостоятельности.

На наш взгляд, обеспеченная объективным правом возможность приобретения лицом статуса должника в деле о банкротстве не связана с необходимостью заимствования немецкого понятия *Insolvenzfähigkeit*. Это же касается введения данного понятия для целей обоснования допустимости признания несостоятельными так называемых неправосубъектных объединений. Термин «конкурсоспособность» и иные, близкие к нему, могут выступать в качестве средства фиксации (закрепления) круга субъектов, обладающих способностью быть носителями субъективных юридических прав и обязанностей, но не для обозначения особой способности быть признанным несостоятельным (банкротом).

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКАМИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СУБЪЕКТОВ ПО ПРАВУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) РОССИИ И ГЕРМАНИИ

§1. Теоретические и практические проблемы признания юридических лиц должниками по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии

Определившись с общим понятием должника по праву России и Германии, необходимо обратить внимание на теоретические и практические проблемы признания должниками юридических лиц.

Одна из главных проблем состоит в противоречивости законодательных предписаний, определяющих организационно-правовые формы юридических лиц - потенциальных должников в деле о банкротстве.

Согласно п. 2 ст. 1 Закона о банкротстве его действие распространяется на юридические лица, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) в соответствии с ГК РФ. В свою очередь, разработчиками ГК РФ в п. 6 ст. 61 и п. 1 ст. 65 ГК РФ было сформулировано обратное правило: несостоятельными (банкротами) могут быть признаны любые юридические лица, за исключением непосредственно указанных в ГК РФ и других федеральных законах.

Так, должником в производстве по делу о банкротстве не может стать казенное предприятие, учреждение, политическая партия, религиозная организация, публично-правовая компания²⁹², государственная корпорация, государственная компания (обратное положение может быть закреплено в федеральных законах, предусматривающих их создание), фонд – в случае, если в законе, предусматривающем его создание и деятельность, установлен запрет на применение законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Следует отметить, что во всех действующих в настоящее время

---

²⁹² См. также: п. 4 ст. 22 Федерального закона от 03.07.2016 № 236-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169.

федеральных законах, предусматривающих создание государственной корпорации или государственной компании, законодатель не только не воспользовался правом установить иное, то есть допустить признание их несостоятельными (банкротами), но и закрепил правило о нераспространении на эти организации положений законодательства о несостоятельности (банкротстве). Аналогичным образом законодатель поступил по отношению к фондам.

Одной из интересных тенденций современного законодательства является обнаруженное ограничение возможности участия в качестве должника в деле о банкротстве *акционерных обществ*.

Так, применительно к акционерным обществам «ДОМ.РФ»²⁹³, «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП)²⁹⁴ и «Управляющая компания Российского Фонда Прямых Инвестиций» (АО «УК РФПИ»)²⁹⁵ установлены правила, согласно которым их реорганизация и ликвидация допускаются только на основании федерального закона о реорганизации, ликвидации; при этом к процедуре ликвидации правила Закона о банкротстве применению не подлежат.

Дословное понимание приведенных выше положений приводит к выводу о том, что, по крайней мере, к процедуре конкурсного производства (абз. 2 п. 1 ст. 65 ГК РФ) указанных выше акционерных обществ предписания Закона о банкротстве применяться не могут. Соответственно, отсутствует возможность признания указанных акционерных обществ несостоятельными (банкротами)²⁹⁶.

---

²⁹³ См.: ст. 6 Федерального закона от 13.07.2015 № 225-ФЗ «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4351.

²⁹⁴ См.: ч. 13 ст. 25 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

²⁹⁵ См.: ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 02.06.2016 № 154-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Российском Фонде Прямых Инвестиций» // СЗ РФ. 2016. № 23. Ст. 3278.

²⁹⁶ Нерешенной на сегодняшний день в законе остается правовая судьба еще одного общества – акционерного общества «РОСНАНО», возникшего в результате преобразования *государственной корпорации* «Российская корпорация нанотехнологий» (Федеральный закон от 27.07.2010 № 211-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4180).

В результате в российском законодательстве сложилась ситуация, при которой Закон о банкротстве в части определения круга потенциальных должников - юридических лиц отсылает к правилам ГК РФ, а кодекс в отношении юридических лиц, создаваемых Российской Федерацией на основе отдельных федеральных законов, «уступает» указанный приоритет таким федеральным законам (п. 5 ст. 49 ГК РФ).

Описанный подход представляется не бесспорным, толкование п. 2 ст. 1 Закона о банкротстве не позволяет утверждать, что положения об исключении юридических лиц из числа должников в деле о несостоятельности (банкротстве) могут содержаться не только в ГК РФ, но и в иных федеральных законах. По этой причине вызывает сомнения допустимость закрепления в ГК РФ бланкетных предписаний, «переадресующих» регламентацию вопроса о возможности быть объявленным несостоятельным другим федеральным законам²⁹⁷.

С этой точки зрения, полагаем, что п. 2 ст. 1 Закона о банкротстве нуждается в уточнении: его следует дополнить либо указанием на возможность определения круга юридических лиц, признаваемых несостоятельными (банкротами), помимо ГК РФ, специальными законами, на основании которых Российской Федерацией создаются некоторые юридические лица, либо правилом, сходным с предл. 2 п. 3 ст. 1 Закона о банкротстве, а именно: «Нормы о допустимости признания юридических лиц несостоятельными (банкротами), которые содержатся в иных федеральных законах, могут применяться только после внесения соответствующих изменений и дополнений в ГК РФ».

Дело в том, что, несмотря на проведенную реорганизацию, по-прежнему действует п. 5 ст. 4 Федерального закона от 19.07.2007 № 139-ФЗ (ред. от 31.05.2010) «О Российской корпорации нанотехнологий» (СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3753), исключающий применение положений Закона о банкротстве в отношении ГК «Роснанотех».

Полагаем, что с формально-юридической точки зрения необходимо признать, что без специального указания в законе применение норм о государственной корпорации к ее правопреемнику – акционерному обществу – недопустимо, поэтому АО «РОСНАНО» может быть признано несостоятельным.

²⁹⁷ Данный тезис относится не только к п. 5 ст. 49 ГК РФ, но и к положениям абз. 1 п. 1 ст. 65 ГК РФ в части усмотрения законодателя при включении в иные федеральные законы правил о распространении или, напротив, о невозможности применения норм Закона к государственным корпорациям, компаниям и фондам.

Далее отметим, что открытым в контексте обсуждения действия Закона о банкротстве по кругу лиц является вопрос о возможности возбуждения производства по делу в отношении международной компании и международного фонда, зарегистрированных в едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) на территории одного из специальных административных районов (острова Русский и Октябрьский) в связи с изменением иностранным юридическим лицом личного закона в порядке редомициляции²⁹⁸.

Проблема признания несостоятельными таких субъектов выражается в следующем. Государственная регистрация международной компании²⁹⁹ хотя и не сопровождается правопреемством между ней и иностранным юридическим лицом, тем не менее законодательно установлено, что: 1) международная компания считается созданной с даты регистрации (создания) иностранного юридического лица; 2) с даты госрегистрации права и обязанности из обязательственных правоотношений принадлежат международной компании; 3) последняя самостоятельно отвечает по обязательствам (п. 1 ч. 2, п. 5 ч. 3, ч. 4 и 5 ст. 4 Закона о МК и МФ).

Несмотря на то что личным законом международной компании является российское право (ч. 1 ст. 4), к указанным выше правоотношениям, в том числе обязательственным, возникшим до ее государственной регистрации, *применяется право, которое применялось к ним в момент их возникновения* (ч. 7 ст. 4).

Изложенное позволило выдвинуть в юридической литературе идею о том, что международная компания является, по существу, новым,

---

²⁹⁸ Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5083 (далее – Закон о МК и МФ); Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5084. Об указанных организациях см., напр.: Дидикин А.Б. Правовые формы регулирования отношений государства и бизнеса в российских офшорах // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 38–42.

²⁹⁹ Нормы Закона о МК и МФ в интересующей нас части применяются и к международным фондам (ч. 2, 7 ст. 12.1, ч. 7 ст. 12.2, ч. 1 ст. 12.3 Закона о МК и МФ).

специальным видом юридического лица в России с гибридным статусом³⁰⁰.

С этим подходом можно согласиться. По нашему мнению, международные компании и международные фонды могут быть признаны должниками по основаниям и в порядке, предусмотренным российским Законом о банкротстве³⁰¹. Не останавливаясь подробно на обосновании данного тезиса, укажем на то, что институт несостоятельности (банкротства) преследует в первую очередь цели защиты интересов как должника, так и его кредиторов, поэтому положение законодательства о применении к отношениям по привлечению международной компании или международного фонда к ответственности норм иностранного права, само по себе не препятствует положительному решению вопроса о признании указанных субъектов должниками в деле о банкротстве по правилам российского закона.

Представляется, что общая направленность Закона о МК и МФ заключена в обеспечении возможности иностранным юридическим лицам, связанным с российскими гражданами и (или) капитал которых происходит из Российской Федерации, подчинить свою деятельность положениям российского правопорядка, избежав применения санкционных мер, инициированных в других государствах. Поэтому логичным видится распространения на рассматриваемых юридических лиц именно российского законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Следующим дискуссионным вопросом является вопрос о допустимости признания должниками в производстве по делу о несостоятельности органов государственной власти (государственных органов) и органов местного самоуправления, многие из которых наделены в силу закона статусом

---

³⁰⁰ *Канашевский В.А.* Международная компания как особый вид юридического лица в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 104–108. Выводы В.А. Канашевского были опубликованы до появления в Законе о МК и МФ положений, касающихся международных фондов, но нет сомнений, что соответствующие тезисы могут быть распространены и на данную категорию юридических лиц.

³⁰¹ Применительно к международному фонду данный вывод косвенно подтверждается п. 4.3 ст. 132 ЗоБ.

юридического лица³⁰². Он тесно связан с вопросом о статусе публично-правовых образований и проблемой соотношения правосубъектности указанных субъектов и их органов.

В современной российской литературе выделены следующие особенности участия публично-правовых образований в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством: 1) публичные образования признаются самостоятельными, но особыми субъектами частноправовых отношений, наряду с физическими и юридическими лицами, их природа не может быть сведена к конструкции юридического лица; 2) они принимают участие в имущественных отношениях лишь в специальных, исключительных случаях; гражданско-правовые отношения носят для них вспомогательный по отношению к основной деятельности характер; 3) в частных отношениях территориальные образования реализуют правосубъектность через систему своих органов, наделенных компетенцией, объем и содержание которой определяется в нормативных актах об их статусе, а в случаях, названных в законодательстве, через посредство других лиц (ст. 125 ГК РФ)³⁰³.

Содержание ст. 125 ГК РФ актуализировало дискуссию о гражданско-правовом статусе органов государственной власти и органов местного самоуправления, о наличии у них самостоятельной правосубъектности и о соотношении их личности с личностью публично-правовых образований.

В доктрине сформировалось несколько подходов по рассматриваемому вопросу: 1) участниками гражданских правоотношений являются только

---

³⁰² Актуальным этот вопрос видится и в свете того, что в нормах процессуальных кодексов государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы прямо названы как возможные непосредственные участники споров, рассматриваемых и разрешаемых судами (п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; ч. 2 ст. 27 АПК РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; ч. 1, п. 3 ч. 2 ст. 5 КАС РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391).

³⁰³ *Bogdanova I.S.* On the model of public entities participation in civil relations in terms of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2020 13(10). P. 1679–1683. DOI: 10.17516/1997-1370-0674; *Голубцов В.Г.* Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // *Журнал российского права.* 2010. № 10. С. 67–75; *Кутафин О.Е.* Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // *Журнал российского права.* 2007. № 1. С. 47, 50–51; *Яковлев В.Ф., Талатина Э.В.* Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // *Журнал российского права.* 2016. № 8. С. 127–129.

сами публично-правовые образования, органы публичной власти не обладают самостоятельной гражданской правосубъектностью, действуют от имени и в интересах соответствующего публичного образования и своими действиями создают для него гражданские права и обязанности; 2) субъектами гражданских правоотношений выступают непосредственно государственные и муниципальные органы, тогда как сами публичные образования в таких отношениях участия не принимают; 3) в гражданско-правовых отношениях могут участвовать как публично-территориальные образования, так и их органы, при этом положение последних имеет двойственный характер, поскольку в одних случаях они действуют от имени государства, а в других – выступают от собственного имени как самостоятельные субъекты гражданского права³⁰⁴.

В настоящее время проблема усугубляется тем фактом, что значительное количество органов публичной власти нормативно-правовыми актами наделено «правами юридического лица». Так, в силу прямого указания закона «обладают правами юридического лица» (но не «являются юридическими лицами») Верховный Суд РФ³⁰⁵ и суды общей юрисдикции³⁰⁶. Напротив, непосредственно юридическими лицами в законодательстве называются арбитражные суды³⁰⁷, Министерство внутренних дел РФ и его

---

³⁰⁴ Богданова И.С. Осуществление государством права собственности на недвижимое имущество, составляющее его казну (на примере зданий и сооружений) / под науч. ред. к.ю.н., доц. Н.Ф. Качур. М., 2012. С. 62–68; Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. № 11. 2009 (п. 7.2.3); Публично-правовые образования в частном праве: Постатейный комментарий главы 5 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2010. С. 11–15, 84, 87.

³⁰⁵ См.: п. 1 ст. 21 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550. А также Судебный департамент при Верховном Суде РФ – ч. 4 ст. 31 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

³⁰⁶ Обладают правами юридического лица кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции, суды субъектов РФ. В отношении районных судов полномочия юридического лица реализуются Судебным департаментом при Верховном Суде РФ – см. ч. 2, 3 ст. 41 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

³⁰⁷ Статья 50 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

территориальные органы³⁰⁸; Следственный комитет РФ и некоторые его следственные управления и следственные отделы³⁰⁹. Территориальный орган Министерства внутренних дел РФ обозначен в правовых актах как юридическое лицо «в организационно-правовой форме государственного учреждения»³¹⁰. В силу прямого указания законодателя законодательный (представительный) орган и высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ «обладают правами юридического лица»³¹¹.

Вместе с тем в гражданском законодательстве отсутствует такая самостоятельная организационно-правовая форма юридического лица, как орган государственной власти или орган местного самоуправления. При этом в силу п. 5 ст. 1 Федерального закона «О некоммерческих организациях»³¹² его действие не распространяется на органы государственной власти, иные государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, публично-правовые компании, если иное не установлено федеральным законом.

Пунктом 11 ст. 161 БК РФ на органы государственной власти, органы местного самоуправления и органы управления государственными внебюджетными фондами распространены правила ст. 161 БК РФ, определяющие особенности правового положения казенного учреждения. По мнению Минэкономразвития России, федеральные органы исполнительной

---

³⁰⁸ См.: п. 22 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018) // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

³⁰⁹ См.: ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15

³¹⁰ См.: п. 22 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018) // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

³¹¹ См.: п. 7 ст. 4, п. 4 ст. 20 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

³¹² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

власти подпадают под определение казенного учреждения³¹³. Органы местного самоуправления, наделенные правами юридического лица, «являются муниципальными казенными учреждениями»³¹⁴.

В юридической литературе по-разному оцениваются приведенные законодательные положения. В частности, утверждается, что: 1) органы публичной власти, если они в силу указания нормативных правовых актов являются юридическими лицами, создаются в организационно-правовой форме учреждений³¹⁵; 2) правами юридического лица «чаще всего в организационно-правовой форме учреждения» наделяется одно из структурных подразделений органа государственной или муниципальной власти (аппарат, управление делами, финансово-хозяйственный отдел и т.п.)³¹⁶; 3) государственные органы как юридические лица должны иметь самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица – «публичное учреждение»³¹⁷.

Распространенным является подход, в соответствии с которым утверждается, что органы государственной власти и органы местного самоуправления должны признаваться юридическими лицами публичного права³¹⁸.

Обобщая все вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам. Решение вопроса о возможности признания за органами публично-правовых образований статуса должника в отношениях несостоятельности зависит от того, обладают ли указанные субъекты самостоятельной гражданской

---

³¹³ Письмо Минэкономразвития РФ от 21.06.2011 № 12702-АЛ/Д08 «О распространении норм Постановления Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 537 «О порядке осуществления федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального государственного учреждения» на органы государственной власти (их территориальные органы)» // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁴ См.: п. 2, 3 ст. 41 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

³¹⁵ *Болдырев В.А.* Юридические лица несобственники в системе субъектов гражданского права : монография / под науч. ред. В.А. Сысоева. Омск, 2010. С. 53, 64–65.

³¹⁶ *Суханов Е.А.* Новые виды юридических лиц после реформирования главы 4 ГК РФ // Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013–2017 гг. М., 2018. С. 99.

³¹⁷ *Голубцов В.Г.* Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством : Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 13, 18, 35.

³¹⁸ *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5 (101). С. 19–26.

правосубъектностью.

Действующее гражданское законодательство в ст. 2, 124, 125 ГК РФ прямо определяет, что участниками гражданских отношений признаются сами публично-правовые образования, которые действуют посредством своих органов власти (п. 1 ст. 125, ст. 126 ГК РФ) либо посредством иных лиц (п. 3 ст. 125, ст. 126 ГК РФ). При таких обстоятельствах органы государственной власти и органы местного самоуправления не обладают самостоятельной правосубъектностью, поскольку являются частью государственного механизма и всегда выступают от имени публично-правового образования и в его интересах. В результате органы публичных образований в принципе не могут признаваться должниками в деле о банкротстве.

Аналогичным образом следует дать ответ и в случае, если согласиться с тем, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, наделенные правами юридических лиц, могут признаваться самостоятельными участниками гражданских отношений, и к ним будут применяться нормы о казенных учреждениях. Поскольку законодательство о несостоятельности (банкротстве) в силу прямого указания закона не распространяется на учреждения, то постановка вопроса о несостоятельности органов публично-правовых образований невозможна.

Как и в российском праве, в правовых актах Германии закреплено общее правило о том, какой субъект может быть признан несостоятельным (банкротом). Вместе с тем, в отличие от российского законодательства, общее понятие юридического лица в нормативных актах Германии отсутствует.

Особенностью немецкого правопорядка является существование в нем юридических лиц как частного, так и публичного права. В общих положениях действующее законодательство о несостоятельности не дифференцирует юридические лица на виды. В силу прямого указания предл. 1 абз.1 § 11 Положения о несостоятельности *Insolvenzfähigkeit* признается за

всеми юридическими лицами, что прямо следует из буквального толкования текста закона: «Производство о несостоятельности может быть открыто над имуществом <...> *любого* [курсив наш – Р.Ф.] юридического лица». Это означает принципиальную допустимость проведения процедуры несостоятельности в отношении не только юридических лиц частного и публичного права, но и иностранных юридических лиц, если над их имуществом, согласно немецкому праву, может быть открыто производство (напр., Ltd. английского права), и они осуществляют свою торговую деятельность на территории Германии. Вопрос же о том, может ли иностранный должник быть квалифицирован как юридическое лицо, подлежит разрешению на основе предписаний общего коллизионного права³¹⁹.

Что касается иностранных объединений, то еще в начале 2000-х годов Федеральный Верховный суд Германии разъяснил, что любое объединение, подпадающее под защиту гарантированной Договором об учреждении ЕС свободы размещения (*Niederlassungsfreiheit*) (ст. 43, 48), уполномочено реализовывать свои договорные права в любом государстве-участнике, в который перенесен административный центр указанного объединения, если оно обладает правоспособностью согласно правопорядку государства, в котором оно учреждено и где располагается его место нахождения в соответствии с учредительными документами. Процессуальная правоспособность объединения определяется в соответствии с принципом *lex fori*. Применительно к процессуальному праву Германии (абз. 1 § 50 ZPO) процессуально правоспособным является тот, кто наделен материальной правоспособностью³²⁰.

В доктрине под юридическим лицом понимается непосредственно признанные и урегулированные правопорядком (принцип *numerus clausus*) в качестве юридически самостоятельных носителей прав объединения лиц или

---

³¹⁹ *Breuer W.* Op. cit. S. 73. Rn. 185; *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5. S. 122. Rn. 6.

³²⁰ BGH, Urteil vom 13.03.2003 – VII ZR 370/98 // BGHZ. 154. S. 185.

имущественные массы³²¹. Для целей данного исследования в озвученном определении следует специально выделить юридическую самостоятельность как признак юридического лица, применительно к данной категории субъектов речь идет об обладании *полной* материальной и процессуальной правоспособностью.

Юридическое лицо признается самостоятельным субъектом права, юридически независимым от своих участников. Поэтому несостоятельность одного из участников не влечет тем самым несостоятельность самого юридического лица³²².

В зависимости от подхода к определению сущности понятия несостоятельноспособности различаются и взгляды ученых на обоснование ее наличия у юридических лиц.

Одни исследователи полагают, что *Insolvenzfähigkeit* юридических лиц следует из того, что они как таковые являются носителями собственного имущества, выступают субъектами вменения обязательств и несут самостоятельную ответственность, ограниченную от ответственности других лиц³²³.

Другие ученые исходят из того, что несостоятельноспособность юридических лиц основывается на их материальной и процессуальной правоспособности (абз. 1 § 50 ZPO)³²⁴. С этой точки зрения способность быть носителем прав и обязанностей возникает у юридического лица с момента его создания, то есть со времени внесения записи в соответствующий реестр (торговый реестр – для акционерных обществ (абз. 1 § 41 Закона об акциях) и обществ с ограниченной ответственностью (абз. 1 § 11 Закона об обществах с ограниченной ответственностью); реестр кооперативов – для кооперативов (§ 13 Закона о кооперативах); реестр союзов – для союзов (§ 21 Гражданского

---

³²¹ Prütting H. Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1 / hrsg. von B.M. Kübler, H. Prütting. Köln, 2012. § 11. S. 5. Rn. 12; S. 6. Rn. 17.

³²² В юридической литературе высказано мнение, согласно которому в уставе юридического лица возможно установить, что несостоятельность одного из его участников следует рассматривать как основание для прекращения самого юридического лица. См.: Hirte H. Insolvenzordnung : Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck, H. Hirte, H. Vallender. München, 2015. § 11. Rn. 54.

³²³ Ott C., Vuia M. Op. cit. § 11. S. 265. Rn. 1.

³²⁴ Bork R. Op. cit. S. 14–15. S. 29; Prütting H. Op. cit. § 11. S. 6. Rn. 13.

уложения Германии³²⁵))³²⁶.

Еще один аргумент, выдвигаемый в пользу наделения всех юридических лиц *Insolvenzfähigkeit*, состоит в том, что в правовом обороте юридические лица по общему правилу приравниваются к физическим лицам, что в правоотношениях несостоятельности выражается в применении к той и другой категории субъектов единого порядка проведения производства по делу о несостоятельности (*Regelinsolvenzverfahren*)³²⁷.

К юридическим лицам частного права относятся:

1. Корпорации (*Körperschaft*), которые могут существовать в следующих формах:

а) правоспособный союз (некоммерческий (зарегистрированный) союз (§§ 21, 55 ГГУ) или экономический союз (§ 22 ГГУ));

б) общества, основанные на объединении капиталов (*Kapitalgesellschaft*): акционерное общество, акционерное коммандитное товарищество (*Kommanditgesellschaft auf Aktien*) (абз. 1 § 278 Закона об акциях), общество с ограниченной ответственностью, в том числе предпринимательское общество (с ограниченной ответственностью) – так называемое «мини-ООО»³²⁸, коммандитное товарищество с участием общества с ограниченной ответственностью (*GmbH & Co. KG*); европейское общество (*die Societas Europaea*);

в) зарегистрированный кооператив (*eingetragene Genossenschaft*), кооператив с ограниченной ответственностью, объединение взаимного страхования (*Versicherungsverein auf Gegenseitigkeit*);

2. Фонд (*Stiftung*) частного права (§ 80 ГГУ)³²⁹.

Все без исключения юридические лица частного права способны к

---

³²⁵ Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 in der Fassung der Bekanntmachung vom 02.01.2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 13 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist (далее также – Гражданский кодекс Германии, ГГУ, BGB).

³²⁶ *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5 S. 122. Rn. 8.

³²⁷ *Ehricke U.* Op. cit. Einleitung. S. 304. Rn. 17; *Ott C., Vuia M.* Op. cit. § 11. S. 267. Rn. 12.

³²⁸ См.: Закон Германии об обществах с ограниченной ответственностью (*Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* vom 20.04.1892 in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4123-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 16 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist; далее – GmbHG)

³²⁹ *Breuer W.* Op. cit. S. 17. Rn. 57; *Foerste U.* Op. cit. S. 18–19. Rn. 27.

тому, чтобы быть должниками в правоотношениях несостоятельности, по-
инному решается вопрос о юридических лицах публичного права.

Так, специальные нормы о юридических лицах публичного права
содержатся как в Гражданском кодексе Германии (§ 89 ГГУ), так и в
Положении о несостоятельности (§ 12 ПоН).

Согласно господствующей точке зрения разграничение юридических
лиц частного и публичного права лежит не в плоскости характера
возлагаемых на них задач, а обуславливается юридическим фактом,
влекущим их возникновение: если первые учреждаются частно-правовым
актом (учредительный договор, сделка об учреждении фонда), то вторые, за
исключением государства, напротив, возникают на основе государственного
акта власти (в частности, закона или административного акта), которым им
присваивается статус лица, выполняющего публичные задачи. Юридические
лица публичного права могут, но не обязательно должны, располагать
правом на легализованное применение средств принуждения (*hoheitliche
Zwangsmittel*)³³⁰.

К числу юридических лиц публичного права относятся государство
(союз и земли), территориальные корпорации (общины, союзы общин и
округа), а также иные корпорации (напр., университеты), учреждения (напр.,
учреждения радиовещания) и фонды (напр., Фонд прусского культурного
наследия) публичного права³³¹.

Как было указано ранее, из общего правила абз. 1 § 11 ПоН явствует,
что любые субъекты могут быть должниками в производстве по делу о
несостоятельности. Одновременно с этим абз. 1 § 12 «Юридические лица
публичного права» Положения устанавливает, что недопустимым является
производство о несостоятельности над имуществом: 1) союза, то есть
немецкого государства, или земли; 2) юридического лица публичного права,

---

³³⁰ *Ellenberger J. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Nebengesetzen / Palandt ; bearbeitet von G. Brudermüller [und 9
weiteren]. München, 2017. Einführung vor § 21. S. 25. Rn. 3.*

³³¹ *Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts / vormals bearbeitet von M. Wolf; fortgeführt von J. Neuner.
München, 2016. § 16. S. 168–168. Rn. 21.*

состоящего под надзором земли, если это определено правом земли.

Таким образом, в случаях, указанных в § 12 ПоН, производство о несостоятельности над имуществом определенных юридических лиц публичного права либо является недопустимым, либо может быть объявлено как недопустимое. Получается, что германским законодательством о несостоятельности установлен запрет на применение процедуры несостоятельности в отношении государства (союза) и его федеративных единиц (ном. 1 абз. 1 § 12 ПоН).

В науке права несостоятельности Германии позиция, согласно которой государство и федеральные земли ни при каких условиях не могут быть должниками в производстве о несостоятельности, в основном поддерживается³³². По мнению ряда авторов, абз. 1 § 12 ПоН представляет собой один из элементов системы правовых предписаний, закрепляющих привилегированное положение «публичной руки» (*öffentliche Hand* – государство как субъект имущественных отношений) в области исполнительного производства. Юридической основой для закрепления в законе подобного рода правил выступает предл. 2 абз. 1 ст. 14 Основного закона Германии³³³, предусматривающее допустимость установления законом содержания и рамок ограничения гарантий собственности.

Отсутствие у союза несостоятельноспособности обосновывается в юридической литературе различным образом: I) с *материальной* точки зрения: 1) государство в силу наличия у него права на взимание налогов, образующих непрекращающийся и прогнозируемый источник доходов, права на печатание денег, позволяющее обесценить любой долг при помощи

---

³³² Одновременно с этим в доктрине отсутствуют возражения против категории *материальной* несостоятельности государства.

В немецкой литературе 20 в. возможность банкротства государства также отвергалась. Тем не менее данный тезис не распространяется на ситуации, когда казна выступает в качестве необходимого наследника (§ 1964 ГГУ). По мнению ученых, в таком случае государство участвует в наследственных правоотношениях как частное лицо, но ограничено в отношении определенной имущественной массы. См.: *Vergleichsordnung: Kommentar*. Bd. 1., §§1–81 / begr. von Erich Bley, 4., neubearb. Aufl. von Jürgen Mohrbutter, unter Mitarbeit von Harro Mohrbutter. Berlin ; New York, 1979. § 2. S. 46. Rn. 6.

³³³ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949 in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 100-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 1 u. 2 Satz 2 des Gesetzes vom 29.09.2020 (BGBl. I S. 2048) geändert worden ist.

инфляции, а также права законодательного диктата, предоставляющего возможность издания закона о полном или частичном списании долга (как минимум в отношении «внутренних» заемщиков), не может впасть в состояние материальной несостоятельности³³⁴;

II) с *формальной* точки зрения: 2) применение процедуры несостоятельности противоречило бы государственному суверенитету: по отношению к государству отсутствует вышестоящая принудительная сила³³⁵; 3) государство не может предоставить кредиторам все свое имущество, поскольку это приведет к нарушению функциональности государства и будет препятствовать исполнению его публичных задач³³⁶; 4) в отличие от конкурса в отношении частного лица, при погашении задолженности государства - банкрота на карту ставится будущее финансового хозяйства и опосредованно будущее всей государственной политики; на передний план выходит не расчет за прошлое, а создание основы для будущего³³⁷; 5) управление государственными доходами и имуществом в соответствии с конституционными требованиями принадлежит органам, избранным народом, их компетенция в этой части не может быть ограничена полномочиями управляющего, назначенного в связи с открытием процедуры³³⁸

III) с *психологической* точки зрения: б) производство о несостоятельности может иметь негативные психологические эффекты для

---

³³⁴ Представление и критика данной позиции: *Paulus Ch.* Geordnete Staateninsolvenz - eine Lösung mit Hilfe des Vertragsrechts // *Zeitschrift für Wirtschaftsrecht.* 2011. S. 2433–2434.

³³⁵ *Insolvenzgesetze : KO/VglO/GesO / von K. Schmidt.* 17. Aufl. der von A. Böhle-Stamschräder begr. und von J. Kilger bis zur 15. bzw. 11. Aufl. fortgef. Kommentare zur Konkursordnung (zuletzt 16. A.) und Vergleichsordnung (zuletzt 11.A.). München, 1997. § 213. S. 543. Punkt 1.

³³⁶ Критика данного и предыдущего пунктов была озвучена в: *Stoll T.* Insolvenz und hoheitliche Aufgabenerfüllung. Zur Konkursfähigkeit juristischer Personen des öffentlichen Rechts // *KTS - Zeitschrift für Insolvenzrecht.* 1992. Heft 4. S. 524–533. В частности, Тонио Штолль (Tonio Stoll) указывает, что, во-первых, должником в исполнительном производстве выступает не государство как таковое, а определенный государственный орган, который подчиняет свою собственную отклонившуюся волю действительной воле государства. Во-вторых, при принудительном исполнении речь не идет о том, что союз и земли отказываются от исполнения конституционно возложенных на них задач. Преследование частными лицами своих имущественных интересов составляет не ограничение, а необходимое условие для осуществления публичных задач. Более того, законодательством об исполнительном производстве установлен запрет на обращение взыскания на предметы, которые необходимы для осуществления публичных задач и реализация которых будет противоречить публичным интересам.

³³⁷ Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 14.11.1962 – 1 BvR 987/58 // *BVerfGE.* 15. S. 126 ff. Rn. 63.

³³⁸ *Gundlach U., Frenzel V., Schmidt N.* Op. cit. S. 561.

всей публичной власти³³⁹. Схожие возражения могут быть адресованы и идее признания статуса должника в процедуре несостоятельности за федеральными землями.

Тем не менее в последние 30 лет в доктрине активно развивается позиция, сторонники которой стремятся обосновать необходимость отхода от выработанных на протяжении столетий традиционных взглядов, не допускающих и мысли о возможности существования феномена банкротства государства. Объявленный Аргентиной в начале 2000-х годов дефолт, финансовый кризис в Исландии 2008 года, а также согласование и предоставление в начале и середине 2010-х годов трех пакетов финансовой помощи Греции придали новый импульс теоретическим изысканиям немецких специалистов в сфере несостоятельности государства³⁴⁰.

Лейтмотивом выработанных учеными предложений явились идеи о: 1) направленности упорядоченного производства о несостоятельности государства на его санацию (реорганизацию), а не ликвидацию; 2) наделении правом на обращение с заявлением об открытии процедуры, как правило, лишь самого должника; 3) обязательности вовлечения в производство всех кредиторов государства, испытывающего финансовые затруднения, принимающих решения большинством голосов³⁴¹.

Обстоятельная критика приведенных выше аргументов, выдвинутых

---

³³⁹ *Hirte H.* Op. cit. § 12. S. 200. Rn. 7.

³⁴⁰ Проблеме состоятельности государств уделяется внимание и мировым сообществом. К числу одних из последних достижений следует отнести следующее. В развитие положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 09.09.2014 A/RES/68/304 (<https://undocs.org/ru/A/RES/68/304>) 10.09.2015 Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция A/RES/69/319 (<https://undocs.org/ru/A/RES/69/319>), которой были утверждены «Базовые принципы в отношении процессов реструктуризации суверенного долга». К числу таких принципов, в частности, отнесены: 1) равенство всех кредиторов, что выражается в обязанности государства воздерживаться от произвольного дискриминирования отдельных кредиторов или их групп (пп. 5 п. 1); 2) право государств на суверенный иммунитет от юрисдикции зарубежных внутренних судов и исполнения их решений в отношении реструктуризации суверенного долга (пп. 6 п. 1); 3) мажоритарная реструктуризация: соглашения о реструктуризации суверенного долга, одобренные квалифицированным большинством кредиторов, обязательны для меньшинства кредиторов (пп. 9 п. 1).

³⁴¹ *Hirte H.* Op. cit. § 12. S. 199–200. Rn. 5–6.

Ханс-Фридрих Мюллер (Hans-Friedrich Müller) указывает, что в настоящее время традиционное понимание конкурса как производства, направленного на распродажу имущества должника наиболее выгодным для кредиторов образом, а также наилучшее удовлетворение их требований, отходит на второй план, уступая место мысли о санации (реорганизации). Поэтому ликвидация имущества должника - государства не может быть предметом соответствующего производства, в будущем целью права несостоятельности государства должна стать именно реорганизация. *Müller H.-F.* *Insolvenzverfahren für souveräne Staaten – Ausweg aus der Schuldenkrise?* // *KTS - Zeitschrift für Insolvenzrecht.* 2013. S. 267.

противниками процедуры несостоятельности в отношении государства, была дана в работе Феликса Хорнфишера (Felix Hornfischer) и Доминика Скаурадсцуна (Dominik Skauradszun). Авторы отстаивают точку зрения о том, что признание *Insolvenzfähigkeit* за государством является необходимым и что государство может быть не только материально несостоятельным (*materiell insolvent*), но и быть способным к тому, чтобы стать субъектом производства по делу о несостоятельности. В разработке соответствующего правового механизма, направленного с одной стороны на санацию государства и удовлетворение его кредиторов (цель производства), а с другой стороны на обеспечение функциональности государства - должника и защиту его суверенитета, могут быть использованы известные немецкому и зарубежным правовым порядкам процедура самоуправления должника в сочетании с процедурой принятия и реализации плана несостоятельности. Придание процедуре самоуправления статуса общей процедуры при несостоятельности государства позволит сохранить за ним правомочия на управление и распоряжение своим имуществом, избежав назначения управляющего и ограничившись лишь определением контролирующих его действия попечителей. План несостоятельности, в свою очередь, представляет собой гибкий инструмент достижения соглашения с кредиторами, позволяющий наполнить его практически любым мыслимым содержанием³⁴².

По мнению отдельных депутатов Бундестага и фракции Левые, перспективной целью регулирования процедуры несостоятельности государства выступает создание международно признанного арбитражного производства, направленного на установление и ликвидацию несостоятельности государства и обязательного для всех кредиторов. При этом всем заинтересованным лицам, в том числе населению страны - должника, должна быть предоставлена возможность высказаться в ходе

---

³⁴² Hornfischer F., Skauradszun D. Von der Staateninsolvenz zur Insolvenzfähigkeit von Staaten // KTS - Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2012. Heft 1. S. 1–25.

осуществления данного производства³⁴³.

Дальнейшая разработка данного вопроса требует подробного изучения проблематики международного публичного и частного права, конституционного права, поэтому выходит за рамки настоящего исследования. Следует, однако, подчеркнуть, что отношение к проблеме юридической несостоятельности государства постепенно меняется, пройдя путь от полного отрицания допустимости признания государства несостоятельным, до разработки достаточно подробных концепций производства о несостоятельности такого субъекта.

Отметим, что из абз. 1 § 12 ПоН следует лишь правило об отсутствии несостоятельноспособности у федерации и земель. Отсюда в научной литературе сделан закономерный вывод о принципиальной допустимости участия в качестве должника в процедуре несостоятельности любых юридических лиц публичного права, находящихся в ведении как союза, так и федеральных земель. В доктрине данное положение распространено также на органы указанных территориальных корпораций, если они сами являются юридическими лицами публичного права или могут быть самостоятельными носителями прав и обязанностей (парламентские фракции)³⁴⁴.

Вместе с тем, несмотря на непосредственное ограничение сферы действия абз. 1 § 12 ПоН лишь федерацией и федеральными землями, в науке Германии без какой-либо подробной аргументации за государством признано право в особых случаях закреплять в отдельных федеральных законах правила о невозможности участия в качестве должника тех или иных юридических лиц публичного права, состоящих под надзором *федерации*³⁴⁵. В частности, процедура несостоятельности исключена над имуществом

---

³⁴³ Antrag der Abgeordneten Niema Movassat, Dr. Axel Troost, Wolfgang Gehrcke, Klaus Ernst, Jan van Aken, Christine Buchholz, Sevim Dağdelen, Dr. Diether Dehm, Annette Groth, Heike Hänsel, Inge Höger, Andrej Hunko, Susanna Karawanskij, Jutta Krellmann, Katrin Kunert, Stefan Liebich, Dr. Alexander S. Neu, Thomas Nord, Richard Pitterle, Michael Schlecht, Alexander Ulrich, Dr. Sahra Wagenknecht und der Fraktion DIE LINKE. Für ein internationales Staateninsolvenzverfahren. Begründung // Drucksache 18/3743.

³⁴⁴ Hirte H. Op. cit. § 12. S. 198–199. Rn. 4.

³⁴⁵ См., напр.: *Siegmond D.* Insolvenz(un)fähigkeit juristischer Personen des öffentlichen Rechts und ihrer rechtlich nicht selbstständigen Einrichtungen (Sondervermögen) // *ZInsO – Zeitschrift für das gesamte Insolvenzrecht.* 2012. 50. S. 2325.

Национального союза по управлению нефтяными резервами (Erdölbevorratungsverband)³⁴⁶, Федерального учреждения по вопросам недвижимости (Bundesanstalt für Immobilienaufgaben), целью деятельности которого является управление недвижимым имуществом федерации³⁴⁷.

В некоторых случаях федеральный законодатель непосредственно не исключает возможность признания статуса должника за соответствующим юридическим лицом публичного права, но устанавливает в федеральном законе, что такой субъект может быть прекращен только на основании закона (Немецкий федеральный банк³⁴⁸, Кредитное учреждение реконструкции³⁴⁹).

Кроме того, недопустимым признано введение и проведение производства о несостоятельности для радиовещательных учреждений (Rundfunkanstalt) публичного права, а также церковных организаций, если они образованы в форме юридических лиц публичного права.

В литературе высказано суждение о том, что причины исключения Insolvenzfähigkeit для указанных выше субъектов проистекают не из их правовой природы, а обнаруживают себя в области конституционного права и особенностей политического порядка³⁵⁰.

Данные разъяснения нам видятся содержательно неопределенными и в недостаточной степени юридически обоснованными. Основной упрек здесь может быть адресован отсутствию пояснений, касающихся того обстоятельства, что Положению о несостоятельности не известны ни подобного рода исключения, ни общее правило о допустимости их установления в других федеральных законах.

---

³⁴⁶ См.: Absatz 2 §32 des Gesetzes über die Bevorratung mit Erdöl und Erdölerzeugnissen (Erdölbevorratungsgesetz - ErdölBevG) vom 16.01.2012 (BGBl. I S. 74), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 09.12.2019 (BGBl. I S. 2101) geändert worden ist.

³⁴⁷ Absatz 1 § 1, Abs. 3 § 6 des Gesetzes über die Bundesanstalt für Immobilienaufgaben vom 09.12.2004 (BGBl. I S. 3235), das durch Artikel 15 Absatz 83 des Gesetzes vom 05.02.2009 (BGBl. I S. 160) geändert worden ist.

³⁴⁸ См.: § 44 des Gesetzes über die Deutsche Bundesbank in der Fassung der Bekanntmachung vom 22.10.1992 (BGBl. I S. 1782), das zuletzt durch Artikel 270 der Verordnung vom 19.06.2020 (BGBl. I S. 1328) geändert worden ist.

³⁴⁹ См.: абз. 1 § 13 des Gesetzes über die Kreditanstalt für Wiederaufbau in der Fassung der Bekanntmachung vom 23.06.1969 (BGBl. I S. 573), das zuletzt durch Artikel 271 der Verordnung vom 19.06.2020 (BGBl. I S. 1328) geändert worden ist.

³⁵⁰ Gundlach U., Frenzel V., Schmidt N. Op. cit. S. 567; Ott C., Vuia M. Op. cit. § 11. S. 26–268. Rn. 12, § 12. S. 300. Rn. 11.

В отличие от анализируемого положения абз.1 § 12 ПоН, во втором предложении этого же абзаца прямо указано на управомоченность *земель* определять в своем законодательстве юридические лица, публичного права, состоящие *под их надзором*, не способные к участию в качестве должника в процедуре несостоятельности.

Наиболее типичным примером реализации землями данной юридической возможности являются непосредственно не поименованные в § 12 Положения коммуны (общины, объединения общин) как элементы низового уровня административного устройства Германии и носители коммунального самоуправления³⁵¹. Следует обратить внимание, что *государственное* устройство Германии имеет двухзвенную структуру: союз (Bund) и земли (Länder). Общины не являются элементом данной структуры и интегрированы исключительно в *административное* подразделение земель. Также они не осуществляют непосредственное государственное управление, а как территориальные корпорации, т.е. наряду с фондами и учреждениями – юридическими лицами публичного права, участвуют в реализации *опосредованного* государственного управления³⁵².

Изучение земельных законодательных актов показывает, что коммунальные территориальные корпорации объявлены органами власти земель не обладающими *Insolvenzfähigkeit*³⁵³. Также не наделены несостоятельностью союзы общин (Gemeindeverband), земельные округа (Landkreis), целевые союзы общин (Zweckverband).

Применительно к другим юридическим лицам, созданным в правовых

---

³⁵¹ В науке высказано мнение, согласно которому введение процедуры несостоятельности и передача полномочия по управлению и распоряжению коммунальным имуществом управляющему несостоятельностью не согласуется с закрепленной в Основном законе Германии гарантией самоуправления муниципальных общин (предл. 1 абз. 2 ст. 28).

³⁵² Подробнее см.: Müller M. Kommunalrecht Baden-Württemberg. Heidelberg, 2014. S. 1–5; Weber T., Köppert V. Kommunalrecht Bayern. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Frechen ; Hamburg, 2013. S. 1–2.

³⁵³ Artikel 77 der Gemeindeordnung für den Freistaat Bayern (Gemeindeordnung - GO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 22.08.1998 (GVBl. S. 796, BayRS 2020-1-1-I), die zuletzt durch § 3 des Gesetzes vom 24.07.2020 (GVBl. S. 350) geändert worden ist; § 146 der Hessischen Gemeindeordnung (HGO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 07.03.2005 (GVBl. I S. 142), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 07.05.2020 (GVBl. S. 318) geändert worden ist; Absatz 2 § 128 der Gemeindeordnung für das Land Nordrhein-Westfalen (GO NRW) in der Fassung der Bekanntmachung vom 14.07.1994 (GV. NRW. S. 666), die zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 29.09.2020 (GV. NRW. S. 916) geändert worden ist; и др.

формах корпорации, учреждения или фонда публичного права и подведомственным федеральным землям, законодательство субъектов федерации также в основном закрепляет правило о недопустимости открытия над их имуществом производства о несостоятельности. Тем не менее в ряде случаев нормативное регулирование земель отходит от этого принципа³⁵⁴.

Таким образом, в немецком праве несостоятельности выстроена достаточно стройная система исключений из общего правила о том, что производство о несостоятельности может быть открыто над имуществом любого юридического лица. Основывается такая система, во-первых, на особом статусе юридических лиц публичного права, а во-вторых, на понятных законодательных предписаниях о том, какой субъект и каким образом вправе установить в нормах права соответствующие исключения.

В настоящее время в российской литературе получила распространение дискуссия по вопросам существования правосубъектности у прекращенного юридического лица³⁵⁵ и возможности возбуждения дела о несостоятельности над его имуществом.

Начало дискуссии было обусловлено принятием Федерального закона

---

³⁵⁴ К примеру, в земле Баден-Вюртемберг законодательно предусмотрено правило о недопустимости проведения производства о несостоятельности над имуществом корпораций и учреждений публичного права (напр., Учреждение по пенсионному обеспечению врачей, стоматологов и ветеринаров земли Баден-Вюртемберг). Напротив, исключения из данного общего правила установлены для Земельного банка, сберегательных касс, Земельной строительной сберкассы юго-запада, фондов публичного права – такие юридические лица обладают несостоятельностью. См.: § 45 des Gesetzes zur Ausführung des Gerichtsverfassungsgesetzes und von Verfahrensgesetzen der ordentlichen Gerichtsbarkeit (AGGVG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 16.12.1975 (GBl. S. 868), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 17.12.2020 (GBl. 2021 S. 1, 2) geändert worden ist.

В других землях производство о несостоятельности, как правило, допускается в отношении банковских и кредитных институтов, сберкасс, страховых предприятий. И, наоборот, исключается применительно к учреждениям пенсионного обеспечения врачей, адвокатов, налоговых консультантов; адвокатских, врачебных палат и др. Подробнее о содержании законодательства федеральных земель Германии см.: *Siegmund D.* Op. cit. S. 2325–2328.

³⁵⁵ Как известно, закон связывает завершение ликвидации и прекращение юридического лица с внесением сведений о его прекращении в ЕГРЮЛ (п. 9 ст. 63 ГК РФ). Однако использованная в норме формулировка «после внесения» породило разночтения в судебной практике. Одни суды полагают, что юридическое лицо считается прекращенным и тем самым утрачивает свою правоспособность с даты, следующей за датой совершения указанной записи (постановление Президиума ВАС РФ от 17.04.2012 № 14140/11 по делу № А27-17017/2009 // СПС «КонсультантПлюс»), другие – что с момента ее внесения (Определения ВС РФ от 30.04.2015 № 306-ЭС15-692 по делу № А55-37558/2009; от 01.07.2015 № 305-ЭС15-1873 по делу № А40-98091/2012 // СПС «КонсультантПлюс»).

от 05.05.2014 № 99-ФЗ³⁵⁶, которым в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ были включены правила, в силу которых в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, в том числе в результате признания такого юридического лица несостоятельным (банкротом)³⁵⁷, заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право. К указанному имуществу относятся также требования ликвидированного юридического лица к третьим лицам³⁵⁸, в том числе возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов, вследствие которого заинтересованное лицо не получило исполнение в полном объеме.

В этом случае суд назначает арбитражного управляющего, на которого возлагается обязанность распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица. Заявление о назначении процедуры распределения данного имущества может быть подано, а сама процедура может быть назначена при соблюдении следующих условий: а) с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении юридического лица прошло не более пяти лет; б) имеются средства, достаточные для ее осуществления; в) установлена возможность распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц. Процедура распределения осуществляется по правилам ГК РФ о ликвидации юридических лиц.

---

³⁵⁶ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

³⁵⁷ Обратим внимание на то, что в силу п. 2 ст. 64.2 ГК РФ исключение недействующего юридического лица из реестра влечет те же правовые последствия, что предусмотрены нормами ГК РФ и других законов применительно к ликвидированным юридическим лицам. Таким образом, положения п. 5.2 ст. 64 ГК РФ распространяются также и на прекращение юридического лица в связи с признанием его недействующим и исключением из ЕГРЮЛ в административном порядке. Также Пленумом ВС РФ процедура п. 5.2 ст. 64 ГК РФ распространена на случаи исключения должника - юридического лица из ЕГРЮЛ в период проведения исполнительного производства, поскольку при данных условиях последнее подлежит прекращению (п. 39 Постановления Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // БВС РФ. 2016. № 1).

³⁵⁸ Практика показывает, что доказывание существования права требования как имущества, подлежащего распределению, весьма непросто. См., напр.: Определение ВС РФ от 31.03.2020 № 302-ЭС18-3351 по делу № А58-1766/2017 (акции); Определение ВС РФ от 12.10.2020 № 310-ЭС20-14197 по делу № А08-4392/2019 (требование о возмещении убытков); Определение ВС РФ от 06.11.2020 № 303-ЭС20-17196 по делу № А51-14569/2019 (право аренды) // СПС «КонсультантПлюс».

В результате в ГК РФ появился специальный порядок удовлетворения требований кредиторов юридического лица, ликвидированного (исключенного из ЕГРЮЛ) на основании положений ГК РФ или Закона о банкротстве, за счет имущества, обнаруженного после прекращения юридического лица - его обладателя и не включенного ранее в его ликвидационную или конкурсную массу³⁵⁹. В этой ситуации суд по заявлению заинтересованного лица или уполномоченного органа вводит процедуру распределения указанного имущества и возлагает на арбитражного управляющего обязанность по ее проведению³⁶⁰.

Анализ приведенных положений порождает целый ряд вопросов. По их смыслу удовлетворение судом заявления заинтересованного лица не должно влечь восстановление прекращенного юридического лица в ЕГРЮЛ. В результате возникает проблема соотношения предписаний п. 5.2 ст. 64 ГК РФ с нормами п. 5.1 этой же статьи и ст. 419 ГК РФ. В силу п. 5.1 ст. 64 ГК РФ требования кредиторов, не удовлетворенные в ходе ликвидации юридического лица по причине недостаточности его имущества, считаются погашенными. Корреспондируют этому правилу положения ст. 419 ГК РФ, в силу которых обязательство прекращается ликвидацией юридического лица (должника или кредитора), за исключением случаев, когда правовыми актами исполнение обязательства такого лица возлагается на другого субъекта. Очевидно, что п. 5.2 ст. 64 ГК РФ не может рассматриваться как исключение, в силу которого обязанности по исполнению обязательств прекращенного юридического лица могут быть возложены на субъектов, получивших его имущество.

Как следствие возникает вопрос о том, о каких лицах, «имеющих на это

---

³⁵⁹ Последнее обстоятельство было, в частности, отмечено в Определении СКГД ВС РФ от 02.12.2019 № 46-КГ19-22, 2-3730/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁰ Необходимость урегулирования на законодательном уровне отношений, возникающих при обнаружении имущества ликвидированного должника (правда, имелся в виду лишь должник несостоятельный), отмечалась в юридической литературе достаточно давно. К примеру, В.Н. Адаева предлагала применять процедуру *возобновления производства по делу* на основании восстановления и последующего погашения требований. Возобновление производства по делу о банкротстве автор определял как *особую стадию банкротства*, которая вводится в случае обнаружения имущества несостоятельного должника после его ликвидации вне зависимости от срока обнаружения, при условии соблюдения норм гражданского права о приобретательной давности. Адаева В.Н. Указ. соч. С. 9, 11, 71, 72, 125.

право», среди которых обнаруженное имущество подлежит распределению, и, соответственно, о каких правах этих лиц, говорится в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

Прежде всего, следует оценить, могут ли в качестве таких лиц выступать учредители юридического лица, обладающие правами на его имущество, на которых положения ст. 419 ГК РФ не распространяются. Однако для решения вопроса о судьбе обнаруженного имущества учредителям не требуется использовать специальную процедуру его распределения, поскольку это можно осуществить в ином порядке. Вместе с тем следует учитывать, что, по мнению Пленума ВС РФ, заявителями в процедуре распределения имущества могут выступать *участники* ликвидированного юридического лица³⁶¹, т.е. субъекты, обладавшие по отношению к организации корпоративными правами³⁶² (абз. 2 п. 3 ст. 48 ГК РФ).

С приведенной позицией Пленума ВС РФ сложно согласиться³⁶³, поскольку право учредителей (участников) на получение так называемого ликвидационного остатка прямо урегулировано в п. 8 ст. 63 ГК РФ, каких-либо отсылок к п. 5.2 ст. 64 ГК РФ указанный пункт не содержит. Порядок распределения имущества, оставшегося в ходе ликвидации после завершения расчетов с кредиторами, закреплён корпоративным законодательством³⁶⁴, соответствующая процедура носит внесудебный характер. При этом в п. 8 ст. 63 ГК РФ прямо установлено, что при наличии спора между

---

³⁶¹ В силу п. 41 Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (СПС «КонсультантПлюс») *участники* ликвидированного юридического лица, равно как и его кредиторы, не вправе самостоятельно обращаться с *обязательственными требованиями юридического лица* к его должникам, в частности с требованием *вернуть переданное в аренду имущество*, оплатить стоимость переданных товаров и т.п., в этом случае следует руководствоваться положениями п. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

³⁶² Ю.Ф. Мавриной высказаны идея, согласно которой в рассматриваемой ситуации правоспособность юридического лица не восстанавливается ни полностью, ни в части, но все права в отношении имущества осуществляются участниками-учредителями, а вопрос об обязательствах кредиторов, также претендующих на это имущество, решается через призму ответственности участников, учредителей по обязательствам компании (*Маврина Ю.Ф.* Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 4. С. 31–34).

³⁶³ Иная позиция см.: *Лянгузова Е.М.* Злоупотребления при распределении имущества ликвидированной корпорации: судебный-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 114–122.

³⁶⁴ См., напр.: ст. 58 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785), ст. 23 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» (СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1).

учредителями (участниками) относительно того, кому следует передать вещь, она продается ликвидационной комиссией с торгов.

Оснований полагать, что указанные правила не подлежат применению в случае, если имущество изначально не входило в распределенный между участниками ликвидационный остаток и было обнаружено уже после завершения процедуры ликвидации юридического лица, на наш взгляд, не имеется³⁶⁵. То обстоятельство, что в соответствии с нормами корпоративного права оставшиеся ценности распределяются между участниками ликвидационной комиссией, а после завершения ликвидации юридического лица полномочия такой комиссии прекращаются, также не являются основанием к тому, чтобы обязывать участников ликвидированной организации обращаться к судебной процедуре, предусмотренной п. 5.2 ст. 64 ГК РФ. По нашему мнению, вполне достаточно, если участники по аналогии закона повторно изберут «ликвидационную комиссию», которая и реализует нормы законов о юридических лицах, посвященные порядку распределения имущества.

В результате следует прийти к выводу о том, что разъяснения п. 41 Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 должны иметь ограниченное действие. Использование судебного порядка, сопряженного с назначением арбитражного управляющего, выглядит обоснованным только в ситуации, когда между участниками и третьими лицами, у которых находится имущество прекращенного юридического лица, существует спор о праве (о принадлежности имущества; о размере задолженности третьего лица и др.).

Таким образом, «лицами, имеющими право», должны быть признаны кредиторы ликвидированного юридического лица. Это связано с тем, что в процессе ликвидации организации требования кредиторов считаются прекращенными в силу действия сложного юридического

---

³⁶⁵ В литературе высказана противоположная позиция. См.: *Лантев В.А.* Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) // Юрист. 2020. № 12. С. 34–39.

правопрекращающего состава, обязательным элементом которого является факт «недостаточности имущества» (пп. 1 п. 1 ст. 64 ГК РФ). Соответственно, последующее обнаружение имущества ликвидированного юридического лица означает неполноту фактического состава, влекущего прекращение обязательств по результатам проведенной ликвидационной процедуры. В этом контексте п. 5.2 ст. 64 ГК РФ представляет собой специальное правило по отношению к общим п. 5.1 ст. 64 и ст. 419 ГК РФ, на такое толкование указывает и использованная законодателем в п. 5.1 ст. 64 ГК РФ формулировка – требования «считаются погашенными». Тем самым в действующее гражданское законодательство должны быть внесены изменения, а перечень исключений ст. 419 ГК РФ – дополнен ссылкой на п. 5.2 ст. 64 ГК РФ³⁶⁶.

Следующим вопросом, вызывающим дискуссию, является порядок проведения процедуры распределения имущества ликвидированного юридического лица.

По мнению некоторых авторов, исключение юридического лица из реестра влечет полное прекращение его правосубъектности – невозможно вести речь об остаточных элементах его правосубъектности, правах и обязанностях и, тем более, о каком-то его имуществе. Имущество, обнаруженное после исключения юридического лица из реестра, в том числе по истечении указанного в ГК РФ пятилетнего срока, является бесхозным, и его судьба должна определяться по правилам ст. 225 ГК РФ. Как следствие, учеными предлагается предоставить заинтересованным лицам или уполномоченным органам право на обращение в суд с заявлением о

---

³⁶⁶ Поддержка данному подходу обнаруживается в новейших правовых позициях, сформулированных ВС РФ. Так, в Определении СКЭС ВС РФ от 02.09.2020 № 302-ЭС20-9010(1,2) по делу № А58-4339/2016 (СПС «КонсультантПлюс») высшей судебной инстанцией отмечено, что на основании ст. 419 ГК РФ и после ликвидации должника-банкрота *не прекращаются* его обязательства перед кредиторами, имущественные права которых не были восстановлены до завершения конкурсного производства и ликвидации должника. Закон о банкротстве предоставляет таким кредиторам правовую возможность удовлетворить свои требования за счет иных лиц, в том числе причинивших вред при управлении должником (обратить взыскание на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами (п. 11 ст. 142), привлечь контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности (п. 3, 4 ст. 61.14), взыскать убытки с конкурсного управляющего должником (п. 4 ст. 20.4)). В этом же контексте в Определении упоминается п. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

восстановлении юридического лица в реестре и о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества. В случае невозможности осуществления данной процедуры (отсутствие средств для проведения процедуры, невозможность распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц) в удовлетворении заявления должно быть отказано, а вопрос об имуществе должен разрешаться по правилам о бесхозяйном имуществе³⁶⁷.

Представители иного взгляда на рассматриваемый вопрос, полагают, что к процедуре распределения обнаруженного имущества по аналогии закона могут применяться нормы Закона о банкротстве³⁶⁸, данный подход нашел поддержку в практике арбитражных судов³⁶⁹.

На наш взгляд, с предложенными вариантами решения рассматриваемого вопроса сложно согласиться по следующим причинам.

Прежде всего, целью введения п. 5.2 ст.64 ГК РФ является наиболее быстрое распределение имущества прекратившего существование юридического лица между заинтересованными лицами, имущественные интересы которых остались неудовлетворенными в ходе его ликвидации или реализации мер конкурсного производства, при минимизации расходов на его проведение. Использование института бесхозяйного имущества явно будет противоречить указанной цели. Аналогичным образом восстановление юридического лица в ЕГРЮЛ приведет к появлению значительного количества проблем, сложно разрешимых на практике (о перечне участников

---

³⁶⁷ Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.

³⁶⁸ См.: п. 13 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа от 10.06.2015; п. 11 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа от 06.07.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Как отмечает В.А. Лаптев, арбитражный управляющий, по сути, выступает «квазиликвидатором» юридического лица, правоспособность которого прекращена. При этом в ходе процедуры правоспособность организации не восстанавливается, поскольку процедура направлена исключительно на реализацию юридического механизма распределения обнаруженных активов среди лиц, имеющих на это право. Также из работы ученого следует, что он допускает субсидиарное применение к процедуре распределения обнаруженного имущества норм Закона о банкротстве, которые не должны противоречить существу данной процедуры (напр., в части очередности удовлетворения требований). В качестве правового основания для обращения к нормам Закона в публикации В.А. Лаптева несколько раз упоминается аналогия закона. См.: Лаптев В.А. Указ. соч. С. 34–39.

³⁶⁹ См.: Определение ВС РФ от 20.12.2017 №301-ЭС17-18621 по делу №А38-7498/2016; Определение ВС РФ от 22.10.2021 № 304-ЭС21-14144 по делу № А03-9018/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

организации, о лицах, уполномоченных действовать от имени юридического лица, о расходах на его восстановление и функционирование и т.п.).

Предложение же о возможности применения по аналогии закона конкурсного механизма, закрепленного Законом о банкротстве, может быть воспринято только как временная мера разрешения возникшего вопроса. Вместе с тем применение норм о несостоятельности к отношениям, возникающим в связи с появлением процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, имеет больше минусов, чем плюсов.

В частности, институт несостоятельности представляет собой эффективный механизм не только распределения имущества должника между его кредиторами, но и механизм, направленный на решение других вопросов, связанных с процедурой несостоятельности (оспаривание сделок, истребование имущества, привлечение к субсидиарной ответственности и др.). Это всегда экстраординарный, исключительный способ прекращения обязательств должника перед его кредиторами. Как результат, производство по делу о несостоятельности – это сложный, длительный, дорогостоящий процесс, обращение к нему не может быть оправдано только соображениями соблюдения определенной очередности и пропорциональности исполнения обязательств, для этого должна существовать необходимость применения и других элементов конкурсного механизма, направленных на наиболее полное удовлетворение притязаний кредиторов.

В то же время процедура распределения имущества, закрепленная п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, носит ограниченный характер и касается только того имущества, которое на момент ликвидации принадлежало самому юридическому лицу, а не другим субъектам. Соответственно, ее основная цель заключается в наиболее быстром и простом погашении требований соответствующих лиц, поэтому механизм решения этого вопроса, установленным Законом, явно не соответствует такой направленности.

Сложно игнорировать также установленные конкурсным правом

правила распределения расходов на проведение процедуры, поскольку распространение положения Закона о банкротстве может привести к тому, что все обнаруженное имущество будет использовано для погашения расходов на проведение самой этой процедуры.

Кроме того, следует учитывать, что конкурсный механизм в принципе не должен применяться в случаях, когда речь идет лишь о необходимости провести расчеты с определенными лицами в соответствии с установленными правилами, т.е. о ликвидации известной имущественной массы.

Буквальное толкование п. 5.2 ст. 64 ГК РФ позволяет утверждать, что процедура распределения выявленного имущества осуществляется по правилам ГК РФ о ликвидации юридических лиц³⁷⁰. Следовательно, даже в случае исключения юридического лица из ЕГРЮЛ в результате завершения процедуры конкурсного производства, законодательство о несостоятельности при осуществлении процедуры распределения обнаруженного имущества с формально-юридической точки зрения применению не подлежит. Недопустимым обращение к Закону о банкротстве будет и в том случае, если обнаруженного имущества будет недостаточно для удовлетворения всех требований кредиторов, поскольку Закон о банкротстве не регулирует процедуру распределения имущественных масс в отсутствие лица, являющегося обладателем соответствующего имущества.

---

³⁷⁰ В литературе высказан критичный взгляд на данную формулировку ГК РФ. Отмечается, что сама по себе она ничего не дает, поскольку означает в действительности необходимость обращения с заявлением о банкротстве [вот только кого? – прим. наше – Р.Ф.]. В кодексе следовало указать, что имущество распределяется пропорционально требованиям всех выявленных кредиторов. См.: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2015. С. 189.

Нам видится, что, переадресовывая правовое регулирование правилам о ликвидации юридических лиц, законодатель с большей вероятностью имел в виду применение не законоположений о банкротстве, а правил ст. 64 ГК РФ об очередности удовлетворения требований кредиторов, которая, кстати говоря, может применяться и в ситуации недостаточности имущества для осуществления расчетов со всеми кредиторами юридического лица (напр., если в отношении такого лица законодательно исключена возможность возбуждения производства по делу о банкротстве). Последнее означает, что в случае недостаточности обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица для удовлетворения всех кредиторов, не получивших причитающееся им в ходе процедуры ликвидации, отсутствует необходимость обращения к Закону о банкротстве для решения вопроса об очередности покрытия долгов. С другой стороны, следует полностью согласиться с А.В. Габовым, который оценивает как неудачное выражение «распределение имущества», поскольку правила о ликвидации допускают лишь денежные расчеты с кредиторами, но не «натуральное» исполнение обязательств перед ними. См. *Там же*. С. 189.

В результате следует прийти к выводу о том, что процедура распределения имущества юридического лица, выявленного после его ликвидации, требует более подробной законодательной регламентации, и не должна быть сведена к применению правил, подобных законодательству о несостоятельности (банкротстве).

В законодательстве Германии рассматриваемая ситуация решается иным образом. Так, применительно к немецкому «праву объединений» (Gesellschaftsrecht) следует выделить так называемое учение о двойном фактическом составе (Lehre vom Doppeltatbestand) прекращения юридического лица.

Суть его состоит в том, что окончательное прекращение (Vollbeendigung) юридического лица наступает только при одновременном наличии двух обстоятельств: погашения записи о нем в соответствующем реестре (Löschung) и полного распределения всего принадлежащего ему имущества. При отсутствии хотя бы одной из этих предпосылок общество не считается прекратившимся, т.е. утратившим свою правоспособность и юридическую самостоятельность³⁷¹.

Как указал Федеральный Верховный суд Германии, исключение из реестра не имеет правоустанавливающего действия и не влечет окончательное прекращение общества. Если после погашения записи будет установлено, что общество еще обладает имуществом, то проводится ликвидация такого общества (Abwicklung)³⁷².

Отсюда проистекает еще одно релевантное для настоящей работы

---

³⁷¹ Foerste U. Op. cit. S. 18–19. Rn. 27; Prütting H. Op. cit. § 11. S. 6. Rn. 16; Ott C., Vuia M. Op. cit. § 11. S. 268. Rn. 13; Schmidt K. Gesellschaftsrecht. Köln ; Berlin ; Bonn ; München, 2002. § 11 V 4–6. S. 312–319.

Данный подход последовательно поддерживается судебной практикой с начала 20 в. См.: Reichsgericht, Urteil vom 21.01.1918 – Rep. VI. 339/17 // RGZ. 92. S. 77 ff. Rn. 14; Bundesarbeitsgericht, Urteil vom 22.03.1988 – 3 AZR 350/86 // NJW. 1988. S. 2637 ff. Rn. 17.

Обосновывается он, в том числе, тем обстоятельством, что о погашении в реестре записи об обществе должно быть специально заявлено. В свою очередь, предпосылкой для подачи такого заявления является ликвидация предприятия такого общества (предл. 2 абз. 1 § 273 AktG; предл. 2 абз. 1 § 74 GmbHG; в отношении зарегистрированного кооператива – §§ 6, 29, абз.2 § 31 HGB).

При этом в науке подчеркивается, что правоспособность прекращенного юридического лица сохраняет свою целостность. Не может быть поддержано мнение о том, что такой субъект обладает правоспособностью, ограниченной лишь целью его ликвидации. См.: Schmidt K. Op. cit. § 11 V 4. S. 312–313.

³⁷² BGH, Urteil vom 23.02.1970 – II ZB 5/69 // BGHZ. 53. S. 264; BGH, Urteil vom 11.09.2000 – II ZR 370/99 // NJW. 2001. S. 304; Prütting H. Op. cit. § 11. S. 6. Rn. 16.

следствие. После погашения записи в реестре юридическое лицо остается активно процессуально правоспособным, что позволяет как заявлять свои требования в судебном порядке, так и быть ответчиком по делу. Более того, для сохранения пассивной процессуальной правоспособности достаточно простого утверждения истца о том, что у общества есть еще какое-то имущество, которое может служить удовлетворению требований кредиторов³⁷³. С финансовой точки зрения введение процедуры несостоятельности требует внесения авансового платежа, гарантирующего покрытие расходов по делу³⁷⁴. Данный подход правоприменительной практики был поддержан в специальной литературе³⁷⁵.

На этой доктрине основано положение абз. 3 § 11 ПоН, в силу которого открытие производства о несостоятельности допускается и после прекращения юридического лица или объединения без правосубъектности до момента, пока не произведено разделение его имущества. Данное положение составляет особенность немецкого правопорядка. Соответственно, даже если юридическое лицо уже погашено в реестре, но при этом еще не произведено окончательное распределение его имущества, его *Insolvenzfähigkeit* сохраняется³⁷⁶.

Здесь следует особо выделить мысль о том, что в рассматриваемой юридической конструкции речь не идет о допустимости открытия процедуры несостоятельности над неправосубъектной массой. Напротив, необходимой основой для принятия решения о применении к юридическому лицу механизма несостоятельности является признание за ним хотя бы процессуальной правоспособности. Является ли это аргументом в пользу

---

³⁷³ BGH, Urteil vom 04.06.1957 – VIII ZR 68/5 // WM. 1957. S. 975; BGH, Urteil vom 29.09.1967 – V ZR 40/66 // BGHZ. 48. S. 303; BGH, Beschluss vom 18.06.2015 – IX ZB 86/12 // NZI. 2015. S. 807.

³⁷⁴ BGH, Beschluss vom 10.12.2004 – IXa ZB 231/03 // ZInsO. 2005. S. 144.

³⁷⁵ *Haarmeyer H.* Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1. §§ 1–102; Insolvenzrechtliche Vergütungsverordnung (InsVV) / hrsg. von H.-P. Kirchhof. München, 2007. § 26. S. 747 Rn. 55; *Uhlenbruck W., Gundlach U.* Op. cit. § 5 S. 122. Rn. 9.

³⁷⁶ *Prütting H.* Op. cit. § 11. S. 8. Rn. 21. Не влияет на несостоятельностопособность организации отсутствие у нее законного представителя. Соответственно, исключение из торгового реестра записи об управляющем делами, к примеру, общества с ограниченной ответственностью, т.е. о единственном законном представителе этого общества, через действия которого оно совершает юридически значимые действия и принимает на себя их последствия, не влияет на его *Insolvenzfähigkeit* (Oberlandesgericht Köln, Beschluss vom 03.01.2000 – 2 W 214/99 // NZI. 2000. S. 134).

того, чтобы допустить участие в качестве должника в правоотношениях несостоятельности объединений, обладающих лишь процессуальной правоспособностью? Видится, что нет. Данный подход с очевидностью упускает из виду то обстоятельство, что юридическое лицо, запись о создании которого была погашена в соответствующем реестре, но имущество которого осталось нераспределенным, допускается к участию в процедуре несостоятельности только по той причине, что оно ранее обладало полной материальной правосубъектностью, в результате реализации которой и возникли те обязательства, кредиторы по которым добиваются исполнения после внесения указанной выше записи в реестр.

Таким образом, момент окончательного прекращения юридического лица совпадает с утратой им несостоятельноспособности³⁷⁷. Данное обстоятельство обусловлено также тем, что с указанного момента юридическое лицо более не имеет в своем самостоятельном распоряжении никакого имущества³⁷⁸.

Также следует обратить внимание на то, что открытие производства по делу о несостоятельности само по себе влечет «ропуск», прекращение (Auflösung)³⁷⁹ юридического лица с последующей ликвидацией (Abwicklung) по правилам права несостоятельности³⁸⁰. Как указывает Х. Прюттинг, в

---

³⁷⁷ *Ott C., Vuit M.* Op. cit. § 11. S. 293. Rn. 71–71a.

При этом обратная ситуация, при которой уже после окончания производства о несостоятельности, в том числе досрочного, сопровождавшегося распределением имущества должника, проведение ликвидационной процедуры по правилам корпоративного права не допускается: применительно к обществу производство о несостоятельности направлено на его полное окончание, поэтому оно не может «пережить» производство и оставить после себя имущество, свободное от процедуры несостоятельности.

³⁷⁸ Там же. § 11. S. 293. Rn. 71.

³⁷⁹ Необходимо отметить, что в немецком гражданском и торговом праве в отношении юридических лиц существует два института: прекращение юридического лица (Auflösung) и ликвидация (Liquidation; иногда также – Abwicklung). Прекращением юридического лица (Auflösung) можно обозначить начало периода времени, посредством которого юридическое лицо прекращает осуществление промысловой деятельности (gewerbliche Tätigkeit) и переходит в фазу ликвидации до момента полного окончания своего существования.

Схожая конструкция была известна российскому дореволюционному праву. Е.А. Нефедьев указывал, что торговое законодательство разграничивает понятия «прекращение» и «ликвидация». См.: *Нефедьев Е.А.* Торговое право. М., 1917. С. 222–223.

³⁸⁰ Абз. 1 § 42 BGB – зарегистрированный союз (eingetragener Verein (e.V.)); § 86 BGB – фонд (Stiftung); ном. 4 абз.1 §60 GmbHG – общество с ограниченной ответственностью; ном. 3 абз. 1 § 262 AktG – акционерное общество; абз.1 § 289 AktG, абз. 2 § 161, ном. 3 абз. 1 § 131 HGB – акционерное командитное товарищество (Kommanditgesellschaft auf Aktion (KGaA)); ном. 1 § 81a, § 101 Закона о производственных и экономических кооперативах (Genossenschaftsgesetz vom 01.05.1889 in der Fassung der Bekanntmachung vom 16.10.2006 (BGBl. I S. 2230), das zuletzt durch Artikel 17 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist) – кооператив (Genossenschaft); предл. 1 абз. 1 § 728 Abs. 1 BGB – простое товарищество; абз. 1

таком случае юридическое лицо приобретает особую правовую форму – ликвидируемого объединения (Liquidationsgesellschaft). Последнее, в соответствии изложенным выше, не утрачивает своей правосубъектности³⁸¹ и тем самым остается несостоятельноспособным и может выступать должником в процедуре несостоятельности³⁸².

Несмотря на то что юридическое лицо прекращается также с момента вступления в законную силу определения суда, которым отказано в открытии производства по делу о несостоятельности в связи с недостаточностью массы (§ 26 ПоН)³⁸³, это не является препятствием для введения процедуры несостоятельности в дальнейшем, даже если лицо будет прекращено и исключено из торгового реестра (напр., согласно ном. 5 абз.1 § 60 GmbHG). В таком случае производство о несостоятельности может быть открыто по заявлению кредитора, если объединение в дальнейшем приобретет имущество или будет внесена предварительная оплата судебных расходов (Kostenvorschuss). Также от заявителя требуется представление доказательств того, что прекращенная организация еще обладает имущественными ценностями, которые могут быть распределены³⁸⁴.

Таким образом, одна и та же проблема, связанная с установлением

---

§ 9 Закона о партнерских товариществах представителей свободных профессий (Gesetz über Partnerschaftsgesellschaften Angehöriger Freier Berufe (Partnerschaftsgesellschaftsgesetz – PartGG) vom 25.07.1994 (BGBl. I S. 1744), das zuletzt durch Artikel 7 des Gesetzes vom 22.12.2015 (BGBl. I S. 2565) geändert worden ist), ном. 3 абз. 1 § 131 HGB – партнерское товарищество; § 1 des Gesetzes zur Ausführung der EWG-Verordnung über die Europäische wirtschaftliche Interessenvereinigung (EWIV-Ausführungsgesetz; EWIVAG) (vom 14.04.1988 (BGBl. I S. 514), das zuletzt durch Artikel 16 des Gesetzes vom 23.10.2008 (BGBl. I S. 2026) geändert worden ist) и ном. 3 абз. 1 § 131 HGB – Европейское экономическое объединение интересов (Europäische wirtschaftliche Interessenvereinigung (EWIV)).

³⁸¹ Foerste U. Op. cit. S. 18–19. Rn. 27.

³⁸² Prütting H. Op. cit. § 11. S. 6. Rn. 14, 16; S. 8. Rn. 21.

³⁸³ Ном. 3 абз. 1 § 262 Закона об акциях; ном. 1 абз. 2 § 289 Закона об акциях (в отношении акционерного командитного товарищества); ном. 4 абз. 1 § 60 Закона об обществах с ограниченной ответственностью; § 81a Закона о производственных и экономических кооперативах.

³⁸⁴ BGH, Beschluss vom 16.12.2004 – IX ZB 6/04 // NZI. 2005. S. 225. Так, по одному из дел суд отказал в возбуждении производства о несостоятельности над имуществом совместного должника в связи с отсутствием конкурсной массы, в торговый реестр была внесена запись о прекращении общества, а также назначен ликвидатор. После этого общим должником в рамках другого судебного спора были получены денежные средства (было приобретено имущество). Для того, чтобы надлежащим образом распределить указанное имущество между кредиторами должника, ликвидатор обратился в суд с новым заявлением об открытии производства о несостоятельности. Земельный суд Цвайбрюкена признал такое заявление правомерным и подчеркнул, что открытию подлежит новое производство о несостоятельности. Процедура распределения массы, образовавшейся после проведения заключительного распределения в деле о несостоятельности (Nachtragsverteilung), применению не подлежит (Landesgericht Zweibrücken, Beschluss vom 20.01.2005 – 4 T 230/04 // NZI. 2005. S. 397).

юридической судьбы имущества ликвидированного юридического лица, характерна и для российского, и для германского законодательства. Ключевым обстоятельством для обоих правопорядков выступает момент, с которого юридическое лицо считается прекратившим существование: если для российского права этот момент связан только с внесением записи об исключении организации из ЕГРЮЛ, то для немецкого – обусловлен двумя обстоятельствами: исключением лица из реестра и окончательным распределением его имущества, при этом последовательность наступления указанных обстоятельств может быть любой. В результате для немецкого права вопрос о распределении имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица, решается без затруднений, поскольку само по себе наличие такого имущества свидетельствует о том, что субъект не прекратил своего существования, а значит, допустимы процедуры распределения такого имущества между всеми заинтересованными лицами.

К сожалению, использование подобного законодательного решения в российском праве невозможно, поскольку исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в принципе делает невозможным любое другое решение вопроса о моменте прекращения деятельности такого субъекта. Вместе с тем германская конструкция может быть использована для решения анализируемого вопроса, но с учетом специфики российского права. Так, в отличие от немецкой модели, в отечественном правопорядке акцент может быть смещен с фигуры ликвидированного должника на неисполненные им обязательства. Как уже было выше отмечено, содержание ст. 419 ГК РФ позволяет положительным образом разрешить возникшую ситуацию, если не рассматривать факт ликвидации должника в качестве единственного формального основания для прекращения гражданско-правовых обязательств. Поскольку для признания обязательств прекратившимися необходим сложный юридический состав, включающий в себя среди прочих и факт «недостаточности имущества», то последующее обнаружение имущества свидетельствует не о том, что юридическое лицо - должник может

быть восстановлено в реестре или за ним будет признана частичная правосубъектность, а о том, что его обязательства не прекратились и заинтересованное лицо имеет право на удовлетворение своих притязаний.

С этой точки зрения функции по распределению оставшегося имущества могут быть возложены на специально назначенного субъекта, поскольку в ситуации отсутствия должника – ликвидированного правообладателя выявленного имущества – ключевое значение приобретает не то, кто являлся собственником имущества, а то, кто вправе претендовать на него в силу сохранившихся прав требования. В этом смысле решение, закрепленное в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, представляет собой особый технико-юридический прием, позволяющий распределить выявленное имущество между заинтересованными лицами, сохранив обязательства перед ними, несмотря на прекращение должника. Представляется, что предлагаемый подход в большей степени соответствует специфике правовой ситуации в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица.

§2. Теоретические и практические проблемы признания отдельных категорий физических лиц должниками и лицами, выступающими на стороне должника, по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии

2.1. Признание недееспособных, не полностью дееспособных и умерших физических лиц должниками по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии

Впервые на современном этапе развития отечественного законодательства на возможность банкротства гражданина – индивидуального предпринимателя было указано еще в Законе СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» от 02.04.1991 № 2079-1³⁸⁵. Последовавший за ним уже после распада СССР Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению

---

³⁸⁵ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 16. Ст. 442.

несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур»³⁸⁶, как явствует уже из самого названия документа и подтверждается его содержанием, не знал такого субъекта - банкрота, как физическое лицо.

В первом нормативном правовом акте новейшего времени, специально направленном на регулирование отношений при несостоятельности (банкротстве), – Законе РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»³⁸⁷ – при определении понятия предприятия, которое может быть признано несостоятельным (банкротом), законодателем лишь упоминались не образующие юридического лица предприниматели, а также гражданин - предприниматель. При этом никаких особенностей порядка проведения производства по делу в отношении указанных субъектов закон не содержал, предполагая, что применению подлежат общие положения этого акта³⁸⁸. Непризнание потенциальными должника физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, объяснялось в литературе учетом особенностей переходного периода в России³⁸⁹.

Что касается лиц, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя, то возможность признания таких граждан несостоятельными в современном российском законодательстве впервые была предусмотрена ст. 25 ГК РФ, а также главой IX (ст.ст. 152–163) Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности

---

³⁸⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.

³⁸⁷ Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

³⁸⁸ На момент защиты в 1997 году одной из диссертаций по соответствующей теме соискатель прямо указывал, что им не были обнаружены случаи признания индивидуальных предпринимателей несостоятельными. См.: *Каримов А.А.* Правовое регулирование несостоятельности индивидуального предпринимателя: Дис. ... канд. юрид. наук. С-Пб., 1997. С. 4.

По мнению М.В. Телюкиной, отсутствие как в Законе 1992 г., так и позднее в ГК РФ 1994 г. специального порядка производства по делу о банкротстве физического лица влекло, в сущности, невозможность признания такого субъекта банкротом, поскольку недопустимым являлось применение многих норм, касающихся юридических лиц, к лицам физическим. См.: *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М., 2004. С. 118.

³⁸⁹ *Федотова Г.* Концепция законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий // Хозяйство и право. 1993. № 3. С. 11.

(банкротстве)»³⁹⁰. Однако положения о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, должны были быть введены в действие лишь с момента вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений в ГК РФ, который так и не был принят законодателем (п. 2 ст. 185 Закона 1998 г.).

Действующий в настоящее время Закон о банкротстве с момента своего принятия также содержал нормы о банкротстве граждан (глава X (ст.ст. 202–213). Тем не менее п. 2 ст. 231 заменил понятную формулировку п. 2 ст. 185 Закона 1998 г. и ввел довольно туманное по своему содержанию правило, указав, что положения о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, вводятся в действие со дня вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений и дополнений в федеральные законы³⁹¹. Ссылаясь на приведенную норму, Пленум ВАС РФ в свое время специально обратил внимание нижестоящих судов на недопустимость возбуждения дел о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями³⁹².

Поэтому длительное время и после вступления в силу Закона о банкротстве 2002 года возбуждение производства по делу на основании норм о банкротстве граждан было возможно только в отношении индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств.

В связи со вступлением в силу с 01.10.2015 большей части положений

---

³⁹⁰ Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

³⁹¹ В.Ф. Попондопуло и Е.В. Слепченко полагали, что речь в данном случае идет о правилах материально-правового характера, в частности, правилах о возможности признания несостоятельными различных категорий граждан: малолетних, несовершеннолетних, недееспособных, ограничено дееспособных, безвестно отсутствующих, объявленных умершими, умерших, а также в соответствующих случаях родителей, усыновителей, представителей, опекунов, попечителей, наследников, супругов. См.: Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В.Слепченко. С.-Пб., 2004. С. 53.

В.Н. Ткачѳв считал, что вступить в силу должны федеральные законы о внесении соответствующих изменений и дополнений в ГК РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ и другие федеральные законы. Ткачѳв В.Н. Указ. соч. С. 43–44; Ткачѳв В.Н. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России. М., 2012. С. 186.

³⁹² См.: п. 59 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». № 12. 2005.

Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ³⁹³, по сути, заменившего собой принятый ранее Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ, в России стало возможно проведение производства по делу о банкротстве над имуществом не только индивидуальных предпринимателей, но и граждан, таким статусом не обладающих.

Как справедливо отмечают С.А. Карелина и И.В. Фролов, ситуация с действием норм о банкротстве физического лица (гражданина) является для современной правовой системы России уникальной: правила формально существуют в федеральном законодательстве уже более 16 лет, но применение в правовой реальности нашли лишь недавно³⁹⁴.

Таким образом, в соответствии с действующим российским законодательством производство по делу о несостоятельности может быть открыто как над имуществом физического лица - индивидуального предпринимателя, в том числе главы крестьянского (фермерского) хозяйства, так и имуществом гражданина, не осуществляющего предпринимательскую деятельность (ст. 25 ГК РФ, п. 3 ст. 1, абз. 3 ст. 2, п. 1-3 ст. 213.1 ЗоБ).

Прежде всего требует осмысления вопрос о том, какое именно физическое лицо может быть признано несостоятельным, влияет ли на это степень его дееспособности или даже смерть.

Нормы действующего позитивного права не содержат предписаний, посвященных дееспособности должника - физического лица. По вопросу о том, может ли недееспособное лицо быть признанным несостоятельным в литературе были высказаны две противоположные точки зрения.

Г.Ф. Шершеневич допускал возможность возбуждения производства по делу о несостоятельности в отношении любых граждан, в том числе не полностью дееспособных безотносительно к основаниям отсутствия у них

---

³⁹³ Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945.

³⁹⁴ Карелина С.А., Фролов И.В. О введении института банкротства физических лиц: реальность и иллюзии // Законодательство. 2015. № 8. С. 52; Фролов И.В. Банкротство гражданина: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2.

полной дееспособности³⁹⁵.

В современном российском праве аналогичную позицию занимает и Л.М. Алфёрова, по мнению которой возбуждение дела о банкротстве возможно в отношении частично дееспособных и недееспособных граждан. В такой ситуации носителем конкурсной правосубъектности должника как участника дела о банкротстве будет являться само не полностью дееспособное лицо, а лицами, реализующими указанную правосубъектность должника, будут выступать законные представители банкрота: опекун, попечитель, усыновители, родители. Совместно названные лица составляют сторону должника в деле о банкротстве³⁹⁶.

С точки зрения Т.П. Шишмаревой, на стороне должника в конкурсе могут выступать любые физические лица, в том числе несовершеннолетние, ограниченно дееспособные, недееспособные и т.п., так как конкурс учреждается не над лицом, а в конкурсе решается судьба имущества несостоятельного должника³⁹⁷. Воля таких субъектов в правоотношении может быть выражена его законным представителем³⁹⁸.

Напротив, другие авторы полагают, что для признания физического лица несостоятельным требуется обладание им полной дееспособностью.

Так, Т.М. Сулова, проанализировав положения Закона о банкротстве 1998 года, пришла к выводу о том, что статус должника в рамках производства по делу о банкротстве могут иметь только лица, обладающие правоспособностью и полной дееспособностью, приобретшие последнюю по достижении 18 лет либо в результате вступления в брак ранее 18 лет или эмансипации³⁹⁹.

А.А. Пахаруков, а вслед за ним Е.В. Мохова, считают необходимым для потенциально несостоятельного участника гражданского оборота

---

³⁹⁵ *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. Казань, 1898. С. 130–133, 390; *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Том IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. С.-Пб., 1912. С. 211–214, 221.

³⁹⁶ *Алфёрова Л.М.* Указ. соч. С. 10, 117, 123, 156–157, 163, 164, 178.

³⁹⁷ *Шишмарева Т.П.* Правовые вопросы реорганизации и ликвидации юридических лиц вследствие несостоятельности : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 63, 150–151.

³⁹⁸ *Шишмарева Т.П.* Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 31.

³⁹⁹ *Сулова Т.М.* Несостоятельность (банкротство) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями: Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001. С. 86.

обладание деликтоспособностью. Отсюда должниками в деле о банкротстве выступают лишь полностью, относительно и ограниченно дееспособные граждане, в том числе безвестно отсутствующие. Недопустимо признание несостоятельными умерших, объявленных умершими и недееспособных лиц⁴⁰⁰.

В арбитражной практике было высказано мнение о том, что гражданин, не достигший совершеннолетнего возраста, «не обладает процессуальным правом на свое банкротство»⁴⁰¹.

Следует подчеркнуть, что современному российскому Закону о банкротстве не известно такое основание для отказа в принятии заявления о признании должника банкротом или прекращения производства по делу о банкротстве, как неполная дееспособность лица, в отношении которого подано указанное заявление или возбуждено названное производство (ст. 43, 57 ЗоБ).

Логическим следствием из данного суждения является вывод о том, что должником в конкурсе могут быть любые физические лица, в том числе несовершеннолетние, ограниченно дееспособные, недееспособные и т.п. Для судебной практики характерно такое понимание действующего законодательства. Так, по одному из дел арбитражный суд, совершенно оправданно указав на то, что воля гражданина, признанного судом недееспособным, как субъекта в правоотношении несостоятельности может быть выражена его законным представителем – опекуном, сначала приостановил производство по делу о банкротстве до назначения недееспособному гражданину-должнику представителя (опекуна), а после этого, возобновив производство по делу, последовательно ввел в отношении недееспособного должника процедуры, применяемые в деле о банкротстве

---

⁴⁰⁰ *Мохова Е.В.* Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 49–51; *Пахаруков А.А.* Указ. соч. С. 58–59.

⁴⁰¹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2016 по делу № А12-4504/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (судебный акт обжалован не был).

физического лица, т.е., в том числе, признал указанное лицо банкротом⁴⁰².

Дискуссионным в науке конкурсного права является вопрос о возможности признания несостоятельным умершего гражданина.

Отметим, что в связи с дополнением с 01.10.2015 главы X Закона о банкротстве параграфом 4 обсуждение проблемы признания несостоятельным умершего лица приобрело новый импульс. В неразрывной связи с обозначенным вопросом находится другая проблема: что представляет собой наследственная масса в рамках производства по делу о банкротстве в случае смерти должника; какую роль в этом производстве играют наследники должника; кто наделяется статусом должника в производстве по делу о банкротстве над имуществом умершего субъекта.

Смерть гражданина и возможность признания его несостоятельным – вопрос, который корнями уходит в дореволюционное российское право. В ряде законодательных актов того периода прямо говорится о несостоятельности умершего лица.

Так, ст. 5 приложения к примечанию 1 ст. 1238 ч. I т. X кн. 3 Свода законов Российской империи 1832 года устанавливала в отношении лиц, «производивших торговлю», правило: «Если же наследники от платежа долгов умершего отрекутся и о том в суде объявят, или они по публикациям на срок не явятся, или же кредиторы им не поверят, то сие почитается *признаком торговой несостоятельности умершего* [курсив наш. – Р.Ф.], и все его имение поступает в распоряжение конкурсного управления, на основании правил, изложенных в Уставе Судопроизводства Торгового»⁴⁰³.

Практически аналогичная норма содержалась в п. 3 ст. 405 Устава судопроизводства торгового 1903 года⁴⁰⁴. В целом ряде разъяснений к

---

⁴⁰² Определения Арбитражного суда Чувашской Республики – Чувашии от 29.04.2016, от 11.07.2016, от 12.07.2016 по делу № А79-9645/2015, решение Арбитражного суда Чувашской Республики – Чувашии от 16.02.2017 по делу № А79-9645/2015 // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

⁴⁰³ Свод законов Российской Империи. Том X. Часть 1-я. С.-Пб., 1900. С. 140. О несостоятельности наследодателя упоминается также в ст. 12 указанного приложения.

⁴⁰⁴ *Нюренберг А.М.* Устав судопроизводства торгового. По официальному изданию 1903 года, измененный и дополненный по действующим продолжениям и позднейшим узаконениям, с разъяснениями по решениям бывшего IV. судебного и гражданского кассационного департамента и общих собраний Правительствующего Сената и с приложением соответствующих статей уставов: гражд. судопроизводства,

указанному пункту Устава А.М. Нюренберг пишет об объявлении именно умершего лица, производившего торговлю (торгового лица, купца), несостоятельным должником⁴⁰⁵.

Г.Ф. Шершеневич полагал, что смерть должника не является препятствием для объявления несостоятельности. Одновременно с этим справедливы рассуждения цивилиста о том, что, несмотря на буквальное прочтение текста закона, речь в данном случае не идет о признании несостоятельным непосредственно умершего лица.

По мнению указанного автора, хоть в законодательстве и говорится о том, что при объявлении несостоятельным умершего «должник считается несостоятельным», имея в виду физическое лицо, однако же следует учитывать, что такого субъекта больше не существует. Поэтому данное указание закона необходимо признать приемом законодательной техники – фикцией – «искусственным сохранением имущественного единства путем сплочения юридических отношений около субъекта, не соответствующего какому-либо живому человеку», а именно «замаскированного юридического лица»⁴⁰⁶.

Соглашаясь с общей идеей: о несостоятельности умершего лица возможно говорить только имея в виду состояние активов наследственного имущества и его соотношение с оставшимися долгами наследодателя, тем не менее не находим оснований для признания несостоятельным самой наследственной массы как юридического лица по причинам, которые будут приведены ниже.

Еще один дореволюционный ученый В.Л. Исаченко придерживался схожего мнения: поскольку в законе отсутствуют какие-либо исключения, несостоятельными могут быть признаны «люди всякого звания и положения,

---

торгового, кредитного и о гербовом сборе и алфавитно-предметного указателя. М., 1913. С. 240. По мнению Г.Ф. Шершеневича, не разделявшему мнение Сената, указанные в п. 3 ст. 405 обстоятельства могут повлечь за собой несостоятельность умершего только в связи с общими признаками, дающими основания предполагать неоплатность – несоразмерность наследства с долгами. См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Том IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. С.-Пб., 1912. С. 217, 218.

⁴⁰⁵ *Нюренберг А.М.* Указ. соч. С. 241, 242.

⁴⁰⁶ *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 217.

всякого пола и возраста, следовательно, и лица, состоящие под опекой <...>, и даже умершие»⁴⁰⁷.

Отметим, что взгляд на признание несостоятельным (банкротом) именно умершего (объявленного умершим) гражданина представлен и в современной российской доктрине. Профессор В.Ф. Попондопуло еще до принятия Закона о банкротстве 2002 г. писал: «<...> законодательно необходимо решить вопрос о возможности признания банкротами таких категорий граждан, как <...> объявленные умершими или умершие»⁴⁰⁸.

Ю.С. Поваров в настоящее время полагает, что в случае возбуждения дела о банкротстве после смерти гражданина-должника «банкротом признается именно умерший гражданин»⁴⁰⁹. Схожую точку зрения высказывает Л.М. Алфёрова, утверждающая, что в действующей редакции Закона о банкротстве закреплён институт признания несостоятельным (банкротом) гражданина умершего или признанного умершим⁴¹⁰.

В ранее действовавшей редакции (до 01.10.2015) главы X Закона о банкротстве возможность проведения процедуры несостоятельности над наследственной массой не регламентировалась, а специальные положения на случай смерти должника - индивидуального предпринимателя не устанавливались. В конкретных же делах арбитражные суды, установив факт смерти должника - индивидуального предпринимателя, в том числе главы крестьянского (фермерского) хозяйства, прекращали производство по делу о несостоятельности и отказывали в замене такого должника на его правопреемников в материальных правоотношениях – наследников, тем самым признавая невозможным процессуальное правопреемство в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя в случае его смерти в период

---

⁴⁰⁷ Исаченко В.Л. Указ. соч. С. 348.

⁴⁰⁸ Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учеб. пособие. М., 2001. С. 22.

⁴⁰⁹ Поваров Ю.С. Особенности рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 255–272.

⁴¹⁰ Алфёрова Л. М. Указ. соч. С. 124.

проведения процедуры банкротства⁴¹¹.

Сложившаяся в тот период правоприменительная практика прекращения производства по таким делам выявила два существенных для участников дела о банкротстве вопроса. Прежде всего, для кредиторов: каким образом и в какой очередности будут удовлетворяться их притязания к умершему должнику, а также – для арбитражного управляющего: в каком порядке должны быть погашены расходы по делу о банкротстве.

Что касается возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе на выплату вознаграждения арбитражному управляющему, суды ранее исходили из того, что при наличии у должника имущества, достаточного для покрытия судебных расходов по делу о банкротстве, указанные расходы подлежат погашению за счет такого имущества посредством предъявления соответствующего требования в пределах сроков исковой давности к принявшим наследство наследникам, а в случае недостаточности имущества должника – должны быть покрыты заявителем по делу о банкротстве⁴¹². Вместе с тем некоторые арбитражные суды оценивали приведенный подход как ошибочный⁴¹³.

Президиумом ВАС РФ была поддержана первая из обозначенных точек зрения, подчеркнув: *«не может быть признан правильным вывод <...> о невозможности правопреемства в случае смерти должника - индивидуального предпринимателя. <...>* Поскольку суммы, предъявленные ко взысканию в силу п. 1 ст. 59 Закона о банкротстве относятся на имущество

---

⁴¹¹ Примечательно, что именно такой подход нашел отражение в абз. 4 п. 6 Проекта Постановления Пленума ВАС РФ «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» (по состоянию на 12.05.2011, режим доступа: http://arbitr.ru/_upimg/3B70507EF0B9DC4C2BEEF735BCBAE97D_ДОПОЛНЕНИЕ_НА_12.05.2011.pdf). Из текста итогового варианта постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 (ред. от 06.06.2014) «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» (Вестник ВАС РФ. 2011. № 9) соответствующее разъяснение было изъято.

⁴¹² По одному из дел ФАС Поволжского округа указал: «<...> положения статьи 59 Закона о банкротстве не предусматривают возложение выплаты расходов по делу о банкротстве на заявителя в случае смерти должника и наличия имущества, принятого наследниками» (постановление от 14.12.2011 по делу № А72-18274/2009 // СПС «КонсультантПлюс»). В основе лежит идея, выраженная в постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2011 по делу № А46-7956/2010 (СПС «КонсультантПлюс»): прекращение дела о банкротстве в связи со смертью должника не означает прекращение материальных правоотношений в денежных обязательствах, если исполнение может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно не связано с личностью должника.

⁴¹³ См.: постановления ФАС Уральского округа от 05.03.2012 и от 07.09.2012 № Ф09-1147/12 по делу № А60-14066/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

должника и возмещаются за счет этого имущества, обязанность должника по уплате задолженности носит имущественный характер и не обусловлена его личным исполнением. В связи с этим оснований полагать, что она неразрывно связана с личностью должника, не имеется. Поэтому возникшее правоотношение допускает правопреемство»⁴¹⁴. Однако в связи с тем, что собственно прекращение производства по делу о несостоятельности предметом оспаривания не являлось, Президиум ВАС РФ не дал однозначного ответа о его юридической судьбе в случае смерти должника, ограничившись общим указанием на то, что действия суда первой инстанции, прекратившего производство по делу о банкротстве со ссылкой на п. 6 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, *неправомерны*, а арбитражный управляющий по этому делу не лишен права в силу ст. 1151, 1159, 1175 ГК РФ⁴¹⁵ предъявить соответствующее требование правопреемнику(ам) умершего должника⁴¹⁶.

Возвращаясь к поставленным выше проблемам и отвечая на вопрос о порядке удовлетворения требований кредиторов в случае прекращения производства по делу о банкротстве в связи со смертью должника, осуществлявшего предпринимательскую деятельность, отметим, что действовавшее в обозначенный период законодательство не устанавливало специальных положений на этот счет. Следовательно, кредиторы должника, в связи со смертью которого было прекращено производство по делу, могли потребовать погашения задолженности перед ними у наследников указанного лица, но только в общем порядке и только в пределах стоимости перешедшего к указанным правопреемникам наследственного имущества.

---

⁴¹⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 04.06.2013 № 17530/12 по делу № А60-14066/2009 // СПС «КонсультантПлюс». Этим постановлением отменены указанные в предыдущей сноске постановления ФАС Уральского округа.

⁴¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁴¹⁶ Стоит отметить, что влед за принятием указанного постановления Президиума ВАС РФ изменилась и практика нижестоящих судов. Так, ФАС Уральского округа по одному из дел пришел к выводу о том, что «действующее законодательство предусматривает правовой механизм получения удовлетворения имущественных требований кредиторами умершего за счет имущества последнего, для чего такие кредиторы вправе предъявить претензии к нотариусу по месту открытия наследства, а также требования к лицам, унаследовавшим имущество умершего (ст. 63 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, ст. 1175 ГК РФ)» (см.: постановление ФАС Уральского округа от 26.08.2013 № Ф09-8560/13 по делу № А47-7842/2012 // СПС «КонсультантПлюс»).

С 01.10.2015 в текст главы X Закона о банкротстве был включен § 4, состоящий всего из одной статьи (223.1) и посвященный регулированию особенностей рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти⁴¹⁷. Правила ст.223.1 Закона о банкротстве позволяют как возбуждение производства по делу о банкротстве гражданина после его смерти или объявления его умершим⁴¹⁸, так и применение в деле о банкротстве гражданина, умершего при рассмотрении его дела о банкротстве, правил § 4 гл. X с переходом к реализации имущества (для крестьянских (фермерских) хозяйств – к конкурсному производству) в случае, если изначально в деле о банкротстве применялась реструктуризация долгов гражданина.

По данной категории дел принципиальным является вопрос о том, кто является должником в производстве по делу о банкротстве в случае смерти (объявления умершим) гражданина - должника, и какое положение в таком деле занимают наследники умершего лица.

В соответствии с разъяснениями к ранее действовавшей редакции п. 2 ст. 223.1 Закона о банкротстве, изложенными в п. 48 постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» от 13.10.2015 № 45⁴¹⁹ наследники умершего лица, а до их определения исполнитель завещания⁴²⁰ или нотариус привлекаются судом к участию в деле о банкротстве *в качестве заинтересованных лиц по вопросам, касающимся наследственной массы, с правами лица, участвующего в деле о банкротстве*. Указанные лица должниками по смыслу Закона о банкротстве не становятся.

Несколько иной подход изложен законодателем в действующей редакции п. 4 ст. 223.1 Закона о банкротстве: в случае смерти гражданина

---

⁴¹⁷ Отметим, что Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст.11) в текст Закона о банкротстве, в сущности, введена совершенно новая редакция § 4 (ст. 223.1).

⁴¹⁸ В дальнейшем с целью избежания загромождения текста работы речь будет идти только о смерти гражданина, что, за отсутствием указаний об ином, будет охватывать и указанную в законе альтернативу – объявление гражданина умершим.

⁴¹⁹ Бюллетень ВС РФ. 2015. № 12. Далее – ПП ВС РФ от 13.10.2015 № 45.

⁴²⁰ В тексте действующей редакции Закона о банкротстве исполнитель завещания не упоминается.

или объявления его умершим *его права и обязанности в деле о его банкротстве* по истечении срока, установленного законодательством для принятия наследства, *осуществляют принявшие наследство наследники гражданина*. Причем наследники признаются *лицами, участвующими в деле о банкротстве гражданина*. До истечения срока, установленного для принятия наследства, нотариус по месту открытия наследства является *лицом, участвующим в процессе по делу о банкротстве гражданина*, и осуществляет соответствующие полномочия⁴²¹.

Из буквального толкования указанных положений следует, что сфера применения данных правил охватывает как правоотношения несостоятельности в случае смерти гражданина, над имуществом которого уже возбуждено дело о банкротстве, так и правоотношения по возбуждению дела о банкротстве гражданина после его смерти.

Таким образом, в Законе о банкротстве в отношении производства по делу о банкротстве в случае смерти гражданина - должника закреплена та же субъектная трактовка понятия должника и его способности быть признанным несостоятельным, что господствовала ранее в судебной практике применительно к гражданину - индивидуальному предпринимателю: процедура несостоятельности затрагивает только строго определенного, конкретного субъекта права. Правопреемство в материальных правах и обязанностях не приводит к приобретению статуса должника в деле о банкротстве.

Вместе с тем интерес вызывает наметившаяся, на первый взгляд, в правоприменительной практике тенденция признания несостоятельными (банкротами) самих наследников.

Так, после смерти заемщика по кредитному договору в отношении

---

⁴²¹ Из буквального толкования названной нормы следует, что в случае смерти гражданина-должника производство по делу о его банкротстве не приостанавливается, его правами и обязанностями в деле наделяется либо нотариус по месту открытия наследства (до истечения установленного законом срока для принятия наследства), либо наследники (после истечения указанного срока). См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.06.2018 № Ф09-1951/17 по делу № А60-52847/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

троих его сыновей - наследников арбитражным судом было возбуждено три самостоятельных производства по делу о несостоятельности⁴²².

Во всех делах суды исходили из того, что «банкротство умершего гражданина, по сути, является применением конкурсных процедур в отношении *обособленного имущества* [здесь и далее курсив наш – Р.Ф.]» и что «применение специальных правил параграфа 4 главы X Закона о банкротстве обусловлено прежде всего *сохранением возможности разграничения имущества, входящего в состав наследства, и имущества наследника, то есть сепарацией наследственной массы*, за счет которой кредиторы наследодателя могут удовлетворить свои требования».

В рассматриваемых делах наследники приняли наследство и произвели раздел большей части наследственной массы; несмотря на наличие вступившего в законную силу решения суда общей юрисдикции о взыскании с них солидарно в пользу кредитора - банка задолженности и обращении взыскания на предмет залога, задолженность не погасили; совершили сделки, направленные на безвозмездный вывод полученного наследственного имущества из своих активов⁴²³. В результате арбитражные суды, придя к выводу о том, что сепарация наследственной массы при таких обстоятельствах дела затруднительна, поскольку «как таковой наследственной массы уже нет» и что требование о возврате кредитной задолженности предъявлено банком уже после вступления наследников в права наследования, отказали в применении в деле параграфа 4 главы X Закона о банкротстве и признали несостоятельными (банкротами) наследников (каждого в самостоятельном производстве)⁴²⁴.

---

⁴²² Дела № А60-25086/2016, № А60-25201/2016 и № А60-25203/2016 // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>. Во всех делах определения о признании несостоятельными (банкротами) были вынесены по заявлению одного и того же кредитора (банка), основывались на одном и том же требовании, и финансовым управляющим назначался один и тот же арбитражный управляющий (см: определение Арбитражного суда Свердловской области от 21.02.2017 по делу № А60-25203/2016, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-4093/2017-ГК от 12.05.2017 по делу № А60-25203/2016 // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

⁴²³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-4002/17 от 08.08.2017 по делу № А60-25086/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁴ Определение Арбитражного суда Свердловской области от 21.09.2016 по делу № А60-25201/2016; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-4460/2017-ГК от 04.05.2017 по

Также следует обратить внимание на то обстоятельство, что по одному из дел суд кассационной инстанции в обоснование принятого решения о признании несостоятельным (банкротом) одного из наследников сослался на его недобросовестное поведение (ст.10 ГК РФ), выразившееся в совершении им недобросовестных действий по выводу наследственного имущества⁴²⁵.

Сформулированную позицию нельзя назвать безупречной. Введение процедур несостоятельности в отношении правопреемников наследодателя – заемщика явилось следствием недобросовестного поведения с их стороны, выразившегося в получении наследственного имущества, непринятии мер по удовлетворению требования кредитора и стремлении скрыть полученное в порядке наследования имущество от кредиторов. Признание должников несостоятельными (банкротами) позволило обратиться в данном деле к нормам Закона о банкротстве об оспаривании сделок должника и признать недействительными сделки по отчуждения предметов, входящих в состав наследственной массы.

Однако же в ГК РФ не закреплено такое последствие недобросовестного поведения участников гражданского оборота, как возбуждение в отношении всего их имущества производства по делу о несостоятельности. Не нашло отражения недобросовестное поведение наследника в качестве основания для признания его несостоятельным и в тексте Закона о банкротстве.

Представляется, что в основу соответствующих судебных актов на самом деле положена неудачная идея не недобросовестного поведения наследников как такового, а неправомерные действия правопреемников, повлекшие смешение наследственной массы и их собственного имущества. Пункт 1 ст. 1175 ГК РФ устанавливает, что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно, и каждый из таких

делу № А60-25201/2016; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-663/2017-ГК от 06.04.2017 по делу № А60-25086/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

⁴²⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-4002/17 от 08.08.2017 по делу № А60-25086/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

наследников отвечает в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Соответственно, пределом ответственности наследника является стоимость перешедшего к нему имущества, а не само это имущество как совокупность объектов гражданских прав.

Таким образом, под сепарацией в рамках производства по рассматриваемому конкретному делу о несостоятельности над наследственной массой суд понимает лишь ограничение стоимости имущества, на которое могут претендовать кредиторы наследодателя, что не соответствует положению абз. 1 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве, устанавливающему, что к конкурсной массе в производстве по делу о банкротстве умершего лица относится только *имущество*, составляющее наследство физического лица, признанного банкротом, т.е. наследодателя.

С этой точки зрения, само по себе смешение двух имущественных масс – наследства и личного имущества наследника – нельзя признать достаточным для возбуждения производства по делу о несостоятельности над всем имуществом наследника, что по существу означает также неприменение принципа ограниченной ответственности наследника по долгам наследодателя, что прямо не предусмотрено действующим законодательством.

Следующим вопросом, требующих осмысления, является вопрос о статусе наследника умершего должника в деле о несостоятельности (банкротстве) последнего.

Относительно недавно Конституционный Суд РФ совершенно верно отметил, что процессуальное законодательство (ст. 44 ГПК РФ) предусматривает примерный (открытый) перечень оснований для процессуального правопреемства, и его ограничительное толкование недопустимо. Соответственно, процессуальное правопреемство возможно при материальном правопреемстве (универсальном или сингулярном) как в правоотношениях обязательственной природы (перемена лиц в обязательстве), так и в абсолютных правоотношениях (переход права

собственности на вещь, требование о защите от нарушений которого рассматривается судом)⁴²⁶.

При решении вопроса о статусе наследника в деле о банкротстве умершего наследодателя в доктрине высказаны различные мнения.

С точки зрения С.С. Ломакина и В.Р. Бугровой, банкротство умершего гражданина является *применением конкурсных процедур в отношении обособленного имущества*, поскольку предпосылкой для применения § 4 выступает сохранение возможности разграничения имущества, входящего в состав наследства, и имущества наследника, то есть сепарация наследственной массы; наследник, принявший наследство, обремененное долгами наследодателя, должником в процедуре, проводимой по общим правилам Закона в отношении физических лиц, являться не может, так как у такого наследника отсутствуют личные непогашенные обязательства перед кредиторами наследодателя⁴²⁷.

По мнению Ю.С. Поварова, наследника нельзя считать ни представителем умершего, поскольку «представитель способен совершать действия от имени и в интересах лишь правосубъектного лица», ни должником - банкротом, несмотря на приобретение им с момента открытия наследства права собственности на наследственное имущество, что подтверждается п. 48 Постановления Пленума № 45⁴²⁸.

Схожий взгляд на проблему изложен Е.А. Кирилловой, которая также полагает, что наследники, вступившие в наследство, в деле о банкротстве, которое возбуждено уже после смерти наследодателя, должниками не являются⁴²⁹.

С приведенными подходами сложно согласиться по следующим основаниям. «Слабым местом» системы аргументации, стремящейся

---

⁴²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского» от 16.11.2018 № 43-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁷ Ломакин С.С., Бугрова В.Р. Актуальные проблемы обращения взыскания на наследственную массу в процедурах банкротства гражданина // *Наследственное право*. 2020. № 1. С. 29–34.

⁴²⁸ Поваров Ю.С. Указ. соч.

⁴²⁹ Кириллова Е.А. Институт банкротства наследственной массы в российском гражданском праве: проблемы практики // *Нотариус*. 2018. № 2. С. 23–28.

подтвердить вывод о том, что наследник не становится должником в деле о банкротстве над имуществом наследодателя, всегда является то обстоятельство, что она охватывает лишь «негативную» сторону правового положения наследника: «наследник не становится должником», «наследник не является представителем» и пр. Но возникает закономерный вопрос: а кем же тогда является наследник в деле о банкротстве? Да, Закон о банкротстве указывает, что принявший наследство правопреемник «осуществляет права и обязанности» умершего гражданина и признается лицом, участвующим в деле о банкротстве. Действительно, круг лиц, участвующих в деле о банкротстве назван в п. 1 ст. 34 Закона о банкротстве неисчерпывающим образом, в отдельных статьях Закона соответствующий статус придается и другим субъектам⁴³⁰.

Вместе с тем особенность положения наследника, по сравнению с таким субъектами, заключается в том, что именно он является обладателем активов, заключенных в имущественной массе, составляющей, в свою очередь, предмет притязаний со стороны кредиторов в деле о банкротстве; в деле о банкротстве он защищает свои права и имущественные интересы, поскольку только на него нормами материального права возложена (ограниченная) ответственность по долгам перед такими кредиторами; только применительно к наследнику, а не умершему гражданину, решается вопрос о включении, например, жилого помещения, перешедшего к первому из указанных лиц по наследству, в состав конкурсной массы. Также особенность статуса наследника заключается в том, что он не совершал действий, повлекших неспособность наследодателя к полному

---

⁴³⁰ Закон о банкротстве называет кредиторов или иных лиц, в отношении которых совершена оспариваемая сделка или о правах и об обязанностях которых может быть принят судебный акт в отношении оспариваемой сделки, лицами, участвующими в рассмотрении арбитражным судом заявления об оспаривании сделки должника (абз. 1 п. 4 ст. 61.8); лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчик по этому заявлению (п. 1 ст. 61.15); представители собственника имущества должника - унитарного предприятия, а также учредителей (участников) должника в ходе конкурсного производства обладают правами лиц, участвующих в деле о банкротстве (п. 3 ст. 126); при рассмотрении дела о банкротстве градообразующей организации лицом, участвующим в деле о банкротстве, признается соответствующий орган местного самоуправления, также в качестве таких лиц арбитражным судом могут быть привлечены федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации (п. 1, 2 ст. 170).

удовлетворению лежащих на нем обязательств, что является атрибутом субъектной концепции должника, воплощенной в российском правопорядке.

В этой связи мы полагаем, что за наследниками должен быть признан особый статус – *лиц, участвующих в деле о банкротстве на стороне должника*. Именно наследники выступают в деле как универсальные правопреемники наследодателя, обладающие материальной и процессуальной правоспособностью, защищающие в процедуре несостоятельности собственные имущественные интересы и являющиеся носителями того имущества, которое «отвечает» перед строго определенными кредиторами – контрагентами наследодателя.

К числу дискуссионных вопросов следует также отнести вопрос о возможности возбуждения дела о банкротстве над выморочным имуществом.

В силу п. 1, 2 ст. 1151 ГК РФ в случае, если отсутствуют наследники, как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника, имущество умершего считается выморочным, оно поступает в собственность публично-правовых образований.

Если имущество приобрело статус выморочного, то в силу принципа универсальности (целостности) наследственной массы⁴³¹ публичные образования отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости приобретенного ими имущества. В этой связи возможен партикулярный (сепаратный) конкурс, строго ограниченный по своему предмету выморочным имуществом. Иное решение данного вопроса приводит к необоснованному ущемлению прав кредиторов того наследодателя, у которого, условно говоря, нет наследников.

Не умаляют сделанного вывода положения абз. 1 п. 4 ст. 223.1 Закона о банкротстве, в силу которых права и обязанности умершего гражданина

---

⁴³¹ Крашенинников П.В. Наследственное право. М., 2016. С. 42.

осуществляют его наследники, *принявшие* наследство⁴³². Специфика института выморочного имущества, не требующего для его приобретения принятие наследства публичным образованием, не влияет на обязанности публично-правового образования по погашению долгов, перешедших к нему в порядке универсального правопреемства от наследодателя, и не препятствует привлечению указанного субъекта к участию в деле на стороне должника - умершего гражданина.

По существу в данном случае речь идет об исключении из общего правила, в силу которого публично-правовые образования не могут быть признаны должниками в деле о банкротстве (ст. 65 ГК РФ). Наделение указанных субъектов особым статусом «лиц, участвующих на стороне должника» позволяет учитывать не только специфику правового положения публичных образований в гражданских отношениях (ст. 2, 124 ГК РФ), но и позволяет соблюсти принцип равенства участия данных субъектов в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с физическими и юридическими лицами⁴³³.

Далее обратимся к законодательному регулированию участия физического лица в производстве о несостоятельности по законодательству Германии.

Физические лица могут осуществлять предпринимательскую деятельность как коммерсанты либо индивидуально, либо будучи участниками персонального товарищества⁴³⁴. Наряду с лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, немецкий законодатель наделяет особым статусом, так называемых лиц свободных профессий, работающих на основе гонораров⁴³⁵.

Согласно предл. 1 абз. 1 § 11 ПоН производство по делу о

---

⁴³² Поваров Ю.С. Указ. соч.

⁴³³ В литературе высказана иная точка зрения. См.: Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 117–118.

⁴³⁴ Коммерческое (торговое) право зарубежных стран : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. Ф. Попондопуло [и др.] ; отв. ред. В. Ф. Попондопуло, О. А. Макарова. М., 2014. С. 36.

⁴³⁵ К свободным профессиям относится, к примеру, деятельность в области науки, медицины, а также в воспитательно-педагогической и творческой областях.

несостоятельности может быть открыто над имуществом любого физического лица. В этой связи в силу прямого указания закона все физические лица объявлены в Германии обладающими несостоятельностью (*Insolvenzfähigkeit*).

Понятие физического лица в ПоН специально не раскрывается. Особенности физических лиц как субъектов права урегулированы прежде всего в нормах ГГУ, а также ГПУ. Согласно § 1 ГГУ правоспособность человека начинается с момента окончания его рождения. Иные аспекты понятия правоспособности (определение понятия, содержание, ограничение и прекращение правоспособности) разработаны в немецкой доктрине⁴³⁶.

Традиционно под правоспособностью понимается способность лица быть субъектом правоотношений, т.е. обладателем прав и адресатом обязанностей⁴³⁷. Под процессуальной правоспособностью понимается способность выступать стороной процесса⁴³⁸, т.е. способность в предусмотренном порядке быть активным или пассивным объектом

---

⁴³⁶ При этом ученые во многом основывают свои выводы на содержании Мотивов к Проекту ГГУ для Немецкого Рейха 1888 года, в которых изложено разъяснение разработчиков указанного проекта по ключевым положениям будущего ГГУ. См.: *Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Band I. Allgemeiner Theil. Amtliche Ausgabe. Berlin und Leipzig, 1888. S. 28 ff.* // <https://archive.org/details/motivezudemtw01germgoog/page/n5/mode/2up>.

⁴³⁷ Для начала правоспособности требуется, чтобы ребенок полностью покинул утробу матери, при этом перерезание пуповины не является обязательным, и прожил хотя бы «одно мгновение», для чего достаточно проявления несомненных признаков устойчивой жизнедеятельности (дыхание, сердцебиение, электрическая активность мозга).

Еще не родившийся ребенок правоспособностью не обладает. Тем не менее интересы утробного плода, под условием последующего рождения, пользуются широкой охраной со стороны законодателя (§§ 844 II 2, 1594 IV, 1615o I 2, 1712-1714, предл. 2 § 1774, 1912, 1923 II, 2043, 2108 ГГУ) и судебной практики (BGH, Urteil vom 06.12.1988 – VI ZR 132/88 // wolterskluwer-online.de). Это приводит некоторых авторов к мысли о том, что *Nasciturus* обладает «неполной правоспособностью» или «частичной правоспособностью» и в отношении указанных прав за ним следует признать правоспособность; данные права подлежат осуществлению законными представителями – будущими родителями (§ 1912 II ГГУ) или попечителем (*Pfleger*) (§1912 I ГГУ). См.: *Gehrlein M. Zivilprozessordnung : Kommentar / hrsg. von H. Prütting, M. Gehrlein, Köln, 2016. § 50. S. 239. Rn. 14.*

Оканчивается правоспособность со смертью человека, констатация которой осуществляется при помощи медико-биологических признаков, а именно установления смерти головного мозга (отсутствия электрической активности в нем). В случае объявления умершим безвестно отсутствующего момент его смерти (включая время смерти) устанавливается в определении суда; в качестве такового указывается наиболее вероятный по результатам проведенного исследования момент времени (абз. 2 § 9 Закона о безвестном отсутствии (*Verschollenheitsgesetz vom 04.07.1939 in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 401-6, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 182 der Verordnung vom 31.08.2015 (BGBl. I S. 1474) geändert worden ist*)).

Подробнее о правоспособности см.: *Allgemeiner Teil des BGB / begr. von H. Brox; seit der 31. Aufl. allein fortg. von W.-D. Walker. München, 2016. S. 306-311. Rn. 702-714; Gehrlein M. Op. cit. § 50. S. 239. Rn. 14; Prütting H. Op. cit. § 11. S. 5. Rn. 11.*

⁴³⁸ *Musielak H.-J., Voit W. Op. cit. S. 84. Rn. 238.*

процесса, а следовательно, юридическое полномочие участвовать в качестве истца или ответчика в исковом производстве (*Urteilsverfahren*), заявителя или ответчика по заявлению в *Beschlussverfahren*, а также кредитора или должника в исполнительном производстве⁴³⁹.

В настоящем исследовании уже говорилось о том, что по общему правилу правоспособности материального права корреспондирует правоспособность права процессуального. Согласно абз. 1 § 50 ГПУ «способностью быть стороной процесса»⁴⁴⁰ (*parteifähig, Parteifähigkeit*) обладает тот, кто правоспособен (в смысле материального права). Как указал Федеральный Верховный Суд Германии еще в 1993 году, действующее процессуальное право основано на параллельном существовании материальной и процессуальной правоспособности⁴⁴¹. Следовательно, все ранее сказанное применимо и при раскрытии понятия способности быть стороной процесса.

Аналогичным образом *Insolvenzfähigkeit* физических лиц как разновидность пассивной процессуальной правоспособности начинается с момента окончания рождения⁴⁴² и заканчивается со смертью лица⁴⁴³. Данное обстоятельство обусловлено правовой природой самого производства по делу о несостоятельности, которое, как уже было указано в настоящей диссертации, рассматривается в немецкой доктрине как сводное исполнительное производство (*Gesamtvollstreckungsverfahren*)⁴⁴⁴.

Так же, как и по вопросу о сущности *Insolvenzfähigkeit* как правовой категории, не совсем однозначно в немецкой литературе решается вопрос и об основаниях *Insolvenzfähigkeit* физических лиц.

По мнению Р. Борка, данное решение законодателя обусловлено

---

⁴³⁹ *Gehrlein M.* Op. cit. § 50. S. 238–239. Rn. 10.

⁴⁴⁰ Именно этот термин обозначает в немецком праве процессуальную правоспособность. В дальнейшем мы будем использовать последний из названных терминов.

⁴⁴¹ BGH, Urteil vom 17.05.1993 – II ZR 89/92 // BGHZ. 122. S. 342, 345. Как было показано в работе ранее, в настоящее время между данными категориями нет полного соответствия.

⁴⁴² Не будучи, как ранее уже говорилось, правоспособным, nasciturus (*Nasciturus*) не может быть ответчиком в суде и тем самым не является также несостоятельноспособным. *Prütting H.* Op. cit. § 11. S. 5. Rn. 11.

⁴⁴³ *Schmerbach U.* Op. cit. § 11. S. 179. Rn. 39.

⁴⁴⁴ См., напр.: *Stürner R.* Op. cit. Einleitung. S. 4. Rn. 1.

обладанием физическими лицами как материальной правоспособностью, так и процессуальной правоспособностью⁴⁴⁵.

Другие авторы отмечают наличие непосредственной связи несостоятельноспособности физических лиц лишь с их общей материальной правоспособностью. Процессуальная правоспособность и тем более сделкоспособность должника не являются предпосылками для допустимости производства по делу о несостоятельности⁴⁴⁶.

Отметим, что с учетом показанной ранее зависимости способности быть стороной процесса и правоспособностью, два подхода, в сущности, не отличаются друг от друга по вызываем теоретическим и практическим следствиям. В основе двух позиций лишь несовпадение взглядов на первичность субъектного и имущественного элементов в понятии *Insolvenzfähigkeit*.

В результате, какой бы точки зрения на предпосылки *Insolvenzfähigkeit* физических лиц исследователь ни придерживался, в конечном итоге он делает выводы:

- *Insolvenzfähigkeit* не зависит ни от сделкоспособности⁴⁴⁷, ни от

---

⁴⁴⁵ *Bork R.* Op. cit. S. 14. Rn. 29.

⁴⁴⁶ *Ehricke U.* Jaeger. *Insolvenzordnung, Großkommentar. Erster Band. §§1–55 / begr. zur Konkursordnung von E. Jaeger ; hrsg. von W. Henckel, W. Gerhardt.* Berlin, 2004. § 11. S. 303. Rn. 14; *Ott C., Vuia M.* Op. cit. § 11. S. 267. Rn. 11.

⁴⁴⁷ Обращает на себя внимание, что в немецкой доктрине, в отличие от российской специальной литературы, обсуждается проблема связи *Insolvenzfähigkeit* не с дееспособностью, а лишь со сделкоспособностью. Деликтоспособность, по мнению немецких исследователей, каким-либо даже опосредованным образом с *Insolvenzfähigkeit* не связана. Однако для удобства мы будем использовать термин «дееспособность».

Для сделкоспособности, наряду со способностью к пониманию, значение имеет свобода волевого принятия решения. Наличие последней исключено, если лицо не способно формировать свою волю свободно и независимо от имеющегося психического расстройства и действовать в соответствии с правильно полученными представлениями о происходящем. О свободном волеобразовании не может идти речи и в том случае, когда вследствие душевного расстройства на волю было оказано преобладающее влияние со стороны третьих лиц или когда волеобразование было определено неконтролируемыми побуждениями и представлениями подобно механической связи между причиной и следствием (BGH, Urteil vom 19.06.1970 – IV ZR 83/69 // https://www.prinz.law/urteile/bgh/IV_ZR_83-69. S. 5–6; BGH, Urteil vom 05.12.1995 – XI ZR 70/95 // wolterskluwer-online.de; OLG Köln, Urteil vom 13.09.2018 – 12 U 20/13 // <https://www.justiz.nrw.de>).

Также современная судебная практика признает существование в немецком праве такой разновидности сделкоспособности, как частичная асделкоспособность (*partielle Geschäftsunfähigkeit*). Суть ее выражается в том, что сделкоспособность лица может быть исключена в рамках предметно ограниченного круга дел, если это лицо в силу болезненного расстройства умственной деятельности не способно в определенной жизненной сфере формировать свою волю свободно и независимо от имеющегося расстройства или же действовать сообразно верно полученному представлению, что не относится к другим жизненным областям, в которых сохраняется полная сделкоспособность (например, неспособность вести определенный процесс в связи с манией сутяжничества) (BGH, Beschluss vom 29.07.2020 – XII ZB 106/20 // bundesgerichtshof.de).

процессуальной дееспособности физического лица;

- производство по делу о несостоятельности может быть открыто над имуществом любого (живого) физического лица независимо от его возраста, дееспособности, правового статуса (коммерсант, предприниматель, потребитель и пр.), рода занятий или прочих свойств лица⁴⁴⁸;

- отсюда вопрос о возможности введения процедуры несостоятельности над имуществом не полностью дееспособных в широком значении понятия лиц не относится в немецком праве к числу дискуссионных. Должником в производстве о несостоятельности может быть лицо недееспособное в материальном и процессуальном смыслах (малолетний⁴⁴⁹; лицо, находящееся в состоянии болезненного расстройства психической деятельности, исключающем свободное определение воли⁴⁵⁰, если это состояние по своей природе не является временным), ограниченно дееспособное (несовершеннолетний в возрасте от 7 до 18 лет) или частично дееспособное лицо (ограниченно дееспособное лицо, выступающее полностью дееспособным по сделкам, названным в §§ 112, 113 ГГУ: сделки, связанные с

Категорию частичной сделкоспособности следует отграничивать от понятия относительной асделкоспособности (*relative Geschäftsunfähigkeit*), конструируемого применительно к особенно сложным сделкам (например, в сфере оборота земельных участков). Понятие относительной асделкоспособности, в сущности, связано с недостаточностью интеллектуальных способностей гражданина для понимания особо сложных правовых действий. *Allgemeiner Teil des BGB / begr. von H. Brox; seit der 31. Aufl. allein fortg. von W.-D. Walker. München, 2016. S. 126. Rn. 265; BGH, Urteil vom 19.06.1970 – IV ZR 83/69 // https://www.prinz.law/urteile/bgh/IV_ZR_83-69. S. 6–8; BGH, Urteil vom 18.05.2001 – V ZR 126/00 // <https://openjur.de/u/62156.html>. Rn. 14.*

⁴⁴⁸ *Breuer W. Op. cit. S. 17. Rn. 57; S. 73. Rn. 188; Ehrlicke U. Op. cit. § 11. S. 303. Rn. 144; Uhlenbruck W., Gundlach U. Op. cit. § 5. S. 121. Rn. 5; Wehr Th. Op. cit. § 11. S. 118. Rn. 5.*

⁴⁴⁹ Применительно к малолетним (к таковым относятся все граждане, не достигшие возраста 18 лет – совершеннолетия) закон устанавливает ограничение их потенциальной ответственности по долгам. Так, §1629а гласит, что ответственность по обязательствам, установленным посредством совершения сделок или иных действий, влекущих последствия для ребенка, родителями в рамках принадлежащих им полномочий законного представительства, или другими управомоченными на представительство лицами в пределах их полномочий, или возникшим на основе произошедшего в период малолетства приобретения, обусловленного смертью, ограничивается тем составом имущества ребенка, которое имеется на момент наступления его совершеннолетия; эти же правила действуют в отношении обязательств, возникших из сделок, которые на основании §§107, 108 ГГУ малолетний совершил с согласия родителей, или в отношении обязательств, возникших из сделок, на которые родители получили разрешение суда по семейным делам. Если ставший совершеннолетним сошлется на ограничение ответственности, то соответствующим образом применяются предписания §§ 1990, 1991, действующие в отношении ответственности наследника (абз. 1).

Абзац 1 не действует в отношении обязательств, возникших из самостоятельной деятельности, приносящей доход, если согласно § 112 несовершеннолетний был на это уполномочен, а также в отношении обязательств, возникающих из сделок, которые служили исключительно удовлетворению его личных потребностей (абз.2).

⁴⁵⁰ В отношении неспособности к свободному формированию воли см. разъяснения судебной практики, изложенные выше по вопросу о сделкоспособности.

самостоятельным осуществлением деятельности, приносящей доход (для занятия такой деятельностью требуется уполномочие суда по семейным делам и одобрение законного представителя), и сделки, касающиеся вступления в служебные или трудовые правоотношения разрешенного вида или их прекращения либо исполнения обязательств, вытекающих из таких отношений (для поступления на службу или на работу требуется уполномочие законного представителя); в обоих случаях исключены сделки, для совершения которых представителю самому требуется одобрение суда по семейным делам⁴⁵¹)⁴⁵²;

- в случае отсутствия у лица материальной или процессуальной дееспособности за него действует законный представитель⁴⁵³.

В качестве законного представителя ребенка по общему правилу выступают его родители, действующие совместно (предл. 2 абз. 1 § 1629 ГГУ)⁴⁵⁴.

Следует также оговориться, что немецкому семейному праву известны различные правовые институты, основная направленность которых заключается в обеспечении в необходимых случаях нуждающихся физических лиц заботой и поддержкой (*Fürsorge und Beistand*), в том числе посредством осуществления функций законного представителя: опека (*Vormundschaft*), правовое попечительство (*rechtliche Betreuung*), ведение дел (*Pflegschaft*).

Опекун, попечитель и ведущий дела соответственно обладают представительной властью и могут выступать от имени подопечного в производстве по делу о несостоятельности. В силу предл. 1 абз. 1 § 1793 ГГУ опекун имеет право и обязан заботиться о личности и имуществе опекаемого, в частности, осуществлять его представительство.

---

⁴⁵¹ См.: предл. 2 абз.1 § 112, предл. 2 абз.1 § 113, § 1643, §§ 1821 и последующие ГГУ.

⁴⁵² *Bork R.* Op. cit. S. 14. Rn. 28. Fussnote 3; *Breuer W.* Op. cit. S. 17. Rn. 57; S. 73. Rn. 188; *Prütting H.* Op.cit. § 11. S. 5. Rn. 9.

⁴⁵³ *Hirte H.* *Insolvenzordnung: Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck, bearb. von E.-D. Berscheid.* München, 2010. § 11. Rn. 6; *Wehr Th.* Op. cit. § 11. S. 118. Rn. 5.

⁴⁵⁴ В некоторых случаях представительство может осуществляться одним из родителей: § 1626a – если родители на момент рождения ребенка не состоят в браке, § 1671 – в случае постоянного раздельного проживания родителей, § 1680 ГГУ – в ситуации смерти одного из родителей и т.д.

Кроме того, согласно предл. 1 абз.1 § 1896 ГГУ в случае, если совершеннолетний по причине психического заболевания либо вследствие физических, умственных или душевных ограничений не может полностью или частично заботиться о своих делах, суд по делам о попечительстве по его заявлению или в силу служебного долга назначает ему попечителя (Betreuer). При этом попечитель может быть назначен лишь по такому кругу задач, в которых требуется попечительство (предл. 1 абз. 2).

В рамках своего круга задач попечитель представляет подопечного в судебных и внесудебных делах (в суде и вне него), т.е. также является законным представителем (§1902 ГГУ). Более того, если это необходимо для предотвращения существенной опасности, угрожающей личности или имуществу подопечного, суд по делам о попечительстве принимает постановление о том, что волеизъявление подопечного, касающееся круга задач попечителя, требует предварительного согласия последнего (оговорка о согласии). В таком случае соответствующим образом применяются §§ 108-113, абз. 2 § 131 и § 210 (абз. 1 §1 903 ГГУ). Последнее означает, что при наличии оговорки о согласии сделка, совершенная сделкоспособным подопечным, имеет те же последствия⁴⁵⁵, что и сделка, совершенная ограниченно дееспособным.

Соответственно, в том случае, когда в круг задач попечителя входит забота об имуществе подопечного, то должник (подопечный) в производстве по делу о несостоятельности выступает самостоятельно как процессуально дееспособный, если только попечитель не представляет его интересы (§ 53 ГПУ, § 1902 ГГУ) или не установлена оговорка о необходимости получения согласия попечителя (§ 53 ГПУ, § 1902, абз. 1 § 1903 ГГУ)⁴⁵⁶. В последних случаях подопечный приравнивается к процессуально недееспособному лицу (§ 53 ZPO).

---

⁴⁵⁵ Принимая во внимание то, что предл. 2 абз. 1 § 1903 не отсылает к § 107, но в предл. 1 абз. 3 § 1903 прямо говорится о том, что подопечный не нуждается в предварительном согласии попечителя в случаях, когда волеизъявление приносит ему лишь правовую выгоду.

⁴⁵⁶ *Wehr Th. Op. cit.* § 11. S. 118. Rn. 5.

Также и иностранные физические лица являются *insolvenzfähig*, если немецкий суд по делам о несостоятельности в соответствии с правилами о подсудности (§ 3) является уполномоченным («zuständig») рассматривать дела с участием этих лиц, независимо от того, являются ли такие лица *insolvenzfähig* по законодательству своего государства⁴⁵⁷. Необходимо также принимать во внимание § 355⁴⁵⁸.

В случае, если должник умер, проводится производство по делу о несостоятельности над имуществом наследника или производство по делу о несостоятельности над наследственной массой. Если же должник умирает после открытия производства по делу о несостоятельности, то данное производство может быть переведено в производство по делу о несостоятельности над наследственной массой⁴⁵⁹.

Статус физического лица и род его занятий не влияют на его *Insolvenzfähigkeit*, однако могут повлиять на вид производства о несостоятельности, которое подлежит открытия в отношении имущества конкретного гражданина.

Так, физическое лицо может стать субъектом не только обычного производства по делу о несостоятельности, но и специальных его разновидностей.

По законодательству Германии (§§ 11, 304 и последующие ПоН) производство о несостоятельности может быть возбуждено над имуществом физического лица как в случае, если речь идет о предпринимателе (*Unternehmer*) или коммерсанте (*Kaufmann*), так и в ситуации, когда несостоятельным признается потребитель (*Verbraucher*) либо физическое лицо, не осуществляющее самостоятельную экономическую деятельность, но и не являющееся коммерсантом. В первом случае, как правило, используется упомянутое общее производство о несостоятельности, потребитель же может воспользоваться специальным упрощенным – по сравнению с общим –

---

⁴⁵⁷ *Hirte H.* Op. cit. § 11. Rn. 6; *Kirchhof H.-P.* Op. cit. § 11. S. 103. Rn. 2.

⁴⁵⁸ *Ehricke U.* Op. cit. § 11. S. 303. Rn. 14.

⁴⁵⁹ *Bork R.* Op. cit. S. 14. Rn. 29.

производством о несостоятельности потребителя (Verbraucherinsolvenzverfahren), а для физического лица, не относящегося к указанным субъектам, – в зависимости от конкретных условий могут применяться обе эти процедуры.

Необходимо подчеркнуть, что в первом случае, когда физическое лицо является предпринимателем, разделения между частным имуществом и предприятием или имуществом, участвующим в деловом обороте, не происходит⁴⁶⁰: объектом производства по делу о несостоятельности всегда является все имущество должника, поскольку должник несет ответственность всем принадлежащим ему имуществом, то есть как своим частным имуществом по обязательствам предприятия, так и наоборот⁴⁶¹.

Что касается потребителя, то в силу предл. 1 абз. 1 § 304 ПоН если должник является физическим лицом, которое не осуществляет или не осуществляло самостоятельную экономическую деятельность, то в отношении производства о его несостоятельности применяются общие правила Положения, если только иное не определено в нормах о производстве о несостоятельности потребителя.

Таким образом, производство о несостоятельности потребителя регулируется первично специальными правилами §§ 304–311 ПоН о потребительской несостоятельности, а субсидиарно – правилами об общей процедуре несостоятельности.

В качестве исключения физическое лицо, хотя и осуществлявшее ранее самостоятельную хозяйственную деятельность, может воспользоваться процедурой несостоятельности потребителя, если:

- 1) его имущественные правоотношения являются обзримыми, что имеет место, если к моменту подачи заявления об открытии производства должник имеет менее 20 кредиторов;

---

⁴⁶⁰ То, что согласно абз. 2 § 17 ТУГ в производстве по делу о несостоятельности коммерсант может быть субъектом производства по делу как под своей фирмой, так и под своим, возможно, отличающимся от нее гражданским именем, не меняет ничего. Речь идет об одном и том же физическом лице, которое в любом случае является должником по обязательствам и носителем всего имущества, подлежащего реализации.

⁴⁶¹ *Bork R. Op. cit. S. 14-15, Rn. 29; Foerste U. Op. cit. S. 18. Rn. 26.*

2) и к нему отсутствуют требования из трудовых правоотношений (предл. 2 абз. 1, абз. 2 § 304 ПоН).

При несоблюдении хотя бы одного из этих условий лицо может стать должником только в обычном производстве по делу о несостоятельности⁴⁶².

Следует отметить, что к производствам, открытым до 01 декабря 2001 года, применению подлежали нормы Положения, в соответствии с которыми вместо понятия «обозримые имущественные правоотношения» использовалась категория «незначительная самостоятельная экономическая деятельность»⁴⁶³. Последняя основывалась на признаках, выработанных в торговом праве в отношении понятия мелкого коммерсанта (абз. 1 § 4 ТУГ)⁴⁶⁴: с этих позиций незначительной деятельностью признавалась при том условии, что она по своему характеру или объему не требовала обустройства ведения деятельности, свойственного коммерсанту. На практике использование данного критерия вызывало значительные затруднения при попытке разграничить мелкого коммерсанта и других предпринимателей, а также необходимость научного поиска критериев для осуществления такого разграничения, что в итоге и предопределило внесение изменений в нормы Положения⁴⁶⁵.

В литературе подчеркивается, что наличие в разделе 9 Положения специального правового регулирования производства по делу о несостоятельности в отношении потребителя и прочих специальных (упрощенных) мини-производств для лиц, которые не осуществляют или не

---

⁴⁶² *Wehr Th.* § 11. S. 118. Rn. 6.

⁴⁶³ См.: Art. 103a des Einführungsgesetzes zur Insolvenzordnung vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2911), das zuletzt durch Artikel 7 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3328) geändert worden ist.

⁴⁶⁴ Beschlußempfehlung und Bericht des Rechtsausschusses (6. Ausschuß) zu dem Gesetzentwurf der Bundesregierung – Drucksache 12/2443 – Entwurf einer Insolvenzordnung (InsO). Bericht der Abgeordneten Hermann Bachmaier, Joachim Gres, Detlef Kleinert (Hannover), Dr. Eckhart Pick und Dr. Wolfgang Frhr. von Steffen // BT-Drucks. 12/7302. Begründung vor §357a. S. 189; zu § 357a. S. 189–190.

⁴⁶⁵ *Müller W.* Der «Verbraucher» in der neuen Insolvenzordnung // NZI. 1999. S. 172–175. Как отмечено разработчиками проекта закона о внесении изменений в Положение о несостоятельности, упрощенное производство не достигло законодательных ожиданий. Это касается, в частности, участия в процедуре полностью неимущих граждан, которые не в состоянии ни оплатить расходы по делу, ни выплатить суммы своим кредиторам. Вовлечение бывших предпринимателей и так называемых мелких предприятий (Kleingewerbetreibenden) в производство о несостоятельности потребителя увеличило нагрузку судов в непрогнозируемых масштабах без каких-либо заслуживающих упоминания значительных результатов в процедуре погашения задолженности. – Gesetzentwurf der Bundesregierung Entwurf eines Gesetzes zur Änderung der Insolvenzordnung und anderer Gesetze // Drucksache. 14/5680. S. 1.

осуществляли самостоятельную экономическую деятельность, *не влияет на Insolvenzfähigkeit* этих субъектов. Речь идет лишь о процессуально-правовом механизме, направленном на то, чтобы устранить для лиц, чьи имущественные взаимоотношения с кредиторами обозримы, функциональные недостатки общего производства по делу о несостоятельности и предотвратить подчинение всех без исключения физических лиц правилам этой обширной и сложной процедуры⁴⁶⁶.

Отсюда обычное (общее) производство (§§ 13 и далее ПоН) затрагивает только юридических лиц, объединения совместной руки (Gesamthandsgemeinschaften) и тех физических лиц, которые осуществляют самостоятельную экономическую деятельность, выходящую за пределы незначительности⁴⁶⁷.

Обобщая все вышеизложенное, необходимо обратить внимание на следующее. Способность физического лица участвовать в качестве должника в правоотношениях несостоятельности, не связана с его дееспособностью. Несостоятельным может быть признан гражданин, не обладающий полной дееспособностью, безотносительно к правовым основаниям, обусловившим ее степень.

В Законе о банкротстве в отношении производства по делу о банкротстве в случае смерти гражданина отражена субъектная трактовка понятия должника и его способности быть признанным несостоятельным. В этом смысле процедура несостоятельности затрагивает только строго определенного, конкретного субъекта права, вступавшего в правоотношения с кредиторами и не рассчитавшегося с ними. Правопреемство в материальных правах и обязанностях умершего не приводит к приобретению статуса должника в деле о банкротстве. За наследниками, в том числе публично-правовыми образованиями, должен быть признан особый статус – лиц, участвующих в деле о банкротстве *на стороне должника*.

---

⁴⁶⁶ Ehricke U. Op. cit. § 11. S. 303–304. Rn. 15; Ott C., Vuia M. Op. cit. § 11. S. 267. Rn. 11; Wehr Th. Op. cit. § 11. S. 118. Rn. 6.

⁴⁶⁷ Prütting H. Op. cit. § 11. S. 5. Rn. 10.

2.2. Признание участников общей собственности должниками и лицами, выступающими на стороне должника, по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии

Актуальным на сегодняшний день для российской науки конкурсного права является вопрос о допустимости возбуждения и проведения производства по делу о несостоятельности в отношении объединений физических лиц, не наделенных собственной правосубъектностью, отличной от правосубъектности их членов.

Как следует из п. 2, 3 ст. 1, абз. 3 ст. 2 Закона о банкротстве, категория должника в конкурсе используется лишь к гражданам (физическим лицам) и юридическим лицам⁴⁶⁸, то есть к субъектам гражданского права, наделенным, либо, по меньшей мере, материальной и процессуальной правоспособностью (граждане с момента рождения), либо материальной и процессуальной правоспособностью (совершеннолетние и юридические лица с момента государственной регистрации). Объединения, не прошедшие государственную регистрацию и не обладающие правами юридического лица, по смыслу общих предписаний Закона о банкротстве к участию в деле о банкротстве в качестве должника не допускаются.

Тем не менее в российском и германском праве существуют объединения граждан, не обладающие самостоятельностью, не имеющие статуса юридического лица, но члены которых настолько юридически тесно связаны между собой, что возбуждение дела о банкротстве в отношении одного из них приводит к привлечению к участию в деле и другого. В первую очередь, к числу таковых могут быть отнесены лица, состоящие в зарегистрированном браке⁴⁶⁹. Речь идет, в частности, о правовом статусе в

---

⁴⁶⁸ На основе буквального толкования текста закона в доктрине сделан вывод о том, что законодатель полностью исключил применение Закона о банкротстве в отношении публично-правовых образований (даже если они не исполняют гражданско-правовых обязательств), неправосубъектных образований (финансово-промышленные группы, филиалы, представительства юридических лиц). См.: Рыбасова Е.А. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶⁹ В доктрине предлагается распространить нормы об имущественном режиме супругов, в том числе о порядке удовлетворения требований кредиторов при несостоятельности, на так называемых фактических супругов. Телюкина М.В. Совместное банкротство супругов. Некоторые проблемы // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020. С. 377–379.

деле о банкротстве должника его супруга, а также о проблеме так называемого совместного банкротства супругов.

Согласно п. 1 ст. 33 СК РФ законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. По правилам п. 1 ст. 256 ГК РФ и п. 1 ст. 34 СК РФ режим совместной собственности распространяется на все имущество, нажитое супругами во время брака, если брачным договором⁴⁷⁰ между ними не установлен иной режим этого имущества.

Право совместной собственности супругов возникает в силу прямого указания закона. В данном случае речь идет об общем правиле (опровержимой презумпции) поступления всего имущества, нажитого в период брака, в совместную собственность супругов⁴⁷¹. Исключения из данного общего правила известны целому ряду норм ГК РФ и СК РФ⁴⁷², а также сформулированы в судебной практике⁴⁷³.

Общим правилом, касающимся долгов супругов, выступает п. 3 ст. 39 СК РФ, в силу которого общие долги супругов при разделе их общего имущества распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям. Семейный кодекс РФ не определяет понятия общего долга (обязательства) супругов⁴⁷⁴, критерии для отнесения

---

⁴⁷⁰ Указание именно на брачный договор появилось в результате дополнения текста п. 1 ст. 256 ГК РФ с 01.06.2019 термином «брачный» – см.: п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 3 Федерального закона от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4552. При этом положения п. 1 ст. 256 ГК РФ в новой редакции применяются к отношениям, возникшим после дня вступления в силу названного федерального закона (п. 2 ст. 3). В целом вопрос о том, каким договором может быть изменен имущественный режим супругов, относится к числу проблемных в науке семейного права.

⁴⁷¹ Опровергнуть презумпцию общности имущества супругов, представив соответствующие доказательства, обязан супруг, претендующий на признание имущества его личной собственностью. См.: Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 19.09.2017 № 18-КГ17-134; Судебная практика по гражданским делам. Брачно-семейные споры: практическое пособие / С.В. Асташов, И.С. Богданова, Н.В. Бугаенко и др. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс». Абз. 85, 96, 104, 162.

⁴⁷² См., напр.: п. 2 ст. 256 ГК РФ, ст. 36 СК РФ.

⁴⁷³ Юридически значимыми обстоятельствами при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов или к личному имуществу одного из супругов в судебной практике, в частности, признаны: 1) на какие средства приобретено имущество (на общие доходы или личные); 2) когда оно было приобретено (до вступления в брак или в период брака); 3) на основании каких сделок (возмездных или безвозмездных) приобретены объекты. См.: Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 13.02.2018 № 18-КГ17-263 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷⁴ В юридической литературе предложено следующее определение понятия общего долга супругов – это имущественная обязанность супругов перед третьим лицом, обременяющая общее супружеское имущество и возникшая вследствие удовлетворения общесемейных потребностей, которая лежит на них обоих независимо от того, оба супруга или один из них состоят в гражданско-правовом отношении с кредитором.

обязательству супругов к числу общих «выводятся» из содержания отдельных предписаний СК РФ.

В частности, для определения общего обязательства супругов используется п. 2 ст. 45 СК РФ, согласно которому на общее имущество супругов взыскание обращается: 1) по общим обязательствам супругов⁴⁷⁵; 2) по обязательствам *одного из супругов*, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было *использовано на нужды семьи*⁴⁷⁶; 3) если приговором суда установлено, что общее имущество супругов было приобретено или увеличено за счет средств, полученных одним из супругов преступным путем.

Следует заметить, что, строго говоря, в данном пункте законодателем лишь вводится понятие «общие обязательства супругов», его легальные признаки не раскрыты. Закон разграничивает общие обязательства супругов и обязательства, в которых должником выступает хоть и один из супругов, однако кредитор наделяется правом обратиться взыскание на их общее имущество⁴⁷⁷. В результате п. 2 ст. 45 СК РФ определяет имущество, за счет которого возможно удовлетворение требований кредитора супругов или одного из них.

При этом в законодательстве содержатся разные правила определения имущества, за счет которого будет осуществляться исполнение обязательств

См.: Косова О.Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 19–20.

⁴⁷⁵ В судебной практике к числу общих отнесены также обязательства, возникшие по инициативе *обоих* супругов в интересах семьи. См.: Определения СКГД ВС РФ от 24.09.2019 № 18-КГ19-94; от 31.07.2018 № 9-КГ18-11; определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16.03.2012 № 33-5659 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷⁶ В контексте данного исследования практически значимым является вопрос о квалификации обязательств одного из супругов, возникших из осуществляемой им предпринимательской деятельности, как общих долгов супругов. К примеру, следует ли считать, что кредитные средства, направленные на приобретение коммерческого оборудования, использованы на нужды семьи, и обязательства, возникшие из кредитного договора, являются, следовательно, общими? Обозначенный вопрос является дискуссионным. Подробнее см.: Ломакина П.А. Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 144–154; Чефранова Е.А. Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 24–27.

⁴⁷⁷ Во втором случае, в сущности, речь идет об исключении из общего правила об ответственности по обязательству лишь самого должника. См.: Определении КС РФ от 07.02.2013 № 116-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коробейникова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

только одного из супругов и обязательств, которые могут быть отнесены к числу общих. Так, в силу п. 1 ст. 45 СК РФ по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, а при недостаточности такого имущества – на долю супруга-должника, которая причиталась бы ему при разделе общего имущества супругов. Для целей обращения взыскания на долю супруга, не исполнившего свое обязательство, в общем имуществе супругов кредитор наделяется правом требовать выдела указанной доли (абз. 4 п. 2 ст. 24, п. 1 ст. 38 СК РФ).

Иной подход избран законодателем в отношении общих долгов супругов: по общим обязательствам супругов взыскание обращается на их общее имущество, а при недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них (абз. 1 п. 2 ст. 45 СК РФ).

В результате признание обязательства общим позволяет кредитору удовлетворить свой имущественный интерес за счет объектов совместной собственности супругов, даже если непосредственным участником данной правовой связи является только один из супругов.

Отличительной особенностью действующего семейного законодательства является отсутствие в ст. 34 СК РФ упоминания об общих обязательствах супругов, как следствие, возникает вопрос о том, распространяется ли презумпция общности всего нажитого супругами в период брака на долги супругов (п. 2 ст. 34 СК РФ).

В современных условиях Верховным Судом РФ сформирована устойчивая правовая позиция, в силу которой положения ст. 34 СК РФ на долги супругов не распространяются. Так, по мнению ВС РФ, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, *бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение*

долга⁴⁷⁸. Последнее фактически означает, что в ситуации, когда правоотношение с третьим лицом возникло при волеизъявлении только одного из супругов, обязанность по доказыванию общего характера долга ложится на того субъекта, кто ссылается на данное обстоятельство в обоснование своего требования.

Именно для устранения рассматриваемого положения разработчиками Проекта Федерального закона № 835938-7⁴⁷⁹ было предложено закрепить в п. 2 ст. 45 СК РФ в качестве общего правила норму, в силу которой по всем возникшим в период брака договорным и кондикционным обязательствам одного из супругов взыскание обращается на общее имущество супругов, если только не будет доказано, что обязательство возникло в период раздельного проживания супругов при прекращении семейных отношений (п. 4 ст. 38) или полученное по обязательству одним из супругов было использовано не на нужды семьи (презумпция общности долгов супругов)⁴⁸⁰.

Иной подход к категории общих долгов супругов реализован в Законе о банкротстве. Как и в СК РФ, в Законе о банкротстве не сформулирована легальная дефиниция этого понятия, но при этом, в отличие от предписаний СК РФ, не называются и какие-либо критерии для квалификации обязательств гражданина - банкрота как общих для него и его супруга, закон лишь вводит термин «общие обязательства», а также приводит их примеры. Так, в п. 7 ст. 213.26 определено, что к общим обязательствам супругов, «в том числе», относятся солидарные обязательства либо обязательства, по которым одним супругом за другого дано поручительство или предоставлен залог⁴⁸¹.

---

⁴⁷⁸ Определения СКГД ВС РФ от 24.09.2019 № 18-КГ19-94; от 29.01.2019 № 18-КГ18-242; от 06.06.2017 № 4-КГ17-28; от 17.01.2017 № 4-КГ16-67; от 04.04.2017 № 18-КГ16-196; Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 13.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷⁹ См.: п. 6 ст. 4 Проекта Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 15.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸⁰ Критический взгляд на данное положение законопроекта высказан, в частности: *Чефранова Е.А.* К вопросу об ответственности супругов по обязательствам // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 30-33.

⁴⁸¹ Применительно к ранее действовавшему законодательству (до 01.10.2015) в ситуации признания банкротом супруга, являвшегося индивидуальным предпринимателем, суды полагали, что обращение взыскания на заложенное имущество в части, принадлежащей супругу должника, возможно только в

В результате возникает закономерный вопрос – совпадает ли понимание общих обязательств в семейном праве и праве несостоятельности, возможно ли в принципе построение понятия «общее обязательство супругов», единого для сферы семейно-правовых и конкурсных правоотношений?

Анализ приведенных видов общих обязательств, перечисленных в п. 7 ст. 213.26 Закона, позволяет прийти к следующим выводам. Первая группа обязательств представляет собой солидарные обязательства, т.е. обязательства, возникающие в случае, если солидарность обязанности предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства (п. 1 ст. 322 ГК РФ). Одним из таких предусмотренных законом случаев является ст. 1080 ГК РФ, в силу которой лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

В этой связи представляет интерес вопрос о возможности квалификации в качестве общего обязательства супругов, возникшего из факта совместного причинения ими вреда. В практике судов общей юрисдикции не сложилось единого мнения: в одних случаях суды не исключают характеристики обязательств из совместного причинения вреда супругами в качестве общих⁴⁸², в других – наоборот, утверждается, что применение положений ст.ст. 45, 34, 35 СК РФ является неправомерным, поскольку описанные правоотношения регулируются не семейным законодательством, а главой 59 ГК РФ⁴⁸³.

Вторая группа обязательств, указанных в п. 7 ст. 213.26 Закона, – это обязательства, по которым супругом дано поручительство за супруга-должника либо предоставлен залог. Как и в предыдущем случае, основания

судебном порядке, но не в рамках реализации имущества банкрота-предпринимателя в производстве по делу о его банкротстве. См.: постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2012 по делу № А27-4669/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2020 № 88-7563/2020, 2-1230/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸³ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2018 по делу № 33-55843/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

возникновения указанных обязательств предусмотрены гражданским законодательством и напрямую не связаны с фактом нахождения физических лиц в браке. Соответственно, супругом может быть дано поручительство или предоставлен залог как в ситуации, когда оба супруга выступают стороной общего для них обязательства, так и в случае, когда одним из супругов обеспечивается исполнение личных обязательств второго. Очевидно, что в последнем случае не происходит трансформации личного обязательства в общее, супруги остаются обязанными перед кредиторами по различным основаниям (супруг-должник по основному обязательству, второй супруг – по договору поручительства⁴⁸⁴ или залога). В результате отсутствуют основания говорить об общем характере обязательств должника и его супруга в смысле, придаваемом этому понятию семейным законодательством.

Получается, что Законом о банкротстве к числу общих отнесены те обязательства, которые позволяют кредитору претендовать не только на имущество его должника, но и на имущество другого лица (супруга), и не только по основаниям, установленным СК РФ, в результате чего эти субъекты будут «сообща», «вместе» отвечать за неисполнение обязательств.

Отсюда следует закономерный вывод о несовпадении категории общего обязательства в СК РФ и Законе о банкротстве, закрепившем широкий подход к квалификации обязательства должника в качестве общего. Если по правилам СК РФ кредитор по общим долгам супругов вправе обратиться взыскание именно на общее имущество супругов и только в случае его недостаточности субсидиарно – на личное имущество каждого из супругов, то по Закону о банкротстве формирование конкурсной массы осуществляется за счет любого имущества должника и за счет общего имущества его супруга. В результате возбуждения дела о банкротстве

---

⁴⁸⁴ Как неоднократно отмечалось в судебной практике, поручительство есть один из способов обеспечения исполнения обязательства, ответственность по которому несет лично поручитель. См.: п. 2 «Споры, возникающие из договорных правоотношений» Обзора судебной практики ВС РФ за второй квартал 2013 года; Определение СКГД ВС РФ от 12.04.2016 № 18-КГ16-23 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданина его супруг оказывается «втянутым» в него даже, если он никакого отношения к деятельности должника не имеет и не подозревает об ее осуществлении.

Такое широкое понимание категории общих обязательств супругов в законодательстве о несостоятельности актуализирует вопрос о защите прав супруга, не являющегося должником по делу о банкротстве, и о порядке удовлетворения требований кредиторов.

Появляющиеся при банкротстве граждан, состоящих в зарегистрированном браке, вопросы в своей совокупности можно условно сформулировать как «единство трех «к»»: *кто* признается банкротом и каков при этом статус второго супруга; *какое* имущество подлежит включению в конкурсную массу; *какие* кредиторы привлекаются к участию в деле о банкротстве.

Применительно к правовой ситуации банкротства одного из супругов сказанное выражается в следующем. В деле о банкротстве гражданина-должника подлежит реализации как его личное имущество, так и *имущество, принадлежащее ему и его супругу (бывшему супругу) на праве общей собственности*, при этом не имеет юридического значения, является ли заявленная в деле о банкротстве задолженность индивидуальной или общей. Данное обстоятельство оказывает влияние не на саму возможность реализации общего имущества в деле о банкротстве должника, состоящего или состоявшего в браке, а на права его супруга и объем имущества, служащего удовлетворению требований кредиторов:

1) если долги перед конкурсными и другими кредиторами принадлежат только супругу-должнику, то после реализации общего имущества часть вырученных средств, соответствующая доле должника в таком имуществе, включается в конкурсную массу, а оставшаяся часть – выплачивается супругу (бывшему супругу)⁴⁸⁵;

---

⁴⁸⁵ Определение СКГД ВС РФ от 06.03.2018 № 6-КГ18-1 // СПС «КонсультантПлюс». В правоприменительной деятельности арбитражных судов высказано мнение о том, что тем самым в Законе установлен специальный способ раздела общего супружеского имущества. См.: постановление

2) если обязательство является общим, то причитающаяся супругу (бывшему супругу) часть выручки от реализации общего имущества выплачивается только после проведения расчетов с кредиторами, причем по личным и общим обязательствам супруга-банкрота. При этом личные кредиторы супруга, не выступающего должником, к распределению выручки от реализации общего имущества супругов не допускаются.

Применительно к первой ситуации статус супруга (бывшего супруга) должника определен в Законе и судебной практике следующим образом: он вправе участвовать в деле о банкротстве своего супруга при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества⁴⁸⁶. В отношении второй ситуации мнение законодателя по вопросу о статусе супруга, не признанного банкротом, нормативно не отражено. В абз. 2 п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48⁴⁸⁷ указано, что при разрешении, по ходатайству кредитора, вопроса о признании обязательства общим к участию в таком обособленном споре привлекается супруг должника, который обладает правами *ответчика*.

Из изложенного следует, что возбуждение и проведение производства по делу о банкротстве в отношении одного из супругов «втягивает», «вбирает в себя» имущество, принадлежащее на праве общей собственности обоим супругам. В доктрине конкурсного права данный феномен получил обозначение – «правило поглощения» совместного имущества супругов (бывших супругов) должника конкурсной массой банкрота⁴⁸⁸, т.е. по общему

Арбитражного суда Поволжского округа от 22.05.2019 № Ф06-29234/2017 по делу № А55-18892/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸⁶ Данное предписание понимается в судебной практике буквально. Если арбитражным судом в конкретном споре не решаются вопросы, связанные с реализацией имущества, то основания для привлечения супруга банкрота к рассмотрению спора отсутствуют. В частности, супруг не управомочен на подачу апелляционной жалобы на определение суда первой инстанции о включении требования кредитора в реестр требований кредиторов должника, даже если данное требование обеспечено залогом имущества, принадлежащего супругу. См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2017 № Ф05-8670/2017 по делу № А40-222894/15 (Определением ВС РФ от 13.09.2017 № 305-ЭС17-12030 отказано в передаче дела в СКЭС ВС РФ для пересмотра) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸⁷ «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс»; далее – ПП ВС РФ № 48.

⁴⁸⁸ Карелина С.А., Фролов И.В. Семейный бизнес и проблемы формирования конкурсной массы в условиях финансовой несостоятельности (банкротства) супругов (бывших супругов): отечественный и зарубежный

правилу перед реализацией совместного имущества супругов (в т.ч. бывших) в процедуре несостоятельности одного из них раздел общего имущества (определение доли должника) по правилам СК РФ не производится⁴⁸⁹.

Таким образом, с точки зрения текущего толкования положений Закона о банкротстве в конкурсную массу гражданина - должника могут быть включены средства, вырученные от продажи имущества, которым он обладает на праве совместной собственности со своим супругом, т.е. с лицом, которое неплатежеспособным или несостоятельным не является и в установленном порядке таковым не признано⁴⁹⁰.

До сегодняшнего дня дискуссионным остается вопрос о соответствии озвученных правил Закона о банкротстве нормам ГК РФ и СК РФ⁴⁹¹. Отметим, что Пленумом ВС РФ сформулировано, в сущности, исключение из приведенных выше двух правил. Супруг (бывший супруг), полагающий, что реализация общего имущества в процедуре несостоятельности его супруга не учитывает его интересы и (или) интересы находящихся на его иждивении лиц вправе обратиться в суд *общей юрисдикции* с требованием о разделе общего имущества супругов; до разрешения судом данного требования имущество супругов не может быть реализовано в деле о банкротстве (п. 7 ПП ВС РФ № 48).

Несмотря на неопределенный правовой статус, права и имущественные интересы супруга несостоятельного должника существенным образом затрагиваются в рамках процедур, применяемых в деле о банкротстве последнего, и иным образом. В частности, погашение задолженности по

опыт // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020. С. 307, 310–312.

⁴⁸⁹ Именно такое понимание правил Закона изложено в п. 7 ПП ВС РФ № 48.

⁴⁹⁰ В Экспертном заключении Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сделан вывод о том, что такое правовое регулирование нарушает права и интересы супруга, не являющегося должником (с. 6) // <http://privlaw.ru/povestka-47>.

⁴⁹¹ С точки зрения В.В. Витрянского, п. 7 ст. 213.26 Закона нарушает основополагающие принципы регулирования отношений общей собственности, в том числе связанных с обращением взыскания на долю в общем имуществе, прежде всего закрепленные в ст. 255 ГК РФ, а также игнорирует права второго супруга как собственника общего имущества. См.: *Витрянский В.* Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // *Хозяйство и право.* 2015. № 4. С. 23.

Отметим также, что вызывает вопросы соответствие положений ЗоБ статье 4 СК РФ.

плану реструктуризации долгов возможно и за счет доходов обоих супругов, если решением суда установлено, что долг перед кредитором является общим⁴⁹². Согласно разъяснениям, изложенным в п. 13 ПП ВС № 48, финансовый управляющий и – при соблюдении определенных условий (п. 1 ст. 213.32 ЗоБ) – кредиторы должника вправе оспорить в рамках дела о банкротстве сделки по отчуждению общего имущества должника и его супруга, совершенные супругом должника, по основаниям, связанным с нарушением этими сделками прав и законных интересов кредиторов (ст. 61.2, 61.3 ЗоБ, ст. 10 и 168, 170, п. 1 ст. 174.1 ГК РФ).

Применительно к описанным случаям закономерным видится вопрос о правовом статусе в деле о банкротстве лица, являющегося супругом (бывшим супругом) несостоятельного должника.

Законом о несостоятельности и в разъяснениях Пленума ВС РФ супруг (бывший супруг), несмотря на возможность обращения взыскания на имущество, носителем которого он также является, должником не признается, а наделяется нераскрытым в Законе статусом участника в деле о банкротстве, но только при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества, либо правами ответчика по обособленному спору при рассмотрении ходатайства кредитора об установлении его требования в деле о банкротстве как общего⁴⁹³.

Предложенная в литературе конструкция множественности лиц на стороне должника⁴⁹⁴, т.е. в действительности множественности должников в одном деле о банкротстве, может быть поддержана для ситуаций совместного банкротства супругов, когда оба лица признаются

---

⁴⁹² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.11.2016 № Ф03-5186/2016 по делу № А73-14230/2015 // СПС «КонсультантПлюс». При этом суд исходил из того, что супруга должника является созаемщиком по кредитному договору, заключенному с банком, и солидарным ответчиком по решению суда общей юрисдикции, то есть лицом, солидарно отвечающим перед залоговым кредитором, в связи с чем задолженность будет выплачиваться также и за счет ее дохода.

⁴⁹³ Отсюда спорный является, к примеру, вопрос о наличии у супруга должника-банкрота права на обращение в арбитражный суд с заявлением о разрешении разногласий (ст.60 ЗоБ). См., напр.: Мазуркевич А.К. Актуальные вопросы банкротства супругов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 1. С. 40–41.

⁴⁹⁴ Фролов И.В. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М., 2019. С. 287–288.

несостоятельными. В случае возбуждения дела о банкротстве только одного супруга применена она быть не может, поскольку в Законе воплощена и в юридической литературе многими учеными поддержана так называемая субъектная концепция должника в производстве по делу о банкротстве: должник – это тот, кто совершал сделки, пошатнувшие в итоге финансовое благополучие и вызвавшие неспособность к удовлетворению кредиторских требований; это неумелый участник имущественного оборота, к которому применяются санкции, предусмотренные законодательством о банкротстве.

Следующим вопросом, активно обсуждающимся в последнее время в доктрине, является вопрос о совместном банкротстве супругов.

Действующий Закон о банкротстве не знает понятия «совместное банкротство супругов», в литературе под ним предложено понимать процессуальное соучастие супругов-должников в деле о банкротстве, при котором в рамках одного дела о банкротстве рассматривается вопрос в отношении обоих супругов⁴⁹⁵. Таким образом, совместное банкротство супругов – ситуация множественности лиц на стороне должника в деле о банкротстве.

Несмотря на отсутствие в Законе правил, образующих специальный институт банкротства супругов, в арбитражной практике, сформировалось два подхода. Одни суды допускают возможность проведения процедуры совместного банкротства супругов посредством использования одной из двух процессуальных конструкций: 1) подачи и удовлетворения судом совместного заявления супругов об одновременном признании их банкротами в едином деле о банкротстве⁴⁹⁶; 2) объединения⁴⁹⁷ двух

---

⁴⁹⁵ Хлюстов П.В. Совместное имущество супругов: проблемы формирования конкурсной массы гражданина-банкрота // Закон. 2015. № 12. С. 71.

⁴⁹⁶ Данный подход впервые был реализован в решении Арбитражного суда Новосибирской области от 09.11.2015 по делу № А45-20897/2015 и затем поддержан другими судами (постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2016 № 07АП-8394/16(2) по делу № А27-6391/2016; постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 27.12.2017 по делу № А33-11455/17, от 22.04.2019 по делу № А69-347/2019; определение от 22.09.2020, решение от 21.01.2021 Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33-23409/2020) // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

⁴⁹⁷ Одной из процессуальных особенностей определения арбитражного суда об объединении дел в одно производство является отсутствие в положениях действующего закона возможности его обжалования –

самостоятельных дел о банкротстве каждого из супругов в одно производство⁴⁹⁸.

Другие, напротив, считают неправомерным совместное банкротство должников, являющихся супругами, в изначально «общем» деле о банкротстве, а некоторые из них, несмотря на сформулированную в п. 10 ПП ВС РФ № 48 правовую позицию, – и объединение двух параллельных производств по делам о банкротстве каждого из супругов в одно производство⁴⁹⁹.

Как результат, в деятельности арбитражных судов не сложилось единообразного понимания правомерности инициирования или интегрирования дел о банкротстве, соединенных с вопросов о выступлении на стороне должника нескольких лиц, в том числе являющихся супругами.

В специальной литературе идея «совместного», «семейного» банкротства, банкротства «домохозяйств» получила широкую поддержку⁵⁰⁰, что нашло отражение в законотворческой деятельности. Упомянутым выше

Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2019 № 309-ЭС17-2782(2) по делу № А71-6291/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹⁸ Пункт 10 ПП ВС РФ № 48; определение Арбитражного суда Московской области 09.12.2015 по делу № А41-85637/15; постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2019 по делу № А57-28043/2018 // Картоотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>. Подробнее: *Волгина О.А., Хисамова Р.В.* Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017. № 2. С. 65–74.

⁴⁹⁹ В обоснование данной позиции суды, в частности, указывали: 1) семья в целом не наделена правоспособностью и не является субъектом, обладающим правами; 2) в законодательстве отсутствует регламентация процедуры банкротства в отношении двух или более граждан, в том числе супругов, имеющих статус соответчиков (коллективное банкротство); 3) российский правопорядок не допускает множественность лиц на стороне должника в правоотношениях несостоятельности; 4) наличие общих обязательств супругов не управомочивает на подачу заявления о возбуждении производства по делу о совместном банкротстве и пр.

Подробнее см.: Определение ВС РФ от 05.05.2017 № 307-ЭС17-4301 по делу № А56-91219/2016; постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2017 № 07АП-6486/2017(1) по делу № А45-10375/2017, постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 № 13АП-2589/2017 по делу № А56-91219/2016, от 04.06.2019 № 13АП-12966/2019 по делу № А26-3690/2019; постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2018 № 14АП-10257/2018 по делу № А13-16795/2018; постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.03.2017 № 15АП-2823/2017 по делу № А32-45036/2016; от 03.10.2018 № 15АП-15974/2018 по делу № А53-25286/2018; постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2017 № 17АП-680/2017-ГК по делу № А50-19304/2016, от 15.12.2017 № 17АП-18834/2017-ГК по делу № А50-37572/2017; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2018 № 20АП-1528/2018 по делу № А23-403/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰⁰ Напр.: *Полич С.Б.* Некоторые процессуальные проблемы применения законодательства о банкротстве граждан (физических лиц) / Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 25 / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2018. С. 190–201; *Смирнов С.* Имущественная ответственность супруга-банкрота // Жилищное право. 2018. № 4. С. 99–111; *Шимарева Т.П.* Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 34–37.

Проектом Федерального закона № 835938-7 текст Закона о банкротстве было предложено дополнить ст. 213.33, посвященной совместному банкротству супругов (бывших супругов).

Основные предложения разработчиков законопроекта касаются нескольких моментов. Так, предлагается, по сути, обособление двух процедур несостоятельности – банкротство одного из супругов и банкротство обоих супругов одновременно (совместное банкротство). Критерием разграничения выступает характер обязательств: по личным обязательствам допускается возбуждение дела о банкротстве одного из супругов, а по общим – совместное банкротство обоих супругов. В зависимости от этого различаются правила формирования конкурсной массы: в первом случае в нее включается не само общее имущество супругов (средства, вырученные от его реализации), а только доля одного из них в этом имуществе (при этом раздел общей собственности должника и его супруга должен быть осуществлен непосредственно в деле о банкротстве), а также его личное имущество. Во втором – конкурсная масса, по-видимому, будет состоять как из общего имущества, так и личного имущества каждого из супругов, поэтому к участию в деле могут быть привлечены как кредиторы по общим обязательствам, так и личные кредиторы каждого из супругов.

Таким образом, представленный законопроект направлен на нормативное закрепление конструкции множественности лиц на стороне должника, при которой предметом обращения взыскания становится совокупное имущество, принадлежащее обоим должникам, независимо от оснований его приобретения, а требования могут быть заявлены любыми кредиторами указанных лиц.

В результате в одном деле о банкротстве обоих супругов искусственно создается конкуренция между тремя группами кредиторов за три самостоятельные имущественные массы. При этом законопроект данную конкуренцию не разрешает, вводя лишь правило о том, что удовлетворение требований кредиторов по общим обязательствам супругов и требований

кредиторов по обязательствам одного из них производится «в соответствии с правилами семейного законодательства об обращении взыскания на имущество супругов». Однако в семейном законодательстве нет правил о разрешении столкновения личных и общих кредиторов супругов, законопроект таких норм также не содержит.

Более того, предложенная законопроектом модель совместного банкротства не соответствует назначению партикулярной (сепарационной) процедуры несостоятельности, к которой традиционно относится производство над общим имуществом супругов. Возбуждение обособленного дела о банкротстве обычно преследует цель отдельного погашения задолженности перед кредиторами, имеющими исключительное или преимущественное право на удовлетворение своих требований за счет определенной части имущества одного или нескольких должников. В текущей редакции проект объединяет в одном производстве три процедуры несостоятельности, но при этом не содержит правил, призванных урегулировать возникающие при этом коллизии.

По указанным причинам сложно поддержать идею «совместного банкротства» в виде, предложенном законопроектом, поскольку ее реализация приведет к возникновению большего количества проблем, нежели существующих сейчас в действующей процедуре «единоличного» банкротства каждого из супругов. Более перспективным является заимствование опыта Германии в регулировании «совместного банкротства супругов».

В немецком праве несостоятельности вопрос о введении процедуры несостоятельности над имуществом супругов решается иным образом. Согласно п. 2 абз. 2 § 11 ПоН производство по делу о несостоятельности может быть открыто над общим имуществом продолженной имущественной общности супругов или над общим имуществом имущественной общности, управляемой совместно супругами или однополыми партнерами (досл. – «жизненными партнерами»).

Таким образом, возбуждение дела о несостоятельности возможно по законодательству Германии, как в отношении имущества однополых либо разнополых супругов, так и над имуществом жизненного партнерства однополых лиц, зарегистрировавших свое партнерство до 01.10.2017 и не преобразовавших его в брак⁵⁰¹.

Немецкому правопорядку известны четыре режима имущества супругов и жизненных партнеров⁵⁰²:

1. Законный режим общности прироста имущества каждого из супругов (Zugewinnngemeinschaft; §§ 1363 ff. BGB);

2. Три альтернативных режима, установление которых возможно только посредством заключения в нотариальной форме брачного договора⁵⁰³:

а) раздельности имущества (Gütertrennung, § 1414 BGB) – режим, возникающий по общему правилу, если соглашением сторон исключены режим общности прироста имущества или возможность уравнивания такого прироста;

б) имущественной общности (Gütergemeinschaft, §§ 1415 и далее BGB);

в) избираемой общности прироста имущества супругов – возможность, предусмотренная двусторонним немецко-французским соглашением, но доступная для супругов-граждан не только этих государств (Wahl-

---

⁵⁰¹ С 01.10.2017 брак в Германии может быть заключен между двумя лицами разного или одного пола (предл. 1 абз. 1 § 1353 BGB), до 01.10.2017 лица одного пола могли зарегистрировать жизненное партнерство, которое по правовым последствиям было близко к браку. С наступлением указанной даты регистрация новых партнерств была запрещена, а уже зарегистрированным – предоставлена возможность преобразования в брак. См.: § 1 Abs. 1, § 20a des Gesetzes über die Eingetragene Lebenspartnerschaft (Lebenspartnerschaftsgesetz – LPartG) vom 16.02.2001 (BGBl. I S. 266), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 18.12.2018 (BGBl. I S. 2639) geändert worden ist); Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts (BGBl. I 2017 S. 2787); §17a des Personenstandsgesetzes (PStG) vom 19.02.2007 (BGBl. I S. 122), das zuletzt durch Artikel 88 der Verordnung vom 19.06.2020 (BGBl. I S. 1328) geändert worden ist; *Weinreich G.* Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts («Ehe für alle») (Zugang durch <https://shop.wolterskluwer.de>).

⁵⁰² Об исторических предпосылках разнообразия имущественных режимов супругов см.: *Mitteis H.* Bürgerliches Recht: Familienrecht. Berlin, 1931. S. 41.

⁵⁰³ Помимо обязательной нотариальной формы брачного договора (§ 1410 BGB) необходимо также учитывать предписания предл. 1 абз. 1 § 1412 BGB: в случае, если супруги исключили действие законного режима имущественных правоотношений или изменили его, то заявить на этом основании свои возражения третьему лицу против сделки, совершенной между одним из супругов и этим третьим лицом, супруги могут только при том условии, что брачный договор был зарегистрирован в реестре имущественных прав в управомоченном участковом суде или третье лицо знало о наличии такого договора до совершения сделки. Вилфрид Шлютер (Wilfried Schlüter) подчеркивает, что речь в данном случае не идет о предпосылке действительности брачного договора. *Schlüter W.* BGB - Familienrecht. Heidelberg, 2009. S. 72. Rn. 93.

Zugewinnngemeinschaft, § 1519 BGB).

Режимы общности прироста и раздельности имущества объединяет то, что имущественные сферы супругов в период брака остаются разделенными (предл. 1 абз. 2 § 1363 BGB). Каждый партнер и после заключения брака остается единоличным собственником своего имущества и осуществляет самостоятельное управление им (§ 1364 BGB)⁵⁰⁴, допустимой является сособственность супругов (§ 1008 BGB). Отсюда следует, что каждый из супругов отвечает по своим обязательствам собственным имуществом, поэтому над имуществом каждого из них может быть открыто *самостоятельное* производство по делу о несостоятельности.

В отличие от других имущественных режимов, режим имущественной общности на сегодняшний день практически утратил свое значение⁵⁰⁵. Поэтому нормы Положения о несостоятельности (п. 2 абз. 2 § 11 ПоН), устанавливая правило о допустимости открытия производства о несостоятельности над общим имуществом супругов, имеют в виду достаточно редкую ситуацию.

Отличительными особенностями имущественной общности супругов являются следующие:

1) наличное, а также приобретенное в будущем имущество каждого из супругов становится *совместным* имуществом обоих супругов (общее имущество; досл. – «общее благо») (§ 1416 BGB)⁵⁰⁶. Одновременно с этим супруги могут образовывать в браке другие имущественные массы, которыми они управляют *самостоятельно*: а) обособленное имущество (Sondergut) – ценности, которые не могут быть переданы по сделке (напр., узуфрукт) (§ 1417 BGB); б) оговоренное имущество (Vorbehaltsgut) – имущество, которое оговорено супругом в брачном соглашении или

---

⁵⁰⁴ При этом немецкому гражданскому праву известна следующая презумпция: в пользу кредитора одного из супругов предполагается, что движимое имущество, находящееся во владении одного или обоих супругов принадлежит его должнику (предл. 1 абз. 1 § 1362 BGB). Исключения из данной презумпции – см. в этом же параграфе BGB далее.

⁵⁰⁵ Wellenhofer M. Familienrecht. München, 2017. S. 92. Rn. 3.

⁵⁰⁶ В-третьих, при избрании супругами режима имущественной общности как режима, опосредующего их взаимоотношения между собой и третьими лицами, имущество каждого из супругов преобразуется в их совместное имущество (имущество совместной руки).

получено им от третьего лица, определившего, что имущество является оговоренным (§ 1418 BGB).

Таким образом, в рамках режима имущественной общности супругов одновременно могут существовать пять имущественных масс (общее имущество, а также *Sondergut* и *Vorbehaltsgut* каждого из супругов);

2) имущественная общность супругов является общностью совместной руки: супруг не может распоряжаться своей долей в общем имуществе и отдельными входящими в его состав предметами; также он не управомочен требовать раздела имущества (абз. 1 § 1419 BGB);

3) в брачном договоре должно быть согласовано, кто будет управлять общим имуществом: один из супругов *единолично* или оба супруга *совместно*. При отсутствии соглашений об ином общее имущество поступает в совместное управление супругов (§ 1421 BGB).

В связи с изложенным необходимо различать следующие ситуации, когда предметом обращения взыскания в производстве о несостоятельности является общее имущество супругов: 1) имущество управляется супругами совместно; 2) имущество управляется одним из супругов; 3) имеет место так называемая продолженная имущественная общность супругов.

1. Общее имущество является объектом совместного управления супругов. Согласно предписаниям BGB режим совместного управления общим имуществом обладает следующими особенностями: 1) супруги управомочены совместно распоряжаться общим имуществом и вести правовые споры, затрагивающие такое имущество⁵⁰⁷; 2) обязательствами общего имущества, как правило, являются все обязательства супругов, иррелевантно при этом, какого эти долги характера (договорное, деликтное или другое требование) и возникли ли они до или после появления

---

⁵⁰⁷ При этом при определенных условиях возможно замещение согласия второго супруга судом (§ 1452); совершение сделки без согласия второго супруга в силу возникшей необходимости (§ 1454); совершение супругом сделок и ведение споров, связанных с осуществлением деятельности, приносящей доход, без согласия второго, если последний выдал предварительное согласие на занятие такой деятельностью или не возражал против ее осуществления (абз. 1, 2 § 1456). Также BGB предусмотрены юридически значимые действия, не требующие согласия второго супруга (напр., принятие или отказ от наследства; § 1455).

имущественной общности⁵⁰⁸. Соответственно, кредиторы каждого из супругов могут требовать удовлетворения своих притязаний за счет общего имущества (абз. 1 § 1459 BGB); 3) если речь идет об обязательствах, возникших из сделки, совершенной одним из супругов, то общее имущество отвечает по таким обязательствам, только если другой супруг дал согласие на совершение сделки или такая сделка действительна для общего имущества и без такого согласия; 4) по обязательствам общего имущества *супруги несут также личную ответственность как солидарные должники (Gesamtschuldner)* (абз.1 §1450, абз.1, предл.1 абз.2 §1459, абз.1 §1460 BGB).

На указанных материально-правовых предписаниях основываются следующие черты процедуры несостоятельности, вводимой над общим имуществом при совместном управлении.

Во-первых, должниками в такой процедуре выступают *оба супруга*, поскольку именно они в связанности совместной рукой являются носителями общего имущества, подлежащего реализации в производстве, и лицами, несущими личную ответственность по обязательствам имущественной общности, то есть являются материально-правовыми должниками. Само общее имущество, как и другие имущественные массы, правосубъектностью не обладает, а потому приобретать роль должника не может⁵⁰⁹.

По общему правилу каждый из супругов наделяется правами и несет обязанности, признаваемые за должником в процедуре несостоятельности. Вместе с тем права и обязанности в зависимости от их существа могут реализовываться и исполняться супругами либо каждым самостоятельно, либо только совместно⁵¹⁰.

---

⁵⁰⁸ Lüer H.-J. Insolvenzordnung : Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck, H. Hirte, H. Vallender. München, 2015. § 334. S. 3082. Rn. 2.

⁵⁰⁹ Bauch R. Insolvenzordnung : InsO mit EuInsVO (Neufassung) : Kommentar / hrsg. von E. Braun und bearb. von R. Bauch, E. Braun [sowie 33 weiteren]. München, 2017. § 333. S. 1558. Rn. 1; Schallenberg R., Rafiqpoor P. Frankfurter Kommentar zur Insolvenzordnung : mit EUInsVO, InsVV und weiteren Nebengesetzen / hrsg. von K. Wimmer. Köln, 2018. § 333. Rn. 12.

⁵¹⁰ К примеру, каждый из супругов управомочен подавать заявление об открытии производства (предл. 1 абз. 2 § 333 ПоН), обжаловать определение суда о введении или об отказе во введении процедуры (§ 34 ПоН), возражать против заявленного кредитором требования (предл. 2 § 176 ПоН) или итогового списка кредиторов (абз. 1 § 197 ПоН). На обоих супругов возлагается обязанность по представлению сведений и сотрудничеству в процедуре (§ 97 ПоН). Напротив, права, влияющие на движение всей процедуры, могут

Во-вторых, выступать в качестве кредиторов в процедуре управомочены только кредиторы по обязательствам общего имущества (абз. 1 § 333 ПоН; § 1459 и далее BGB)⁵¹¹.

В-третьих, основанием открытия производства над общим имуществом выступает неплатежеспособность или угрожающая неплатежеспособность *общего имущества*, а не супругов (абз. 2 § 333 ПоН).

В-четвертых, в состав конкурсной массы не входит названное выше обособленное и оговоренное имущество каждого из супругов (§§ 1417, 1418 BGB)⁵¹², и наоборот, общее имущество, управляемое совместно супругами, не затрагивается производством над личным имуществом одного из супругов (абз. 2 § 37 ПоН).

Таким образом, установление режима имущественной общности супругов влечет по общему правилу ретроспективное преобразование их персонального имущества в общее благо, а личных обязательств – в обязательства общего имущества. В результате открываемая над общим имуществом процедура несостоятельности вбирает в себя, по сути, все имущество, принадлежащее лицам, состоящим в браке, а также привлекает к участию в ней практически всех имеющихся кредиторов⁵¹³. Существенным отличием от конструкции совместного банкротства, предложенной в российском Проекте № 835938-7, здесь является единство конкурсной массы и отсутствие различных групп кредиторов (общих и индивидуальных).

2. В рамках имущественной общности супругов общие блага единолично управляются одним из супругов.

Если полномочиями по управлению совместным имуществом наделен

осуществляться супругами только совместно: подача заявления о прекращении производства (§§ 212, 213 ПоН), одобрение плана несостоятельности (§ 247 ПоН). Особенностями обладает порядок оспаривания сделок должника (§§ 130 и далее ПоН): если прекращение платежей требуется со стороны обоих супругов, то цель причинения вреда кредиторам может преследоваться только одним из них. См.: *Bauch R.* Op. cit. § 333. S. 1559. Rn. 8; *Ringstmeier A.* *Insolvenzrecht : Kommentar / herausgegeben von M. Ahrens, M. Gehrlein, A. Ringstmeier.* Köln, 2017. § 333. S. 2195–2196. Rn. 5; *Schallenberg R., Rafiqpoor P.* Op. cit. § 333. Rn. 13–21.

⁵¹¹ *Ringstmeier A.* Op. cit. § 333. S. 2196. Rn. 8.

⁵¹² Обязательства, связанные с таким имуществом, по общему правилу не являются и обязательствами общего имущества (§§ 1461, 1462 BGB).

⁵¹³ Рискуют не получить удовлетворение лишь кредиторы по сделкам, совершенным без согласия второго супруга, а также кредиторы, согласившиеся на ограничение ответственности перед ними объемом обособленного и оговоренного имущества супругов.

один из супругов, обязательствами общего имущества признаются требования как кредиторов этого супруга, так и кредиторов второго, не осуществляющего управление, супруга. При этом управляющий как солидарный должник несет личную ответственность по обязательствам другого супруга, которые *относятся к числу обязательств общего имущества* (§ 1437 BGB)⁵¹⁴. Таким образом, в отличие от режима совместного управления, неуправляющий супруг не несет личную ответственность по общим обязательствам своим обособленным и оговоренным имуществом (§ 1422 BGB)⁵¹⁵.

В случае открытия производства о несостоятельности процедура вводится над имуществом супруга, управлявшего общим имуществом, который приобретает статус единоличного должника. В состав конкурсной массы при этом, помимо обособленного и оговоренного имущества данного супруга, включается брачное имущество *целиком*, раздел общего имущества при этом не происходит. Следовательно, в открытом производстве над имуществом единолично управляющего супруга образуется единая конкурсная масса, направляемая на удовлетворение в долях кредиторов общего, обособленного и оговоренного имущества⁵¹⁶.

Таким образом, в ситуации передачи права управления имущественной общностью одному из супругов носителем общего имущества признается исключительно управляющий супруг. Включение общих благ в конкурсную массу такого супруга здесь основано, по сути, на приравнивании полномочия на управление к обладанию имуществом, а также на заранее выраженном волеизъявлении второго супруга, закрепленном в брачном договоре.

3. Имущество продолженной имущественной общности как объект

---

⁵¹⁴ Иное, то есть отсутствие ответственности управляющего супруга, может следовать из правил §§ 1438–1440 BGB. Например, если обязательство возникло на основании сделки, совершенной освобожденным от управления супругом, то для его квалификации в качестве обязательства общего имущества требуется, чтобы управляющий супруг выразил согласие на совершение сделки.

⁵¹⁵ Соответственно, может быть открыто самостоятельное производство над имуществом супруга, не управлявшего общим имуществом; в конкурсную массу в таком деле попадут исключительно блага, относящиеся к обособленному и оговоренному имуществу указанного супруга (абз. 1 § 37 ПоН), доля в общем имуществе не становится частью его конкурсной массы (§§ 47, 1422 BGB). См., напр.: BGH, Beschluss vom 04.05.2006 – IX ZB 285/04 // <http://juris.bundesgerichtshof.de>.

⁵¹⁶ Hess H. Op. cit. § 37. S. 1468. Rn. 15.

взыскания в процессе несостоятельности.

Предпосылками появления *продолженной* имущественной общности (далее в этом пункте – *Общность*) супругов, которая указана в п. 2 абз. 2 § 11 ПоН в качестве самостоятельного объекта, над которым также может быть открыто производство о несостоятельности, являются следующие юридические факты: 1) супруги установили в брачном договоре, что имущественная общность после смерти одного из них будет продолжена пережившим супругом и их общими потомками по нисходящей линии; 2) один из супругов умер, а указанные потомки призваны к наследованию как наследники по закону (абз. 1 § 1483 BGB).

При наступлении режима *Общности* переживший супруг приобретает право единоличного управления общим имуществом супругов. Целью *Общности* является сохранение семейного имущества среди членов семьи, несмотря на смерть одного из супругов⁵¹⁷.

В результате установления рассматриваемого режима доля умершего супруга в общем имуществе не включается в состав наследства, открывшегося после его смерти, а сохраняется в рамках общего имущества как единого объекта правоотношения между пережившим супругом и потомками (абз. 1 § 1416, предл. 3 § 1435, §§ 1445, 1446, 1467, абз. 1, 2 § 1485 BGB)⁵¹⁸. Тем самым *Общность* влечет соединение общего имущества в лице пережившего супруга, продолжающего прежнюю общность с совместными потомками⁵¹⁹.

Вместе с тем для пережившего супруга возникает *личная ответственность по всем обязательствам общего имущества*, к которым относятся обязательства как пережившего супруга, в том числе личные, так и те обязательства умершего супруга, которые являлись обязательствами

⁵¹⁷ Schallenberg R., Rafiqpoor P. Op. cit. §332. Rn. 20, 22.

⁵¹⁸ Не входит в состав имущества *Общности*: 1) имущество умершего супруга, наследуемое *необщими* потомками (абз. 2 § 1483 BGB), а также сумма, которая причиталась бы *общему* потомку, исключенному волей умершего супруга из *Общности*, в качестве обязательной доли в общем имуществе супружеской общности, если бы *Общность* не возникла (абз.1, 2 § 1511 BGB); 2) оговоренное и обособленное имущество пережившего супруга (§ 1486 BGB). См.: *Brudermüller G. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Nebengesetzen / Palandt ; bearbeitet von G. Brudermüller [und 9 weiteren]. München, 2017. § 1485. S. 1886. Rn. 1–3.*

⁵¹⁹ Hess H. Op. cit. § 37. S. 1469. Rn. 24, 26.

совместного имущества в рамках супружеской имущественной общности (§ 1488 BGB). При этом не имеет юридического значения, принадлежали ли пережившему супругу ранее полномочия по управлению или нет⁵²⁰. Иные правила предусмотрены для общих потомков супругов: их личная ответственность по обязательствам умершего или пережившего супруга в рамках режима Общности не наступает⁵²¹ (абз. 1, 3 § 1489 BGB).

В результате общее имущество супружеской общности и личное имущество пережившего супруга в сфере гражданско-правового регулирования «сливаются» и образуют единую имущественную массу, отвечающую перед кредиторами совместного имущества.

Изложенное применительно к категории должника в правоотношениях несостоятельности имеет следующее значение. В случае введения процедуры несостоятельности над общим имуществом Общности единоличным должником признается переживший (управляющий) супруг⁵²², в его конкурсную массу общее имущество поступает в полном объеме. Не несущие личной ответственности общие потомки супругов не обладают собственным интересом в ограничении ответственности, а потому (со-) должниками не признаются, в результате чего их собственное имущество производством над имуществом Общности никоим образом не затрагивается (§ 1488, предл. 1 § 1490 BGB).

В случае открытия производства над имуществом Общности в конкурсную массу включается общее имущество в состоянии,

---

⁵²⁰ В рамках «обычной» имущественной общности, напротив, личная ответственность обладателя полномочия управления по обязательствам общего имущества, относящимся в правоотношениях супругов между собой на счет другого супруга, прекращается вместе с окончанием режима общности имущества (напр., в связи со смертью второго супруга) (предл. 2 абз. 2 § 1437, предл. 2 абз. 2 § 1459 BGB). Обязательствами, относящимися в правоотношениях супругов между собой на счет супруга, в чьем лице они возникли, признаются: а) обязательства, возникшие из недозволенного действия, которое совершено после установления режима имущественной общности, или из уголовного производства, направленного против супруга, совершившего такое действие; б) обязательства, вытекающие из правоотношения, которое связано с его оговоренным или обособленным имуществом; в) расходы по ведению правовых споров в отношении упомянутых обязательств (§§ 1441, 1463 BGB).

⁵²¹ Если же после умершего супруга осталось личное имущество, не входившее в состав общего имущества, то общие потомки могут нести ответственность перед кредиторами этим имуществом по правилам о наследовании.

⁵²² *Siegman M.* Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 3. §§ 270–329 : Internationales Insolvenzrecht ; Insolvenzsteuerrecht ; Sachverzeichnis für die Bände 1 - 3 / hrsg. von H.-P. Kirchhof, H.-J. Lwowski, R. Stürner. München, 2008. § 332. S. 783. Rn. 3.

существовавшем к моменту наступления продолженной имущественной общности⁵²³. Сообразно с этим определяется и круг конкурсных кредиторов: таковыми признаются только те кредиторы, чьи требования уже к моменту возникновения продолженной общности, т.е. еще в период действия имущественной общности супругов, существовали именно как обязательства общего имущества (абз. 2 § 332 ПоН). Тем самым, в отличие от предписаний BGB, из числа кредиторов имущественной общности исключаются: управомоченные на получение обязательной доли в наследстве умершего супруга, определенные им отказополучатели и кредиторы из возложений; личные кредиторы пережившего супруга, чьи притязания с учетом положений § 1488 BGB, стали обязательствами общего имущества лишь с момента установления Общности⁵²⁴; кредиторы общего имущества по обязательствам, возникшим или ставшим таковыми после указанного момента.

Приведенные особенности регулирования отношений продолженной имущественной общности в производстве о несостоятельности, в сравнении с материально-правовой регламентацией указанных отношений, определяют целевое назначение процедуры несостоятельности над имуществом Общности. Она служит:

- 1) разделению личного имущества пережившего супруга и общего

---

⁵²³ В юридической литературе отмечается, что к общему имуществу должны быть также отнесены: а) требования к супругу о возмещении убытков, причиненных в связи с управлением общим имуществом; б) притязания о возврате, возникшие из оспоримых правовых действий (§§ 129 и далее ПоН), совершенных управлявшим супругом до установления Общности или пережившим супругом – после этого; в) доходы, полученные от осуществления права, входящего в общее имущество; г) возмещение, выплачиваемое в связи уничтожением, повреждением или изъятием предметов, охватываемых общим имуществом; д) предоставления, приобретенные по сделкам, совершенным в отношении общего имущества; и др. *Brudermüller G.* Op. cit. § 1416. S. 1864–1865. Rn. 2; § 1473. S. 1881. Rn. 1–4.

Дискуссионным является вопрос о том, в каком объеме подлежат учету в составе конкурсной массы приращения и потери (напр., рост курса валют, падение стоимости акций и пр.), произошедшие в общем имуществе после установления режима Общности. Не вызывает споров мнение о том, что увеличивать конкурсную массу во всяком случае должен прирост общего имущества, произошедший без участия пережившего супруга. См. *Bauch R.* Op. cit. § 332. S. 1557. Rn. 9; *Schallenberg R., Rafiqpoor P.* Op. cit. § 332. Rn. 42.

⁵²⁴ К примеру, если переживший супруг в период брака не участвовал в управлении общим имуществом, то его обязательства, возникшие из совершенных им сделок, должны быть признаны обязательствами общего имущества, являвшимися таковыми к моменту возникновения Общности, а кредиторы по таким обязательствам в производстве над имуществом Общности должны быть отнесены к числу конкурсных, только при том условии, что указанные сделки были одобрены управлявшим общим имуществом супругом (абз.1 § 1437, абз.1 § 1438 BGB).

имущества Общности и тем самым ограничению персональной ответственности супруга по требованиям, исполнение по которым должно быть предоставлено из общего имущества, пределами обособленной имущественной массы – данного общего имущества. Иначе говоря, переживший супруг может добиваться изменения своего правового положения в правоотношениях Общности в части объема ответственности (интерес пережившего супруга);

2) обеспечению обособленного удовлетворения кредиторов общего имущества⁵²⁵, чьи притязания являлись обязательствами общего имущества уже в период существования супружеской имущественной общности, и, соответственно, устранению от получения расчета за счет общего имущества всех прочих кредиторов (интерес кредиторов).

Итак, приведенные характерные черты юридической регламентации отношений в рамках имущественной общности супругов позволяют обозначить следующие моменты.

К числу гражданско-правовых особенностей регулирования ответственности супругов в праве Германии относится непосредственная взаимосвязь между несением супругами персональной ответственности по обязательствам общего имущества и наличием полномочия на управление общим имуществом⁵²⁶. Эта же особенность зеркально отражается в правоотношениях несостоятельности: должником супруг признается только при одновременном присутствии двух условий, а именно, ему принадлежит право собственности на имущество, на которое кредиторы обращают взыскание, и он наделен правомочием управления таким имуществом. Если же лицо не признается должником в производстве, в рамках которого отвечает перед кредиторами общее имущество, то его личное имущество никак не затрагивается процедурой несостоятельности, а его личные кредиторы не вовлекаются в процесс.

---

⁵²⁵ *Bauch R.* Op. cit. § 332. S. 1555. Rn. 1.

⁵²⁶ *Schallenberg R., Rafiqpoor P.* Op. cit. § 332. Rn. 15, 18.

Следующим вопросом, требующим внимания, является вопрос об участниках дела о банкротстве в случае смерти должника.

В силу ст. 1175 ГК РФ по долгам умершего лица - наследодателя отвечают все принявшие наследство наследники независимо от основания наследования и способа принятия ими наследства, а также Российская Федерация, города федерального значения и муниципальные образования, в собственность которых наследственное имущество перешло в порядке наследования по закону как выморочное (п. 60 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 № 9⁵²⁷ (далее – ПП ВС РФ от 29.05.2012 № 9)).

Наследники, принявшие наследство, становятся солидарными должниками (ст. 323 ГК РФ) кредиторов наследодателя и отвечают перед ними в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Следует подчеркнуть, что ВС РФ относит определение стоимости наследственного имущества к числу обязательных обстоятельств, которые подлежат установлению судом при возложении на наследника обязанности по исполнению обязательства наследодателя⁵²⁸. Ответственность наследника по долгам наследодателя как последствие наследования проистекает из его сущности как универсального правопреемства.

Между наследниками возникает правоотношение общей долевой собственности при наследовании по закону – если наследственное имущество переходит к двум или нескольким наследникам, и при наследовании по завещанию – если оно завещано двум или нескольким

---

⁵²⁷ СПС «КонсультантПлюс».

Под долгами наследодателя следует понимать все имевшиеся у наследодателя к моменту открытия наследства обязательства, не прекращающиеся смертью должника (ст. 418 ГК РФ), независимо от наступления срока их исполнения, а равно от времени их выявления и осведомленности о них наследников при принятии наследства. К долгам наследодателя относятся прежде всего обязательства, вытекающие из различных гражданско-правовых договоров (кредитного договора, договора займа, купли-продажи и т.д.), включая долги наследодателя, обеспеченные залогом. См.: Справка по результатам изучения практики в судах Самарской области по спорам об ответственности наследников по долгам наследодателя // СПС «Гарант».

⁵²⁸ Пункт 13 Обзора судебной практики ВС РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 27.12.2017) // СПС «Гарант»). Также при рассмотрении дел о взыскании долгов наследодателя судом должен быть разрешен вопрос о взыскании суммы задолженности с наследников в пределах стоимости перешедшего к каждому из них наследственного имущества (Обзор судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Калининградской области гражданских дел в первом полугодии 2017 года // СПС «Гарант»).

наследникам без указания наследуемого каждым из них конкретного имущества⁵²⁹.

В ситуации отсутствия или недостаточности наследственного имущества требования кредиторов по обязательствам наследодателя не подлежат удовлетворению за счет собственного имущества наследников⁵³⁰.

С 01.10.2015 в Законе о банкротстве появилась процедура банкротства гражданина в случае его смерти, в результате отношения по погашению задолженности наследодателя или же долгов, образовавшихся в связи с его смертью, стали регулироваться как ГК РФ, так Законом о банкротстве.

Анализ положений ГК РФ и Закона о банкротстве позволил установить, что законодатель в данных актах по-разному подошел к регулированию института ответственности наследников по долгам наследодателя, закрепив отличающиеся модели правового регулирования исследуемых отношений.

На наш взгляд, основная проблема применения ГК РФ и Закона о банкротстве состоит в следующем: оба акта исходят из ограниченного характера ответственности наследников по обязательствам наследодателя, но при этом они по-разному определяют пределы размера удовлетворения

---

⁵²⁹ Крашенинников П.В. Указ. соч. С. 131.

⁵³⁰ Применительно к данному законодательному правилу следует обратить внимание на несколько сформулированных в правоприменительной практике позиций.

Во-первых, правовым основанием к отказу в удовлетворении требований кредиторов в части, не покрываемой стоимостью наследственной массы, выступает ссылка на их прекращение невозможностью исполнения в объеме такого превышения (п. 1 ст. 416 ГК РФ). См: п. 60 ПП ВС РФ от 29.05.2012 № 9, Справка по изучению судебной практики по спорам, вытекающим из наследственных правоотношений, рассмотренным судами Саратовской области в 2013-2014 гг. // СПС «Гарант».

Во-вторых, ограничение пределов ответственности наследников стоимостью перешедшего к ним имущества не исключает возможности удовлетворения заявления взыскателя о процессуальном правопреемстве наследников в рамках исполнительного производства, возбужденного в отношении умершего наследодателя, даже при наличии иных судебных решений о взыскании с наследников суммы долга наследодателя при отсутствии данных об их исполнении за счет всего наследственного имущества, поскольку при недостаточности взысканной с должника денежной суммы для удовлетворения в полном объеме требований, содержащихся в исполнительных документах, указанная сумма распределяется между взыскателями в порядке очередности, установленной в ст. 111 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 30.12.2020; СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849) – Определение ВС РФ от 30.01.2018 № 50-КГ17-24 // СПС «КонсультантПлюс».

В-третьих, наследник отвечает по долгам, которые либо вообще еще не существуют в момент открытия наследства (реституционное требование к наследодателю по оспоримой сделке (являющейся таковой в т.ч. по основаниям, предусмотренным ЗоБ), которая была признана недействительной уже после открытия наследства), либо обязанность наследодателя нести ответственность к моменту принятия наследства еще не установлена в судебном порядке (обязанность нести субсидиарную ответственность за наследодателя - контролировавшего должника лица). См.: Определения ВС РФ от 11.05.2018 № 90-ПЭК18, а также от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 // СПС «КонсультантПлюс»).

требований кредиторов должника.

Так, согласно положениям гражданского законодательства:

- 1) ответственность наследников основана на идее ее ограниченности;
- 2) «предел» ответственности наследника определяется *стоимостью* перешедшего к нему имущества, а не самим этим имуществом в натуре.

В результате получается, что положения гражданского законодательства принципиальное значение придают стоимости наследственного имущества, которая определяется на момент открытия наследства. В случае принятия наследства наследником не имеет юридического значения его дальнейшая судьба, следовательно, объекты наследственного преемства могут быть утрачены, уничтожены, отчуждены, может произойти их смешение с собственными аналогичными вещами наследника. Соответственно, в случае обращения кредиторов наследодателя с требованиями к наследнику, принявшему наследство, будет устанавливаться стоимость унаследованного имущества, без выяснения дальнейшей судьбы указанных объектов. При удовлетворении требований исполнение судебного решения будет осуществляться в общем порядке, при этом в ходе исполнительного производства взыскание может быть обращено и на личное имущество наследника.

В Законе о банкротстве закреплено иное правило: в процедуре банкротства в случае смерти лица в конкурсную массу включается *имущество*, составляющее наследство гражданина (абз. 1 п. 7 ст. 223.1 ЗоБ). Как и ГК РФ, Закон исходит из ограниченного характера ответственности по долгам наследодателя, но, в отличие от ГК РФ, в рамках дела о банкротстве кредиторы наследодателя могут претендовать не просто на взыскание задолженности за счет наследников должника, но и на включение самого унаследованного имущества в состав конкурсной массы. В результате Закон о банкротстве при для установления объема ответственности наследников по обязательствам наследодателя использует не стоимостной, а предметный

критерий⁵³¹.

Указанное обстоятельство вызывает к жизни принципиальный вопрос о соотношении приведенных положений ГК РФ и Закона о банкротстве. Если в ГК РФ законодателем изначально предусмотрен ограниченный характер ответственности наследников, т.е. российское наследственное право исходит из того, что не все кредиторы наследодателя получают удовлетворение своих требований, и это абсолютно ординарная, законная и справедливая ситуация, то каково функциональное назначение специальной процедуры несостоятельности над наследственным имуществом, введенной в текст Закона. Реализация наследственного имущества в соответствии с правилами Закона о банкротстве и последующее распределение полученной выручки в очередности, им же предусмотренной?

Следует обратить внимание на то, что ГК РФ действительно каких-либо требований к порядку погашения обязательств наследодателя перед кредиторами не устанавливает, неизвестна действующему гражданскому законодательству и специальная очередность удовлетворения требований кредиторов наследодателя. В обязательственном праве также не обнаруживает себя норма о необходимости исполнения обязательств перед кредиторами, к примеру, с учетом последовательности наступления сроков исполнения. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику, не способно повлиять на исполнение юридических обязанностей наследника (п. 3 ст. 309.1, п. 3 ст. 308 ГК РФ).

---

⁵³¹ В п. 48 ПП ВС РФ № 45 прямо указано, что в деле о банкротстве по правилам § 4 гл. X Зоб объектом взыскания выступает наследственная масса, иное имущество наследника не включается в конкурсную массу.

Данная позиция отражена и в практике других судов: 1) удовлетворение требований кредиторов должника в соответствии с правилами ст. 223.1 Зоб в любом случае осуществляется за счет перешедшего к наследнику умершего гражданина-должника наследственного имущества (Определение КС РФ от 23.07.2020 № 1714-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коднера К.Г. на нарушение его конституционных прав статьей 223.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»); 2) объектом взыскания выступает наследственная масса, а иное имущество наследника не включается в конкурсную массу (постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.08.2019 № Ф05-17008/2018 по делу № А40-51753/2018); 3) банкротство умершего гражданина предполагает банкротство наследственной массы, а наследники отвечают по долгам должника, имеющимся на дату открытия наследства (постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2018 № Ф05-5399/2017 по делу № А40-223986/2015; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.03.2019 № Ф08-925/2019 по делу № А32-11877/2018) // СПС «КонсультантПлюс».

Лишь ст. 1174 ГК РФ закрепляет приоритет отдельных видов долгов, возникших в связи со смертью наследодателя, перед обязательствами самого наследодателя, а также ранжирование этих долгов между собой: в первую очередь возмещаются расходы, вызванные болезнью и похоронами наследодателя, во вторую – расходы на охрану наследства и управление им и в третью – расходы, связанные с исполнением завещания (абз. 2 п. 2 ст. 1174 ГК РФ).

Требования о возмещении указанных расходов могут быть предъявлены к наследникам, принявшим наследство, а до принятия наследства – к исполнителю завещания или к наследственному имуществу. Некоторым своеобразием в контексте порядка их возмещения обладают расходы на достойные похороны наследодателя – для оплаты таких расходов могут использовать любые денежные средства, принадлежавшие наследодателю, в том числе находящиеся на счетах и во вкладах в кредитных организациях, при этом такие организации обязаны по постановлению нотариуса предоставить их лицу, указанному в постановлении, для оплаты рассматриваемых расходов (абз. 1 п. 2, абз. 1, 2, 5 п. 3 ст. 1174 ГК РФ).

Вместе с тем ГК РФ не содержит каких-либо санкций на случай нарушения наследниками последовательности исполнения обязательств перед такими кредиторами. Напротив, в абз. 2 п. 2 ст. 1174 ГК РФ еще раз подтверждается, что все расходы, связанные со смертью наследодателя, возмещаются в пределах стоимости перешедшего к каждому из наследников наследственного имущества. Исчерпание этой стоимости означает невозможность дальнейшего предъявления требований к наследнику.

Соответственно, в ситуации недостаточности стоимости имущества, принадлежавшего наследодателю на момент его смерти, для исполнения обязательств перед всеми его кредиторами вполне возможно, что удовлетворение не получают кредиторы, срок исполнения обязательств перед которыми наступил еще при жизни наследодателя, а также социально незащищенные контрагенты умершего лица.

В этой связи нельзя согласиться со встречающимся в судебных актах арбитражных судов тезисом о том, что «если долги наследодателя в общей сложности превышают стоимость наследственного имущества, применительно к статье 323 ГК РФ *все кредиторы имеют право на частичное удовлетворение требований пропорционально размеру долга* [курсив наш. – Р.Ф.]»⁵³². Данное правило ни из текста ст. 323 ГК РФ, ни из норм части третьей ГК РФ не следует.

Но должны ли для урегулирования вопроса об очередности удовлетворения требований кредиторов быть привлечены нормы конкурсного права⁵³³? Или же банкротный механизм в ситуации смерти гражданина может быть направлен не только на справедливое погашение задолженности умершего, но и на решение иных задач, например по увеличению объема конкурсной массы?

На наш взгляд, использование конкурсного механизма как исключительного способа прекращения обязательств между должником и его кредиторами не может быть основано только на потребности в соблюдении определенной очередности осуществления расчетов с кредиторами. Напротив, должна иметься необходимость применения и других элементов данного механизма, направленных на максимально полное удовлетворение требований кредиторов, в частности, тех правовых средств, которые связаны с формированием конкурсной массы⁵³⁴ или необходимостью учета

---

⁵³² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.07.2020 № Ф03-2569/2020 по делу № А51-4037/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³³ Так, по одному из дел ВС РФ указал, что положения ст. 223.1 ЗоБ направлены лишь *на установление процедуры (порядка) справедливого распределения наследственной массы между кредиторами умершего*, основанной на общих положениях действовавшей ранее материальной нормы – статьи 1175 ГК РФ. См.: Определение ВС РФ от 14.03.2018 № 305-ЭС17-21257 по делу № А40-121537/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³⁴ Применяемая в отношении наследственной массы процедура реализации имущества гражданина по своему характеру и целям проведения близка к конкурсному производству. Поэтому, на наш взгляд, справедливо обращение к разъяснениям ВС РФ, в соответствии с которыми цели процедуры конкурсного производства заключаются *в максимальном наполнении конкурсной массы и справедливом и соразмерном удовлетворении требований кредиторов* за счет средств, вырученных от ее продажи. Формирование конкурсной массы осуществляется, в том числе, за счет реализации конкурсным управляющим полномочий по выявлению и возврату имущества должника, находящегося у третьих лиц, оспаривания сделок должника, привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и т.п. См.: Определение ВС РФ от 27.05.2015 № 310-ЭС14-8980 по делу № А64-6348/2013; п. 16 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

добросовестности поведения несостоятельного должника: оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности, освобождение и неосвобождение от дальнейшего исполнения не погашенных в ходе процедур несостоятельности обязательств.

По смыслу Закона о банкротстве в результате проведения процедуры реализации наследственного имущества наследников нельзя не освободить от оставшихся непогашенными требований кредиторов. Однако, по нашему мнению, правовым основанием для такого вывода выступает не п. 10 ст.223.1 Закона, в силу которого после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения любых требований кредиторов. Данные правила не подлежат применению к наследникам, поскольку в контексте норм о банкротстве умершего лица несостоятельным должником признается наследодатель (наследники же «привлекаются судом к участию в деле о банкротстве в качестве заинтересованных лиц по вопросам, касающимся наследственной массы, с правами лица, участвующего в деле о банкротстве»). Поэтому не освободить наследников от непогашенных долгов умершего должника у суда нет полномочий, поскольку в российском законодательстве такие субъекты не признаются должниками, а следовательно, к отношениям с их участием не применяются соответствующие предписания, относящиеся к должнику. Отсюда их недобросовестное поведение, исходя из буквы закона, учету также не подлежит, предпринятые в судебной практике попытки преодоления этого ограничения вряд ли возможно признать основанными на Законе.

Представляет интерес вопрос о правомерности оспаривания в деле о несостоятельности сделок умершего гражданина и (или) его наследников.

Интерес кредиторов при применении процедуры банкротства над имуществом умершего лица действительно может заключаться не только в справедливом распределении недостаточной для прекращения их требований имущественной (наследственной) массы, но и в возможности обращения к

положениям закона об оспаривании сделок. В судебной практике часто встречаются дела по искам кредиторов, оспаривающих сделки наследодателя со ссылкой на ст. 10 и 168 ГК РФ⁵³⁵, однако возбуждение дела о банкротстве с целью применения данных статей является избыточным.

Более актуальной является проблема применения положений главы III.1 Закона о банкротстве в части оспаривания сделок умершего должника с принадлежащим ему имуществом.

Так, согласно п. 2 ст. 223.1 Закона о банкротстве в случае смерти гражданина или объявления его умершим при рассмотрении дела о банкротстве гражданина в части, не урегулированной настоящим параграфом (§ 4 гл. X), применяются § 1–3 гл. X Закона. В силу п. 1 ст. 213.1 Закона отношения, связанные с банкротством граждан и не урегулированные настоящей главой (гл. X), регулируются, в том числе, главой III.1 Закона⁵³⁶.

В арбитражной практике подтверждена правомерность признания недействительными сделок наследодателя - банкрота по основаниям ст. 61.2 гл. III.1 Закона⁵³⁷. Более того, по специальным основаниям законодательства о банкротстве суды признают недействительными сделки, совершенные наследодателем, но при этом их оспаривание производится в делах о банкротстве других субъектов (напр., в деле о банкротстве кредитной организация признается недействительной банковская операция по неправомерной выдаче наследодателю с его счета наличных денежных

---

⁵³⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.05.2019 № Ф10-1520/2019 по делу № А09-9017/2016 (Определением ВС РФ от 30.08.2019 № 310-ЭС19-13933 отказано в передаче данного постановления в СКЭС ВС РФ для пересмотра) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³⁶ Правовая позиция, посвященная оспариванию сделок наследодателя вне рамок дела о банкротстве, отражена в п. 73 ПП ВС РФ № 9, в силу которого наследники вправе обратиться в суд после смерти наследодателя с иском о признании недействительной совершенной им сделки, в том числе по основаниям, предусмотренным статьями 177, 178 и 179 ГК РФ, если наследодатель эту сделку при жизни не оспаривал, что не влечет изменения сроков исковой давности, а также порядка их исчисления.

⁵³⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.01.2019 № Ф04-5792/2018 по делу № А45-1719/2017 (Определением ВС РФ от 16.05.2019 № 304-ЭС19-5731 отказано в передаче данного постановления в СКЭС ВС РФ для пересмотра); постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2020 № Ф05-2084/2019 по делу № А40-242498/2017; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.01.2021 № Ф02-6530/2020 по делу № А19-21572/2016; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.01.2021 № Ф07-11306/2020 по делу № А52-4517/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

средств из кассы банка)⁵³⁸.

Кроме того, в практике некоторых судов выработана правовая позиция о допустимости оспаривания по правилам главы III.1 Закона сделок не только наследодателя, но и действий, совершенных наследниками в отношении наследственного имущества. Так, по одному из дел суд кассационной инстанции указал, что «целью оспаривания сделок в рамках дела о банкротстве является возврат в конкурсную массу имущества, которое может быть реализовано для удовлетворения требований кредиторов, поэтому оспариваемые сделки, совершенные наследником в отношении наследственной массы, подлежат оспариванию в порядке главы III.1 Закона [курсив наш. – Р.Ф.] в рамках дела о банкротстве должника»⁵³⁹.

Вместе с тем рассматриваемый подход представляется противоречивым. В судебной практике достаточно распространенными являются следующие взгляды на процесс несостоятельности в случае смерти гражданина - должника: 1) при наличии наследственных долгов заявление подается *о признании банкротом умершего гражданина* (наследственной массы), а не о банкротстве его наследников⁵⁴⁰, или «Закон позволяет проводить процедуру банкротства в отношении умершего гражданина»⁵⁴¹ 2) по правилам § 4 гл. X Закона «банкротится наследственная масса»⁵⁴² или «банкротство умершего гражданина предполагает банкротство

---

⁵³⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.10.2019 № Ф04-4058/2016 по делу № А03-20515/2015; Определение ВС РФ от 10.09.2020 № 304-ЭС18-20769(6) по делу № А45-2845/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31.10.2019 № Ф08-9795/2019 по делу № А53-6334/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴⁰ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2018 № Ф05-5399/2017 по делу № А40-223986/2015, от 05.08.2019 № Ф05-17008/2018 по делу № А40-51753/2018; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.03.2019 № Ф08-925/2019 по делу № А32-11877/2018; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.07.2020 № Ф03-2569/2020 по делу № А51-4037/2019; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.11.2020 № Ф04-5222/2020 по делу № А03-3572/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.08.2020 № Ф10-76/2020 по делу № А54-6153/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴² Постановления Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2018 № Ф05-17806/17 по делу № А40-25142/2017; от 25.07.2018 № Ф05-11513/2018 по делу № А40-145926/2017; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.03.2019 № Ф08-925/2019 по делу № А32-11877/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

наследственной массы»⁵⁴³.

Общим для приведенных суждений является идея, в силу которой банкротство умершего гражданина по сути признается «применением конкурсных процедур в отношении обособленного имущества», соответственно, использование правила § 4 гл. X Закона обусловлено сохранением возможности разграничения имущества, входящего в состав наследства, и имущества наследника, то есть сепарацией наследственной массы, за счет которой кредиторы наследодателя могут удовлетворить свои требования.

Таким образом, арбитражными судами наследник не признается должником в производстве над наследственной массой. Ничего не изменяет в его правовом статусе ни правопреемство и замена наследодателя в материальных и процессуальных правоотношениях⁵⁴⁴, ни наличие решения суда о взыскании кредитором с него долга⁵⁴⁵. В результате, получается, что, прямо указывая на отсутствие у наследника статуса должника, арбитражные суды тем не менее применяют нормы Закона о банкротстве для оспаривания действий последнего.

С таким подходом сложно согласиться, поскольку, строго говоря, действующее законодательство о банкротстве не позволяет оспаривать наследникам должника, как сделки самого наследодателя, так и сделки самих наследников с унаследованным имуществом. В первом случае ст. 61.9 Закона о банкротстве не наделяет наследников правом на предъявление иска об оспаривании сделки, а во втором – отсутствует обязательный признак состава недействительности, т.к. наследники не являются должниками в деле о

---

⁵⁴³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2018 № Ф05-5399/2017 по делу № А40-223986/2015; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.03.2019 № Ф08-925/2019 по делу № А32-11877/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴⁴ По одному из дел суд указал следующее: «<...> банкротство и распределение конкурсной массы умершего должника охватывает больший объем прав и обязанностей должника, чем объем прав, приобретенных в порядке процессуального правопреемства наследником». См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.08.2019 № Ф05-17008/2018 по делу № А40-51753/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.06.2018 № Ф08-4198/2018 по делу № А01-2943/2017; постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2019 № Ф05-9647/2019 по делу № А40-229544/2017; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.08.2020 № Ф10-76/2020 по делу № А54-6153/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

банкротстве, и не признаются третьими лицами, совершающими сделки в отношении имущества должника в силу того, что собственник имущества не может считаться третьим лицом по отношению к нему.

В результате, следует прийти к выводу о том, что возможность оспаривания в деле о банкротстве сделок умершего должника по инициативе его наследников либо действий самих наследников по инициативе арбитражного управляющего или кредиторов должника не соответствует законодательству о несостоятельности и сформированным самой судебной практикой представлениям о положении наследников в деле о банкротстве.

Очевидно, что современное регулирование вопросов ответственности наследников по долгам наследодателя, предусмотренное ГК РФ и Законом о несостоятельности, нельзя признать удовлетворительным.

Для решения обозначенной проблемы могут быть выбраны следующие варианты: 1) установить в ГК РФ принцип неограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя и использовать процедуру банкротства, применяемую в случае смерти должника, как особый инструмент ограничения ответственности правопреемников наследодателя; 2) вообще отказаться от процедуры банкротства в случае смерти гражданина, установив в ГК РФ очередность удовлетворения требований кредиторов; 3) использовать закрепленный в Законе механизм в экстраординарных случаях, требующих, к примеру, оспаривания сделок по специальным основаниям банкротного права; 4) обратиться к историческим институтам, например *cessio bonorum*: наследник уступает все наследственное имущество сообществу кредиторов, а далее уже кредиторы как лица, заинтересованные в получении наибольшей квоты удовлетворения своих требований, осуществляют его реализацию. Выбор любого из предложенных вариантов решения требует внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты.

В немецком правопорядке проблема непротиворечивого действия норм гражданского права и права несостоятельности разрешена следующим

образом. Так, в Положении урегулирована специальная процедура несостоятельности над наследством – *Nachlassinsolvenzverfahren* (§§315–331).

Несмотря на то что в тексте Положения о несостоятельности не закреплено соответствующее правило, как и в российском праве, данная процедура может иметь место в двух ситуациях: а) когда должник умирает или объявляется умершим во время проведения производства о несостоятельности над его имуществом (в этой случае производство автоматически преобразуется и продолжается уже как процесс над наследством)⁵⁴⁶; б) заявление об открытии процедуры подается уже после смерти лица или объявления его умершим.

Одной из основных целей института производства о несостоятельности на наследственной массе выступает предоставление наследнику возможности ограничения своей ответственности по долгам, входящим в состав перешедшего к нему наследственного имущества, размером последнего.

Так, согласно абз. 1 § 1922, § 1967 BGB со смертью лица (открытие наследства) его имущество (наследство) в порядке универсального правопреемства переходит к одному или нескольким другим лицам (наследникам) и становится собственным имуществом наследника. По этой причине наследник становится лично обязанным по всем наследственным долгам (*Nachlassverbindlichkeiten*)⁵⁴⁷.

---

⁵⁴⁶ Данная юридическая возможность закреплена в практике Федерального Верховного Суда Германии. См.: BGH, Beschluss vom 21.02.2008 – IX ZB 62/05 // bundesgerichtshof.de.

⁵⁴⁷ В силу абз. 2 § 1967 BGB среди наследственных обязательств могут быть выделены две группы долгов: 1) долги, происходящие от наследодателя (*Erblasserschulden*); 2) долги, связанные с открытием наследства и не обусловленные поведением наследника (*Erbfallschulden*), – обязательства, затрагивающие наследника в этом качестве, в частности обязательства, вытекающие из прав на обязательную долю, завещательных отказов и возложений. К числу *Erbfallschulden* относятся также требования внебрачного ребенка о получении доли в наследстве (*Erbersatzansprüche*), притязания, близкие к завещательному отказу, обязательства о предоставлении содержания (*Unterhaltsansprüche*; § 1969 BGB), расходы на погребение (§ 1968 BGB), иные наследственные расходы и расходы, связанные с управлением наследством, налог на наследство (*Bork R. Einführung in das Insolvenzrecht. Tübingen, 2017. S. 263. Fn. 2; Weidlich D. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Nebengesetzen / Palandt ; bearbeitet von G. Brudermüller [und 9 weiteren]. München, 2017. §1967. S. 2315. Rn. 7*). В судебной практике высказана позиция о том, что правила §§ 1922, 1967 BGB по общему правилу не распространяются на требования и обязательства публично-правового характера: какие из них и в каком объеме включаются в наследство, определяется нормами публичного права, и только в отсутствие специальных законодательных предписаний преемство в публичных правах и обязанностях регламентируется указанными параграфами BGB, что не влияет на публично-правовую природу

Необходимо выделить следующие отличительные особенности наследственного преемства по гражданскому праву Германии:

– в соответствии с систематикой BGB наследник изначально несет неограниченную ответственность по обязательствам наследодателя: он отвечает всем принадлежащим ему имуществом, а не только перешедшей к нему имущественной массой правопреемника (§§ 1967, 2058 BGB);

– наследственное имущество переходит к наследнику уже в момент открытия наследства (поступление наследства) (абз. 1 § 1942 BGB)⁵⁴⁸. С этого времени наследник, будучи универсальным правопреемником, приобретает статус так называемого временного наследника (*vorläufiger Erbe*), в дальнейшем такой наследник становится окончательным, полноценным наследником (*endgültiger, vollwertiger Erbe*), если он: а) примет наследство либо не оспорит принятие наследства, при наличии к тому оснований, в течение шести недель со дня прекращения принуждения под угрозой или со дня, когда ему стало известно об основаниях для оспаривания; б) в течение по общему правилу шести недель с момента, когда ему стало известно о поступлении наследства и об основании призвания к наследованию, не откажется от наследства посредством заявления об этом суду по наследственным делам⁵⁴⁹ (по истечении этого срока наследство считается принятым). В случае отказа от наследства его поступление отказавшемуся считается несостоявшимся. От принятого же наследства наследник отказаться уже не вправе (§§ 1942–1946, 1953–1957 BGB). Таким образом, непосредственное принятие наследства не является необходимой

соответствующих правоотношений (BGH, Urteil vom 22.01.1971 – I ZR 132/69 // wolterskluwer-online.de. Rn. 15; Bundessozialgericht, Urteil vom 03.04.2014 – B 5 R 25/13 R // wolterskluwer-online.de. Rn. 21). В частности, на основании абз. 1 § 1922 BGB наследник является обязанным по уплате церковного налога (Kirchensteuer) (BFH, Urteil vom 21.07.2016 – X R 43/13 // wolterskluwer-online.de. Rn. 18). Также к числу наследственных обязательств относится налог с наследства (Erbschaftsteuer) (Bundesfinanzhof, Urteil vom 20.01.2016 – II R 34/14 // wolterskluwer-online.de. Rn. 11–22).

⁵⁴⁸ В литературе данное правило получение обозначение принципа универсальной сукцессии. См.: Erbrecht: ein Lehrbuch / begr. von H. Lange. Fortgef. seit der 2. Aufl. von K. Kuchinke. München, 2001. S. 85.

⁵⁴⁹ Законом установлены и некоторые особые правила о начале течения и продолжительности этого срока. К примеру, если наследник призван к наследованию распоряжением на случай смерти, течение срока начинается не ранее оглашения этого распоряжения судом по наследственным делам. Если последнее место жительства наследодателя находилось только за границей или если наследник к моменту начала течения срока пребывал за границей, срок для отказа от наследства равен шести месяцам (абз. 3 § 1944 BGB).

предпосылкой для наступления ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство⁵⁵⁰. Как непосредственное принятие наследства, так и истечение срока, предусмотренного для отказа от него, равным образом влекут для (окончательного) наследника последствия в виде обязанности отвечать по своим собственным обязательствам и по наследственным долгам всем своим имуществом (личным и наследственным)⁵⁵¹. Собственное имущество наследника и имущество, перешедшее к нему в порядке наследования образуют так называемое «отвечающее имущество» (Haftungsvermögen).

Рассматриваемая система законодательных положений обеспечивает добросовестность поведения наследников, повышая тем самым шансы кредиторов на получение удовлетворения их требований.

Одновременно с этим наследнику предоставляется возможность различными способами ограничить объем своей ответственности. В числе таких способов особо следует выделить два: наследственное управление и открытие производства о несостоятельности над наследством (§ 1975 BGB). Общих для обоих правовых инструментов является то, что в результате обращения к ним наследственным кредиторам предоставляется для удовлетворения своих требований только наследство, тогда как предъявление притязаний к собственному имуществу наследника исключается (§ 1975 BGB).

При этом управление наследством применяется в той ситуации, когда наследственного имущества предположительно достаточно для удовлетворения всех требований кредиторов. Если же его не хватает, то следует обратиться с заявлением об открытии указанной процедуры несостоятельности (§ 1980, абз. 2 § 1985 BGB). Функциональное назначение

---

⁵⁵⁰ Weidlich D. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Einführungsgesetz (Auszug) ... / Palandt. Bearb. von P. Bassenge ... . München, 2003. §1942. S. 2135. Rn. 1–3.

⁵⁵¹ В литературе указано, что до приобретения временным наследником статуса окончательного принадлежащее его имущество юридически отделяется от имущественной массы наследодателя. Поэтому единоличная ответственность первого еще не наступает. И наоборот, с момента, когда лицо становится окончательным наследником, собственное имущество наследника и наследственная масса уже не разделяются, образуя общее имущество наследника, что и влечет обозначенные выше последствия. См.: Braun E. Insolvenzordnung. Kommentar. München, 2007. S. 1499. Rn. 16, 17.

процедуры несостоятельности над наследством состоит как раз в том, чтобы ограничить ответственность наследника по наследственным обязательствам лишь имуществом, входящим в состав наследственной массы⁵⁵².

Таким образом, процедура несостоятельности над наследственным имуществом – это специальный способ ограничения ответственности наследника по долгам наследодателя (§§ 1975, 2013 BGB)⁵⁵³. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что цель у такой процедуры двойственная: цель ограничения ответственности сообщества наследников пределами перешедшего к ним имущества наследодателя сосуществует и тесно связана с целью защиты интересов наследственных кредиторов (*Nachlassgläubiger*), которые получают возможность удовлетворить свои требования за счет обособленной массы, исключая обращение на нее взыскания со стороны как самих наследников, так и их личных кредиторов. Если же за открытием производства о несостоятельности никто не обратится, то может быть открыта процедура несостоятельности на всем совокупным имуществом наследника⁵⁵⁴.

Производство по делу о несостоятельности над наследственным

---

⁵⁵² BGB и ПоН содержат различные способы ограничения ответственности наследника по долгам наследодателя. Германскими учеными они подразделяются на две группы: 1) способы временного ограничения ответственности; 2) способы окончательного ограничения ответственности. Производство о несостоятельности относится ко второй группе (§§ 1975 и далее BGB, §§ 315–332 ПоН). См.: *Braun E.* Op. cit. S. 1499–1502.

⁵⁵³ Закону, однако, известны случаи, когда данный способ не приводит к желаемому юридическому эффекту. Сюда относятся ситуации совершения наследником известных правонарушений, влекущих возложение на него неограниченной ответственности. Так, если наследник нарушит срок, определенный судом, для составления инвентарной описи (*Inventarverzeichnis*) наследственного имущества (*Inventarsäumnis*) (предл. 2 абз. 1 § 1994 BGB) или же умышленно внесет в нее ложные сведения (*Inventaruntreue*) (предл. 1 абз. 1 § 2205 BGB) либо если наследник откажется дать заверение, равносильное присяге, относительно правильности проведенной инвентаризации (предл. 1 абз. 3 § 2006 BGB), то он будет нести неограниченную ответственность перед кредиторами наследодателя, в том числе собственным имуществом (§§ 1994, 2005 BGB) (подробнее см.: *Holzer J.* Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 3 / hrsg. von B.M. Kübler, H. Prütting, R. Bork. Köln, 2012. § 316. S. 3. Rn. 7–11; *Holzer J.* Kommentar zur Insolvenzordnung / B.M. Kübler, H. Prütting, R. Bork, J. Holzer. 80. EL Juni 2019 // wolterskluwer-online.de. § 315 Rn. 3, 4).

⁵⁵⁴ В соответствии с немецким законодательством в ситуации недостаточности имущества для погашения всех долгов возможны следующие конструкции: 1) личный кредитор наследника или кредитор наследственного имущества обращается с заявлением об открытии производства о несостоятельности над имуществом, принадлежащим наследнику. В этом случае открывается «обычное» производство над совокупным имуществом наследника, а квоту удовлетворения получают все кредиторы; 2) наряду с процедурой над наследством открывается второе производство – над собственным имуществом наследника; 3) наследник, несущий неограниченную ответственность перед всеми кредиторами наследства, подает заявление об открытии производства над наследственным имуществом. См.: *Förste U.* Op. cit. S. 302–303. Rn. 648, 650.

имуществом является одним из предусмотренных Положением о несостоятельности исключений из общего правила о том, что в процедуру несостоятельности вовлекаются все кредиторы должника, а предметом реализации в нем выступает все имущество должника, на которое может быть наложен исполнительский арест. Данный подход является проявлением в правоотношениях несостоятельности общегражданского принципа: должник отвечает за исполнение своих обязательств всем своим имуществом. Возвращаясь к несостоятельности над наследством, следует отметить, что здесь речь идет о так называемой обособленной или партикулярной несостоятельности, которая предполагает реализацию ответственности лишь перед частью кредиторов и за счет определенной области имущественной сферы лица. Отсюда следует один важный практический вывод: наряду с открытием производства над унаследованным имуществом, допустимо второе производство о несостоятельности – над собственным имуществом наследника.

Согласно абз. 2 § 316 ПоН в ситуации наличия нескольких наследников, открытие производства допустимо и после раздела наследства. Вместе с тем производство о несостоятельности происходит всегда над всем наследством, а не над его частью (абз. 3 § 316 ПоН).

При открытии производства по делу о несостоятельности наследственная масса и собственное имущество наследника вновь становятся двумя обособленными имущественными массами⁵⁵⁵. То есть его открытие влечет юридическое разделение имущества и ответственности (*Vermögens- und Haftungssonderung*), в результате чего наследственная масса отделяется от собственного имущества наследника. При этом подобное разделение производится с максимально возможной обратной силой по отношению к моменту открытия наследства. Указанное правовое последствие служит интересам как самого наследника, так и кредиторов наследодателя: с одной

---

⁵⁵⁵ *Bork R.* Op. cit. S. 265–266. Rn. 496; *Huber M.* Neues Insolvenzrecht – Eine Einführung mit Fallbeispielen // Juristische Schulung. 1998. S. 1142.

стороны, наследник несет ответственность перед кредиторами наследодателя только в размере наследства, но не своим собственным имуществом, с другой стороны, исключается возможность удовлетворения требований собственных кредиторов наследника за счет имущества, входящего в наследственную массу, поскольку перед ними наследник отвечает только своим собственным имуществом⁵⁵⁶.

Среди правовых последствий, которые влечет открытие производства по делу о несостоятельности, можно назвать следующие.

Во-первых, в случае, если до начала процедуры несостоятельности наследник произвел отчуждение, изменил, повредил или уничтожил предметы из наследственной массы, несмотря на обратную силу начала производства о несостоятельности, направленную к моменту открытия наследства, такие правовые действия по общему правилу являются действительными. С другой стороны, в интересах кредиторов наследодателя наследство должно как можно в большей степени быть приближено к тому объему, которое оно имело на момент смерти наследодателя. Тем самым немецкий законодатель стремится провести процедуру таким образом, как если бы она была введена одновременно с открытием наследства (принцип «обратной ориентации к моменту открытия наследства»). Закон достигает данной цели посредством того, что наследник, также с обратной силой, признается «управляющим чужим имуществом» (наследством), что позволяет установить его ответственность за осуществленное управление (§ 1978 BGB). Однако данное положение об ответственности утрачивает свое действие, если наследник несет неограниченную ответственность (абз. 1 § 2013 BGB).

Распоряжения должника в отношении наследства, совершенные им уже после возбуждения производства по делу о несостоятельности, являются недействительными (абз. 1 § 81 ПоН).

Во-вторых, несмотря на введение процедуры несостоятельности,

---

⁵⁵⁶ Brox H. Erbrecht. Köln, Berlin, Bonn, München, 2001. S. 393.

наследник остается правообладателем наследства. В момент, указанный в определении суда об открытии производства, он лишь утрачивает полномочие по управлению и распоряжению предметами, входящими в состав наследства, которое (полномочие) переходит управляющему несостоятельностью (предл. 1 абз. 1 § 1984 BGB, абз. 1 § 80 ПоН). Управление наследством (§ 1975 BGB) или вызывное производство оканчиваются в этот же момент (абз.1 § 1988 BGB, абз.2 § 993 ZPO).

Управляющий должен вступить во владение наследством, осуществить управление им, реализовать его (абз. 1 § 148, § 159 ПоН)⁵⁵⁷, а также распределить поступления (§ 187 ПоН). Ему также принадлежат право на ведение процесса и право на оспаривание сделок (§§ 129 и далее, § 322 ПоН). Обеспечением надлежащего исполнения управляющим возложенных на него обязанностей служит возникающее между ним и иными участниками производства законное обязательственное правоотношение. На этой основе управляющий несет ответственность за виновное нарушение своих обязанностей (§ 60 ПоН)⁵⁵⁸.

Вопрос о должнике в производстве над наследственным имуществом не относится в немецком праве к числу дискуссионных. Не вызывает сомнений у ученых то обстоятельство, что наследство представляет собой лишь особый вид имущества, выделенный из общей массы и используемый в определенных целях, не обладающий качествами самостоятельного субъекта права или чертами, сближающими его с юридическим лицом. Данная характеристика предопределяет возможность предъявления требований со стороны кредиторов не самой наследственной массе, а наследнику, управляющему наследством или управляющему; и наоборот, права требования, входящие в наследство, заявляются, например, управляющим. Отсюда логично следует, что наследство, будучи неспособным

---

⁵⁵⁷ Bork R. Op. cit. S. 205.

⁵⁵⁸ Eickmann D. Heidelberger Kommentar zur Insolvenzordnung. Heidelberg, 1999. S. 207.

имуществом, не может быть должником в процедуре несостоятельности⁵⁵⁹.

Должником в процедуре несостоятельности, направленной на обращение взыскания на наследство, является наследник, но не потому, что он привел к появлению оснований для открытия производства, а по причине того, что в результате наследственного преемства именно он становится носителем заключенных в наследственной массе имущественных ценностей и наследственных обязательств, а значит и особого имущества – предмета процесса несостоятельности. Тем самым наследник рассматривается как лицо, пригодное для того, чтобы «привязать» к нему роль должника в правоотношениях несостоятельности. При наличии нескольких наследников статус должников приобретает общность наследников (*Erbengemeinschaft*), совокупно владеющих наследством, в их связанности совместной рукой⁵⁶⁰.

Согласно правилам гражданского законодательства при множественности наследников все они являются лицами, совместно управомоченными в отношении наследства, тем не менее множественность сонаследников не образует (частично) правосубъектное объединение. По смыслу Положения о несостоятельности в рамках сообщества наследников каждый из них является должником в процессе несостоятельности. На этом, в частности, основана норма абз. 2 § 317 ПоН, допускающая подачу заявления любым из наследников⁵⁶¹.

В период пока наследники неизвестны или неизвестно, приняли ли они наследство, суд может назначить попечителя над наследственным

---

⁵⁵⁹ *Braun E.* Insolvenzordnung. Kommentar. München, 2007. S. 1503. Rn. 3; *Erbrecht: ein Lehrbuch / begr. von H. Lange.* Fortgef. seit der 2. Aufl. von K. Kuchinke. München, 2001. S. 1255–1256.

⁵⁶⁰ *Braun E.* Op. cit. S. 1503. Rn. 4; *Hanisch H.* Nachlaßinsolvenzverfahren und materielles Erbrecht – Schwerpunkte im Binnen- und im Auslandsbezug // Festschrift für Wolfram Henckel zum 70. Geburtstag am 21. April 1995 / hrsg. von W. Gerhardt, U. Diederichsen, B. Rimmelspracher, J. Costede. Berlin ; New York, 1995. S. 377–378.

⁵⁶¹ *Bork R.* Einführung in das Insolvenzrecht. Tübingen, 2017. S. 264. Rn. 493; S. 264. Fn. 11; S. 265. Fn. 19.

Из-за отсутствия в российском праве четкой правовой регламентации правового статуса наследников в деле о банкротстве над наследственным имуществом в доктрине было высказано мнение о том, что право на подачу заявления может быть осуществлено наследниками только совместно. См.: *Михалев К.А., Петров Е.Ю.* Основы наследственного права России, Германии, Франции / Под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М., 2015. С. 222. С этим мнением нельзя согласиться, поскольку наследники не образуют сообщества, наделенного юридической самостоятельностью, каждый из них сохраняет независимость по отношению к другим наследникам и вправе по общему правилу реализовывать права, связанные с наследственным имуществом, единолично.

имуществом, который является законным представителем наследников. В аналогичных условиях суд по ходатайству правомочного лица уже обязан назначить попечителя наследства, если его назначение необходимо для заявления в судебном порядке требования в отношении наследственной массы (§ 1961 BGB).

Первоначально, вплоть до возможного отказа от наследства, должником признается временный наследник. В случае отказа от наследства его место ретроспективно занимает подназначенный ему наследник (§ 2096 BGB) или иной призываемый к наследованию наследник. Если наследственная субституция происходит уже в производстве по делу о несостоятельности над наследством, то последующий наследник приобретает статус должника *ex nunc* (§ 2106 BGB). То же самое имеет место при преемстве в отношении наследства в случае заключения договора покупки наследственной массы⁵⁶².

Как и в случае с российским правом, особый интерес вызывает предложенное в науке и судебной Германии решение вопроса об оспаривании правовых действий наследодателя и наследника.

Основываясь на том, что, как показано выше, правовой статус наследников в немецком праве несостоятельности четко определен, господствующий взгляд исходит из правомерности признания недействительными сделок как наследодателя, так и наследника.

Поскольку с материально-правовой точки зрения наследник становится правовым носителем наследства лишь после открытия наследства, до этого момента определяющей для целей оспаривания неправомерных действий является фигура наследодателя: применительно к нему устанавливаются действия, которые потенциально могут быть оспорены, а также определяются соответствующие субъективные и объективные элементы составов недействительных сделок (наличие цели причинить вред кредиторам; круг лиц, близких к должнику (*nahestehende Person*)). То же

---

⁵⁶² *Hanisch H.* Op. cit. S. 378–379.

касается действий должника, совершенных после открытия наследства⁵⁶³.

Однако возникает вопрос об охвате нормами об оспаривании тех действий, которые были совершены временным наследником, в дальнейшем отказавшимся от наследства. По мнению Федерального Верховного Суда Германии: а) отказ от наследства в качестве своего последствия влечет с обратной силой квалификацию перехода наследства как несостоявшегося (абз. 1 § 1953 BGB), поэтому распоряжения предварительного наследника по общему правилу становятся недействительными; б) поскольку отказавшийся от наследства являлся должником, а потому определяющим является тот факт, кто занимал правовое положение наследника в момент совершения оспариваемого действия. Именно в отношении него, а не окончательного наследника, выявляются умысел, знание или незнание о каких-либо обстоятельствах и др.⁵⁶⁴

Принимая во внимание вышесказанное, следует заключить, что немецкая модель ответственности наследника перед наследственными кредиторами, по сравнению с российской, выглядит более системной, образуя непротиворечивое единство между нормами гражданского права и права несостоятельности.

Одновременно с этим необходимо поставить вопрос об обоснованности идеи о воспроизведении представленной модели в российском правовом порядке. Нам видится, что наличие специального законодательства о процедуре несостоятельности в отношении наследства как особом правовом средстве, направленном на прекращение правоотношений, возникших ранее между умершим лицом и его контрагентами, а после открытия наследства между наследниками и иными лицами, чьи притязания вызваны процедурой наследования, строго говоря, должно быть альтернативой неограниченной ответственности наследственных правопреемников. Логика законодательного регулирования имущественных отношений подсказывает,

---

⁵⁶³ Hanisch H. Op. cit. S. 378–379.

⁵⁶⁴ BGH, Urteil vom 16.05.1969 – V ZR 86/68 // www.wolterskluwer-online.de. Rn. 14, 16, 18.

что если в правовую систему какого-то государства вводится особое правовое средство, которое традиционно используется для целей ограничения объема ответственности субъектов, то в ординарной ситуации, при неприменении данного правового средства, в правоотношениях с участием указанных субъектов ответственность должна носить неограниченный характер. В противном случае появление в правовых актах дополнительных способов установления пределов ответственности приводит лишь к умножению юридических существей, призванных решать одни и те же задачи.

По нашему мнению, в перспективе российский законодатель должен двигаться именно в направлении установления неограниченной ответственности наследников в гражданском праве и предоставления права ее «сужения» через механизм несостоятельности.

Следующим вопросом, требующим осмысления, является вопрос о возможности применения Закона о банкротстве в отношении иных неправосубъектных объединений граждан.

Так, М.В. Телюкина указывает, что к объединению, представляющему собой группу лиц без регистрации в качестве юридического лица, невозможно применение Закона о банкротстве. В таких случаях к входящим в указанное объединение физическим лицам можно применять положения Закона, регулирующие банкротство граждан, – в отношении каждого из членов в отдельности⁵⁶⁵. Напротив, в литературе отмечается, что на практике возможна ситуация, когда признакам несостоятельности будет отвечать образование, фактически участвующее в имущественном обороте, но по тем или иным причинам не приобретшее правового статуса юридического лица⁵⁶⁶.

В разное время в российской доктрине поднимались вопросы о распространении предписаний российского банкротного законодательства на

---

⁵⁶⁵ Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 116–117.

⁵⁶⁶ Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 82–83.

такие объединения без статуса юридического лица, как простые товарищества, филиалы (представительства), некоторые финансово-промышленные группы⁵⁶⁷ и др. Для решения обозначенной проблемы в российской науке предложено изучить зарубежный опыт, в частности обратить внимание на «германскую модель формального наделения статусом юридического лица образований, не являющихся юридическими лицами (в рамках производства по делам о несостоятельности), а также английский подход к вопросу применения процедур несостоятельности к незарегистрированным компаниям»⁵⁶⁸.

Однако в действительности неправосубъектное образование в правопорядке Германии статусом юридического лица не наделяется. В доктрине утверждается, что существует три вида носителей прав: физические лица, юридические лица и внешние объединения лиц, действующие как объединения совместной руки⁵⁶⁹.

Решение законодателя, объявившего некоторые формы объединений лиц несостоятельноспособными (ном. 1 абз. 2 § 11 ПоН), обусловлено тем, что с точки зрения современного права они признаются самостоятельными носителями прав и обязанностей (активов и пассивов), выступают под своим наименованием истцом и ответчиком в суде, владеют собственным имуществом, отграниченным нормами права об ответственности от имущества других участников оборота, а также, как и юридические лица, обладают активной и пассивной гражданско-процессуальной правоспособностью⁵⁷⁰. Наделение таких общностей материальной и процессуальной правоспособностью подтверждено и в судебной практике⁵⁷¹.

Остается вместе с тем вопрос о том, приводит ли обладание

---

⁵⁶⁷ *Ткачёв В.Н.* Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М., 2007. С. 51. По мнению названного ученого, банкротство неправосубъектных образований является в ряде случаев оправданным с точки зрения защиты контрагентов.

⁵⁶⁸ *Степанов В.В.* Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999. С. 44–45, 47–48.

⁵⁶⁹ *Gesellschaftsrecht / von K. Schmidt.* Köln; Berlin; Bonn; München, 2002. S. 181.

⁵⁷⁰ *Ott C., Vuita M.* Op. cit. § 11. S. 265. Rn. 2.

⁵⁷¹ BGH, Urteil vom 29.01.2001 – II ZR 331/00 // BGHZ. 146. S. 341–361.

названными видами правоспособности к приобретению собственной правосубъектности. В германской науке по данному вопросу имеются две противоположные точки зрения⁵⁷².

Неправосубъектные объединения, отнесенные немецким законодателем, судебной практикой к потенциальным должникам в процедуре несостоятельности, по общему правилу приобретают *Insolvenzfähigkeit* с момента их возникновения, что определяется моментом внесения записи в торговый реестр. Если, как в случае с товариществом гражданского права (простым товариществом), реестр для соответствующей формы объединения не ведется, то оно признается существующим с момента образования обособленного имущества (*Sondervermögen*) и совершения «первого шага во вне», то есть принятия участия в правовом обороте посредством осуществления юридически значимого действия⁵⁷³.

В то же время объединения без правосубъектности могут образовать собственное имущество и начать участвовать в торговой деятельности еще до момента регистрации в торговом реестре. В данном случае возможно вести речь о несостоятельноспособном незарегистрированном (предварительном) обществе (*Vorgesellschaft*). Если же указанные предпосылки предварительного общества отсутствуют, а лица еще только объединились для цели его учреждения и создания обособленного имущества (*Sondervermögen*), то наличествует лишь предобразованное общество (*Vorgründungsgesellschaft*), не являющееся, в отличие от незарегистрированного, *insolvenzfähig*⁵⁷⁴.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что по праву Германии участие в правоотношениях несостоятельности объединений лиц, не

---

⁵⁷² Негативный подход, в рамках которого отрицается наличие у рассматриваемых объединений самостоятельной правосубъектности, – см.: *Prütting H.* Op. cit. § 11. S. 9. Rn. 26. Напротив, позитивный взгляд отстаивает, к примеру, У. Эрике, по мнению которого обозначение перечисленных в ном. 1 абз. 2 § 11 ПоН форм объединений как неправосубъектных является неточным, поскольку такие объединения являются правоспособными и тем самым могут быть *субъектами права* (*Ehrlicke U.* Op. cit. S. 322. Rn. 58).

⁵⁷³ Отсюда не может быть должником так называемое негласное товарищество – объединение, в котором участвуют по крайней мере два субъекта: владелец предприятия (*Geschäftsinhaber*) и негласный товарищ, поскольку в нем не формируется имущество объединения. *Frankenstein H.* *Stille Gesellschaft und Konkurs // Konkurs- und Treuhandwesen.* 1936. № 11. S. 159.

⁵⁷⁴ *Prütting H.* Op. cit. § 11. S. 9. Rn. 26–27.

наделенных статусом юридического лица, основывается в первую очередь не на положениях права несостоятельности и не на теоретических разработках в этой правовой области, а на конкретных исторически сложившихся особенностях правовой системы Германии, допускающей вступление в правовые связи коллективных целевых образований с особым правовым статусом.

В качестве неправосубъектного образования, участие которого в качестве должника в деле о банкротстве фактически уже предусмотрено в ныне действующем российском конкурсном законодательстве, в юридической литературе чаще все называется крестьянское (фермерское) хозяйство, не зарегистрированное в качестве юридического лица⁵⁷⁵ (далее также – КФХ).

Так, с точки зрения М.В. Телюкиной, В.Н. Ткачёва, несмотря на то что банкротство КФХ формально построено по модели банкротства индивидуального предпринимателя, фактически речь все же идет о банкротстве самого хозяйства⁵⁷⁶.

Т.П. Шишмарева полагает, что нормами § 3 гл. X Закона о банкротстве предусмотрено одновременное признание несостоятельным КФХ и его главы. Тем не менее такое признание не требуется, поскольку должником в деле о банкротстве является само КФХ, а конкурсную массу составляет имущество хозяйства, отделенное от имущества его главы⁵⁷⁷.

Вывод об участии в правоотношениях несостоятельности КФХ, как

---

⁵⁷⁵ Карелина С.А. Указ. соч. С. 49–50; Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2003 // СПС «КонсультантПлюс»; Она же. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 116, 277; Фролов И.В. Современная классификация видов крестьянских (фермерских) хозяйств как специальных субъектов и особенности их банкротства в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 30; Шишмарева Т.П. Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 86–89.

⁵⁷⁶ Телюкина М.В. Указ. соч. В другом исследовании автор тем не менее отмечал, что положения о банкротстве главы КФХ представляют собой исключение из правил ст.24 ГК о том, что гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим именно ему имуществом. В ходе конкурсного производства КФХ подлежит реализации не доля главы хозяйства в общей собственности его членов, а все это имущество. См.: Телюкина М.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. Том 1. Комментарий к ст.25 / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 2006 // СПС «КонсультантПлюс»; Ткачёв В.Н. Указ. соч. С. 50–51, 208, 260.

⁵⁷⁷ Шишмарева Т.П. Указ. соч. С. 89.

отличного от его членов субъекта, коррелирует с обосновываемой некоторыми исследователями концепцией признания КФХ, наряду с физическими и юридическими лицами, самостоятельным субъектом права, наделенным собственной правосубъектностью, участвующим в правовых отношениях от своего имени, несущим материальную ответственность по своим обязательствам, выступающим истцом и ответчиком в суде и др.⁵⁷⁸

Иную позицию занимает В.Н. Шахова. С ее точки зрения, КФХ, будучи формой предпринимательства без образования юридического лица, не может считаться должником в деле о банкротстве⁵⁷⁹.

По нашему мнению, ученые - сторонники первой точки зрения, верно указывая на особенность предмета производства по делу о несостоятельности – имущество КФХ, делают преждевременный вывод о том, что Законом урегулирована процедура несостоятельности особого субъекта конкурсных правоотношений – правоспособного образования. Представляется, что КФХ таковым не является, и для возбуждения производства по делу, предметом которого будет выступать общая собственность членов КФХ, не требуется отходить от субъектной концепции должника и вводить в российское право конструкцию правосубъектного объединения.

Итак, нами были рассмотрены три ситуации, обсуждаемые в российской науке конкурсного права применительно к несостоятельности гражданина. Общими между указанными случаями являются следующие обстоятельства:

- 1) наряду с лицом, являющимся должником в правоотношениях, из которых возникли притязания кредиторов, на стороне должника в деле о банкротстве принимают участие иные субъекты, в большинстве случаев не состоящие в отношениях с кредиторами;

---

⁵⁷⁸ См., напр.: *Мельников Н.Н.* Правосубъектность крестьянского (фермерского) хозяйства : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7–8, 10, 38, 43, 45, 49, 56–68, 77, 109–111, 122, 147, 155; *Тютерева Н.Н.* Правовые проблемы приведения правового положения крестьянских хозяйств в соответствие с действующим законодательством // *Право и экономика*. 2019. № 4. С. 46–52.

⁵⁷⁹ *Шахова В.Н.* Правовые нормы, регламентирующие правовое положение должника - индивидуального предпринимателя: современное состояние // *Актуальные проблемы правоведения*. 2018. № 1. С. 31.

2) должник и лица, участвующие в деле о банкротстве на его стороне, связаны отношениями общей собственности, т.е. образуют сообщество лиц, обладающих общими права на определенные имущественные объекты;

3) объекты, принадлежащие должнику и лицам, участвующим в деле о банкротстве на его стороне, составляют всю конкурсную массу либо в силу норм материального права являются основным источником для ее формирования;

4) в рамках дела о банкротстве происходит реализация нескольких имущественных масс или же взыскание обращается только на общее имущество, оставляя за пределами правоотношений несостоятельности личное имущество субъектов;

5) должник и участвующие на его стороне лица обладают в деле о банкротстве общим интересом, направленным на прекращение обязательств перед кредиторами. Если же закон предусматривает сохранение требований кредиторов после завершения процедур, применяющихся в деле о банкротстве, или же устанавливает дополнительную ответственность участника правоотношений общей собственности по долгам перед определенными кредиторами, то интерес должника и указанных субъектов может заключаться в формировании конкурсной массы и максимально возможном погашении задолженности.

Вместе с тем для каждой из ситуаций характерны и особенности. Так, в КФХ уже при его создании происходит четкое разделение на должника, осуществляющего управление совместной собственностью членов КФХ, – главу КФХ и иных субъектов, не вступающих (и не имеющих таких полномочий) в конкретные долговые правовые отношения с кредиторами, – членов КФХ. Такое разделение ярко проявляется в вопросах правового регулирования распоряжения имуществом КФХ и порядка подачи его главой заявления о банкротстве, т.к. распоряжение имуществом фермерского хозяйства осуществляется в его интересах главой хозяйства. Сделка,

совершенная главой, считается совершенной в интересах самого хозяйства, если не доказано ее заключение в личных интересах главы хозяйства (п. 2,3 ст. 8 Закона о КФХ). По сделкам, совершенным в интересах фермерского хозяйства, отвечает КФХ своим имуществом⁵⁸⁰.

«Заявление индивидуального [здесь и далее курсив наш – Р.Ф.] предпринимателя - главы крестьянского (фермерского) хозяйства о признании его банкротом <...> может быть подано в арбитражный суд при наличии согласия в письменной форме всех членов крестьянского (фермерского) хозяйства» (но не «заявление индивидуальным предпринимателем - главой <...> может быть подано <...>») (п. 1 ст. 218).

Сложности вызывает следующее обстоятельство: согласно положениям п. 2 ст. 213.1 Закона и судебной практики⁵⁸¹ к банкротству фермерского хозяйства, в том числе когда заявление о признании банкротом подается в суд в отношении гражданина, являющегося одновременно индивидуальным предпринимателем - главой КФХ, нормы о банкротстве гражданина применению не подлежат.

На практике это означает, что основания возникновения обязательств у должника как физического лица или должника - главы крестьянского (фермерского) хозяйства при решении вопроса о возбуждении дела о несостоятельности (банкротстве) не разграничиваются, а для целей введения процедуры наблюдения в отношении главы КФХ арбитражный суд должен руководствоваться признаками банкротства, предусмотренными для юридических лиц в ст. 3 Закона⁵⁸².

На наш взгляд, действующее законодательство о несостоятельности не

---

⁵⁸⁰ В случае, если фермерское хозяйство создано одним гражданином (п. 2 ст. 1 Закона о КФХ), в сущности, происходит обособление части принадлежащего данному гражданину личного имущества от остального имущества, и он как глава КФХ действует в обороте на основе указанной части своего имущества, а кредиторы, вступающие в правоотношения с ним как с главой КФХ, в силу прямого указания закона могут претендовать на осуществление расчетов с ними только за счет обособленной части имущества гражданина. В описанной ситуации КФХ приобретает характер самостоятельной формы осуществления предпринимательской деятельности, основанной на ограниченности ответственности.

⁵⁸¹ См.: п. 3 ПП ВС РФ от 13.10.2015 № 45.

⁵⁸² См. судебные акты по делу № А40-82749/16: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.08.2017 № 09АП-31891/2017, постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2017 № Ф05-19313/2016, Определение ВС РФ от 26.02.2018 № 305-ЭС17-23309 // Картоотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

позволяет утверждать, что КФХ может быть признано неправосубъектным коллективным образованием, участвующим в деле о банкротстве в качестве самостоятельного должника, в рассматриваемом случае мы имеем дело лишь с приемом юридической техники. Характер осуществляемой хозяйством деятельности и особенности структуры связей между участниками такого сообщества сближают КФХ с юридическим лицом, но не свидетельствуют об их тождестве. Сложившаяся судебная практика свидетельствует о том, что по правилам § 3 гл. X Закона банкротом признается непосредственно индивидуальный предприниматель - глава хозяйства, но не само КФХ.

Законодатель четко разграничивает понятия КФХ и его членов, в частности, в силу п. 1 ст. 221 Закона в состав конкурсной массы крестьянского хозяйства включаются имущественные объекты, находящиеся в общей собственности *членов* хозяйства. Из этого можно сделать вывод о том, что действующий Закон не признает за КФХ самостоятельной способности к обладанию субъективными правами на имущество.

Как и в случае с КФХ, возникновение юридической связи между супругами, в силу которой устанавливаются правоотношения общей совместной собственности, происходит на основании добровольного волеизъявления участников такой связи. Но, в отличие от КФХ, законом определено, что супруги сообща владеют и пользуются общим имуществом (п. 1 ст. 35 СК РФ, ст. 253 ГК РФ), вопросы же распоряжения решаются через институт согласия супруга, не участвующего в совершении сделки (п. 2-3 ст.35 СК РФ). В отличие от КФХ, супруги могут отвечать перед кредиторами не только общим имуществом, но и личным имуществом каждого из них.

Своеобразием отличается и третья из рассмотренных ситуаций, т.к. возникновение общей долевой собственности наследников происходит по их воле при принятии наследства, но может произойти и независимо от желания наследника (институт выморочного имущества). В отличие от КФХ и супругов, в деле о банкротстве умершего должника первоначальный должник в материальных правоотношениях утрачивает правоспособность, и

на его стороне появляются иные лица.

В современной доктрине для объяснения особенностей субъектного состава всех приведенных ситуаций предлагаются различные подходы. В частности, по отношению к супругам и наследникам должника: 1) часть исследователей полагает, что нужно вести речь о множественности лиц на стороне должника в правоотношении несостоятельности (банкротства)⁵⁸³; 2) другие исходят из идеи допустимости банкротства имущественной массы⁵⁸⁴. Применительно к КФХ, как выше было указано, утверждается, что речь идет о банкротстве неправосубъектного образования.

На наш взгляд, все приведенные ситуации могут быть объяснены через идею, в силу которой следует разграничивать категорию должника как субъекта права, категорию должника как стороны в деле о банкротстве и категорию лица, участвующего на стороне должника. Как неоднократно подчеркивалось в настоящем исследовании, категория должника может использоваться для обозначения разных субъектов в зависимости от контекста рассмотрения данного явления. В первую очередь, должником выступает субъект материального правоотношения, в силу которого у него возникли обязательства перед кредиторами. Если должник или кредитор решили воспользоваться процедурой несостоятельности, должник в материально-правовом отношении становится должником в деле о его

---

⁵⁸³ Громов Д.В. Множественность лиц на стороне должника в делах о несостоятельности (банкротстве): анализ правовых конструкций // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М., 2020. С. 231–240; Фролов И.В. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М., 2019. С. 287–288.

⁵⁸⁴ Шишмарева Т.П. Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3. С. 50–54.

При этом открытым остается вопрос о должнике в соответствующем деле о банкротстве. В частности, применительно к правоотношениям несостоятельности, возникающим в случае смерти должника, в литературе высказаны следующие взгляды: 1) наследник является не должником, а представителем условно персонифицированной наследственной массы (Петров Е.Ю. Ответственность наследника по долгам наследства // Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 64); 2) наследник является должником в силу юридической фикции; в ситуации принятия наследства несколькими лицами статус должника приобретает каждый из сонаследников (Фролов И.В. Проблемные аспекты рассмотрения дела о банкротстве должника-гражданина в случае его смерти или признания его умершим // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М., 2020. С. 241–242; Шишмарева Т.П. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 223).

банкротстве. Вместе с тем в особых случаях, связанных либо со смертью должника физического лица, либо с наличием у него имущества, принадлежащего на праве общей собственности ему и иным лицам, наследники умершего должника и названные лица также вовлекаются в дело о несостоятельности на стороне должника, но, не являясь таковыми, они тем не менее обладают собственными правами и законными интересами. Очевидно, что их игнорирование в процедурах несостоятельности будет свидетельствовать о грубом нарушении баланса интересов всех участвующих лиц, поэтому за данными субъектами должен быть признан самостоятельный статус лиц, участвующих в деле о банкротстве на стороне должника. Такое решение не только позволит определить статус анализируемых субъектов, но и предоставит легальные основания для применения к ним мер защиты, закрепленных и гарантированных российским законодательством о несостоятельности (банкротстве).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая все вышеизложенное, могут быть сформулированы следующие выводы.

Анализ истории развития законодательства и доктрины конкурсного права позволяет утверждать, что конститутивными признаками должника как участника отношений несостоятельности на любом историческом этапе являются: 1) обладание правосубъектностью, допускающей участие в правоотношениях, из которых возникла задолженность перед кредиторами и которые устанавливаются в результате применения к лицу специальной процедуры, направленной на прекращение его правоотношений с кредиторами; 2) наличие неисполненных денежных обязательств; 3) неспособность к осуществлению расчетов с кредиторами на основе имеющихся активов; 4) предоставление лицу кредита несколькими кредиторами.

Вплоть до начала современного этапа развития российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) единообразное учение о должнике - участнике правоотношений несостоятельности не сложилось. Более того, для российского права не было характерно формирование и общей концепции должника как субъекта отношений несостоятельности, которая была бы релевантной, по крайней мере, для соответствующего исторического периода, вместе с тем учеными затрагивались отдельные аспекты понятия несостоятельного должника.

Для дореволюционного российского законодательства и судебной практики был характерен подход, в силу которого должником признавался конкретный участник имущественных правоотношений, не исполнивший свои обязанности перед кредитором. При этом не имело юридического значения то обстоятельство, что к моменту открытия дела о банкротстве такой субъект уже утратил свою правоспособность. Частично данный взгляд был поддержан и в науке конкурсного права того периода.

В советский период развития в нормативных актах и научных трудах

вместо общего понятия должника преимущественно использовался термин «предприятие», под которым понимались либо предмет процедуры несостоятельности (объект экономической деятельности), подлежащий ликвидации в ходе рассмотрения дела о несостоятельности (предприятие должника), либо «новый субъект» советского правопорядка, оказавшийся неспособным к достижению положительных результатов в ходе своей хозяйственной деятельности и подлежавший в связи с этим ликвидации (предприятие - должник).

В отличие от российского права, наука права несостоятельности Германии уже в 19 в. обнаруживает в себе явную тенденцию к сосредоточению представлений ученых вокруг трех позиций, отражающих различные представления относительно сущности понятия должника: оно раскрывается сквозь призму материального или процессуального права либо же допускается смешанный подход. Причем все названные подходы базировались на общей идее о квалификации производства о несостоятельности как процедуры сводного исполнительного производства.

Для современного этапа изучения категории должника в праве несостоятельности характерно несколько направлений. В рамках первого – исследователи обращаются к изучению легальных и доктринальных признаков должника. В рамках второго направления авторы стремятся ответить на вопрос о моменте приобретения и дальнейшем изменении правового статуса должника. Изучение данного подхода позволило сформулировать вывод о том, что при сохранении общего правила о судебном производстве по делу о банкротстве Закон о банкротстве разрешает в исключительных и прямо названных в законе случаях использование внесудебного порядка подтверждения неспособности должника погасить требования своих кредиторов.

В работе обосновано существование третьего направления в изучении категории должника в зависимости от подхода исследователей к решению вопроса о том, является ли несостоятельность свойством самого должника

или его имущества (субъектная и объектная концепции). В зависимости от ответа на данный вопрос очерчивается круг субъектов, которые потенциально могут быть признаны несостоятельными, а также определяется направленность регламентации конкурсных отношений по отношению должнику (в частности, привлекается ли должник в деле о банкротстве к юридической ответственности).

Было установлено, что в российской доктрине представления сторонников концепции несостоятельности, как свойстве имущества должника, со ссылкой на законодательство Германии не в полной мере соответствуют современной теории несостоятельности, там сложившейся.

Перспективным направлением в изучении категории должника в правовых отношениях несостоятельности в диссертации было признано рассмотрение механизма несостоятельности как способа прекращения правоотношений субъекта с его кредиторами. Именно данный аспект конкурсного механизма позволяет объединить судебный и внесудебный порядки банкротства должника. В рамках данного подхода должник – это по общему правилу любой субъект права, оказавшийся в состоянии неспособности исполнить денежные обязанности перед своими кредиторами. Для прекращения соответствующих правовых связей с кредиторами он вправе воспользоваться специальным механизмом несостоятельности (банкротства), но только при том условии, что им соблюдены предусмотренные в законе предпосылки для обращения к названному механизму (наличие задолженности, неисполнение обязательств определенного размера в установленный срок и др.).

В немецкой доктрине должник в процедуре несостоятельности тесно связывается с категориями ответственности и ее реализации. Вместе с тем воззрения немецких авторов основаны на принципиально ином понимании ответственности. Для них принудительная реализация ответственности представляет собой судебную процедуру изъятия имущества у лица с целью обращения на него взыскания по его долгам. Поэтому «лицо, несущее

ответственность» – это субъект, являющийся обладателем этого имущества. Вопросы о деликтоспособности данного субъекта лишены юридического значения.

Из этих положений проистекает ряд особенностей категории должника по праву несостоятельности Германии: 1) действующее в Германии Положение о несостоятельности не связывает понятие должника с исчерпывающим перечнем субъектов, способных в этом качестве выступать в процедуре несостоятельности. Должник – это, в первую очередь, носитель субъективного права на имущество, за счет которого должны быть осуществлены расчеты с определенными кредиторами. Отсюда в ситуации, когда законодатель специальным образом не указывает субъекта, который признается должником в производстве о несостоятельности (например, в случае смерти должника - физического лица), правила § 11 Положения о несостоятельности позволяют призвать в судебный процесс о несостоятельности на стороне должника лицо или объединение лиц, не названное в этом параграфе, но являющееся обладателем имущества, истребуемого кредиторами для обращения на него взыскания;

2) один и тот же субъект может участвовать в качестве должника одновременно в нескольких процедурах несостоятельности, предметом которых будут являться обособленные имущественные массы, принадлежащие ему. В том случае, когда нормами об ответственности происходит отделение (обособление, сепарация) части имущества должника и его предназначение удовлетворению требований лишь отдельных кредиторов, должно иметь место и самостоятельное производство по делу о несостоятельности над этой частью имущества;

3) должник не обязательно является несостоятельным в том смысле, что имущество лица не позволяет ему погасить задолженность перед кредиторами. Напротив, свойством несостоятельности может характеризоваться лишь обособленная часть имущества, обладателем которого он является и которое отвечает лишь перед персонально

ограниченной группой кредиторов (напр., наследственное имущество). С этой точки зрения закономерным выглядит решение немецкого законодателя отказаться от использования в Положении о несостоятельности категории «несостоятельный должник» (*Insolvenzschuldner, insolventer Schuldner*), отдав предпочтение термину «должник»;

4) поскольку приобретение статуса должника зависит от обладания имуществом, на которое могут обратить взыскание кредиторы, допустима замена одного субъекта права, выступающего на стороне должника, на другого, что наблюдается, в частности, в ситуации наследственного правопреемства.

Ни законодательство, ни судебная практика, ни господствующая доктрина Германии не допускают наделения свойствами должника отдельных лиц или их коллективов, не обладающих материальной правоспособностью, а наделенных лишь процессуальной правоспособностью. Необходимым условием для признания должником в процедуре несостоятельности является признание за лицом или объединением хотя бы частичной материальной правоспособности.

Должником в процедуре несостоятельности по законодательству Германии признается лицо или неправосубъектное объединение лиц, обладающие в силу закона способностью быть участниками принудительного исполнительного производства, а также имуществом, не способным к полному удовлетворению оцениваемых в деньгах требований кредиторов, и участвующие в открытом производстве о несостоятельности.

В действующем российском законодательстве обеспеченная объективным правом возможность приобретения лицом статуса должника в деле о банкротстве не связана с необходимостью заимствования немецкого понятия *Insolvenzfähigkeit*. Это же касается введения данного понятия для целей обоснования допустимости признания несостоятельными так называемых неправосубъектных объединений. Поэтому термин «конкурсоспособность» и иные, близкие к нему, могут выступать в качестве

средства фиксации (закрепления) круга субъектов, обладающих способностью быть носителями субъективных юридических прав и обязанностей, но не для обозначения особой способности быть признанным несостоятельным (банкротом).

В диссертации аргументируется, что ни публично-правовое образование, ни органы государственной власти и органы местного самоуправления, даже наделенные статусом юридического лица, не могут выступать в качестве должников в деле о банкротстве. Вместе с тем, в случае выморочности наследственного имущества, публично-правовые образования участвуют в деле о банкротстве на стороне должника.

В работе предложено уточнить положения п. 2 ст. 1 Закона о банкротстве путем прямого указания на возможность определения круга юридических лиц, признаваемых несостоятельными (банкротами), помимо ГК РФ, специальными законами, на основании которых Российской Федерацией создаются некоторые юридические лица, либо правилом, близким к предл. 2 п. 3 ст. 1 Закона, а именно: «Нормы о допустимости признания юридических лиц несостоятельными (банкротами), которые содержатся в иных федеральных законах, могут применяться только после внесения соответствующих изменений и дополнений в Гражданский кодекс РФ».

В отличие от российского права, в праве Германии закреплено два вида юридических лиц - частного и публичного права. По общему правилу все виды юридических лиц могут быть должниками в производстве о несостоятельности. Изъятия из этого правила строго регламентированы Положением о несостоятельности: закон либо называет конкретные юридические лица публичного права, открытие производства над имуществом которых не допускается (федерация, земли), либо указывает субъектов, уполномоченных на принятие решения о неприменении в отношении определенных юридических лиц публичного права норм о процедуре несостоятельности (лица, находящиеся в ведении земель).

Исследование законов земель Германии показало, что в абсолютном большинстве случаев органами власти земель было принято решение о запрете применения в отношении юридических лиц публичного права положений законодательства о несостоятельности.

В настоящее время в германской доктрине начало формироваться учение о несостоятельности государства. Для урегулирования ситуации неспособности государства рассчитаться по своим обязательствам предлагается заимствовать элементы различных видов процедур несостоятельности, известных праву несостоятельности Германии (к примеру, процедур самоуправления должника и плана несостоятельности).

В диссертации выявлено противоречие между положениями п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, закрепляющими специальный порядок удовлетворения требований кредиторов ликвидированного юридического лица за счет имущества, обнаруженного после его ликвидации и не включенного ранее в его ликвидационную (конкурсную) массу, и положениями ст. 419 ГК РФ, в силу которых обязательства прекращаются ликвидацией юридического лица, кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства этого субъекта возлагается на другое лицо. Аргументировано, что законодательное решение, закрепленное в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, представляет собой особый технико-юридический прием, позволяющий распределить выявленное имущество ликвидированного юридического лица между заинтересованными субъектами, сохранив обязательства перед ними, несмотря на прекращение должника.

Аналогичная проблема известна и законодательству Германии, в соответствии с которым в случае исключения по каким-либо причинам юридического лица из реестра и обнаружения в дальнейшем его имущества допускается инициирование правоотношений несостоятельности. В данном случае речь не идет о введении процедуры несостоятельности над бессубъектными имущественными массами, напротив, на основе доктрины двойного фактического состава, в силу которой юридическое лицо, несмотря

на погашение записи о нем в реестре, не считается прекратившимся пока не распределено его имущество, производство о несостоятельности открывается над самим юридическим лицом.

Способность физического лица участвовать в качестве должника в правоотношениях, урегулированных Законом о несостоятельности, не связана с его дееспособностью. Несостоятельным может быть признан гражданин, не обладающий полной дееспособностью, безотносительно к правовым основаниям, обусловившим ее степень.

В Законе о банкротстве в отношении производства по делу о банкротстве в случае смерти гражданина отражена субъектная трактовка понятия должника и его способности быть признанным несостоятельным. В этом смысле процедура несостоятельности затрагивает только строго определенного, конкретного субъекта права, вступавшего в правоотношения с кредиторами и не рассчитавшегося с ними. Правопреемство в материальных правах и обязанностях умершего не приводит к приобретению статуса должника в деле о банкротстве.

Представленные в российской литературе и судебной практике точки зрения на правовой статус наследника в производстве по делу о несостоятельности в случае смерти должника - наследодателя не учитывают особенности такого субъекта: он является обладателем активов, составляющих предмет обращения взыскания со стороны кредиторов; в деле о банкротстве наследник защищает свои имущественные права и интересы; применительно к наследнику, а не умершему лицу, решается вопрос о составе конкурсной массы, в частности, о включении в нее жилого помещения, перешедшего к наследнику в порядке наследственного преемства. За наследниками должен быть признан особый статус – лиц, участвующих в деле о банкротстве на стороне должника.

В праве несостоятельности Германии общепризнанно, что любой гражданин как носитель определенного имущества, отвечающего перед кредиторами, может быть должником в процедуре несостоятельности.

Insolvenzfähigkeit физических лиц возникает с момента окончания рождения и прекращается со смертью лица. В случае отсутствия у субъекта материальной или процессуальной дееспособности за него действует законный представитель. При этом в силу особого понимания правовой природы производства о несостоятельности деликтоспособность физического лица как предпосылка для участия в правоотношениях несостоятельности в немецком праве вообще не обсуждается, внимание заслуживает лишь сделкоспособность гражданина.

Законодательству о несостоятельности Германии (ном. 1 абз. 2 § 11 ПоН) в качестве должников известны различные формы так называемых «объединений без правосубъектности» (общностей, не зарегистрированных в качестве юридического лица). Дискуссионным является вопрос о причинах наделения их Insolvenzfähigkeit. В работе выявлено, что несостоятельноспособность таких объединений проистекает из особенностей правового регулирования имущественных отношений, участвовать в которых могут, помимо физических и юридических лиц, объединения, наделенные лишь частичной правосубъектностью. Перечисленные в Положении о несостоятельности объединения с точки зрения материального права признаются самостоятельными носителями прав и обязанностей (активов и пассивов), выступают под своим наименованием истцом и ответчиком в суде, владеют собственным имуществом, отграниченным нормами права об ответственности от имущества других участников оборота, а также, как и юридические лица, обладают активной и пассивной гражданско-процессуальной правоспособностью. Insolvenzfähigkeit указанных объединений требует их учреждения, формирования обособленного имущества и начала участия во внешних имущественных правоотношениях.

В работе доказано, что крестьянское (фермерское) хозяйство не является объединением граждан, не обладающим статусом юридического лица и способным быть должником в производстве о несостоятельности. Обращение взыскания в деле о банкротстве на имущество, принадлежащее

на праве общей совместной всем членам крестьянского хозяйства, и исключение из конкурсной массы их личного имущества не требует использования конструкции неправосубъектной общности.

В диссертации сделан вывод о несовпадении категории общего обязательства в СК РФ и Законе о банкротстве, закрепившим широкий подход к квалификации обязательств должника в качестве общего. Если по правилам СК РФ кредитор по общим долгам супругов вправе обратиться взыскание именно на общее имущество супругов и только в случае его недостаточности субсидиарно - на личное имущество каждого из супругов, то по Закону о банкротстве формирование конкурсной массы осуществляется за счет любого имущества должника и за счет общего имущества его супруга. В результате возбуждения дела о банкротстве гражданина его супруг оказывается «втянутым» в него даже, если он никакого отношения к деятельности должника не имеет и не подозревает об ее осуществлении.

Положения об ответственности наследников по долгам наследодателя, содержащиеся в ГК РФ и в Законе о банкротстве, построены на разных моделях правового регулирования. Основная проблема применения ГК РФ и Закона о банкротстве состоит в следующем: оба акта исходят из ограниченного характера ответственности наследников по обязательствам наследодателя, но при этом они по-разному определяют пределы размера удовлетворения требований кредиторов должника. В силу ГК РФ «предел» ответственности наследника определяется стоимостью перешедшего к нему имущества, а не самим этим имуществом в натуре, а в Законе о банкротстве – наоборот в случае смерти лица в конкурсную массу включается имущество, составляющее наследство гражданина, а не его стоимость.

Для разрешения обнаруженных коллизий в правовом регулировании института ответственности наследников по долгам наследодателя обоснована необходимость заимствования германского опыта и предложено закрепить в российском гражданском законодательстве институт неограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя с одновременным

предоставлением права на ее «сужение» посредством процедуры несостоятельности (банкротства).

Так, немецкая модель совместного действия норм гражданского права и предписаний права несостоятельности об ответственности перед наследственными кредиторами предстает более системной и обоснованной.

Функциональное назначение процедуры несостоятельности над наследством состоит в том, чтобы ограничить ответственность наследника, – отвечающего по общему правилу по долгам наследства в полном объеме всем своим имуществом, – по наследственным обязательствам лишь имуществом, входящим в состав наследственной массы. При этом цель у данной процедуры двойственная: 1) ограничение ответственности наследников объемом перешедшего к ним имущества наследодателя; 2) предоставление наследственным кредиторам возможности единолично получить удовлетворение своих требований за счет наследственной массы.

Четкое определение статуса наследника как должника в производстве о несостоятельности позволяет непротиворечиво применить к нему нормы о правах и обязанностях должника в процессе несостоятельности, об оспаривании правовых действий и др.

Специальные случаи применения норм Закона, регулирующие банкротство граждан, а именно несостоятельность главы крестьянского (фермерского) хозяйства, банкротство одного из супругов с участием в деле кредиторов по общим долгам, возбуждение или продолжение производства о несостоятельности в ситуации смерти должника, характеризуются общими чертами: 1) наряду с лицом, являющимся должником в правоотношениях, из которых возникли притязания кредиторов, на стороне должника в деле о банкротстве принимают участие иные субъекты, в большинстве случаев не состоящие в отношениях с кредиторами; 2) должник и лица, участвующие в деле о банкротстве на его стороне, связаны отношениями общей собственности, т.е. образуют сообщество лиц, обладающих общими права на определенные имущественные объекты; 3) объекты, принадлежащие

должнику и лицам, участвующим в деле о банкротстве на его стороне, составляют всю конкурсную массу либо в силу норм материального права являются основным источником для ее формирования; 4) в рамках дела о банкротстве происходит реализация нескольких имущественных масс или же взыскание обращается только на общее имущество, оставляя за пределами правоотношений несостоятельности личное имущество субъектов; 5) должник и участвующие на его стороне лица обладают в деле о банкротстве общим интересом, направленным на прекращение обязательств перед кредиторами. Если же закон предусматривает сохранение требований кредиторов после завершения процедур, применяющихся в деле о банкротстве, или же устанавливает дополнительную ответственность участника правоотношений общей собственности по долгам перед определенными кредиторами, то интерес должника и указанных субъектов может заключаться в формировании конкурсной массы и максимально возможном погашении задолженности.

В целях определения статуса указанных лиц в работе обоснована необходимость введения в научный оборот понятия «лицо, участвующее в деле о банкротстве на стороне должника», под которым предложено понимать лицо, не обладающее статусом должника в деле о банкротстве, реализующее в процедуре несостоятельности собственную правосубъектность, действующее от своего имени, защищающее свои имущественные права и обладающее правом собственности на имущество, включенное в конкурсную массу. К числу данных лиц следует относить: 1) принявших наследство наследников несостоятельного должника, независимо от оснований наследования, в том числе публично-правовые образования в случае выморочности наследства; 2) супруга должника, если в деле о банкротстве последнего обращается взыскание на общее имущество супругов; 3) членов крестьянского (фермерского) хозяйства в деле о банкротстве его главы как индивидуального предпринимателя.

Установлено, что единым критерием, позволяющим наделить субъекта

статусом «лица, участвующего в деле о банкротстве на стороне должника», является нахождение имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, в общей совместной собственности должника и указанных лиц (супруги, члены крестьянского (фермерского) хозяйства) либо в общей долевой собственности наследников должника (физические лица, юридические лица при наследовании по завещанию, публично-правовые образования в случае выморочности наследства).

В результате следует прийти к выводу о том, что использование в указанных выше случаях конструкции банкротства неправосубъектного объединения или имущественной массы является излишним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. Нормативные правовые акты

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 09.09.2014 A/RES/68/304 // <https://undocs.org/ru/A/RES/68/304>.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10.09.2015 A/RES/69/319 // <https://undocs.org/ru/A/RES/69/319>.
3. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
6. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. № 31. 1998. Ст. 3824.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
17. Закон РФ от 15.04.1993 № 4802-1 (ред. от 01.07.2021) «О статусе столицы Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683.
18. Федеральный закон от 19.07.2007 № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» (ред. от 31.05.2010) // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3753.
19. Федеральный закон от 27.07.2010 № 211-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4180.
20. Федеральный закон от 13.07.2015 № 225-ФЗ «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4351.
21. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

22. Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 11.

23. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.

24. Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5084.

25. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

26. Федеральный закон от 03.07.2016 № 236-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169.

27. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

28. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

29. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5083.

30. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

31. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

32. Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3799.

33. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

34. Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.

35. Федеральный закон от 02.06.2016 № 154-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Российском Фонде Прямых Инвестиций» // СЗ РФ. 2016. № 23. Ст. 3278.

36. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

37. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

38. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

39. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

40. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

41. Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2562.

42. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

43. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

44. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

45. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

46. Письмо Минэкономразвития РФ от 21.06.2011 № 12702-АЛ/Д08 «О распространении норм Постановления Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 537 «О порядке осуществления федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального государственного учреждения» на органы государственной власти (их территориальные органы)» // СПС «КонсультантПлюс».

47. Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018) // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

48. Типовое положение о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018) // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018) // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

49. Гражданский кодекс РСФСР 1964 (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

50. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

51. Закон СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» от 02.04.1991 № 2079-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 16. Ст. 442.

52. Свод законов Российской Империи. Том X. Часть 1-я. С.-Пб.: издание товарищества «Общественная польза», 1900.

53. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

54. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

55. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. главой 37» // СУ РСФСР. 1927. № 123. Ст. 830.

56. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

57. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

58. Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.

59. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.12.1964 «Об изменении и признании утратившими силу законодательных актов РСФСР в связи с введением в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 51. Ст. 892.

60. Aktiengesetz vom 06.09.1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 15 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist.

61. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 in der Fassung der Bekanntmachung vom 02.01.2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 13 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist.

62. Einführungsgesetz zur Insolvenzordnung vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2911), das zuletzt durch Artikel 7 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3328) geändert worden ist.

63. Finanzverwaltungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 04.04.2006 (BGBl. I S. 846, 1202), das zuletzt durch Artikel 21 des Gesetzes vom 21.12.2020 (BGBl. I S. 3096) geändert worden ist.

64. Gemeindeordnung für das Land Nordrhein-Westfalen (GO NRW) in der Fassung der Bekanntmachung vom 14.07.1994 (GV. NRW. S. 666), die zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 29.09.2020 (GV. NRW. S. 916) geändert worden ist

65. Gemeindeordnung für den Freistaat Bayern (Gemeindeordnung - GO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 22.08.1998 (GVBl. S. 796, BayRS 2020-1-1-I), die zuletzt durch § 3 des Gesetzes vom 24.07.2020 (GVBl. S. 350) geändert worden ist.

66. Genossenschaftsgesetz vom 01.05.1889 in der Fassung der Bekanntmachung vom 16.10.2006 (BGBl. I S. 2230), das zuletzt durch Artikel 17 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist.

67. Gesamtvollstreckungsordnung vom 06.06.1990 // GBl. I Nr. 32 S. 285; FNA III-11.

68. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung vom 20.04.1892 in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4123-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 16 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) geändert worden ist.

69. Gesetz über die Bevorratung mit Erdöl und Erdölerzeugnissen (Erdölbevorrattungsgesetz - ErdölBevG) vom 16.01.2012 (BGBl. I S. 74), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 09.12.2019 (BGBl. I S. 2101) geändert worden ist.

70. Gesetz über die Bundesanstalt für Immobilienaufgaben vom 09.12.2004 (BGBl. I S. 3235), das durch Artikel 15 Absatz 83 des Gesetzes vom 05.02.2009 (BGBl. I S. 160) geändert worden ist.

71. Gesetz über die Deutsche Bundesbank in der Fassung der Bekanntmachung vom 22.10.1992 (BGBl. I S. 1782), das zuletzt durch Artikel 270 der Verordnung vom 19.06.2020 (BGBl. I S. 1328) geändert worden ist.

72. Gesetz über die Eingetragene Lebenspartnerschaft (Lebenspartnerschaftsgesetz – LPartG) vom 16.02.2001 (BGBl. I S. 266), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 18.12.2018 (BGBl. I S. 2639) geändert worden ist.

73. Gesetz über die Kreditanstalt für Wiederaufbau in der Fassung der Bekanntmachung vom 23.06.1969 (BGBl. I S. 573), das zuletzt durch Artikel 271 der Verordnung vom 19.06.2020 (BGBl. I S. 1328) geändert worden ist.

74. Gesetz über die Unterbrechung von Gesamtvollstreckungsverfahren (Gesamtvollstreckungs-Unterbrechungsgesetz – GUG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 23.05.1991 (BGBl. I S. 1191).

75. Gesetz über Partnerschaftsgesellschaften Angehöriger Freier Berufe (Partnerschaftsgesellschaftsgesetz – PartGG) vom 25.07.1994 (BGBl. I S. 1744), das zuletzt durch Artikel 7 des Gesetzes vom 22.12.2015 (BGBl. I S. 2565) geändert worden ist.

76. Gesetz zur Ausführung der EWG-Verordnung über die Europäische wirtschaftliche Interessenvereinigung (EWIV-Ausführungsgesetz; EWIVAG) vom

14.04.1988 (BGBl. I S. 514), das zuletzt durch Artikel 16 des Gesetzes vom 23.10.2008 (BGBl. I S. 2026) geändert worden ist.

77. Gesetz zur Ausführung des Gerichtsverfassungsgesetzes und von Verfahrensgesetzen der ordentlichen Gerichtsbarkeit (AGGVG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 16.12.1975 (GBl. S. 868), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 17.12.2020 (GBl. 2021 S. 1, 2) geändert worden ist.

78. Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts (BGBl. I 2017 S. 2787).

79. Gesetz zur Erleichterung der Bewältigung von Konzerninsolvenzen vom 13.04.2017 (BGBl. I 2017, 866), das zuletzt durch Artikel 8 des Gesetzes vom 05.06.2017 (BGBl. I S. 1476) geändert worden ist.

80. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949 in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 100-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 1 u. 2 Satz 2 des Gesetzes vom 29.09.2020 (BGBl. I S. 2048) geändert worden ist.

81. Handelsgesetzbuch in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4100-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 8 Absatz 4 des Gesetzes vom 08.07.2019 (BGBl. I S. 1002) geändert worden ist.

82. Hessische Gemeindeordnung (HGO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 07.03.2005 (GVBl. I S. 142), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 07.05.2020 (GVBl. S. 318) geändert worden ist.

83. Insolvenzordnung vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866), die zuletzt durch Artikel 6 des Gesetzes vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3328) geändert worden ist.

84. Konkursordnung vom 10.02.1877 in der Fassung der Bekanntmachung vom 20.05.1898 (RGI S 612; BGBl. III/FNA 311–4), die zuletzt durch Artikel 5 des Gesetzes zur Änderung der Haftungsbeschränkung in der Binnenschifffahrt vom 25.08.1998 (BGBl. I S. 2489) geändert worden ist // <https://beck-online.beck.de>.

85. Personenstandsgesetz (PStG) vom 19.02.2007 (BGBl. I S. 122), das zuletzt durch Artikel 88 der Verordnung vom 19.06.2020 (BGBl. I S. 1328) geändert worden ist.

86. Strafgesetzbuch vom 15.05.1871 in der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 22. März 2019 (BGBl. I S. 350) geändert worden ist // <https://www.gesetze-im-internet.de>.

87. Vergleichsordnung vom 26.02.1935 // RGBl. I S. 321, ber. S. 356; BGBl. III/FNA 311-1.

88. Verschollenheitsgesetz vom 04.07.1939 in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 401-6, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 182 der Verordnung vom 31.08.2015 (BGBl. I S. 1474) geändert worden ist.

89. Zivilprozessordnung vom 30.01.1877 (RGBl. S. 83) in der Fassung der Bekanntmachung vom 05.12.2005 (BGBl. I S. 3202; 2006 I S. 431; 2007 I S. 1781), die zuletzt durch Artikel 5 Absatz 26 des Gesetzes vom 21.06.2019 (BGBl. I S. 846) geändert worden ist.

II. Законодательные инициативы и их обсуждение

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. № 11. 2009.

2. Проект Федерального закона № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции, подготовленной ко второму чтению // СПС «КонсультантПлюс».

3. Проект Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 15.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <http://privlaw.ru/povestka-47>.

5. Antrag der Abgeordneten Niema Movassat, Dr. Axel Troost, Wolfgang Gehrcke, Klaus Ernst, Jan van Aken, Christine Buchholz, Sevim Dağdelen, Dr. Diether Dehm, Annette Groth, Heike Hänsel, Inge Höger, Andrej Hunko, Susanna Karawanskij, Jutta Krellmann, Katrin Kunert, Stefan Liebich, Dr. Alexander S. Neu, Thomas Nord, Richard Pitterle, Michael Schlecht, Alexander Ulrich, Dr. Sahra Wagenknecht und der Fraktion DIE LINKE. Für ein internationales Staateninsolvenzverfahren. Begründung // Drucksache 18/3743.

6. Begründung zum Regierungsentwurf der Insolvenzordnung. 1992 // BT-Drucks. 12/2443. S. 71–247.

7. Begründung zum Regierungsentwurf eines Gesetzes zur Vereinfachung des Insolvenzverfahrens // BT-Drucks. 16/3227. S. 1–28.

8. Beschlußempfehlung und Bericht des Rechtsausschusses (6. Ausschuß) zu dem Gesetzentwurf der Bundesregierung – Drucksache 12/2443 – Entwurf einer Insolvenzordnung (InsO) // BT-Drucks. 12/7302. S. 1–196.

9. Erster Bericht der Kommission für Insolvenzrecht / hrsg. vom Bundesministerium der Justiz. – Köln: Kommunikationsforum Recht Wirtschaft Steuern, 1985. – 465 S.

10. Gesetzentwurf der Bundesregierung Entwurf eines Gesetzes zur Änderung der Insolvenzordnung und anderer Gesetze // Drucksache 14/5680.

11. Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Band I. Allgemeiner Theil. Amtliche Ausgabe. Berlin und Leipzig: J. Guttentag (D. Collin), 1888 // <https://archive.org/details/motivezudemtw01germgoog/page/n5/mode/2up>.

III. Судебная практика

1. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского» от 16.11.2018 № 43-П // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой - четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Жарова» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 07.02.2013 № 116-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коробейникова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1714-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коднера Константина Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьей 223.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» от 13.10.2015 № 45 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 12.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 13 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 08.10.1998 (ред. от 24.03.2016) «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // Вестник ВАС РФ. № 11. 1998.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // БВС РФ. 2015. № 12.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2004. № 6.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // БВС РФ. 2016. № 1.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.04.2003 № 4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 6.

16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». № 12. 2005.

18. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

20. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 63 (ред. от 06.06.2014) «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

21. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2011 № 51 (ред. от 25.12.2018) «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.

22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

23. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 04.03.2015) // БВС РФ. 2015. № 5.
24. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 13.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
25. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
26. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 24.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
27. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
28. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 27.12.2017) // СПС «Гарант».
29. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2013 года // СПС «КонсультантПлюс».
30. Отдельные вопросы, связанные с применением Закона о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
31. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.06.2013 № 17530/12 по делу № А60-14066/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
32. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.04.2012 № 14140/11 по делу № А27-17017/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
33. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2015 № 305-ЭС15-1873 по делу № А40-98091/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Определение Верховного Суда РФ от 05.04.2018 № 307-ЭС17-20207 по делу № А56-5164/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
35. Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2017 № 307-ЭС17-4301 по делу № А56-91219/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2018 № 307-ЭС18-12621 по делу № А56-77452/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
37. Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2020 № 303-ЭС20-17196 по делу № А51-14569/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
38. Определение Верховного Суда РФ от 10.09.2020 № 304-ЭС18-20769(6) по делу № А45-2845/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
39. Определение Верховного Суда РФ от 11.05.2018 № 90-ПЭК18 // СПС «КонсультантПлюс».
40. Определение Верховного Суда РФ от 12.10.2020 № 310-ЭС20-14197 по делу № А08-4392/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
41. Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2017 № 305-ЭС17-12030 // СПС «КонсультантПлюс».
42. Определение Верховного Суда РФ от 14.03.2018 № 305-ЭС17-21257 по делу № А40-121537/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
43. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2019 № 304-ЭС19-5731 // СПС «КонсультантПлюс».
44. Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 // СПС «КонсультантПлюс».
45. Определение Верховного Суда РФ от 20.12.2017 № 301-ЭС17-18621 по делу № А38-7498/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
46. Определение Верховного Суда РФ от 22.02.2019 № 305-ЭС18-25827 по делу № А41-5242/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
47. Определение Верховного Суда РФ от 22.10.2021 № 304-ЭС21-14144 по делу № А03-9018/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
48. Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2017 № 307-ЭС17-14888 // СПС «КонсультантПлюс».
49. Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2019 № 309-ЭС17-2782(2) по делу № А71-6291/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2018 № 305-ЭС17-23309 по делу № А40-82749/16 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

51. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2015 № 310-ЭС14-8980 по делу № А64-6348/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2018 № 50-КГ17-24 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Определение Верховного Суда РФ от 30.04.2015 № 306-ЭС15-692 по делу № А55-37558/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

54. Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2019 № 310-ЭС19-13933 // СПС «КонсультантПлюс».

55. Определение Верховного Суда РФ от 31.03.2020 № 302-ЭС18-3351 по делу № А58-1766/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

56. Определение Верховного Суда РФ от 31.07.2015 по делу № 305-ЭС15-3229, А40-33319/14 // СПС «КонсультантПлюс».

57. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.09.2017 № 18-КГ17-134 // СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.02.2018 № 18-КГ17-263 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.09.2019 № 18-КГ19-94 // СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.07.2018 № 9-КГ18-11 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-242 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.06.2017 № 4-КГ17-28 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2017 № 4-КГ16-67 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.04.2017 № 18-КГ16-196 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.04.2016 № 18-КГ16-23 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № 6-КГ18-1 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.12.2019 № 46-КГ19-22, 2-3730/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16.03.2012 № 33-5659 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.08.2018 по делу № 305-ЭС18-5428, А40-180791/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.08.2018 по делу № 305-ЭС18-5428(2), А40-180791/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 02.09.2020 № 302-ЭС20-9010(1,2) по делу № А58-4339/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.07.2015 по делу № 305-ЭС15-3229, А40-33319/14 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.01.2021 № Ф02-6530/2020 по делу № А19-21572/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.01.2019 № Ф04-5792/2018 по делу № А45-1719/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.03.2019 № Ф08-925/2019 по делу № А32-11877/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.06.2018 № Ф08-4198/2018 по делу № А01-2943/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

77. Постановление ФАС Поволжского округа от 14.12.2011 по делу № А72-18274/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление ФАС Уральского округа от 05.03.2012 № Ф09-1147/12 по делу № А60-14066/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление ФАС Уральского округа от 26.08.2013 № Ф09-8560/13 по делу № А47-7842/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.02.2015 по делу № А40-33319/14 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2017 № Ф05-8670/2017 по делу № А40-222894/15 // СПС «КонсультантПлюс».

82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2017 № Ф05-19313/2016 по делу № А40-82749/16 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

83. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2018 № Ф05-17806/17 по делу № А40-25142/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

84. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2018 № Ф05-5399/2017 по делу № А40-223986/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

85. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.06.2018 № Ф09-1951/17 по делу № А60-52847/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2018 № Ф05-11513/2018 по делу № А40-145926/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.05.2019 № Ф06-29234/2017 по делу № А55-18892/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

89. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.05.2019 № Ф10-1520/2019 по делу № А09-9017/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

90. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2019 № Ф05-9647/2019 по делу № А40-229544/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.08.2019 № Ф05-17008/2018 по делу № А40-51753/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.08.2020 № Ф10-76/2020 по делу № А54-6153/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

93. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.09.2016 № Ф01-3571/2016 по делу № А11-11114/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

94. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2020 № Ф05-2084/2019 по делу № А40-242498/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

95. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.10.2019 № Ф04-4058/2016 по делу № А03-20515/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

96. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.11.2020 № Ф04-5222/2020 по делу № А03-3572/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

97. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.01.2021 № Ф07-11306/2020 по делу № А52-4517/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31.10.2019 № Ф08-9795/2019 по делу № А53-6334/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

99. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.07.2020 № Ф03-2569/2020 по делу № А51-4037/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

100. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.11.2016 № Ф03-5186/2016 по делу № А73-14230/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

101. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-4002/17 от 08.08.2017 по делу № А60-25086/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

102. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2020 № 88-7563/2020, 2-1230/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

103. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2011 по делу № А46-7956/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

104. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19.05.2016 по делу № А82-15597/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2018 № 20АП-1528/2018 по делу № А23-403/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2016 по делу № А12-4504/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2019 по делу № А57-28043/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

109. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.08.2017 № 09АП-31891/2017 по делу № А40-82749/16 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

110. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2018 № 15АП-15974/2018 по делу № А53-25286/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.03.2017 № 15АП-2823/2017 по делу № А32-45036/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

112. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2017 № 07АП-6486/2017(1) по делу № А45-10375/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

113. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2018 № 07АП-1031/2018(1) по делу № А45-41569/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

114. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2016 № 07АП-8394/16(2) по делу № А27-6391/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

115. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2012 по делу № А27-4669/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

116. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-4093/2017-ГК от 12.05.2017 по делу № А60-25203/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

117. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-4460/2017-ГК от 04.05.2017 по делу № А60-25201/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

118. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-663/2017-ГК от 06.04.2017 по делу № А60-25086/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

119. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-4093/2017-ГК от 12.05.2017 по делу № А60-25203/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

120. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2017 № 17АП-680/2017-ГК по делу № А50-19304/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

121. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2017 № 17АП-18834/2017-ГК по делу № А50-37572/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

122. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22.04.2019 по делу № А69-347/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

123. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2019 № 13АП-12966/2019 по делу № А26-3690/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

124. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 № 13АП-2589/2017 по делу № А56-91219/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

125. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2018 № 14АП-10257/2018 по делу № А13-16795/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

126. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2018 по делу № 33-55843/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

127. Обзор судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Калининградской области гражданских дел в первом полугодии 2017 года // СПС «Гарант».

128. Справка по изучению судебной практики по спорам, вытекающим из наследственных правоотношений, рассмотренным судами Саратовской области в 2013-2014 гг. // СПС «Гарант».

129. Справка по результатам изучения практики в судах Самарской области по спорам об ответственности наследников по долгам наследодателя // СПС «Гарант».

130. Определение Арбитражного суда Московской области 09.12.2015 по делу № А41-85637/15 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

131. Определение Арбитражного суда Московской области от 25.12.2018 по делу № А41-62893/2017 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

132. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 21.02.2017 по делу № А60-25203/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

133. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 21.02.2017 по делу № А60-25203/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

134. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 21.09.2016 по делу № А60-25201/2016 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

135. Определение Арбитражного суда Чувашской Республики – Чувашии от 11.07.2016 по делу № А79-9645/2015 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

136. Определение Арбитражного суда Чувашской Республики – Чувашии от 12.07.2016 по делу № А79-9645/2015 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

137. Определение Арбитражного суда Чувашской Республики – Чувашии от 29.04.2016 по делу № А79-9645/2015 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

138. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 22.09.2020 по делу № А33-23409/2020 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

139. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 09.11.2015 по делу № А45-20897/2015 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

140. Решение Арбитражного суда Чувашской Республики – Чувашии от 16.02.2017 по делу № А79-9645/2015 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

141. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 21.01.2021 по делу № А33-23409/2020 // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

142. Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 14.11.1962 – 1 BvR 987/58 // BVerfGE. 15. S. 126.

143. Bundesarbeitsgericht, Urteil vom 22.03.1988 – 3 AZR 350/86 // NJW. 1988. S. 2637.

144. Bundesfinanzhof, Urteil vom 20.01.2016 – II R 34/14 // wolterskluwer-online.de.

145. Bundesfinanzhof, Urteil vom 21.07.2016 – X R 43/13 // wolterskluwer-online.de.

146. Bundesfinanzhof, Urteil vom 11.11.1993 – XI R 73/92 // EWiR. 1992. S. 1117.

147. Bundesgerichtshof, Beschluss 11.04.2013 – IX ZB 256/11 // ZIP. 2013. S. 1086.

148. Bundesgerichtshof, Beschluss 13.06.2006 – IX ZB 214/05 // ZIP. 2006. S. 1456.
149. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 04.05.2006 – IX ZB 285/04 // <http://juris.bundesgerichtshof.de>.
150. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 05.02.2004 – IX ZB 29/03 // NZI. 2004. S. 587.
151. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 07.10.2010 – IX ZB 1/10 // NZI. 2011. S. 20.
152. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 08.12.2005 – IX ZB 38/05 // ZIP. 2006. S. 141.
153. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 09.06.2011 – IX ZB 175/10 // ZIP. 2011. S. 1326.
154. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 09.07.2009 – IX ZB 86/09 // bundesgerichtshof.de.
155. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 10.12.2004 – IXa ZB 231/03 // ZInsO. 2005. S. 144.
156. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 11.06.2015 – IX ZB 76/13 // ZIP. 2015. S. 1445.
157. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 11.09.2003 – IX ZB 37/03 // BGHZ. 156. S. 139.
158. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 12.06.2008 – IX ZB 220/07 // bundesgerichtshof.de.
159. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 12.07.2012 – IX ZB 264/11 // bundesgerichtshof.de.
160. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 13.06.2006 – IX ZB 214/05 // ZIP. 2006. S. 1456.
161. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 13.06.2006 – IX ZB 238/05 // ZIP. 2006. S. 1457.
162. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 14.12.2005 – IX ZB 207/04 // WM. 2006. S. 492.

163. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 16.12.2004 – IX ZB 6/04 // NZI. 2005. S. 225.
164. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 18.06.2015 – IX ZB 86/12 // NZI. 2015. S. 807.
165. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 19.07.2007 – IX ZB 36/07 // BGHZ. 173. S. 286.
166. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 21.02.2008 – IX ZB 62/05 // bundesgerichtshof.de.
167. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 22.03.2007 – IX ZB 164/06 // NJW-RR. 2007. S. 1062.
168. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 23.02.2012 – IX ZB 48/10 // bundesgerichtshof.de.
169. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 23.09.2010 – IX ZB 282/09 // NZI. 2011. S. 58.
170. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 23.10.2008 – IX ZB 7/08 // bundesgerichtshof.de.
171. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 27.07.2006 – IX ZB 204/04 // BGHZ. 169. S. 17.
172. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 28.04.2008 – II ZR 51/07 // ZInsO. 2008. S. 1019.
173. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 29.01.1964 – Ib ZR 197/62 // NJW. 1964. S. 1319.
174. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 29.06.2006 – IX ZB 245/05 // ZIP. 2006. S. 1452.
175. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 29.07.2020 – XII ZB 106/20 // bundesgerichtshof.de.
176. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 29.11.2007 – IX ZB 12/07 // ZIP. 2008. S. 281.
177. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 30.06.2009 – IX ZA 21/09 // NZG. 2009. S. 984.

178. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 27.07.2006 – IX ZB 12/06 // bundesgerichtshof.de.
179. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 19.07.2007 – IX ZB 36/07 // ZIP. 2007. S. 1666.
180. Bundesgerichtshof, Teilurteil vom 24.09.2009 – IX ZR 234/07 // bundesgerichtshof.de.
181. Bundesgerichtshof, Urteil vom 04.06.1957 – VIII ZR 68/5 // WM. 1957. S. 975.
182. Bundesgerichtshof, Urteil vom 04.30.1992 – IX ZR 176/91 // NJW. 1992. S. 1960.
183. Bundesgerichtshof, Urteil vom 05.07.2001 – IX ZR 327/99 // bundesgerichtshof.de.
184. Bundesgerichtshof, Urteil vom 05.12.1995 – XI ZR 70/95 // wolterskluwer-online.de.
185. Bundesgerichtshof, Urteil vom 06.12.1988 – VI ZR 132/88 // wolterskluwer-online.de.
186. Bundesgerichtshof, Urteil vom 09.01.2003 – IX ZR 175/02 // ZIP. 2003. S. 410.
187. Bundesgerichtshof, Urteil vom 09.02.2012 – IX ZR 75/11 // BGHZ. 192. S. 322.
188. Bundesgerichtshof, Urteil vom 11.09.2000 – II ZR 370/99 // NJW. 2001. S. 304.
189. Bundesgerichtshof, Urteil vom 12.10.2006 – IX ZR 228/03 // ZIP. 2006. S. 2222.
190. Bundesgerichtshof, Urteil vom 13.07.1983 – VIII ZR 246/82 // ZIP. 1983. S. 961.
191. Bundesgerichtshof, Urteil vom 13.03.2003 – VII ZR 370/98 // BGHZ. 154. S. 185.
192. Bundesgerichtshof, Urteil vom 16.05.1969 – V ZR 86/68 // wolterskluwer-online.de.

193. Bundesgerichtshof, Urteil vom 17.02.2004 – IX ZR 135/03 // ZIP. 2004. S. 766.
194. Bundesgerichtshof, Urteil vom 17.05.1993 – II ZR 89/92 // BGHZ. 122. S. 342.
195. Bundesgerichtshof, Urteil vom 17.05.2001 – IX ZR 188/98 // ZIP. 2001. S. 1155.
196. Bundesgerichtshof, Urteil vom 18.05.2001 – V ZR 126/00 // <https://openjur.de/u/62156.html>.
197. Bundesgerichtshof, Urteil vom 19.06.1970 – IV ZR 83/69 // https://www.prinz.law/urteile/bgh/IV_ZR__83-69.
198. Bundesgerichtshof, Urteil vom 20.11.2001 – IX ZR 48/01 // BGHZ. 149. S. 178.
199. Bundesgerichtshof, Urteil vom 22.01.1971 – I ZR 132/69 // wolterskluwer-online.de.
200. Bundesgerichtshof, Urteil vom 23.02.1970 – II ZB 5/69 // BGHZ. 53. S. 264.
201. Bundesgerichtshof, Urteil vom 24.05.2005 – IX ZR 123/04 // BGHZ. 163. S. 134.
202. Bundesgerichtshof, Urteil vom 24.10.1978 – VI ZR 67/77 // NJW. 1979. S. 162.
203. Bundesgerichtshof, Urteil vom 25.10.2001 – IX ZR 17/01 // BGHZ. 149. S. 100.
204. Bundesgerichtshof, Urteil vom 29.01.2001 – II ZR 331/00 // BGHZ. 146. S. 341.
205. Bundesgerichtshof, Urteil vom 29.09.1967 – V ZR 40/66 // BGHZ. 48. S. 303.
206. Bundessozialgericht, Urt. v. 03.04.2014 – B 5 R 25/13 R // wolterskluwer-online.de.
207. Reichsgericht, Urteil vom 20.10.1914 – Rep. II. 219/14 // RGZ 85. S. 351–354.

208. Reichsgericht, Urteil vom 21.01.1918 – Rep. VI. 339/17 // RGZ. 92. S. 77.

209. Landesgericht Zweibrücken, Beschluss vom 20.01.2005 – 4 T 230/04 // NZI. 2005. S. 397.

210. Landgericht Duisburg, Beschluss vom 20.02.2007 – 7 T 269/06 // ZIP. 2007. S. 926.

211. Oberlandesgericht Köln, Beschluss vom 03.01.2000 – 2 W 214/99 // NZI. 2000. S. 134.

212. Oberlandesgericht Köln, Urteil vom 13.09.2018 – 12 U 20/13 // <https://www.justiz.nrw.de>.

IV. Проекты и иные материалы судебной практики

1. Проект Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» (по состоянию на 12.05.2011) // http://arbitr.ru/_upimg/3B70507EF0B9DC4C2BEEF735BCBAE97D_ДОПОЛНЕНИЕ_НА_12.05.2011.pdf.

2. Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа от 10.06.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа от 06.07.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

V. Научная и учебная литература

1. *Адаева В.Н.* Прекращение обязательств при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц по гражданскому праву России : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 146 с.

2. *Алфёрова Л.М.* Конкурсная правосубъективность должников - физических лиц: особенности реализации отдельными категориями граждан : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. – 223 с.

3. *Альтшуллер Я.* О мерах, предупреждающих ликвидацию государственных и кооперативных предприятий по несостоятельности // Вестник советской юстиции. 1926. № 4. С. 148–150.

4. *Андреев Т.Д.* Судебная практика по делам о несостоятельности (торговой и неторговой). Выпуск 1. С.-Пб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1879. – 544 с.

5. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 880 с.

6. *Афанасьева Е.Г.* Предпринимательская деятельность: трудности и правовые последствия квалификации // Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Банкротство граждан (Критерии. Статус. Процедуры) : учебно-практическое пособие / под общ. ред. В.С. Белых. М.: Проспект, 2017. – 128 с.

8. Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М.: Проспект, 2016. – 336 с.

9. *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения) : Пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. – 448 с.

10. *Белов В.А.* Гражданское право в 4 т. Том IV в 2 кн. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Книга 1. Обязательства + допматериал в ЭБС : учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2020. – 443 с.

11. *Белов В.А.* Денежные обязательства. М.: Эксмо, 2007. – 192 с.

12. *Белов В.А.* Очерк 1. Понятие корпоративного права / Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов [и др.] ; под редакцией В. А. Белова. М., 2020. – С. 35–80.

13. *Белов В.А.* Синдром? Тога? Или отчаяние? К вопросу о корректности научной критики // Законодательство. 2004. № 1. С. 76–81.

14. *Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л.* Правовые основы несостоятельности (банкротства): Учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В.С. Якушева. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА·М), 2001. – 320 с.
15. *Белых В.С., Егорова М.А.* Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Журнал «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». 2019. № 2. С. 139–146.
16. *Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е.* Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.
17. *Богданова И.С.* Осуществление государством права собственности на недвижимое имущество, составляющее его казну (на примере зданий и сооружений) / под науч. ред. к.ю.н., доц. Н.Ф. Качур. М.: ИД Юриспруденция, 2012. – 280 с.
18. *Болдырев В.А.* Юридические лица несобственники в системе субъектов гражданского права : монография / под науч. ред. В.А. Сысоева. Омск: Омск. акад. МВД России, 2010. – 340 с.
19. *Бончковский Н.* Способы разрешения несостоятельности и наше право // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 43. С. 1028–1030.
20. *Бруско Б.С.* Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер, 2006. – 200 с.
21. *Бычков А.И.* Правовое регулирование экономики совместного потребления. М.: Инфотропик Медиа, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».
22. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. – 572 с.
23. *Витрянский В.* Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. 2015. № 4. С. 3–29.

24. *Волгина О.А., Хисамова Р.В.* Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017. № 2. С. 65–74.

25. *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2015. – 210 с.

26. *Галкин С.С.* Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. – 244 с.

27. *Ге Ю.* Плановое регулирование и Гражданский кодекс // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 27. С. 631–634.

28. *Говоруха М.А.* Правовое положение органов управления несостоятельного должника : Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. – 243 с.

29. *Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю.* К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права // Государство и право. 2009 № 1. С. 23–35.

30. *Голубцов В.Г.* Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 61–77.

31. *Голубцов В.Г.* Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством : Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. – 54 с.

32. *Гольмстен А.Х.* Исторический очерк русского конкурсного процесса. С.-Пб. : Типография В.С. Балашева, 1888. – 292 с.

33. *Гордеев И.А.* Правовые проблемы судебного рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) : Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. – 220 с.

34. *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2003. – 496 с.

35. *Громов Д.В.* Множественность лиц на стороне должника в делах о несостоятельности (банкротстве): анализ правовых конструкций // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. С. 231–240

36. *Гуляев А.И.* I. Торговое судопроизводство; II. Передача торговли и ликвидация; III. О несостоятельности. М.: Типография В.М. Саблина, 1914. – 332 с.

37. *Дементьева О.А.* Временная финансовая администрация как институт ответственности публичной власти // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 31–42.

38. Денежные обязательства: комментарии, судебная практика и образцы документов / Под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Издание Тихомирова М. Ю., 2011. – 63 с.

39. *Дидикин А.Б.* Правовые формы регулирования отношений государства и бизнеса в российских офшорах // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 38–42.

40. *Добровольский А.А., Завадский С.В., Свидерский В.Н.* Свод общеимперских законоположений о торговой и неторговой несостоятельности и об администрациях (т. X ч. 1, т. XI ч. 2, т. XII ч. 1, т. XV и т. XVI ч. 1 и 2 по последним изданиям и продолжениям Свода Законов и по новейшим узаконениям) с разъяснениями Правительствующего Сената по общим собраниям второму и кассационных департаментов, по департаментам бывшему четвертому, судебному и кассационным (гражданскому и уголовному) и по отделениям Гражданского кассационного департамента. С.-Пб. : издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1914. – 558 с.

41. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской

Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.

42. *Дождев Д.В.* Римское частное право : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. – 783 с.

43. *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 113–129.

44. *Дубинчин А.А.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. – 215 с.

45. *Дякина И.А.* Служебное право как комплексная отрасль права : Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. – 37 с.

46. *Егорова М.А.* Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института: Монография. М.: Статут, 2014. – 753 с.

47. *Едалов Г.В.* Полномочия Президента Российской Федерации в сфере федерального вмешательства в дела субъектов Российской Федерации : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 2009. – 25 с.

48. *Енькова Е.Е.* Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. – 212 с.

49. *Жудро К.* Порядок ликвидации госпредприятий // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 37. С. 1085–1088.

50. *Забуга И.А.* Особенности осуществления внешнего управления в процедурах несостоятельности (банкротства) : Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. – 183 с.

51. *Илларионова Т.И.* Структура гражданской правосубъектности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62 / Редкол.: Ажимов Р.С., Илларионова Т.И., Кириллова М.Я., Красавчиков О.А. (Отв. ред.), Мезрин Б.Н., Стеблов А.А. Свердловск, 1978. С. 54–64.

52. *Исаченко В.Л.* Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Том 2, выпуск 1. Судопроизводство охранительное. С.-Пб.: Типография М. Меркушева, 1901. – 584 с.

53. *Канашевский В.А.* Международная компания как особый вид юридического лица в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 104–108.

54. *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / вступ. сл. Е.А. Губина. М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.

55. *Карелина С.А.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2008. – 360 с.

56. *Карелина С.А., Фролов И.В.* О введении института банкротства физических лиц: реальность и иллюзии // Законодательство. 2015. № 8. С. 52–63.

57. *Карелина С.А., Фролов И.В.* Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая [и др.] ; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2019. С. 117–128.

58. *Карелина С.А., Фролов И.В.* Семейный бизнес и проблемы формирования конкурсной массы в условиях финансовой несостоятельности (банкротства) супругов (бывших супругов): отечественный и зарубежный опыт // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020. С. 304–317.

59. *Каримов А.А.* Правовое регулирование несостоятельности индивидуального предпринимателя: Дис. ... канд. юрид. наук. С-Пб., 1997. – 144 с.

60. *Карле Дж.* Несостоятельность по частному международному праву / перевод с французского М.И. Сперанского // Юридический вестник. 1876 [кн. 1/2]. С. 64–74.

61. *Кириллова Е.А.* Институт банкротства наследственной массы в российском гражданском праве: проблемы практики // Нотариус. 2018. № 2. С. 23–28.

62. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. Том 1 / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2006 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. Е.А. Рыбасовой. М.: Юстицинформ, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Коммерческое (торговое) право зарубежных стран : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. Ф. Попондопуло [и др.] ; отв. ред. В. Ф. Попондопуло, О. А. Макарова. М.: Издательство Юрайт, 2014. – 589 с.

65. *Кораев К.Б.* Правовое положение неплатежеспособного должника : монография. М. Проспект, 2016. – 192 с.

66. *Кораев К.Б.* Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. М.: Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.

67. *Коростелёв М.А.* Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. – 35 с.

68. *Косова О.Ю.* Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 17–20.

69. *Котлецов А.А.* Принципы законопроекта о несостоятельности и конкурсном производстве // Вестник права и нотариата : еженедельный журнал. Г. 5. 1912. № 3. С. 70–75.

70. *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 Т. Т. 1. М.: Статут, 2005. – С. 115–479.

71. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. – 494 с.

72. *Крашенинников П.В.* Наследственное право. М.: Статут, 2016. – 207 с.

73. *Крашенинников П.В.* Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. – 270 с.

74. *Кудрявцев А.А.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, на современном этапе : Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. – 217 с.

75. *Кулагин М.И.* Избранные труды. М.: Статут, 1997. – 330 с.

76. *Кусиков А.* Право возбуждения дела о несостоятельности и порядок производства дела // Вестник советской юстиции. 1928. № 18 (124). С. 534–537.

77. *Кутафин О.Е.* Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 46–54.

78. *Ланач В.А.* Деньги в системе объектов гражданских прав // Законодательство. 2004. № 9. С. 7–17.

79. *Лантев В.А.* Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) // Юрист. 2020. № 12. С. 34–39.

80. *Лебедев П.* О ликвидации государственных предприятий вследствие их неплатежеспособности // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 49. С. 1179–1180.

81. *Литовка П.И., Литовка А.Б.* Медицинское право – комплексная отрасль национального права России: становление, перспективы развития // Правоведение. 2000. № 1. С. 80–83.

82. *Ломакин С.С., Бугрова В.Р.* Актуальные проблемы обращения взыскания на наследственную массу в процедурах банкротства гражданина // Наследственное право. 2020. № 1. С. 29–34.

83. *Ломакина П.А.* Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 144–154.

84. *Луниц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 2004. – 350 с.

85. *Лянгузова Е.М.* Злоупотребления при распределении имущества ликвидированной корпорации: судебный правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 114–122.

86. *Маврина Ю.Ф.* Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 4. С. 31–34.

87. *Мазуркевич А.К.* Актуальные вопросы банкротства супругов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 1. С. 39–41.

88. *Малеина М.Н.* Законодательство о здравоохранении в России: современное состояние и перспективы развития // Современное медицинское право. Сборник научных трудов. М., 2003. С. 19–34.

89. *Мальшев К.И.* Исторический очерк конкурсного процесса. С.-Пб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1871. – 457 с.

90. *Матвеев С.* Торговые несостоятельности. Статистический очерк // Юридический вестник : издание Московского юридического общества. Г. 10. 1878. № 6. С. 823–842.

91. *Мельников Н.Н.* Правосубъектность крестьянского (фермерского) хозяйства : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. – 173 с.

92. *Милов П.О.* Тенденции развития правовой регламентации статуса должника в конкурсном праве : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 204 с.

93. *Мифтахутдинов Р.Т.* Судебный акт как условие возбуждения дела о банкротстве и гегелевская диалектика. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.10.2016 № 306-ЭС16-3611 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 2. С. 9–12.

94. *Мохова Е.В.* Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 265 с.

95. *Мохова Е.В.* Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // Закон. 2014. № 6. С. 62–73.

96. *Мохова Е.В.* Центр основных интересов должника при трансграничной несостоятельности: перспективы введения в России новых правовых конструкций // Закон. 2012. № 10. С. 111–128.

97. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2004. – 1035 с.

98. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019 – 925 с.

99. *Нефедьев Е.А.* Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М.: Типография А. А. Левенсон, 1909. – 110 с.

100. *Нефедьев Е.А.* Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М.: Издание Общества Взаимопомощи Студентов-Юристов Московского Университета, 1908. – 105 с.

101. *Нефедьев Е.А.* Торговое право. М.: Типо-Литография В.Р. Келлера, 1917. – 564 с.

102. *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 294 с.

103. *Новицкий И.Б.* Римское право : учебник. М.: КНОРУС, 2014. – 301 с.

104. Нотариальное право: Учебник / Под ред. проф. В.В. Яркова. М.: Статут, 2017. – 576 с.

105. *Нюренберг А.М.* Устав судопроизводства торгового. По официальному изданию 1903 года, измененный и дополненный по действующим продолжениям и позднейшим узаконениям, с разъяснениями по решениям бывшего IV. судебного и гражданского кассационного департамента и общих собраний Правительствующего Сената и с приложением соответствующих статей уставов: гражд. судопроизводства, торгового, кредитного и о гербовом сборе и алфавитно-предметного указателя. М.: издание юридического книжного магазина «Правоведение» И.К. Голубева, 1913. – 480 с.

106. *Омелёхина Н.В.* Отличие денежных обязанностей от денежных обязательств: финансово-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 121–130.

107. *Османова Д.О.* Банкротоспособность как элемент правосубъектности группы лиц // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 333–341.

108. Основы наследственного прав России, Германии, Франции / Под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М.: Статут, 2015. – 271 с.

109. *Паделлетти Г.* Учебник истории римского права. Перевод с итальянского, с изменениями и дополнениями / Пер.: Д.И. Азаревича. Одесса : Типография П. А. Зеленого, 1883. – 165 с.

110. *Пассек Е.В.* Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: тип. К. Матисена, 1893. – 214 с.

111. *Пахаруков А.А.* Конкурсоспособность как правовая категория // Транспортная инфраструктура Сибирского региона : материалы Седьмой

международной научно-практической конференции, посвященной 355-летию со дня основания города Иркутска, 29 марта – 01 апреля 2016 г. Иркутск : в 2 т., Т. 2. Иркутск, 2016. С. 733–737.

112. *Пахаруков А.А.* Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 249 с.

113. *Перова М.С.* Организационно-правовые основы исполнительного производства в сфере обращения взыскания на заложенное имущество должников: российский и зарубежный опыт // Практика исполнительного производства. 2015. № 6. С. 43–48.

114. *Петров А.Я.* Трудовое право. В 2 т. Том 2. Особенная часть. Международно-правовое регулирование труда : учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Ю.П. Орловский; ред.-сост. Е.С. Герасимова. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с.

115. *Петров Е.Ю.* Ответственность наследника по долгам наследства // Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. С. 52–65.

116. *Плиев Г.А.* Гражданско-правовой механизм предупреждения несостоятельности (банкротства) юридического лица : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 211 с.

117. *Поваров Ю.С.* Особенности рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 255–272.

118. *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография / под ред. И.И. Кучерова. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

119. *Подольский Ю.Д.* Обособленные споры в банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. – 171 с.

120. *Покровский И.А.* История римского права / Вступ. ст., пер., науч. ред.: Рудоквас А.Д. С.-Пб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. – 556 с.

121. *Поленина С.В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.

122. *Полнич С.Б.* Некоторые процессуальные проблемы применения законодательства о банкротстве граждан (физических лиц) / Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебноарбитражной практики). Выпуск 25 / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2018. С. 190–201.

123. *Полюбин Д.В.* Конституционно-правовые основы государственного контроля законности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. – 26 с.

124. *Попондопуло В.Ф.* Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2016. – 432 с.

125. *Попондопуло В.Ф.* Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

126. *Попондопуло В.Ф.* Конкурсное право: Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учеб. пособие. М.: Юристъ, 2001. – 331 с.

127. *Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В.* Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 10–15.

128. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

129. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 346 с.

130. *Прушицкий С.* Проект Торгового свода и гражданский процесс // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 1. С. 3–7.

131. Публично-правовые образования в частном праве: Постатейный комментарий главы 5 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010. – 208 с.

132. *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 282 с.
133. *Рассолов И.М.* Информационное право как отрасль права, область научных исследований и учебная дисциплина // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 4 (39). С. 90–93.
134. *Ривкин М.* О злостных должниках // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 36. С. 850–851.
135. Римское частное право : учебник / под ред. Р.А. Курбанова. М.: Проспект, 2015. – 306 с.
136. Римское частное право : учебник для бакалавров и магистров / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 607 с.
137. *Рожкова М.А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня.
138. *Розенберг А.* Несколько слов о несостоятельности // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 7. С. 197–199.
139. *Рохлин В.И.* Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / В.И. Рохлин, С.И. Захарцев, М.А. Миронов, А.П. Стуканов. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 409 с.
140. *Рындзюнский Г.* Несостоятельность и конкурсное производство. К проекту Торгового свода // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 17. С. 393–396.
141. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права : учебник / [пер. с итал. И. И. Маханькова] ; под общ. ред. Д. В. Дождева. М.: Норма, 2019. – 463 с.
142. *Свириденко О.М.* Концепция несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: методология и реализация: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. – 53 с.

143. *Синякина А.М.* Процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве) : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. – 186 с.
144. *Смирнов Р.Г.* Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) : Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2004. – 195 с.
145. *Смирнов С.* Имущественная ответственность супруга-банкрота // *Жилищное право.* 2018. № 4. С. 99–111.
146. *Сперанская Ю.С.* Институт несостоятельности (банкротства) в России XI – начала XXI века : историко-правовое исследование : Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. – 203 с.
147. *Спиркина А.Н.* Обращение взыскания на имущество по обязательствам как основание прекращения права собственности : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 19 с.
148. *Степанов В.В.* Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М.: Статут, 1999. – 204 с.
149. *Суворов Е.Д.* Банкротство в практике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2017 гг. М.: Статут, 2018. – 240 с.
150. *Суворов Е.Д.* Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015): акты и комментарии. М.: Статут, 2016. – 367 с.
151. *Суворов Е.Д.* Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут, 2020. – 207 с.
152. *Суворов Е.Д.* Судебное банкротное право : сборник. М.: Статут, 2020. – 668 с.
153. Судебная практика по гражданским делам. Брачно-семейные споры: практическое пособие / С.В. Асташов, И.С. Богданова, Н.В. Бугаенко и др. М.: Проспект, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

154. *Суслова Т.М.* Несостоятельность (банкротство) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями: Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001. – 185 с.

155. *Суханов Е.А.* Новые виды юридических лиц после реформирования главы 4 ГК РФ // Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013–2017 гг. М.: Статут, 2018. – С. 90–114.

156. *Тарасов В.А.* Оценка кризисного потенциала территориальных бюджетов Российской Федерации : Дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. – 191 с.

157. *Телюкина М.В.* Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2003 // СПС «КонсультантПлюс».

158. *Телюкина М.В.* Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. – 473 с.

159. *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. – 560 с.

160. *Телюкина М.В.* Совместное банкротство супругов. Некоторые проблемы // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 370–380.

161. *Ткачёв В.Н.* Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 255 с.

162. *Ткачёв В.Н.* Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 368 с.

163. *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–55.

164. *Томсинов В.А.* Законодательство императора Павла I. М.: «Зерацало», 2008 // СПС «Гарант».

165. *Трайнин А.* Несостоятельность и банкротство. С.-Пб.: Издание Юридического Книжного Склада «Право», 1913. – 61 с.

166. *Тютерева Н.Н.* Правовые проблемы приведения правового положения крестьянских хозяйств в соответствие с действующим законодательством // Право и экономика. 2019. № 4. С. 46–52.

167. Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. М.: Статут, 2020. – 173 с.

168. *Федотова Г.* Концепция законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий // Хозяйство и право. 1993. № 3. С. 3–14.

169. *Фольгерова Ю.Н.* Преемственность и рецепция в конкурсном процессе стран Западной Европы и России: историко-сравнительный анализ : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. – 19 с.

170. *Фролов И.В.* Банкротство гражданина: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 95–102.

171. *Фролов И.В.* Проблемные аспекты рассмотрения дела о банкротстве должника-гражданина в случае его смерти или признания его умершим // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М., 2020. С. 241–251.

172. *Фролов И.В.* Современная классификация видов крестьянских (фермерских) хозяйств как специальных субъектов и особенности их банкротства в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 27–31.

173. *Хабриева Т.Я.* Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 3–16.

174. *Химичев В.А.* Осуществление и защита гражданских прав при несостоятельности (банкротстве). М.: Волтерс Клувер, 2006. – 228 с.

175. *Хлюстов П.В.* Совместное имущество супругов: проблемы формирования конкурсной массы гражданина-банкрота // Закон. 2015. № 12. С. 63–72.

176. *Цитович П.П.* Очерк основных понятий торгового права. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. 448 с.

177. *Чефранова Е.А.* Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 24–27.

178. *Чефранова Е.А.* К вопросу об ответственности супругов по обязательствам // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 30–33.

179. *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5 (101). С. 16–26.

180. *Чиркунова Е.В.* Особенности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) граждан в арбитражных судах: Дис. ... канд. юрид. наук. С-Пб., 2001. – 211 с.

181. *Шахова В.Н.* Правовые нормы, регламентирующие правовое положение должника - индивидуального предпринимателя: современное состояние // Актуальные проблемы правоведения. 2018. № 1. С. 29–33.

182. *Шашкова А.В.* Предпринимательское право : учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 247 с.

183. *Шашкова Е.М.* Конституционно-правовые проблемы взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 29 с.

184. *Шебанова Н.А.* «Модное» право: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. – 176 с.

185. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. Казань: Типография Императорского Университета, 1898. – 498 с.

186. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. – 477 с.

187. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Том IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1912. – 596 с.

188. *Шшмарева Т.* К вопросу о преобразовании неденежных требований в денежные в процедурах несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 5. С. 34–37; № 6. С. 33–36.

189. *Шшмарева Т.П.* Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. – 332 с.

190. *Шшмарева Т.П.* Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 37–43.

191. *Шшмарева Т.П.* Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2013. № 3. С. 85–91.

192. *Шшмарева Т.П.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 218–224.

193. *Шшмарева Т.П.* Правовые вопросы реорганизации и ликвидации юридических лиц вследствие несостоятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. – 179 с.

194. *Шшмарева Т.П.* Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3. С. 50–54.

195. *Шшмарева Т.П.* Юридические лица в стадии создания и прекращения деятельности как субъекты несостоятельности в законодательстве Германии и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 110–123.

196. *Юлова Е.С.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. – 190 с.

197. Юридические лица и их государственная регистрация. Постатейный комментарий к статьям 48 - 65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О государственной

регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» / под ред. Б.М. Гонгалов и П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

198. *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 125–140.

199. *Яровая М.В.* Римское право : учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. – 313 с.

200. Allgemeiner Teil des BGB / begr. von H. Brox; seit der 31. Aufl. allein fortg. von W.-D. Walker. München: Vahlen, 2016. – 387 S.

201. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts / vormals bearbeitet von M. Wolf; fortgeführt von J. Neuner. München: C.H. Beck, 2016. – 746 S.

202. *Baron J.* Pandekten. Leipzig : Duncker & Humblot, 1893. – 809 S.

203. *Bethmann-Hollweg, A.* Handbuch des Civilprozesses: Geschichte – Justinianisch, Römisches Recht. Paderborn : Salzwasser Verlag, 2012. – 464 S.

204. *Blomeyer K.* Zwangsvollstreckung. Berlin : de Gruyter, 1956. – 170 S.

205. *Bogdanova I.S.* On the model of public entities participation in civil relations in terms of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020 13(10). P. 1679–1686. DOI: 10.17516/1997-1370-0674.

206. *Bork R.* Einführung in das Insolvenzrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. – 269 S.

207. *Bork R.* Einführung in das Insolvenzrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. – 301 S.

208. *Bork R.* Grundfragen der Zahlungsunfähigkeit (§ 17 InsO) // KTS – Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2005. Heft 1. S. 1–13.

209. *Bork R.* Insolvenzfähigkeit der Bruchteilsgemeinschaft? // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2001. Heft 13. S. 545–551.

210. *Breuer W.* Insolvenzrecht. Eine Einführung. München: Beck, 2011. – 327 S.

211. *Brox H.* Erbrecht. Köln, Berlin, Bonn, München: Heymann, 2001. – 500 S.
212. *Bruns A.* Zwangsvollstreckungsrecht / begr. von A. Schönke; fortgef. von F. Baur und R. Stürner. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Berlin : Müller, 2006. – 854 S.
213. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Einführungsgesetz (Auszug) ... / Palandt. Bearb. von P. Bassenge ... . München: Beck, 2003. – 2894 S.
214. Bürgerliches Gesetzbuch : mit Nebengesetzen insbesondere mit Einführungsgesetz (Auszug) / Palandt ; bearbeitet von Prof. Dr. Dr. h.c. Gerd Brudermüller [und 9 weiteren]. München: C.H. Beck, 2017. – 3247 S.
215. Deutsches Rechts-Lexikon. In drei Bänden. Bd. 2., G – P // herausg. von Tilch H., Arloth F. München: Beck, 2001. S. 1752–3408.
216. Deutsches Rechts-Lexikon. In drei Bänden. Bd. 3., Q – Z // herausg. von Tilch H., Arloth F. München: Beck, 2001. – S. 3410–5026.
217. Die neuen Insolvenzgesetze / zsgestellt und bearb. von M. Balz, H.-G. Landfermann. Düsseldorf: IDW-Verl., 1999. – 979 S.
218. Die Preußische Concurs-Ordnung herausg. mit Kommentar / Hrsg.: C.F. Koch. Berlin: J. Guttentag, 1855. – 288 S.
219. Die Preußische Konkurs-Ordnung : Ergänzt und erläutert durch die neuere Gesetzgebung, insbesondere das Allgemeine Deutsche Handels-Gesetzbuch und durch Reskripte und Entscheidungen des Königlichen Ober-Tribunals // hrsg. von C. Hahn. Breslau: Joh. Urban Kern, 1862. – 206 S.
220. Die Preußische Konkurs-Ordnung und das Anfechtungsgesetz vom 9. Mai 1855: ergänzt und erläutert durch die neuere Gesetzgebung, insbesondere durch das Gesetz vom 12. März 1869 und das Allgemeine Deutsche Handels-Gesetzbuch sowie durch Reskripte und Entscheidungen des königl. Ober-Tribunals / hrsg. von C. Hahn. Breslau: Kern, 1869. – 292 S.
221. Die Preußische Prozeß-Ordnung in ihrer jetzigen Gestalt mit Einschaltung der Konkurs-Ordnung vom 8. Mai 1855, des Einführungsgesetzes ... des Gesetzes über die Anfechtung der Rechtsverhandlungen zahlungsunfähiger

Schuldner v. 9. Mai 1855 u. der Verordnung über die Gerichtskosten v. 4 Juni 1855 / Hrsg. von L. Liebgott. Schönebeck: Ernst Berger, 1855. – 496 S.

222. *Eidenmüller H.* Was ist ein Insolvenzverfahren? // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2016. Heft 4. S. 145–151.

223. Erbrecht: ein Lehrbuch / begr. von H. Lange. Fortgef. seit der 2. Aufl. von K. Kuchinke. München: Beck, 2001. – 1408 S.

224. *Foerste U.* Insolvenzrecht. München: Beck, 2008. – 348 S.

225. *Frankenstein H.* Stille Gesellschaft und Konkurs // Konkurs- und Treuhandwesen. 1936. № 11. S. 159–161.

226. Frankfurter Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. von K. Wimmer. Köln: Luchterhand, 2011. – 3189 S.

227. Frankfurter Kommentar zur Insolvenzordnung : mit EUInsVO, InsVV und weiteren Nebengesetzen / hrsg. von K. Wimmer. Köln: Luchterhand Verlag, 2018 // wolterskluwer-online.de.

228. *Gogger M.* Insolvenzrecht. München: Beck, 2006. – 228 S.

229. Grundriss des Zivilprozesses, mit Einschluss des Konkursrechts / von J. Kohler. Stuttgart: Enke, 1907. – 182 S.

230. *Gundlach U., Frenzel V., Schmidt N.* Die Insolvenzunfähigkeit nach der InsO // NZI - Neue Zeitschrift für Insolvenz- und Sanierungsrecht. 2000. Heft 12. S. 561–568.

231. *Hallgarten F.* Wie haftet der Gemeinschuldner (GS.) dem Massegläubiger (MG.) nach Beendigung des Konkurses? // Konkurs- und Treuhandwesen. 1932. S. 126–128.

232. Hamburger Kommentar zum Insolvenzrecht / A. Schmidt. Köln: Carl Heymanns Verlag, 2021 // wolterskluwer-online.de.

233. Hamburger Kommentar zum Insolvenzrecht / hrsg. von A. Schmidt. Münster: ZAP-Verlag, 2009. – 2515 S.

234. Handbuch Insolvenzrecht / Herausgeber R. Bork, G. Hölzle ; bearb. von H. Achelis [und vielen weiteren]. Köln : RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2019 // <https://beck-online.beck.de>.

235. *Hanisch H.* Nachlaßinsolvenzverfahren und materielles Erbrecht – Schwerpunkte im Binnen- und im Auslandsbezug // Festschrift für Wolfram Henckel zum 70. Geburtstag am 21. April 1995 / hrsg. von W. Gerhardt, U. Diederichsen, B. Rimmelspracher, J. Costede. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. S. 369–385.
236. *Häsemeyer L.* Insolvenzrecht. Köln, München: Carl Heymanns Verlag GmbH, 2007. – 1056 S.
237. Heidelberger Kommentar zur Insolvenzordnung / von D. Eickmann. Heidelberg: Müller, 1999. – 1015 S.
238. Heidelberger Kommentar. Insolvenzordnung / hrsg. von G. Kreft. Bearb. von P. Depré ... . Heidelberg: Müller, 2008. – 2161 S.
239. *Henckel W.* Buchbesprechungen // Zeitschrift für Zivilprozeß. 84. Band. 1971. Heft 4. S. 447–462.
240. *Henckel W.* Fehler bei der Eröffnung des Insolvenzverfahrens // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2000. S. 2045–2053.
241. *Henckel W.* Sprache im Insolvenzrecht // Festschrift für Bernhard Großfeld zum 65. Geburtstag / hrsg. von Ulrich Hübner und Werner F. Ebke. Heidelberg, 1999. S. 343–354.
242. *Hess H.* Kölner Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1., §§ 1-55 InsO. Köln : Carl Heymanns Verlag, 2016. – 2050 S.
243. *Hornfischer F., Skauradszun D.* Von der Staateeninsolvenz zur Insolvenzfähigkeit von Staaten // KTS - Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2012. Heft 1. S. 1–25.
244. *Huber M.* Neues Insolvenzrecht – Eine Einführung mit Fallbeispielen // Juristische Schulung. 1998. S. 1140–1142.
245. Insolvenzgesetze : KO/VglO/GesO / von K. Schmidt. 17. Aufl. der von A. Böhle-Stamschräder begr. und von J. Kilger bis zur 15. bzw. 11. Aufl. fortgef. Kommentare zur Konkursordnung (zuletzt 16. A.) und Vergleichsordnung (zuletzt 11.A.). München: Beck, 1997. – 980 S.

246. Insolvenzordnung : (InsO) : Kommentar / von D. Andres, R. Leithaus, M. Dahl. München: C.H. Beck, 2018 // <https://beck-online.beck.de>.
247. Insolvenzordnung : InsO mit EuInsVO (Neufassung) : Kommentar / hrsg. von E. Braun und bearb. von R. Bauch, E. Braun [sowie 33 weiteren]. München: C.H. Beck, 2017. – 2060 S.
248. Insolvenzordnung : Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck, H. Hirte, H. Vallender. München: Vahlen, 2015. – 3424 S.
249. Insolvenzordnung : Kommentar. Band 1 / hrsg. von H. Hirte, H. Vallender; Uhlenbruck; bearbeitet von Ch. Borries, H. Hirte, H. Vallendar, [und 14 weitere]. München: Franz Vahlen, 2019 // <https://beck-online.beck.de>.
250. Insolvenzordnung: Kommentar / hrsg. von W. Uhlenbruck, bearb. von E.-D. Berscheid. München: Vahlen, 2010. – 3296 S.
251. Insolvenzrecht : Kommentar / herausgegeben von M. Ahrens, M. Gehrlein, A. Ringstmeier. Köln: Luchterhand Verlag, 2017. – 3539 S.
252. Insolvenzrechts-Handbuch / Gottwald. Von J. Adolphsen ... Hrsg. von P. Gottwald. München: Beck, 2010. – 2508 S.
253. *Jaeger E.* Konkursrecht. Berlin: J. Springer, 1924. – 170 S.
254. *Jaeger E.* Lehrbuch des deutschen Konkursrechts. Berlin ; Leipzig: de Gruyter, 1932. – 255 S.
255. *Jaeger.* Insolvenzordnung, Großkommentar. Erster Band. §§ 1–55 / begr. zur Konkursordnung von E. Jaeger ; hrsg. von W. Henckel, W. Gerhardt. Berlin: De Gruyter Recht, 2004. – 1469 S.
256. *Kneser A.* Die Verwertung von Neuerwerb des Gemeinschuldners // Konkurs-, Treuhand- und Schiedsgerichtswesen. 1958. Heft 9. S. 135–136.
257. *Kohler J.* Lehrbuch des Konkursrechts. Stuttgart: Enke, 1891. – 732 S.
258. Kommentar über die bayerische Gerichtsordnung (codex iuris bavarici iudiciarii de anno 1753) // von J.A. Seuffert, J.J. von Lauk. Vierter Band. Erlangen: Palm und Enke, 1858. – 532 S.
259. Kommentar zur Insolvenzordnung / B.M. Kübler, H. Prütting, R. Bork, J. Holzer. 80. EL Juni 2019 // wolterskluwer-online.de.

260. Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1 / hrsg. von B.M. Kübler, H. Prütting. Köln: RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2012; 50. Lieferung 9/12.

261. Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 3 / hrsg. von B.M. Kübler, H. Prütting, R. Bork. Köln: RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2012.

262. Kommentar zur Konkursordnung und den Einführungsgesetzen mit einem Anhang, enthaltend das Anfechtungsgesetz. Zweiter Band / E. Jaeger. Berlin: J. Guttentag, 1914. – 719 S.

263. Kommentar zur Konkursordnung und Einführungsgesetzen mit einem Anhang, enthaltend das Anfechtungsgesetz, Auszüge aus den Kostengesetzen, Ausführungsgesetze und Geschäftsordnungen. Erster Band / von E. Jaeger. Berlin: J. Guttentag, 1916. – 910 S.

264. Konkursordnung : Großkommentar. §§ 1 - 42 / E. Jaeger (Sonstige), W. Henckel (Mitwirkender). Berlin/Boston: De Gruyter, 1996. – 1421 S.

265. *Looschelders D.* Schuldrecht - Allgemeiner Teil. München: Vahlen, 2014. – 495 S.

266. *Manthe U.* Geschichte des römischen Rechts. München : Beck, 2007. – 125 S.

267. *Mitteis H.* Bürgerliches Recht: Familienrecht. Berlin: J. Springer, 1931. – 96 S.

268. *Müller H.-F.* Insolvenzverfahren für souveräne Staaten – Ausweg aus der Schuldenkrise? // KTS - Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2013. S. 263–276.

269. *Müller M.* Kommunalrecht Baden-Württemberg. Heidelberg: Müller, 2014. – 155 S.

270. *Müller W.* Der «Verbraucher» in der neuen Insolvenzordnung // NZI. 1999. S. 172–175.

271. Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 1. §§ 1–102; Insolvenzrechtliche Vergütungsverordnung (InsVV) / hrsg. von H.-P. Kirchhof. München: C.H. Beck, 2007. – 2468 S.

272. Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. Band 3. §§ 270–329 : Internationales Insolvenzrecht ; Insolvenzsteuerrecht ; Sachverzeichnis für die Bände 1 - 3 / hrsg. von H.-P. Kirchhof, H.-J. Lwowski, R. Stürner. München: Beck, 2008. – 1883 S.

273. *Musielak H.-J., Voit W.* Grundkurs ZPO. München: C.H. Beck, 2016. – 561 S.

274. *Paulus Ch.* Geordnete Staateninsolvenz - eine Lösung mit Hilfe des Vertragsrechts // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2011. S. 2433–2443.

275. Preußischer Gesetz-Codex: e. authent. Abdr. d. in d. Gesetzsammlung für d. Königl. Preuß. Staaten von 1806 bis auf d. neueste Zeit enthaltenen Gesetze, Verordnungen, Kabinettsordres, Erlasse etc. : in chronolog. Ordnung mit Rücks. auf ihre noch jetzige Gültigkeit u. prakt. Bedeutung zsgest, Band 3. 1849–1856 / von P. Stoepel. Frankfurt a.O.: Trowitzsch und Sohn, 1862. – 728 S.

276. *Prütting H.* Ist die Gesellschaft bürgerlichen Rechts insolvenzfähig? // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 1997. Heft 40. S. 1725–1734.

277. *Riedemann S.* Zur Entwicklung des Konkursrechts seit Inkrafttreten der Konkursordnung unter dem Aspekt der Gläubigerautonomie. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2004 – 204 S.

278. *Roßkothen C.* Die Haftung des GmbH-Geschäftsführers im Spannungsfeld zwischen Sanierungspflicht und Insolvenzantragspflicht: Diss. Münster: Verl.-Haus Monsenstein und Vannerdat, 2015. – 404 S.

279. *Schlüter W.* BGB - Familienrecht. Heidelberg: Müller, 2009. – 339 S.

280. *Schmidt K.* Gesellschaftsrecht. Köln ; Berlin ; Bonn ; München: Heymann, 2002. – 1964 S.

281. *Schmidt K.* Institutionen eines künftigen Insolvenzrechts der Unternehmen // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 1985. Heft 12. S. 713–724.

282. *Schmidt K.* Vertragliche Unterlassungsansprüche und Ansprüche auf unvertretbare Handlungen als Massegläubigerforderungen und als Insolvenzforderungen? // KTS – Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2004. S. 241–258.

283. Schuldrecht, allgemeiner Teil / P. Schlechtriem, M. Schmidt-Kessel. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. – 431 S.
284. *Schwind F.* Römisches Recht : I. Geschichte, Rechtsgang, System des Privatrechtes. Berlin, Heidelberg : Springer-Verlag, 1950. – 430 S.
285. *Seuffert L.* Deutsches Konkursprozessrecht : Mit e. Reg. Leipzig: Duncker & Humblot, 1899. – 483 S.
286. *Siebert R.* Insolvenzeröffnung bei der Kommanditgesellschaft auf Aktien (Teil I) // Zeitschrift für das gesamte Insolvenzrecht. 2004. S. 773–780.
287. *Siegmund D.* Insolvenz(un)fähigkeit juristischer Personen des öffentlichen Rechts und ihrer rechtlich nicht selbstständigen Einrichtungen (Sondervermögen) // ZInsO – Zeitschrift für das gesamte Insolvenzrecht. 2012. 50. S. 2324–2330.
288. *Stoll T.* Insolvenz und hoheitliche Aufgabenerfüllung. Zur Konkursfähigkeit juristischer Personen des öffentlichen Rechts // KTS - Zeitschrift für Insolvenzrecht. 1992. Heft 4. S. 521–545.
289. *Temme U.* Die Eröffnungsgründe der Insolvenzordnung. Münster: Lit, 1997. – 204 S.
290. Theorie des Concurs-Processes nach gemeinem Rechte / hrsg. H. von Bayer. München: Literar.-artist. Anst. d. Cotta'schen Buchh., 1868. – 221 S.
291. Ueber Concursrecht und Concurs-Verfahren im Herzogthum Schleswig / von L.H. Scholtz. Schleswig: Kgl. Taubstummen-Inst., 1822. – 176 S.
292. *Uhlenbruck W.* Mit der Insolvenzordnung 1999 in das neue Jahrtausend - Kritisches und Unkritisches zu einem «Jahrhundertgesetz» // Neue Zeitschrift für Insolvenz- und Sanierungsrecht. 1998. Heft 1. S. 1–9.
293. *Uhlenbruck W.* Neues Insolvenzrecht: Wege aus dem modernen Schuldturm; Informationen für Gläubiger, Schuldner und GmbH-Geschäftsführer über die am 1. Januar 1999 in Kraft tretende Insolvenzordnung. Bonn: DIHT, 1998. – 167 S.
294. *Uhlenbruck W.* Vom «Makel des Konkurses» zur gesteuerten Insolvenz // Festschrift für Walter Gerhardt zum 70. Geburtstag am 18. Oktober 2004 / hrsg.

von E. Schilken, G. Kreft, G. Wagner, D. Eckardt. Köln: RWS-Verl. Kommunikationsforum, 2004. S. 979–999.

295. *Uhlenbruck W.* Zur Geschichte des Konkurses // Deutsche Zeitschrift für Wirtschafts- und Insolvenzrecht. 2007. Heft 1. S. 1–5.

296. Vergleichsordnung: Kommentar. Bd. 1., §§ 1–81 / begr. von E. Bley, 4., Neubearb. Aufl. von J. Mohrbutter, unter Mitarbeit von H. Mohrbutter. Berlin ; New York: de Gruyter, 1979. – 962 S.

297. *Weber T., Köppert V.* Kommunalrecht Bayern. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Frechen ; Hamburg: Müller, 2013. – 154 S.

298. *Weinreich G.* Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts (»Ehe für alle«) // shop.wolterskluwer.de.

299. *Wellenhofer M.* Familienrecht. München: C.H. Beck, 2017. – 429 S.

300. *Welsch J.B.* Handbuch des bayerischen Universal-Konkurs-Processes. Erlangen: Palm'sche Verlagsbuchhandlung, 1819. – 241 S.

301. *Windel P.A.* Der insolvenzrechtliche Gleichbehandlungsgrundsatz und seine Auswirkungen auf die Abwicklung schwebender Austauschverträge // JURA. 2002. S. 230–235.

302. *Windscheid B.* Lehrbuch des Pandektenrechts. Zweiter Band. Frankfurt a. M.: Literarische Anstalt Rütten & Loening, 1887. – 1070 S.

303. Wörterbuch der deutschen Kaufmannssprache auf geschichtlichen Grundlagen mit einer systematischen Einleitung / von A. Schirmer. Strassburg: Karl J. Trübner, 1911. – 218 S.

304. *Zimmermann W.* Insolvenzrecht. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Berlin: Müller, 2006. – 162 S.

305. Zivilprozessordnung : Kommentar / hrsg. von H. Prütting, M. Gehrlein. Köln: Luchterhand, 2016. – 3106 S.

306. Zivilprozeßrecht : Erkenntnisverfahren, Zwangsvollstreckung / von W. Lüke; begr. von P. Arens. München: Beck, 1999. – 550 S.

307. Zwangsvollstreckungsrecht / begr. von H. Brox und W.-D. Walker. Seit der 7. Aufl. allein bearb. von W.-D. Walker. München: Vahlen, 2014. – 870 S.